
ЛУИ-ФЕРДИНАНД
Селин
Из замка в замок

Из замка в замок

Луи Фердинанд Селин

Из замка в замок
ПРЕДИСЛОВИЕ
ИЗ ЗАМКА В ЗАМОК

Из замка в замок

перевод с французского
Кондратович Татьяны Николаевны
Кондратовича Вячеслава Владимировича

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нет, пожалуй, в современной мировой литературе имени более бесспорно спорного и одновременно спорно бесспорного, чем имя французского писателя Луи—Фердинанда Селина (1894–1961). И действительно, одних его книги завораживают и вызывают фанатичное преклонение, у других, напротив, столь же категоричное неприятие. Мне случалось встречать как во Франции, так и у нас, людей, которые после первого прочтения Селина утратили интерес ко всей остальной литературе. Воздействие, которое оказало его творчество на сознание многих современных западных писателей, сопоставимо разве что с эффектом, который произвели в свое время публикации на Западе книг Достоевского. Генри Миллер, например, сравнивал свое первое впечатление от знакомства с романами Селина с шоком и до конца жизни сохранял свое преклонение перед ним. Он считал, что влияние, оказанное Селином на французскую литературу сопоставимо, разве что, с влиянием Артюра Рэмбо, да и то это весьма слабое сравнение. Он посылал ему восторженные

длинные письма, которые, впрочем, в большинстве своем так и остались без ответа — сам Селин довольно пренебрежительно отзывался о Миллере, называя его творчество «пустой болтовней»[1]. Для американских битников Селин был одной из трех культовых фигур современной литературы (наряду с Жене и Арто), которым, по их мнению, удалось «преодолеть литературу» (а в их устах — это высший комплимент)[2]. Известно, что Жан—Поль Сартр взял эпиграфом к своему знаменитому роману «Тошнота» цитату именно из Селина (кстати, в то время куда более знаменитого). Это обстоятельство не помешало ему в послевоенные годы принять самое активное участие в травле Селина. Последний же постоянно обвинял Сартра в эпигонстве и плагиате. Не берусь судить, насколько были справедливы их взаимные обвинения. Одно можно сказать определенно: при всем своем демонстративном экстремизме Сартру удалось прожить жизнь куда более успешную и благополучную, чем та,

---

[1] Примечания: 1

См.: Lettre inedite de Celine au pasteur Lochen. — Francois Gibault. Celine. Delires et persecutions. 1932–1944. Mercure de France, 1985, p. 56.

[2] Примечания: 2

См.: Jack Kerouac. Sur Celine. — «Cahier de l'Herne. Celine». Ed. de l'Herne, 1963, p.205.

которая выпала на долю Селина. Из негативных отзывов достаточно характерным является отзыв писателя Клауса Манна (сына Томаса Манна), который называл Селина «злобным сумасшедшим», хотя и с оговоркой, что тот «тоже одарен»[3].

Не менее противоречивыми являются и суждения окружающих по поводу политических взглядов Селина. Широко известен тот факт, что Селин основательно запятнал свое имя в глазах «прогрессивно настроенной общественности», опубликовав в свое время три расистских памфлета, причем не когда–нибудь, а в период с 1937 по 1941 год. Памфлеты представляли из себя увесистые тома (около 400 печатных страниц каждый) и имели весьма характерные названия: «Безделицы для погрома», «Школа трупов» и «Попали в переделку» (по поводу оккупации Франции немецкими войсками — В. К.). Что ж, как говорится, «из песни слова не выкинешь». К тому же, их содержание с некоторых пор во Франции снова стало достоянием широкой публики. Несмотря на наложенный вдовой писателя запрет, несколько лет назад было предпринято их пиратское переиздание, повлекшее за собой

[3] Примечания: 3
См. Клаус Манн «На повороте». М. «Радуга», 1991 г., стр.454

шумное судебное разбирательство.

И все–таки, не желая кого бы то ни было оправдывать, (хотя бы потому, что не чувствую себя вправе это делать) мне хочется привести один эпизод, связанный с публикацией памфлета «Попали в переделку», который описывает Жак Бренер в своей книге «Моя история современной французской литературы». Этот эпизод, мне кажется, позволяет лучше почувствовать природу таланта Селина: «Я вспомнил об одном вечере, проведенном у моего друга Франсиса Поля весной 1941 года. Селин только что опубликовал новую книгу «Попали в переделку», посвященную «веревке без повешенного». Он смеялся в ней над поставленной на колени Францией и ни на секунду не скрывал своего антисемитизма. Мы прочли несколько страниц вслух (моим друзьям не было тогда и двадцати лет), и каждый из нас шептал вполголоса: «Это гадко, как это гадко». Потом вдруг, я не помню, в каком точно месте, мы вдруг начали безумно хохотать. Мы перестали принимать Селина всерьез и готовы были поздравить его с талантом очернителя. Но лишь в узком кругу друзей. Все пришли к единому мнению:

публикация такого памфлета непростительна»[4]. Эта же причина, возможно, побудила известную антифашистку Марию—Антоньету Мачиоки, несмотря на свои антифашистские убеждения, назвать Селина «самым гениальным из всех фашистско- нацистских писателей». Более того, в любви к Селина признавались люди порой самых что ни на есть левых убеждений. О битниках я уже говорил; во время студенческой революции 68-го года имя Селина опять было поднято на щит… Что касается «нацистко–фашистских» убеждений Селина, то до сих пор не обнаружено каких–либо конкретных фактов, свидетельствующих о сотрудничестве Селина с фашистскими властями, кроме выше названных памфлетов, которые до сих пор остаются единственным реальным «темным» пятном в его биографии. В то же время не следует забывать, что даже такой известный своими правыми взглядами писатель, как Эрнст Юнгер, сам писавший в тридцатые годы пронацистские статьи, будучи офицером Вермахта и находясь в составе оккупировавших Париж немецких войск, был крайне напуган поведением Селина в то время. Юнгер впоследствии описал

[4] Примечания: 4

Цитируем по: Жак Бреннер «Моя история современной французской литературы», М. «Высшая школа», 1994 г, стр.124

Селина в «Дневниках 1941–1943 годов» и «Дневниках 1943–1945 годов»[5], охарактеризовав его как человека, являющего собой «крайне опасный тип человека–нигилиста»[6]. Один американский журналист, чье имя теперь уже никому ничего не говорит, встретившись с Селином уже незадолго до его смерти, заявил, что «Селин — это чудовище». Список подобных столь же противоречивых высказываний о личности Селина и его взглядах можно было бы значительно продолжить. Лично мне кажется наиболее удачным не помню уже кем оброненное определение Селина как «правого анархиста». Сочетание этих двух взаимоисключающих понятий, пожалуй, лучше всего отражает парадоксальность его воззрений на этот, привыкший к жестким определениям и «ярлыкам», мир.

Луи—Фердинанд Детуш, а таково было настоящее имя Луи—Фердинанда Селина, родился в 1894 году в пригороде Парижа Курбвуа, в семье буржуа средней руки: его отец был мелким служащим, а

---

[5] Примечания: 5

Там он выведен под именем Мерлина

[6] Примечания: 6

Об этом см. также: Ernst Junger «Tagebuch I (1941–1943)», «Tagebuch II (1943–1945)»; Жак Бреннер «Моя история современной французской литературы», М., «Высшая школа», 1994 г.

мать торговала в лавке своих родителей. Семья была достаточно благополучной. Селин получил приличное образование: некоторое время провел в Германии, потом в Англии, обучаясь там в пансионе. Внешне факты этого периода его биографии вступают в явное противоречие с теми жутковатыми гротескными картинами, которые рисует сам Селин в романах «Смерть в кредит» и «Guignol's band», посвященных своему детству. Причем автобиографичность этих произведений и наличие практически у всех их персонажей реально существовавших прототипов ни у кого не вызывает сомнений. Это обстоятельство часто вызывает недоумение у исследователей творчества Селина, но таковы уж, видно, были особенности его восприятия действительности. В конце концов, реальность каждому открывается так, какой он ее видит.

А вот дальнейшая жизнь Селина складывается уже далеко не столь благополучно, даже внешне. Различных напастей и бед, обрушившихся на его голову, хватило бы, пожалуй, на несколько жизней. Участник Первой Мировой войны, он получил тяжелое ранение в голову в сражении при Поэлькапель. Последствия этого ранения еще долго давали о себе знать — сильные головные

боли преследовали Селина всю жизнь. За участие в боевых действиях Селин получил несколько боевых наград, в том числе и Военный Крест. Кстати, героем Первой мировой войны был и Маршал Петэн, который командовал французскими войсками в знаменитом сражении под Вердэном и с которым судьба по свой злой иронии сведет Селина в конце Второй мировой войны уже при совсем других обстоятельствах.

После окончания войны, в июне 1916 года он едет работать по контракту в Африку, — к этому времени относятся его первые литературные опыты. Через полгода он, не выдержав жутких условий жизни, разрывает контракт и возвращается в Париж. Потом переезжает в Ренн, где 10 августа 1919 года он женится на Эдит Фолле и начинает учебы в реннской Медицинской Школе под руководством своего тестя, который был директором этой школы и членом–корреспондентом Академии Медицинских Наук. 15 июня 1920 года у них рождается дочь Колетт, единственный ребенок Селина. После окончания школы доктор Детуш с семьей переезжает в пригород Парижа и устраивается работать в больнице. Он занимается научной работой, пишет диссертацию, много путешествует, какое–то время снова работает в

Африке (в Нигерии и Сенегале). В 1926 году он расстается со своей женой Эдит и сходится с 23-х летней американской танцовщицей Элизабет Крейг. Все эти события нашли в дальнейшем отражение в его первом романе «Путешествие на край ночи». Вышедший в 1932 году роман имел, можно сказать, оглушительный успех и почти сразу же был переведен практически на все языки, в том числе и на русский. С этим романом связан и один из самых шумных скандалов в литературной жизни Франции XX века, отголоски которого не утихают и по сей день. В 1932 году жюри комитета Гонкуровской премии присудило эту самую престижную во Франции премию не Селину, как того ожидали практически все, в том числе и он сам, а ныне практически забытому писателю Ги Мазелину за роман «Волки». Этот решение, оставившее без внимания одно из ключевых произведений XX века, во многом определившее ее дальнейшее развитие (пожалуй, не в меньшей степени, чем книги Джойса, Кафки или Пруста) до сих пор остается образцом саморазоблачения циничной закулисной возни, сопровождающей присуждение всевозможных литературных премий. Для самого же Селина это решение главным образом сказалось не на

его славе, а на его материальном положении; денежные затруднения сопровождали его до конца жизни, побудив его однажды с горькой иронией заметить: «Если бы мне дали Нобеля, мне было бы, чем заплатить за электричество».

Драматично сложились отношения Селина и с русской литературой. В двадцатые–тридцатые годы Советский Союз начал активную пропагандистскую кампанию, целью которой было продемонстрировать всему миру достижения Октябрьской революции. Многие западные интеллектуалы получили приглашения посетить страну Советов. Пожалуй, больше всего деятелей культуры приехало из Франции. В 1920-е годы Советский Союз посетили Ромен Роллан, Эдуард Эррио, Поль Вайян—Кутюрье, Жорж Дюамель, Анри Барбюс; в 1930-е — Андре Мальро, Луи Арагон, Андре Жид, Шарль Вильдрак и другие. К началу 1930-х Селин находился в прекрасных отношениях с Луи Арагоном, который упорно убеждал его посетить Советский Союз, дабы своими глазами убедиться в правильности выбранного русскими пути. В 1934 году в Москве выходит перевод романа Селина «Путешествие на край ночи», осу-

ществленный женой Арагона Эльзой Триоле[7]. Охарактеризованный в предисловии как «гигантская фреска умирающего капитализма»[8], роман за два года выдержал три издания общим тиражом более 60 тысяч экземпляров и получил значительный резонанс в советской критике.

Его появление не обошли своим вниманием «Правда», «Литературная газета», «Новый мир» и другие влиятельные советские периодические издания. В целом роман был воспринят достаточно благожелательно. Большим поклонником творчества Селина был, как известно, Лев Троцкий, написавший, будучи уже в изгнании, большую статью, посвященную его творчеству «Селин и Пуанкаре»[9]. По неподтвержденным данным, русский перевод романа «Путешествия…» был выполнен Эльзой Триоле по личной просьбе Троцкого. Однако на состоявшемся в 1934 году 1-м съезде Союза писателей, где присутствовали

---

[7] Примечания: 7

По мнению биографа Селина Франсуа Жибо перевод на самом деле выполнил неизвестный московский переводчик (см.: F. Gibault «Celine. Delires et persecutions». Paris, 1985. C.130)

[8] Примечания: 8

См. предисловие И. Анисимова в кн.: Л. — Ф. Селин «Путешествие на край ночи», пер. с фр. Эльзы Триоле, М., Госиздат, 1934.

[9] Примечания: 9

См.: Cahier de l'Herne. Celine. Leon Trotsky. Celine et Poincare. P. 241. Ed. De l'Herne, 1963–1965–1972.

Андре Мальро и Луи Арагон, Горький заявил, что на примере этой книги видно, что «буржуазное общество полностью утратило способность интеллектуального восприятия искусства», а главный герой романа — Бардамю — «не имеет никаких данных, чтобы примкнуть к революционному пролетариату, зато совершенно созрел для принятия фашизма»[10].

Тот факт, что роман был опубликован в Советском Союзе со значительными купюрами, был воспринят Селином крайне болезненно и побудил его порвать всякие отношения с Эльзой Триоле и Луи Арагоном, которых он считал виновниками искажения текста.

В 1935 году во Франции выходит второй роман Селина — «Смерть в кредит»[11]. На русский язык он не переводился, однако получил крайне негативные отклики в советской критике, которая охарактеризовала его как «произведение анархистское, циничное, нигилистическое»… Сам же Селин клеймится как писатель «глубоко антигуманный», выразивший в своем творчестве

---

[10] Примечания: 10

Цитируется по Литературной энциклопедии, т.6 М. 1971. С. 734

[11] Примечания: 11

Первое русское издание этого романа: Селин Л. — Ф. «Смерть в кредит»\ пер. с франц. Т. Кондратович. М. , 1994.

«презрение к человеку, человечеству, жизни».

И все же, посещение Селином СССР состоялось. Он прибыл в Ленинград осенью 1936 года. Однако в отличие, например, от Андре Жида, который был официально приглашен советским правительством, путешествовал по всей стране в специальном вагоне в сопровождении пяти писателей и даже удостоился чести во время похорон Горького стоять на трибуне Мавзолея рядом со Сталиным и Молотовым, Селин приехал в Советский Союз в качестве простого туриста и смог побывать лишь в Ленинграде.

Знакомство Селина с советской действительностью 1936 года вызвало у него крайне отрицательную реакцию, что нашло свое отражение в небольшом эссе «Mea culpa» и скандально известном памфлете «Безделицы для погрома»[12]. Публикация этих произведений во Франции окончательно поссорила Селина с советским правительством: на его имя и творчество был наложен запрет, который длился до самого последнего времени.

---

[12] Примечания: 12

См. «Безделицы для погрома: Ленинград 1936 года глазами писателя Луи—Фердинанда Селина» (предисловие, перевод с французского и примечания Т. Н. Кондратович и В. В. Кондратовича) — в сб. «Невский архив» Спб, «Феникс», 1995 г.

В современной России ощущается новое пробуждение интереса к творчеству Селина. За последние три года были предприняты по крайней мере три новых издания романа «Путешествие на край ночи», впервые на русском языке увидел свет романа «Смерть в кредит»[13]. И вот наконец, первое русское издание романа «Из замка в замок».

Примерно к 1939 году относится знакомство Селина с танцовщицей парижской Оперы Люсетт Альманзор, ставшей его женой и разделившей с ним все тяготы последнего периода его жизни (В трилогии Селин называет ее Лили.).

А дальнейшая судьба писателя сложилась трагически. Скандальные расистские памфлеты. Сомнительное поведение в период второй мировой войны. Бегство в Данию после ее окончания. Суд. Тюрьма. Ссылка. Годы забвения, одиночества, и снова шумный литературный успех, связанный с появлением романа «Из замка в замок» (1957), первой частью трилогии, в которую вошли также романы «Север» и «Ригодон».

Все книги Селина в той или иной мере автобиографичны. Не составляет исключения и роман

---

[13] Примечания: 13

«Смерть в кредит», пер. с франц. Кондратович Т. Н., Москва, «Мокин», 1994 год.

«Из замка в замок», который он писал в Медоне и завершил в 1956 году. Роман «Из замка в замок» можно было бы озаглавить «Край ночи». События, описанные в романе, охватывают период с 1944 по 1956 год, время после крушения коллаборационистского правительства Виши. Замки, о которых говорит Селин, в действительности являются странными, кошмарными призраками, имя которым Война, Ненависть, Нищета. Три раза Селин оказывается обитателем замка: на юге Германии в Зигмарингене, в бывшей резиденции Гогенцоллернов — в компании маршала Петэна и его министров. В Дании, где он в течение 18 месяцев находится в заключении в тюрьме, потом еще несколько лет на разрушенной ферме, и наконец, в пригороде Парижа Медоне, где он практикует в качестве врача и где всю его клиентуру составляют несколько таких же нищих как он сам пациентов.

Селин вместе со своей женой покинули Париж и прибыли в Зигмаринген в начале ноября 1944 года, то есть примерно через два месяца после того, как туда переехало большинство членов правительства Ваши. Причем для лучшего понимания описываемых Селином в романе событий, необходимо хотя бы в общих чертах описать

существовавший в тот момент в Зигмарингене расклад политических сил.

В Замке и баварской деревне Зигмаринген, бывшем родовым имением Гогенцоллернов на юге Германии, в сентябре 1944 года немцы собрали большинство французских политических деятелей, составлявших костяк коллаборационистского правительства Виши. Однако, будучи собраны в одном месте, далеко не все оценивали свое положение там одинаковым образом. Маршал Петэн, например, считал себя пленником немцев и практически полностью отошел от дел, общаясь лишь со своим персоналом. Премьер–министр правительства Виши Пьер Лаваль, также привезенный в Зигмаринген против своей воли, придерживался той же линии поведения. В таком же положении находились еще несколько приближенных к нему высокопоставленных чиновников: министр промышленности Жан Бишлонн, министр национального образования Абель Боннар, минист юстиции Морис Габольд, министр печати Поль Марион и другие.

Этой группе противостояло несколько «актвных» политических деятелей, продолживших сотрудничество с Германией: Фернан де Бринон, Жозеф Дарнан, Жак Дорио, Марсель Деа и

другие. Они входили в состав так называемой «Правительственной делегации в защиту национальных интересов», созданной по инициативе Гитлера и Риббентропа с целью в дальнейшем сформировать на ее основе новое правительство во главе с Дорио. Между «активными» и «пассивными» отношения были практически полностью разорваны, хотя они жили в одном месте и вынуждены были часто встречаться. Несмотря на это обе эти группы официальных лиц зимой 1944–1945 годов находились в привилегированном положении, располагались главным образом в Замке. Петэн занимал верхние этажи замка, Лаваль жил ниже, там же располагались и члены «Делегации». Впрочем, все они в равной степени были обречены.

Совсем в других бытовых условиях находилась остальная масса беженцев, расквартированных в домах и подвалах прилегавшей к Замку деревушки. Их число приближалось к двум тысячам (у Селина их 1142). По большей части, это были «неявные коллаборационисты», съехавшиеся сюда со всех концов Франции. Впрочем, многие из них, хотя и не занимали официальных постов, но все же были достаточно известны: литераторы, художники, журналисты, лидеры политических

партий. К числу этих «1142-х» принадлежал и Селин. Селин продолжал там работать в качестве врача: занятие, которым он был вынужден заниматься практически до конца жизни. Состояние, в котором пребывали все эти окруженные и практически обреченные на смерть люди можно без труда себе представить. Вот, например, как описывает свою встречу с Селином один из французских беженцев, прибывших в то время из лагеря неподалеку от Зигмарингена. Это свидетельство особенно интересно, ибо принадлежит человеку, который до того момента с Селином был не знаком: «С нами заговорил какой–то странный тип. Он был высокий, худой и его сверкающие светлые глаза, глубоко посаженные под огромными кустистыми бровями светились беспокойным светом. Когда он смотрел на вас, его зрачки застывали и казалось, что его глаза постоянно вас о чем–то вопрошают. На нем была застиранная куртка, которая когда–то была коричневой и темно–синие панталоны, болтавшиеся на его тощих ногах. На его шее на веревочке болтались две огромные кожаные меховые рукавицы, а в левой руке он за ручку держал объемистый саквояж, в котором были проделаны дырочки для доступа воздуха. В этом

саквояже, я узнал это позже, он носил огромного кота. Таков был странный наряд это типа, что же касается кота, это была замечательная тварь, я не мог оторвать от него глаз. Он был размером почти с ягненка и, честное слово, казалось, он очень доволен, что прогуливается в подобном экипаже: забавная тварь… Это были: Луи—Фердинанд Селин и его кот Бебер. Скороговоркой, не прерываясь даже, чтобы выслушать ответы, он стал расспрашивать меня, что побудило меня приехать в Зигмаринген. Его удивляло мое решение приехать в это осиное гнездо. В живописной манере, употребляя неожиданные выражения и с неизменным лукавством он набросал мне картину военного положения, как оно ему представлялось: "<…> у меня такое впечатление, что все сжалось и окончательно отвердело, — сказал он мне о немцах. — Эластические отступления уже невозможны, каучук потерял гибкость.» А потом, все время в том же насмешливом тоне, со своим парижским акцентом, странно контрастировавшим с горячечным блеском его светлых глаз, огромные зрачки которых трагически неподвижно смотрели на вас: «Интересно, выкарабкается кто–нибудь из этой передряги? Как по–вашему, вы здесь человек новый, вам

виднее?» Задавая этот вопрос, он, казалось, действительно желал, чтобы война кончилась как можно скорее и, как это ни странно было для подданного Зигмарингена, полным крушением Рейха. «Теперь они должны бы наконец понять, что уже довольно, — сказал он чуть позже, — это вовсе не смешно, не надо бы им растягивать это удовольствие, люди, которых сейчас мобилизуют, могли бы быть моими внуками. Если мы мимо этого можно было пройти не заразившись, как мимо сифилиса!» Я не мог отделаться от воспоминания об этих больших голодных глазах, смотревших на меня, казалось, эти глаза звали на помощь, контрастируя с насмешливым тоном, юмором и комизмом этого персонажа, похожего на монмартрского шансонье. До сих пор я испытыываю к этому человеку, которого я, можно сказать, совсем не знал, странную жалость».[14]

Еще одна тема, к которой Селин неоднократно обращается в своем романе — это тема своего пребывания в Дании, куда Селин вместе с женой бежали из Зигмарингена в марте 1945 года и оставались там до июня 1951 года. Прибыв в Копенгаген, Селин почти 10 месяцев находился там

[14] Примечания: 14

Цитируется по Celine. Romans II. Notice pour «D'un chateau l'autre» par Henri Godard. Ed. Gallimard. Bibliotheque de la Pleiade.

на нелегальном положении. Ночью 18 декабря 1945 года Селин и его жена были арестованы и заключены в тюрьму Вестерфангсель в Копенгагене: она — на три месяца, он — на четырнадцать. В июне 1947 года Селин был освобожден из тюрьмы под подписку о невыезде за пределы Дании. С лета 1948 по лето 1951 года Селин проводит в ссылке, в ста километрах от Копенгагена, недалеко от маленького городишки Корсор, в хижине на берегу Балтийского моря. Условия, в которых Селин, Люсет и Бебер прожили эти три года, были ничуть не менее суровы, чем те, в которых они оказались после своего приезда из Парижа в Зигмаринген. Хижина была рассчитана только на жизнь летом и не имела практически никаких удобств. Летом 1951 года Селин наконец–то получает амнистию французского Верховного Суда, а с ней и возможность вернуться в Париж.

Остаток жизни Селин доживал в своем доме в парижском пригороде Медоне, где по–прежнему практикует в качестве врача и занимается литературным трудом. За это время он создает еще несколько книг: «Разговоры с профессором Y», «Феерия для другого раза», «Норманс», «Из замка в замок», «Север», «Ригодон». Последняя была опубликована уже после смерти автора.

Луи—Фердинанд Селин умер 1 июля 1961 года. В момент смерти рядом была только его верная спутница Люсетт Альманзор—Детуш.

До последнего дня своей жизни Селин не переставал сетовать на несправедливость мира и людей. И надо сказать, оснований для этого было у него достаточно. До сих пор в Париже нет ни одной мемориальной доски, увековечивающей память писателя. В то же время Селин был одним из очень и очень немногих французских писателей, романы которого стали выходить в самой престижной серии издательства «Галлимар» — «Плеяде». В настоящий момент в этой серии вышло все собрание его сочинений, что, фактически, означает официальное причисление его к сонму классиков. И тем не менее, Селину, как никому другому во всей мировой литературе удалось избежать сопутствующего подобному признанию опошления: он сумел найти в мире такую нишу, надежно укрывшую его творчество от выхолащивания, превращения в «общее место» культуры. Правда, заплатить ему за это пришлось дорогой ценой. Отдавал ли он себе в этом отчет сам? Скорее всего, да. Однажды он, в свойственной ему манере, как бы вскользь заметил: «критики меня не портят». И был прав!

(см. Жак Бреннер «Моя история современной французской литературы», стр.134).

Широко распространено мнение, в соответствии с которым творчество Селина принято делить на два этапа: поздний и ранний. Причем период расцвета, как правило, связывается с ранним периодом его творчества. Временная граница, пришедшаяся на годы Второй Мировой войны и конца сороковых, отделяющая его ранние книги от поздних, действительно существует. В то время как с оценочной частью этого суждения невозможно согласиться. Можно говорить об определенном стилистическом сдвиге, произошедшем в его позднем творчестве, о появлении в его последних книгах некоторых новых тем, однако противопоставлять его поздние книги ранним, а тем более говорить о его творческой деградации способен только очень поверхностный читатель. Не следует забывать, что и свои первые книги Селин опубликовал уже в зрелом возрасте, когда ему было далеко за тридцать.

Кстати, это позднее вхождение в литературу роднит его с нашим соотечественником Василием Розановым, который тоже вошел в русскую литературу, когда ему было далеко за тридцать, имея за плечами богатый жизненный опыт. Вооб-

ще, между обоими довольно много общего, хотя один в большей степени считал себя мыслителем и оперировал традиционными религиозными и философскими идиомами, а другой больше доверял живой стихии человеческой речи. Действительно, концептуальных статей Селин написал буквально считанные единицы. Небольшое эссе «Mea culpa», написанное им после посещения Советского Союза, тем не менее, во многих отношениях показательно. Лейтмотивом этого эссе является не столько разочарование в советской реальности, сколько куда более глобальное разочарование в человеке вообще, который, по мысли Селина, в любых условиях, вне зависимости от социального положения, которое он занимает, и политической системы, в которой он живет, остается существом не только слабым, но и опасным. При всей видимой простоте этого обобщения, оно, по существу, подводит черту под великими «пессимистическими прозрениями» по поводу человека, характерными для таких мыслителей XIX века, как учитель и предшественник Василия Розанова Константин Леонтьев или Ницше — людей, во многом опередивших свое время. «Подводит черту», ибо разочарование Селина в человеке носит более тотальный характер и

лишено каких–либо отсылок к положительным идеалам, вроде христианства (у Леонтьева) или сверхчеловека (у Ницше). Впрочем, сам Селин практически никогда вслух не говорил о своих философских пристрастиях. Исключение составил разве что посвященный детству и отношениям с родителями роман «Смерть в кредит» (1936), где явственно видны следы увлечения Селина Фрейдом, пик которого пришелся на период создания этого романа.

Творчество Селина, действительно, знаменует собой тотальное разочарование в человеке и человечестве. Он сам не устает напоминать об этом своим читателям, называя людей то «мистиками смерти, которых следует опасаться», а то и просто «тяжелыми и тупыми». Однако было бы большой ошибкой свести весь пафос творчества Селина к чистому негативу. В этой связи, возвращаясь к сходству с Василием Розановым, можно вспомнить одно из посвященных тому западных исследований, которое носит весьма характерное название — «Юродивый в русской литературе». Во французской литературе, столь богатой всевозможными эксцентричными личностями, это место, на мой взгляд, должен был бы занять именно Селин.

«Посвящается животным» — это эпиграф к последнему роману Селина «Ригодон», который увидел свет уже после смерти автора. Посвящение, сделанное рукой одного из самых «циничных» и «антигуманных» писателей XX века кажется довольно неожиданным, но только для тех, кто не знаком с его творчеством или знаком понаслышке. Животные всегда занимали в творчестве Селина одно из центральных мест, впрочем, как и в жизни…

А тех, кто недостаточно знаком с его творчеством, и сегодня, увы, очень много, не только у нас, но и во всем мире. Вышедший в 1932 году роман «Путешествие на край ночи» сразу же окружил имя Селина шумной и скандальной известностью, которая хотя и не принесла ему каких–то особых официальных наград и материальных благ, но сохранилась за ним на всю жизнь. И как это ни парадоксально, именно эта известность делает Селина по сей день писателем мало знакомым большинству, и в сущности, так до конца и не понятым. Ибо бросавшееся в глаза новаторство Селина в сфере французского литературного языка, активное использование им арго, склонность к подчеркнуто эпатажным декларациям очень скоро были позаимствованы

у него чуть ли не большинством современных писателей и утратили свою новизну. Ощущение новизны исчезло, а вместе с ним стал угасать интерес к Селину широкой публики, да и критики. А между тем Селин нуждается в гораздо более глубоком, и я бы даже сказал, медитативном прочтении, ибо это писатель, наделенный исключительно глубоким экзистенциальным опытом, который, в отличие от используемых им внешних литературных приемов, никогда не станет достоянием большинства и никогда не утратит своей новизны.

Экзистенциальный опыт Селина — это опыт человека, прошедшего через войну, тюрьму, болезни и всевозможные унижения… Тут невольно в памяти всплывает фигура Достоевского… В свое время народник–атеист Михайловский назвал христианского писателя Достоевского «жестоким талантом». Именно таким «жестоким талантом» можно было бы назвать и Селина, и хотя сам он не считал себя религиозным писателем, его ставшая уже «притчей во языцах» антигуманность безусловно сродни религиозной «жестокости» к человеку Достоевского. Можно безо всякой натяжки сказать, что его творчество апокалиптично. Его романы — это торжество обратной перспек-

тивы, в той мере, в какой этот термин вообще применим к литературе. Люди у Селина лишены права на какое–либо мировоззрение, мнение, гордыню, они настолько обнажены, очищены от всего человеческого, что становятся подобны бессловесным тварям, то есть животным. А таким обнаженным человек может предстать… или перед Богом, о котором сам Селин никогда не говорит, или перед Смертью, о которой он говорит постоянно. Более того, животным Селин всегда отдает некоторое предпочтение, даже перед лицом Смерти. «Чьих только предсмертных судорог и где только я ни наблюдал: в тропиках, во льдах, в нищете, в роскоши, за решеткой, на вершинах Власти, пользующихся всеобщим уважением, всеми презираемых, отверженных, во время революций, в мирное время, под грохот артиллерийской канонады, под звон новогодних бокалов… моему слуху доступны все оттенки звучания органа de profundis… но тяжелее всего, я думаю, бывает: собакам!.. кошкам… и ежам…»

Селин «отразил ужас буржуазного существования… показал превращение человека в волка среди волков». Это определение творчества Селина в Краткой Литературной Энциклопедии начала 70-х не совсем точно, причем не столько

своей идеологической предвзятостью («ужас буржуазного существования»), а прежде всего потому, что в нем слишком явно проступает абсолютно не свойственная Селину человеческая гордыня: мол, для человека нет ничего ужаснее, чем оказаться «волком среди волков». Животные у Селина далеко не безобидны, но они гораздо менее опасны, чем люди.

Селина часто называют «выдающимся стилистом». Я думаю, что это не более, чем попытка адаптировать к современной культуре явление слишком неординарное и по–настоящему из нее выдающееся. Во всей мировой литературе нет, наверное, другого такого писателя, который с таким подчеркнутым пренебрежением относился бы к композиции своих романов, всевозможным стилизациям и прочим литературным приемам. Когда читаешь Селина, то порой начинает казаться, что даже сами слова для него почти ничего не значат, во всяком случае, значат гораздо меньше, чем интонации, ритм повествования, или сложная, до предела запутанная пунктуация…

И животных Селин предпочитает еще и потому, что те, в отличие от человека, вообще не умеют говорить. Сам Селин тоже почти не рассуждает на эту тему: животные просто присутствуют в

его книгах так же естественно как пейзаж, как ночной Париж, как Сена за его окном в Медоне… Неестественен у Селина только человек, который своей болтовней, жадностью, тщеславием замутняет неуловимую скрытую от глаз бессловесную сущность бытия. А Селин — один из немногих писателей двадцатого века, чье внимание практически полностью сосредоточено на неуловимой, засловесной сущности жизни и человеческих отношений. Характерна с этой точки зрения и та пресловутая революция, которую произвел Селин во французском литературном языке, а именно активное использование им арго. Как это ни парадоксально, но я бы отнес Селина к символистам, если бы это литературное течение дожило до середины XX века. Абсолютно чуждый символизму идейно, Селин, тем не менее, пользуется грубыми жаргонными словами прежде всего как символами для выражения простой и грубой сущности современной жизни, открывшейся ему с такой пугающей полнотой. И животные для Селина — символ утраченного Рая, символ утраченной человеком, а потому никогда не достижимой для него полноты бытия.

Именно поэтому его книги и требуют сосредоточенного,

медитативного прочтения. По этой же причине с годами они

становятся все более аморфными по форме, и на первый поверхностный взгляд могут показаться даже несколько однообразными, так как все больше начинают напоминать собрание причитаний юродивого, которого злые люди обидели, «отняли копеечку»…

Но Селин не только не всеми понят, до сих пор его имя еще и многих пугает. Опыт Селина — это еще и опыт человека, волею судьбы поставленного вне общества и вне закона. И в его особом отношении к животным есть безусловно и нечто такое, что роднит его с устрашающим обывателя жестоким преступником, который вдруг проявляет неожиданную привязанность к собакам, кошкам и птицам. Печать такого сходства действительно лежит на Селине и по сей день, и вероятно, останется на нем навсегда…

Впрочем, лучше всего о своем опыте сказал сам Селин: «…если вы оказываетесь в экстремальных условиях, к тому же еще «не по своей воле», вы сразу же врубаетесь!.. сразу же чувствуете, заранее, когда с вами должно что–то случиться, и именно с вами, а не с кем–нибудь другим… у вас срабатывает инстинкт, как у животного…

это только человек туго соображает, разводит диалектику и все затуманивает…»

Думая о том, что же нового внес Селин в мировую литературу, невольно ловишь себя на мысли, что, вроде бы, не так уж и много. В сравнении с Кафкой или Джойсом, реформировавших форму современного романа, открытия Селина не столь уж и велики: по форме его романы достаточно просты и традиционны. Однако все формальные нововведения предполагают плавное течение литературы, ее постепенную эволюцию, перспективу развития, а не конец. Творчество же Селина, как я уже сказал, апокалиптично. В Селине, прежде всего, поражает его предельно трезвый, поистине аскетический взгляд на жизнь, который он ни на секунду не позволяет себе отвести в сторону даже перед лицом смертельной опасности.

Селин умер в Медоне, в том же самом парижском пригороде, где некогда провела несколько лет своего эмигрантского изгнания Марина Цветаева. С трудом верится, что два этих человека могли существовать столь близко, причем не только в пространстве, но и во времени. Более того, Цветаева, чья романтическая эстетика в значительной степени восходит к XIX веку, была

на три года старше Селина. Их соседство во времени и пространстве кажется столь невероятным прежде всего потому, что невозможно себе даже представить, чтобы Цветаева прочитала Селина — для нее это было бы равносильно самоубийству. В то же время, совершив это метафизическое самоубийство, она, возможно, избежала бы самоубийства физического… Ибо Селин как бы предвосхитил один из самых роковых вопросов современности: «Возможно ли искусство после Освенцима?», — дав на него своим творчеством убедительный ответ. Книги Селина, особенно поздние — это и есть своего рода «искусство после Освенцима». Однако ответив на этот вопрос утвердительно, он заставляет своих читателей задуматься уже над другим вопросом: возможно ли искусство, и в частности литература, после него самого?

Вячеслав Кондратович

ИЗ ЗАМКА В ЗАМОК

По правде сказать, я думаю, что я кончу гораздо хуже, чем начал. О, начал–то я совсем неплохо… я родился, если вы помните, в Курбвуа, на Сене… я говорил об этом уже тысячу раз… после множества падений и взлетов я действительно подошел к критической черте… это возраст, скажете вы… возраст!.. конечно!.. в 63 с гаком не так–то просто влиять на ход событий… находить новых пациентов… куда ни ткнись!.. вас никто не помнит!.. я врач… и скажу вам по секрету, пациенты ценят во враче не столько знания или опыт… но прежде всего, в первую очередь, личное обаяние… а какое, к черту, обаяние, когда тебе за 60?… для мумии или китайской вазы в музее… это еще куда ни шло… каких–нибудь маньяков, любителей старины это, может быть, и заинтересует… но дам? этих вечно расфуфыренных, размалеванных, надушенных баб?… дохлый номер! подобный субъект, неважно, пациент он или врач, способен вызвать у них только отвращение!… вот если бы он был весь в золоте?… тогда ладно!.. может быть, он и ничего? гм! гм!.. но несчастный урод?… прочь!

Послушайте, о чем говорят больные на улицах, в магазинах… если речь идет о вашем молодом коллеге… «о, знаете, мадам!.. мадам!.. какие глаза! какие глаза у этого доктора!.. он сразу же определил, что со мной!.. он выписал мне эти капли! в полдень и вечером!.. по несколько капель!.. этот молодой доктор просто очарователен!..» А вот какого они мнения о вас!.. «Ворчливый, беззубый, невежественный, шепелявый, горбатый…» с вами все ясно!.. любимец женщин торжествует!.. мужчины кропают законы, женщин подобные глупости не интересуют: они формируют общественное мнение!.. успех медицинской практики полностью в руках женщин!.. вы с ними не в ладу?… тогда вам хана!.. среди ваших пациенток одни дебилки и неполноценные идиотки?… тем лучше для вас! чем они ограниченнее, тупее, сумасброднее, тем больше у них энергии!.. можете засунуть подальше свой халат и все остальное!.. остальное? лично меня и так полностью обчистили на Монмартре!.. полностью!.. на улице Жирардон!..[15] я повторяю это снова и снова!..я готов кричать об этом на каждом углу!.. все делают вид, что не слышат меня…такие вещи не

[15] Примечания: 15

Селин уехал с улицы Жирардон на Монмартре в июне 1944 года, оставив там все свои вещи и рукописи, которые были разграблены

слишком приятно слушать!.. однако я предпочитаю поставить все точки над «i»...все!..эти ублюдки, эти преисполненные святого негодования освободители ворвались ко мне, взломав дверь, и увезли все на Блошиный рынок!.. все было продано за гроши!.. я ничего не преувеличиваю, у меня есть доказательства, свидетели, имена... все мои книги и инструменты, мебель и рукописи!.. все шмотки!.. у меня не осталось ничего!.. ни носового платка, ни стула!.. продали даже стены!..дом, все!.. пустили с молотка!.. «и поделом!» на это нечего возразить! вы так думаете! я читаю ваши мысли!.. совершенно справедливо! о, надеюсь, что с вами такого не случится! Ничего подобного с вами никогда не произойдет! вы ведь так предусмотрительны!.. вас можно заподозрить в симпатиях к коммунизму, не больше, чем любого рядового миллиардера, вы такой же пужадист, как сам Пужад[16], вы нейтральны, как швейцарский сыр, американизированы как Буф-

[16] Примечания: 16

Пужад — политический деятель Франции (род. в 1920 году); пужадизм — оппозиция мелких коммерсантов и ремесленников изменениям в экономике, которая вылилась в эфемерное политическое движение (1955–56)

фало!..[17] вы в прекрасных отношениях со всеми, кто имеет хоть какой–то вес в обществе: Ложа, Профсоюзная Ячейка, Церковь, Прокуратура!.. стопроцентный хрянцюз ... о, вы–то знаете, как делается История!.. невольник чести?... еще бы!.. сподручный палача? и это можно!.. позвольте-с мне облизать нож гильотины?... хе! хе! А пока у меня нет даже «Пашона»[18] ...мне надо срочно одолжить «Пашон», ибо это лучшее средство от назойливых пациентов!.. вы приглашаете их садиться и начинаете измерять давление... они так много жрут, пьют и курят, что редко оно опускается у них ниже 22... 23... а вдруг maxima ... их жизнь — что–то вроде шины... они панически боятся этого maxima ... взрыв! смерть!.. 25!.. тут они перестают шутить и становятся крайне серьезны! вы объявляете им, что у них 23!.. больше вы их не увидите! а какой взгляд они бросают вам, уходя! сколько в нем ненависти!.. вы кажетесь им садистом, убийцей! «до свиданья! до свиданья!..«Ну и черт с ними!.. когда–то у меня был «Пашон»,

---

[17] Примечания: 17

Буффало — город на северо–востоке США. Первыми европейцами, посетившими район Буффало были французы (1679 г.). (ср. buffle(фр.) — буйвол)

[18] Примечания: 18

Имеется в виду осциллометр, используемый для измерения артериального давления, изобретенный физиологом Пашоном

и мои друзья приходили ко мне проверить свое здоровье… вероятно, им доставляло удовольствие видеть, в какой нищете я живу… 22!.. 23!.. теперь и их нет!.. но вообще–то, откровенно говоря, я бы с удовольствием завязал с медициной… а между тем, я вынужден продолжать! diabolicum! до самой пенсии! может быть, тогда наступит конец?… какое там «может быть»! экономить! на всем! всегда! и везде!.. во–первых, на отоплении!.. всю прошлую зиму температура не поднималась выше плюс пяти! мы конечно привыкли!.. закалились! о, можете не сомневаться!.. нордическая закалка! мы продержались там наверху целых четыре зимы… почти пять… при 25 ниже нуля… в этом грязном хлеву… без огня, без единой искорки, даже свиньи сдохли бы там от холода… уверяю вас!.. впрочем, мы здорово закалились!.. соломы на крыше не осталось совсем… ветер продувал нас насквозь, снег сыпался нам прямо на голову!.. пять лет и пять месяцев на льдине!.. Лили больная после операции… вы, вероятно думаете, что этот ледник был бесплатным? о, вы глубоко заблуждаетесь!.. вовсе нет!.. я оплатил все!.. вот чеки, подписанные моим адвокатом… заверенные Консульством… видите, у меня есть основания для недовольства! меня ведь ограбили

не только на Монмартре… на Балтике я тоже подвергся бандитскому нападению!.. грабители с Монмартра собирались выпустить мне кишки, размазать мои внутренности по мостовой до самой улицы Лепик… балтийские бандиты сделали все, чтобы я сдох от цинги… они намеревались сгноить меня в тюрьме «Ванстр»… и им это почти удалось… два года в канаве, три на три!.. потом они вспомнили о холоде… о вихрях большого Бельта… заперли меня! на пять лет и заставили платить! повторяю еще раз! все мои сбережения!.. все мои авторские права!.. то немногое, что я имел! все уплыло!.. прибавьте к этому наложенный Трибуналом арест на имущество!.. вот смеху–то было! надо же было до такого додуматься!.. у меня ведь почти ничего не осталось!.. ничего, кроме единственного костюма, который я храню с 34 года! он дорог мне, как память!.. я не Пужад, и не собираюсь приписывать себе способность предвидеть экономические катастрофы заранее, особенно теперь, когда от прошлого остались одни мумии!.. я рассказываю об этом предусмотрительно сделанном мной в 34 году приобретении просто так, сам не знаю зачем!..в те тяжелые времена было не до щегольства… мой портной жил на проспекте Опера… «Пожалуй-

ста сшейте мне костюм! Необычный, строгий!.. супергабардиновый, Пуанкаре!..[19] в стиле Пуанкаре!» Стиль Пуанкаре только что входил в моду! френч! на самом деле очень необычного покроя… меня обслужили!.. костюм до сих пор у меня… ему просто сносу нет!.. судите сами!.. он прошел всю Германию… Германию 44 года… под бомбежками! и какими! продолжавшимися в течение четырех лет… человеческий буйабесс, пожары, танки, бомбы! груды развалин! он немного выцвел… и все! а потом еще все эти тюрьмы!.. пять лет на Балтике… ах да, чуть не забыл! сутолока Безон–ля–Рошели и кораблекрушение в Гибралтаре![20] Тогда он был уже у меня!.. теперь гордятся своими нарядами из «нейлона», костюмами «Гревэн», атомными кимоно… представляю, что стало бы с

---

[19] Примечания: 19

Раймон Пуанкаре, французский политический деятель (1860–1934), президент республики с 1913 по 1920 год, представитель Национального Союза, сторонник твердой позиции в отношении Германии (оккупация Рура в 1923), особенно известен своей финансовой политикой («франк Пуанкаре», девальвация франка в 1928 году)

[20] Примечания: 20

Селин часто возвращается в своей трилогии («Из замка в замок», «Север», «Ригодон») к событиям, пережитым в первые месяцы войны: кораблекрушение «Shella», диспансер в Сартрувиле и бегство из страны. Он завербовался врачом на военный корабль «Shella». В первые дни 1940 корабль столкнулся ночью в Гибралтаре с английским патрульным судном. Демобилизовавшись, Селин работал в диспансере в Сартрувиле. Там он находился в момент наступления немецких войск и там, накануне бегства из страны Лили едва не попала под пули

немецкого патруля. Селин и Лили покинули Париж в машине «скорой помощи». Они добрались до Ля Рошели, где Селин работал в больнице. Последующие несколько недель он провел в лагере для беженцев у Сен—Жан-д'Анжели.

ними!.. мой–то целехонек! поизносился, конечно! оно и понятно! пообтрепался!.. четырнадцать лет суровых испытаний!.. мы все немного пообтрепались! Я никогда не стремился выделиться, одеться поживописнее… как на полотнах… Ван Дейка… Рембрандта… Вламинка…нет!.. я всегда хотел быть, как все… ведь я врач… в своем белом халате… из какого–то синтетического волокна… я очень респектабелен… и имею вполне приличный вид… однако стоит мне выйти, и в костюме Пуанкаре этого обо мне уже не скажешь… я мог бы купить себе новый костюм… конечно!.. экономя еще больше… на всем… мне стыдно в этом признаться… но я стал совсем как моя мать… бережливость! экономия! однако всего не учтешь… моя мать потеряла сознание и умерла от сердечного приступа прямо на скамейке, голод и лишения, вероятно, тоже сказались, я был тогда в тюрьме «Вестерфангсель» в Дании… она умерла в мое отсутствие… я сидел вместе с приговоренными к смерти в секции К… я проторчал там целых 18 месяцев… тот, кто не хочет слушать, может не слушать, но я никогда не перестану повторять это…

Моя мать несмотря на свое больное сердце, физическое истощение, голод и прочее умерла в

полной уверенности, что все это лишь временные затруднения и что, проявив определенную стойкость, волю и терпение, можно дождаться лучших дней, когда все снова встанет на свои места, эти жалкие бумажки снова превратятся в настоящие су, пачка масла снова будет стоить двадцать пять сантимов… поймите, я тоже помню, как жили до 14 года… я панически боюсь лишних трат… когда я вижу эти цены!.. стоимость одного костюма, например!.. я немею от ужаса! скажите: неужели Президент, «Комиссар», Пикассо, Галлимар могут позволить себе покупать одежду ?!.. переведите цену одного костюма «Комиссар» в калории — о, это же можно жить, творить, любоваться на Сену, посещать музеи, платить за телефон в течение, по крайней мере, года!.. одежду теперь покупают только сумасшедшие!.. картофель, морковь, это еще куда ни шло!.. лапша, морковь… я не хочу жаловаться!.. бывало и хуже!.. гораздо хуже!.. конечно, мне платили!.. дело не в этом!.. но все мои «авторские права»! «Путешествие»!..[21] а не только мебель и рукописи!.. все пошло псу под хвост!.. да здравствует сила!.. на Монмартре и в Сен—Мало!.. на юге!.. на севере… на востоке…

---

[21] Примечания: 21

Имеется в виду первый роман Селина «Путешествие на край ночи, опубликованный в 1932

на западе… повсюду процветает бандитизм! на Лазурном Берегу или в Скандинавии!.. везде одно и то же!.. напрасно вы будете стараться, лезть вон из кожи… чтобы им угодить… теперь ведь есть эта чертова 75 статья,[22] будь она проклята! величайшее Соизволение на то, чтобы вас выпотрошить, обобрать до нитки и разделать вашу тушку на фрикассе!

Вот такие пироги!.. я уже поведал вам о своем рационе… что касается меня, то мне не составляет большого труда ограничить себя в еде… это несложно!.. другое дело Лили!.. Лили нужно как следует питаться… она меня волнует гораздо больше… ее ремесло требует много сил!.. конечно, мы позволяем себе некоторые излишества: собаки, например… наши собаки… они лают!.. что это там за тип у решетки?… просто какой–то мудак или убийца?… вы спускаете свору! гав! гав! и никого!.. — Но где же вы живете?… — спросите вы…, — гордый Артабан?[23] — В Бельвю, месье!..

---

[22] Примечания: 22

75 статья — статья уголовного кодекса (закон от 29 июля 1939 года) гласит: «Будет признан виновным в предательстве и заслуживающим смерти: 1) каждый француз, обративший оружие против Франции 2) Каждый француз, вступивший в сговор с иностранными властями с целью предпринять враждебные действия против Франции и т. п.

[23] Примечания: 23

Артабан — герой романа Ла Кальпренеда «Клеопатра», прослывший гордецом

на косогоре! приход Бельвю!.. вы наверное, знаете?... в долине Сены... сразу за тем заводом на острове... я и родился неподалеку... извините, я повторяюсь... но закоренелым тупицам приходится повторять по сто раз!.. Курбвуа, Сена, Рамп дю Пон...[24] не всем нравится, что я родился в Курбвуа... и мой возраст тоже, я повторяю год моего рождения... 1894!.. я пережевываю одно и то же?... обмусоливаю?... имею право!.. как уроженец прошлого века я имею право пережевывать одно и то же!.. и, о господи! ворчать!.. поносить все на чем свет стоит! и между прочим, должен вам признаться, что вся эта свора прожорливых пьяниц, все эти рожи, на которые я постоянно натыкаюсь повсюду от Бастилии до площади Тертр, на самом деле выводят меня из себя!.. эти ублюдки притащились черт знает откуда... из Вовера!.. Перигора![25] С Балкан!.. Корсики!.. во всяком случае, они не местные!.. это мне было некуда податься... а куда, вы думаете, они пошкандыбали, спасая свою шкуру? они разбежались по домам! черт побери! и армия вместе с ними!..

---

[24] Примечания: 24

Курбвуа — пригород Парижа, где жили родители Селина, когда он родился, Селин часто о нем вспоминает (см.«Смерть в кредит»)

[25] Примечания: 25

Области Франции

корм для червей, проклятые дармоеды!.. у меня же даже кормилица жила в Пюто, Сантье де Бержер … а впрочем, кому это теперь интересно?… ладно, поехали дальше!

Вернемся в Бельвю… к суровым условиям нашего существования… мне–то что… мне нужна только голова… чем меньше я ем, тем лучше она работает… конечно, меня слегка пошатывает…со стороны можно подумать: вот! он опять наклюкался!.. и так действительно говорят… что ж, можно даже специально создать себе репутацию пьяницы, ни на что не годного бездельника, кретина, да еще, плюс ко всему…«с уголовным прошлым»!.. вас будут презирать? ну и хорошо!.. мне все равно, я старик, и как я уже сказал, чем меньше я ем, тем лучше мне работается!.. но Лили–то не старуха! ей нужно давать уроки танца! конечно, много на этих уроках не заработаешь!.. нам не хватает даже на отопление!.. она делает, что может… я тоже делаю все от меня зависящее… я это говорю не для того, чтобы выжать из вас слезу, но наши дела действительно идут из рук вон плохо!.. по правде говоря, если уж на то пошло… мы вынуждены влачить существование гораздо более жалкое, чем последний рабочий,

там, напротив, у Дрейфуса...[26] по крайней мере, у того есть!.. пенсия! да, Мадам!.. страховка, отпуск... целый месяц отпуска!.. но разве я могу устроить Дрейфусу Познань?...[27] разве я могу назвать себя нещадно эксплуатируемым? а почему у меня нет хотя бы самой жалкой зарплаты? рабочие бы меня просто не поняли!.. им плохо у Дрейфуса? пенсия! отпуск! страховка! да если бы я ишачил на Дрейфуса, меня бы, по крайней мере, уважали!.. если же я скажу, что я ишачу на Гастона,[28] меня поднимут на смех!.. ведь я знаменит, как никто другой!.. я прославился на весь Франкрайх и теперь все стены заклеены плакатами, где я представлен предателем, безжалостным гонителем евреев, который скурвился и фуганул Линию Мажино,[29] а вместе с ней Индокитай

---

[26] Примечания: 26

Имеется в виду завод Рено (расположенный под окнами дома Селина у подножия Медонского холма), которым Пьер Дрейфус руководил с 1955 года

[27] Примечания: 27

Намек на большую забастовку, устроенную в этом городе польскими рабочими 28 июня 1956 года

[28] Примечания: 28

Имеется в виду Гастон Галлимар, в издательстве которого с 1951 года выходили книги Селина

[29] Примечания: 29

Система французских укреплений на границе с Германией от Бельфора до Лонгюйона протяженностью ок. 380 км. Построена по предложению французского министра А. Мажино в 1929–1930 гг., совершенствова-

лась до 1940 г. В 1940 году немецко–фашистские войска вышли в тыл Линии Мажино через Арденнские горы и после капитуляции Франции вынудили гарнизон Линии Мажино сдаться в плен.

и Сицилию… о, я это знаю!.. на самом деле, они не верят ни слову из этих ужасов, но можете не сомневаться, уверяю вас, они будут травить меня до самой смерти!.. пропагандистская машина запущена, и им просто нужен козел отпущения среди расистов …

Но вернемся к более важным вещам!.. я говорил вам про зиму в Бельвю… о холоде… когда я теперь слышу, как мне на него жалуются… мне смешно!.. представляю, что было бы с этими неженками в Скандинавии…на берегу Балтики под ураганным ветром, срывающим с крыши ветхую солому!.. — 25 и не только на уик–энд…целых пять лет, мадам! стоит только выйти из камеры!.. хотел бы я посмотреть, как Лукум бьется своей башкой о лед того моря… захватывающее зрелище!.. а этот Ахилл![30] со своим семейством!.. о, но это еще не все!.. сначала эти невинные ангелочки должны были бы отмотать пару годков в Ванстр по 75 статье… посмотрел бы я тогда на их физиономии!.. им, наверняка, это пошло бы на пользу!.. вот тогда… тогда… мы бы и поговорили!.. можно было бы даже пожать им руку… может быть, в них пробудилось бы что–то человеческое…

---

[30] Примечания: 30

Ахилл Броттэн и Норбер Лукум — так Селин называет Гастона Галлимара и его секретаря

Я, кажется, говорил про завод на острове?... признаться, в старости на многое начинаешь смотреть иначе... инвалиды на 75 процентов или разнорабочие никому не нужны!.. такова жизнь! я не жалуюсь!.. вот если бы я с юных лет начал закладывать за воротник, скажем, еще в средней школе, тогда у меня не было бы проблем, был бы я теперь дворником у Дрейфуса... меня бы все уважали, у меня были бы деньги и пенсия...

Что касается медицины... то больные ко мне еще иногда приходят... а как же!.. ни один врач не может похвастаться, что больные его больше не достают!.. нет! не так часто... конечно!.. я их осматриваю... не хуже, чем другие врачи... и не лучше... я — сама любезность! о, я очень вежлив! и очень внимателен!.. я никогда не ставлю диагнозы наобум!.. никогда не старался пустить больным пыль в глаза!.. за целых тридцать пять лет я ни разу не выписал ни одного заумного рецепта!.. тридцать пять лет, что бы там ни говорили, но столько не живет даже лошадь!.. не то, чтобы я не знал, как это делается!.. я знаю! прекрасно знаю!.. я внимательно штудирую все медицинские проспекты... по два, три кило в неделю!.. в огонь! в огонь все это! я не возьму греха на душу! и никогда никому я не порекомен-

дую непроверенного средства! я человек старой закалки… черт возьми! сучье отродье!.. на что вы меня толкаете? На преступление? уголовщину?… Бухенвальд? Сибирь?… Покорно благодарю!.. каббалист, опасный алхимик! этого вы от меня не дождетесь! единственный мой недостаток заключается в том… что я никогда не прошу денег! я не могу заставить себя делать это!.. у меня нет ни пособий… ни страховок… такова уж моя натура!.. идиотское самолюбие! я ведь не бакалейщик какой–нибудь… лапша?… пачка печенья?… уголь? и вода из–под крана тоже? тем, что я никогда не взял с больных ни сантима, я создал себе больше проблем, чем Петью, который жарил их в печи!..[31] о, я благородный сеньор!.. благородный господин с Рамп дю Пон!.. Господа

[31] Примечания: 31

Доктор Петью во время войны завлекал людей обещанием помочь им покинуть Францию через Латинскую Америку. Он заманивал их в свой кабинет на улице Ле Сюер в Париже, убивал и сжигал останки в печи котельной. Его имя вместе с именами еще двух известных преступников Ландрю и Бугра Селин часто упоминает в своих романах.

Швейцер, аббат Пьер, Жоановиси, Лазарефф,[32] вот они могут позволить себе подобные жесты… а мое поведение кажется всем подозрительно легкомысленным!.. он ведь был в тюрьме, кто его знает, что у него на уме!

Больные, о которых я уже говорил, те, что ко мне еще приходят, донимают меня рассказами о своем здоровье, о страданиях, которые не дают им покоя… я всех их выслушиваю… так!.. так!.. поподробнее пожалуйста… обстоятельства… а если бы им довелось испытать то, то мы с Лили пережили за последние 20 лет… всем этим недотрогам! боже мой!.. и как мы вообще выжили!.. этим неженкам!.. хотя бы треть! десятую часть… да они, наверное, ползали бы теперь по полу!.. под стульями! блея от ужаса!.. весь остаток своей жиз-

---

[32] Примечания: 32

Доктор Швейцер, аббат Пьер, Жоановиси и Пьер Лазарефф были широко известны в то время, когда Селин писал «Из замка в замок». Доктор Швейцер основал больницу в Африке, в 1952 году получил Нобелевскую премию; аббат Пьер во время жестокой зимы 1954 развязал спекулятивную кампанию в защиту бездомных. Жоановиси — «господин Жозеф» — во время войны сделал себе состояние на спекуляции металлом. Он вел двойную игру, обслуживая одновременно оккупационные власти и Сопротивление. В 1949 был приговорен к пяти годам тюрьмы. С 1951 жил в Манде (Лозере), где сколотил новое состояние. Через несколько месяцев после публикации «Из замка в замок» он снова привлек к себе всеобщее внимание тем, что убежал в Израиль, откуда был выслан в январе 1959 года. Пьер Лазарефф (1907–1972) был директором газеты «Франс—Суар».

ни!.. всякий раз, когда я слышу их причитания, я невольно спрашиваю себя: «каким же кретином надо было быть, чтобы так вляпаться? в такое дерьмо?... по самые уши?» стоит мне об этом подумать, как у меня кошки на сердце скрести начинают!.. вроде кошечки Томины, той самой, которая мрр! мрр! по моей бумаге... ей ведь совершенно безразличны все мои россказни! мрр! мрр! весь мир безразличен! животные! люди! жирные твари!.. черт бы их всех побрал!.. жирные, как Черчилль, Клодель, Пикассо, Булганин[33] вместе взятые! жопастые! жополизы! и мрр! и мрр! вы ведь тоже хотите стать такими!.. *кассовые* враги! Вы соревнуетесь в нагуливании двойного жира! Комиссары рантье! пришло время снимать комиссионные с ваших вложений 1900 года!.. вот к кому следовало бы обратиться моим пациентам... им было бы полезно их послушать! полезно! может быть они стали бы есть немного

---

[33] Примечания: 33

Уинстон Черчилль (1874–1965) — английский государственный деятель. Символ английской политики в годы второй мировой войны, глава коалиционного правительства.; Клодель — Поль Клодель (1868–1955) — французский писатель. Принял католицизм в 1886, писал в основном театральные пьесы. Его путешествия (он был дипломатом) давали ему материал для поэтического творчества.; Пикассо — Пабло Пикассо (1881–1973) — - испанский художник. Член ФКП.; Булганин — Булганин Николай Александрович (1895–19) советский государственный партийный деятель. Член ЦК КПСС.

меньше мяса!.. это благотворно влияет на пищеварение! представляю, какую бы это вызвало у них ярость!..это ведь основа основ современного мира!.. Жратва и Выпивка! о, это вам не классовая борьба!.. гораздо, гораздо серьезнее!.. усомниться в необходимости бифштекса! он хочет запретить нам виски? да такому вообще нет места среди живых! Что касается меня, то я уже говорил вам, что жизнь, даже самая аскетическая, теперь очень дорога… конечно, если тебе никто не помогает! никто не поддерживает!.. ни мэрия, ни пенсионный фонд, ни Партия, ни Полиция… но таких нет! смею вам заметить… просто нет!.. всем, кого я знаю, кто–то помогает… они все живут у кого–то на содержании… кое–как… так себе… получше… похуже… питаются объедками… с чужого стола! как аббат Пьер… как Буало[34] …найдите себе какого–нибудь покровителя… не важно, кого… Короля или Армию Спасения!.. как Швейцер, Расин,[35] Лукум… присосались к какой–нибудь кормушке!.. основали какое–нибудь Братство от слова «брать» !.. и клянчат помаленьку!

---

[34] Примечания: 34

Николя Буало (1636–1711) — французский писатель, поэт и критик.

[35] Примечания: 35

Жан Расин (1639–1699) — французский поэт и драматург, мэтр французской классической трагедии Пламенный янсенист.

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно… меня обвинили в расизме и обобрали до нитки! за эти десять лет, поверьте мне!.. за эти долгие десять лет! я испил чашу человеческой подлости до дна! они вопят по поводу своего Суэцкого канала?… вот если бы они рыли его своими руками… тогда, я считаю, еще можно было бы понять, о чем они скулят! все, что они украли у меня на улице Жирардон, я заработал своим трудом!.. наверное, они заберут все это с собой в рай?… очень может быть!.. десять лет невероятных унижений, из которых два года в камере… о, они, конечно, тоже… Расин, Лукум, Швейцер, Тартр[36] тоже кое–что исследовали… наблюдали… поднакопили деньжат, наполучали Нобелей!.. в общем, нахапали, кто сколько мог! все эти одутловатые, лоснящиеся, как Геринг,[37] Черчилль, Будда!.. изнемогающие от ожирения комиссары! Десять лет, говорю я вам! этого я никогда не забуду!.. из них два — в тюрьме… по 75 статье действующего законодательства! и кто

[36] Примечания: 36

Селин имеет в виду Жана—Поля Сартра.

[37] Примечания: 37

Герман Геринг (1893–1946) немецкий государственный деятель, фашист. С 1935 командующий военно–воздушными силами Германии, с 1940 — рейхсмаршал. Один из организаторов нацистского террора в Германии и на оккупированных территориях.

же это подвергся столь суровому наказанию? ваш покорный слуга! кое–кто, наверное, уже недовольно морщится, оттого что я все время твержу одно и то же, как будто все это время я прохлаждался на курорте! а все свое имущество сам добровольно раздал пьяницам с Холма!..[38] не скоро еще на моем доме вывесят мемориальную доску с надписью:«здесь был ограблен…» я знаю людей: все, что не касается непосредственно их самих, их желудка, для них просто не существует! не спорьте со мной!.. но я не забываю ничего!.. ни маленьких подлостей, ни крупных… имен тоже… ничего! абсолютно!.. недоумки вроде меня всегда крепки задним умом… вы будете смеяться!.. но они воспользовались тем, что я отбывал срок по этой блядской 75 статье, и растащили буквально все! мне известно, что те, кто меня грабил, и не думают мучиться угрызениями совести, они чувствуют себя превосходно! преступление пошло им на пользу!.. этот провокатор Тартр, например!.. при фрицах он был готов лизать подошвы моих ботинок, стареющий кумир прыщавых юнцов, вонючий Сартир!.. лоснящийся, с двойным подбородком, с разъебденной задницей, в очеч-

[38] Примечания: 38
Имеется в виду Холм Монмартра, где на улице Жирардон жил Селин

ках, с запахом изо рта, в общем полный букет! помесь Мориака[39] и маньяка!.. нечто среднее между Хилым Клоделем[40] и бурливой Роной! уродливый гибрид!.. соединивший в себе ослиную тупость и прилипчивость чумы!.. готовый ради денег на все!..

Раз уж мы коснулись Высокой Литературы, я расскажу вам о Деноэле… о покойном Деноэле…[41] о, порой он был просто ужасен!.. ему ничего не стоило сплавить ваши сочинения за бесценок… оно, конечно, и понятно! подвернулся удобный случай, грех не воспользоваться… раз, два — продано!.. потом он спохватывался, начинал жалеть о том… об этом… (сотня имен!)… в то же время надо отдать ему должное… он прекрасно разбирался в Литературе… он ценил труд,

---

[39] Примечания: 39

Франсуа Мориак — французский католический писатель(1885–1970).Нобелевская премия за 1952 год.

[40] Примечания: 40

Поль Клодель (1868–1955) — французский католический поэт и драматург.

[41] Примечания: 41

Деноэль был первым издателем Селина. Бельгиец по национальности, он едва успел открыть в Париже издательство, как получил рукопись «Путешествия на край ночи», силу и новизну которого он высоко оценил. Потом он опубликовал все книги, романы и памфлеты Селина (до первой части «Банды Гиньоля», появившейся весной 1944), и энергично их защищал. Убит 2 декабря 1944 года в Париже, рядом с площадью Инвалидов. Селин несколько раз упоминает о его смерти в

романе «Из замка в замок».

уважал авторов… не то, что Броттэн!.. Броттэн Ахилл — это обычный лавочник, гнусный узколобый кретин…его интересуют только деньги! деньги! и только деньги! он настоящий миллиардер! и вечно окружен кучей голодранцев!.. готовых подобострастно лизать ему зад!..

Покойный Деноэль читал все… Броттэн же — тот как и Клодель просматривает только последнюю страничку с ценой… made in «Опилочно—Мозговой Трест»: президент Норбер Лукум!.. ах!.. представьте себе, они насвистывают, курят, попивают чаек и производят все это чтиво! бросили монетку: орел или решка! и вот одним автором стало больше!.. ими уже забит весь погреб! а если бы они решили выбросить всех их на помойку?… даже мусорщики, наверное, не стали бы их читать!.. смешно… мусорный бачок! вот до чего я дошел!.. не пора ли выносить мусор? меня уже ждут два мусорных бачка!.. если я этого не сделаю, то кто же?… не Броттэн же!.. не смешите меня!.. крепись, малыш! и не Лукум! скорее бы сдохнуть!.. вот уже почти шестьдесят четыре года, как я повторяю «крепись, малыш!» и при этом бодро улыбаюсь!.. однако это еще ерунда… бачки в зубы и «вперед! малыш!«… от меня до дороги метров двести… правда, под гору!.. я выношу их

ночью, когда меня никто не видит… оставляю у дороги… но их у меня тибрят!.. у меня свистнули уже целых десять мусорных бачков…о, если бы воровали только мусор… здесь тащат все, что плохо лежит, шмонают повсюду! не говоря уже о том, что я ужасно себе нагадил тем, что сам решил выносить отбросы… в результате меня больше не зовут «доктор»… а только «мсье»… скоро все меня будут звать старым оборванцем! я вполне могу себе такое представить… врач без прислуги, без горничной, без машины, который сам выносит свою помойку… да еще пишет романы!.. побывавший в тюрьме… вы сами понимаете, что это значит!..

А пока, в ожидании лучших времен, если бы вы купили у меня одну–две книги, вы бы мне очень помогли…

Не стоит больше об этом говорить!.. ибо главный источник моей ненависти… находится вне меня… вот на этой дороге! машины!.. они никогда не останавливаются! настоящее безумие!.. какой–то несущийся к Версалю смерч! жуткое нагромождение машин!.. будний день! воскресенье! бензина они не жалеют!.. машины с одним… тремя… шестью пассажирами!.. зажравшимися, пузатыми, которым на все плевать!.. и куда это

они все едут?… пожрать, выпить! еще! черт!.. им все мало! все мало!.. по делам… ам!.. ам!.. они едут по делаам!.. ам!.. ам!.. у них неотложное жаркое!.. буа! я жалею о том, что у меня слямзили три мусорных бачка! миллиардеров заботит то, что их мотор плохо заводится! они забрызгивают грязью меня… и мои мусорные бачки!.. рыгая при этом уткой с репой! 130 в час! они испускают газы и рыгают, дабы успокоить тех, кто ходит пешком! знаменитые утки!.. знаменитые «ралли»! знаменитые меню!.. вы выходите из–за стола в таком приятном расположении духа (Шато Тромпетт 1900),[42] что это просто чудо! щелчок! вы не должны врезаться в насыпь, клен, тополь! руль в ваших руках!.. бам!.. две тысячи тополей! дьявольская автогонка!.. черт возьми!.. вонючие тормоза! чадящие тормоза!.. вдоль всей авто трассы и туннеля! подвыпившие гуляки! обожравшиеся сверх всякой меры! одержимые маниакальным рвением!.. ах, Шато Тромпетт 1900!.. оно дает мне столько сил!.. пропасть! утка с репой!.. тысячи машин колесо в колесо! черт побери, Господи, потише! полнокровные, готовые для обжарки туши мяса! порция шампиньонов!

---

[42] Примечания: 42
Шато Тромпетт — марка вина.(ср.«chateau»(*франц.*) — замок)

печка открывается! начинается Месса! не святой водой!.. теплой кровью! весь туннель забит окровавленными внутренностями! море мяса и железа!.. редкий счастливчик, которому удалось избежать катастрофы, вряд ли вспомнит, как все произошло! Крестовый поход! это настоящий Крестовый поход! стремительно несущиеся пилигримы! рыгающие, испускающие газы, злобные, насосавшиеся дорогого вина! Шато Тромпетт! утиное гнездо! типы из О. О. П[43] наблюдают… ворчат… шевелятся… жестикулируют… шухерят!.. сбежалась вся округа в радиусе тридцати километров… на все поглазеть! все увидеть! обе насыпи полны зевак!.. мамаши, папаши, тетушки, юнцы! тупые садисты! стремительные поток, 130 в час, промелькнувшие вдали О. О. П.… машут руками… дымящийся туннель! Шато Тромпетт! раскаленный асфальт!..

О, будь я побогаче, уверяю вас, или хотя бы «на социальном обеспечении», я бы смотрел на весь этот бардак, на всю эту расточительность азота, карбида, липида, каучука, на все это крестовопоходное смешение бензина, уток и алкоголя со спокойствием Наполеона! мамаши, папаши, на-

---

[43] Примечания: 43
Особый отряд полиции

громождение колымаг!.. ради Бога! браво!.. но все дело в том!..что у меня нет самого необходимого!.. нет!.. и все тут! негде взять!.. от этого, когда эти свиньи обдают вас грязью, вас охватывает злоба и ненависть!.. каждого сожженного ими р е л е, каждого Ш а т о, каждого колеса нам бы хватило, чтобы жить целый месяц!.. и даже не так плохо! вырвать с корнем бирючину!.. все эти мазохистские прихваты не для меня!.. поверьте мне! они меня не волнуют! ни этот обабившийся Лукум! ни тупой Тартр!.. ни этот жареный мерлан Ахилл, а тем более, этот Вайян![44] отчего он стал таким смелым? ведь он намеревался меня убить!.. да! он специально туда поднимался! он твердит это повсюду! он даже об этом написал!.. но черт побери! я-то тут! еще не поздно! пусть он приходит, я жду!.. я все время здесь, я никогда не выхожу, я

[44] Примечания: 44

Роже Вайян писал в газете «Ля трибюн де насьон» от 13 января 1950 года, как в 1943 году группа участников Сопротивления, в которую он входил, решила казнить Селина, жившего тогда на улице Жирардон в квартире, расположенной как раз над той, где собиралась их группа. Статья была озаглавлена «Мы не пощадим больше Луи—Фердинанда Селина». В 1957 году получилось так, что «Из замка в замок» был опубликован в то же время и тем же издателем, что и «Закон» Роже Вайяна. В некоторых книжных магазинах обе книги, являвшиеся «гвоздем сезона», даже были выставлены рядом в витринах. Селин несколько раз осведомлялся, тот ли это Вайян, который собирался «его убить». Селин часто вспоминает в своей трилогии сожаление, выраженное Роже Вайяном о том, что его не казнили.

специально жду опоздавших… одна весна… две… три… и меня уже здесь не будет… будет слишком поздно… я умру естественной смертью…

***

Это питьевая вода?… уэ! уэ!.. попробуйте ее!.. вы знаете, что такое жавелевая вода?…может быть ее и можно пить, если добавить побольше вина… но просто так?… вы издеваетесь, видите ли, это питьевая вода, насыщенная хлоркой! уверяю вас, пить ее невозможно!.. о, новый повод пожаловаться… еще бы!.. в моем положении в них нет недостатка!.. я уже вам надоел своим нытьем!.. это наглость!.. Ахилл Броттэн как–то вечером сказал мне: «Рассмейтесь! Раньше вы это умели, а теперь разучились?…» — он недоумевает — «У всех есть свои маленькие огорчения! вы не один!.. у меня они тоже есть, не волнуйтесь!.. если бы вы потеряли, как я, сто тринадцать миллионов на «де бирс»! если бы вы «авансировали» двести миллионов своим авторам! вам бы это тоже не очень понравилось! у всех есть свои заботы! сто тринадцать миллионов на «де бирс»!.. сорок семь миллионов на Суэце! и знаете!.. всего за два раза! четырнадцать миллионов

в «крестах»!..[45] которые мне нужно было доставить самому! это в моем–то возрасте! в Женеве! относить «кресты» покупателю!.. к счастью, мне помог мой сын!.. четырнадцать миллионов по «20 швейцарских франков»!.. вы можете себе такое представить?» я напрягся и постарался себе такое представить… Норбер тоже… он был там и присутствовал при нашем разговоре… Норбер Лукум, президент «Опилочно—Мозгового Треста»… он не мог сдержать своих чувств!.. у него буквально наворачивались слезы!.. Старик Ахилл таскал на себе четырнадцать миллионов «крестов»!.. вывод: Селин, вы исчерпали себя!.. вы должны нам огромные суммы и у вас больше нет вдохновения!.. вам не стыдно? когда Лукум произносит «вдохновение», слышится нечто невнятное… такие у него толстые неповоротливые губы… возраст! и еще то, что он не говорит, а как бы печатает слова… скверная дикция… он потихоньку выталкивает их изо рта… кажется, что Норбер Лукум вот–вот подавится ими… никто не читает моих книг!.. он, Президент «Опилочно—Мозгового Треста»! полный банкрот! ладно! я зациклился!.. они все меня ненавидят… ничего

[45] Примечания: 45

«Кресты» — золотые швейцарские монеты, «де бирс» — акции золотодобывающей компании

удивительного!.. но друзья?... они естественно не могут понять, почему я не пытаюсь заработать медициной... не практикую... не думаю о будущем!.. не использую!.. бу–бу–бу!.. трындят эти благодетели! свою потенцию! свою интуицию! свое умение исцелять! бу–бу–бу!.. но главное, чего хотелось бы моим друзьям, это чтобы я поскорее сдох!.. в глубине души они все этого хотят!.. когда меня грабили, они уже подобрали кое–какие бумаги, рукописи... на лестницах, в мусорных бачках... они абсолютно убеждены, что стоит мне отбросить коньки, как все это сразу же неизбежно поднимется в цене!.. но для этого, о Господи, необходимо, чтобы я сдох, и как можно скорее!..

Я помню все, что из меня вытряхнули, инвентарный список у меня в башке... «Бойня»... «Воля Короля Крогольда»... и еще два... три черновика!..[46] они вовсе не потеряны для человечества! конечно! я все знаю! все знаю! но ничего не говорю... я покорно слушаю своих друзей... уэ! уэ! я тоже, черт возьми, жду чтобы они все сдохли! они! сперва они! они ведь все жрут больше меня! пусть у них разорвется маленькая артерия!

---

[46] Примечания: 46

Точное количество рукописей, оставленных Селином в июне 1944 года на улице Жирардон до сих пор неизвестно. Но Селин все время упоминает три рукописи:«Воля Короля Крогольда», «Бойня» и «Guignol's band».

я надеюсь на это! очень надеюсь!.. я хотел бы встретить их всех у Харона, врагов, друзей, с кишками обмотанными вокруг шеи!.. пусть Харон хорошенько займется ими!.. прекрасно!.. этот садист Норбер! еще тепленький!.. их черепа, и Ахилла тоже, будут раскроены от уха до уха!.. я сам попрошу! чтобы им для их колких замечаний оборудовали нечто вроде громкоговорителя! все слышно! каждый! бранг! и врранг! здорово, Харон!.. все предусмотрено! отныне он больше не будет вспоминать ни о своих Суэцах, этот Ахилл! ни о своих «де бирс»! ни о «крестах»!.. сточная канавка! хррясь! в лодочке они будут как шелковые! и с ними конечно весь «Мозговой Трест»! с расколотыми черепушками и выпученными зенками! в гостях у Харона… представляю, как это будет забавно!.. гораздо забавнее, чем тогда с Рено во Френ…[47] когда мои заботливые друзья приходят меня навестить, посмотреть, долго ли мне еще осталось валандаться, я забавы ради, представляю себе их на Стиксе, как Харон их

---

[47] Примечания: 47

Луи Рено (1877–1944) обвинявшийся в том, что предоставил в распоряжение немцев свой завод, был арестован в Париже 23 сентября 1944 года. Из–за болезни мочевого пузыря был помещен в больницу во Френ. 7 октября был переведен в психиатрическую лечебницу Виль—Еврар, откуда был выписан 17 октября. Умер 24 октября, по заключению тюремных врачей от приступа уремии. Однако его родственники утверждали, что он умер от побоев.

там всех приласкает! бум!.. хрясь! их подлые! упитанные мордашки! о, хитрецы!.. Лукум, его коралловый ротик буквально создан для этого!.. он такой мясистый и безвольный… способный испускать только вуаааа! увуаааааа!.. какая–то клоака вместо рта!.. он будет здорово смотреться от уха до уха! милашка, Норбер!.. и Ахилл! его похотливый глаз жареного мерлана повиснет у него за ухом!.. я так и вижу!.. вижу его!.. или на его часах!.. или на шее, наподобие ордена? какой необычный брелок!..

Скажу вам по секрету, мои друзья ни о чем не подозревают! ну и пусть!.. пусть!.. они хихикают над Рено… их это забавляет! а как насчет Харона?… тише!.. они ничего не знают! они спорят, курят, рыгают, зубоскалят, и почти все уверенны, что будут жить до ста лет благодаря этим снадобьям! Мадам!.. о, эти супер–капли Чудодол!.. со мной все ясно, я конечно, болван! но я чуток, как радиолокатор!.. заранее, я нутром чую, как Харон их там прихватит!.. как они будут там извиваться в лодке!.. улыбочка! чик! чирик! от уха до уха!.. а пока они обсирают меня, как могут, перемывают мне кости, треплются, напиваются… они полностью уверены в себе!.. их шкафы доверху набиты свечами и каплями!.. кроме того,

гм! аперитивами! на любой вкус!.. сладкими и горькими! полная безмятежность!.. ах! ах!.. кусочек жирной печенки, сигаретка, два фужера мэм, что новенького! можно заправиться!.. и в путь!.. они находят, что у вас бледный вид и к тому же какой–то удрученный! неврастенический! они сами дают вам советы!.. вам нужно изменить режим! и немедленно! немедленно! они убеждены! у них есть доказательства! их жены запрещают им к вам ходить! опасаются, что вы плохо повлияете на их желудки, печени, селезенки!.. вы способны в одиночку омрачить все 14 июля в мире!.. своими доносами! вообще, вам следовало бы запретить практиковать!.. вы ведь уже были в тюрьме, так неплохо было бы, если бы вас снова туда упрятали!.. в какой–то мере они правы!.. но меня тоже можно понять !.. конечно, я сильно поизносился, пообтрепался!.. но в моей груди не угасло страстное желание, чтобы все они сдохли раньше меня! все! пусть они подавятся своими бифштексами! пусть они ими обожрутся! пусть они лопнут!.. захлебнутся соусом!.. утонут в нем!

Я отвлекся… размечтался о будущем… а те двое все продолжают трындеть… Ахилл, Лукум… я их больше не слушаю… они повторяются! «каким забавным вы были раньше!» я поворачиваюсь,

я действительно был большим проказником, я может быть им еще снова стану… с небольшим «счетом в банке»… как у Ахилла, например!.. как у Ахилла, точно!.. со «стольником» в банке! алилуйя! или как у его великого оскопителя Лукума!.. хорошо болтать, когда он есть!.. но как все устроено, о небо!..кому все достается! для кого все это предназначено! почести! дивиденды! страховка!.. «Семья, Работа, Родина?» черт побери!.. они сделали верные ставки!.. Верден, тра–та–та!.. у меня было время хорошенько подумать об этом в Зикмарингене,[48] я знаю, что говорю.

Но вот еще что… мои книги больше не продаются… они так говорят!.. или почти не продаются… я вышел из моды, я повторяюсь! злые языки! сплетни!.. хорошо продуманная акция!.. они собираются перекупить все у моей вдовы! за кусок хлеба!.. черт побери! конечно я уже в возрасте! ну а Норбер? он что себя не видит? Ахилл, когда вы открываете дверь, вы должны его придерживать, иначе его унесет ветер! вместе с его «Опилочно-Мозговым Трестом»! это не менее впечатляет,

[48] Примечания: 48

В романе «Из замка в замок» Селин все время пишет вместо Sigmaringen - Siegmaringen (в письме к Альберу Паразу он объясняет это тем, что видит здесь аналогию с немецких «sieg». В романах «Север» и «Ригодон» он возвращается к нормальному написанию.)

чем то, что я повторяюсь, по сравнению с этим то, что они уже ничего не соображают, и то, как они тужатся ммм! пфуа! влак! стараясь меня обосрать!.. кажется ерундой! я тоже могу делать пфуа! пфлак! послушайте Христиан IV, кстати, тоже часто обсирался! Христиан IV, король Дании! обсирался всю свою жизнь!.. всегда и везде!.. как Броттэн!.. он все испробовал, все развалил… как Броттэн… Броттэн — в своем издательстве, Христиан IV — в королевстве… он пал жертвой собственной хитрости!..[49] как Броттэн!.. я это знаю, я туда наведывался… в его Королевство… ближе всего я познакомился с его тюрьмами… правда, это было уже не при нем, а при его прапраправнуке Христиане X, злобном лживом тупом боше… позже, выйдя из тюряги, мы жили напротив него, в мансарде: Кронпринцесссгад!.. редко кто, столкнувшись с подобным названием улицы!.. отважится сказать, что он точно его воспроизводит!.. Замок Розенборг… как–нибудь я расскажу вам о нем подробнее… но пока вернемся к современности! не столь романтичной!

---

[49] Примечания: 49

Христиан IV Датский (1577–1648) — датский король. Известен своим либеральным правлением, во время которого было предпринято множество попыток военных переворотов, не считая других конфликтов во время Тридцатилетней Войны.

отягощенной множеством тяжелых проблем… возможно во многом благодаря Броттэну! этому слабоумному халтурщику Броттэну! грязному коллекционеру! чьи подвалы буквально ломятся от «Гонкуров»!.. там столько убогих романов, что кажется, будто он ими срет!.. влаф! влуф!.. если вы заметите, что он притих, а его глаз стал еще более рыбьим, чем обычно, это значит, что он размышляет, думает, высерает своего десять тысяч тринадцатого автора, вот такой Король правит Издательством! Ничего, Харон выведет его из размышлений! своим веслом, дорогая Мадам!.. хрясь!.. хррясь!

Простите, что я столько говорю о себе, я улетучиваюсь… неприятности!.. у кого их нет?… эти писатели просто ужасны! все одержимы собственным я!.. а врачи! престижная профессия!.. а водопроводчики?… парикмахеры? обалдеть, продолжайте!.. ни одного скромника!.. а министры?… а фильм Аббата Пьера о себе?… я представляю, как Харон излечит их от самовлюбленности! всех! веслом по морде! врранг! от уха до уха!.. представляете! репа болтается на ниточке! с выпученными зенками!.. переезд на ту сторону!.. группа потрепанных туристов! вранг! бранг!.. от уха до уха! огромное количество состоятельных

граждан вместе с кучками жалких бродяг!.. внизу крошечные пенсионеры!.. дамы с увядшими камелиями, бородатые судьи, спортсмены–олимпийцы, все сбились в кучу, и занимаются тем, что кромсают свое лицо! вранг! если бы вместо того, чтобы скулить о своих страданиях, я бы изобразил кривляния этих шутов?... возможно, это бы и подняло мои тиражи?... во всяком случае, Крамп так считает... тот самый Крамп, который готовит пакеты для Хирша... Крамп, который по уровню своего развития не далеко ушел от Ахилла... ничего не знающий, тоже обреченный на вечное опоздание... но он, по крайней мере, хоть что–то делает... он занимается доставкой!.. редко бывает, когда кто–то хоть что–то делает...

Надо сказать... будь я из Профячейки, Синагоги, Ложи, Партии, Полиции, Церкви... неважно, какой! я вылез бы из складок любого «Железного занавеса»... все бы устроилось! конечно! в натуре! заметано!.. главное все время быть на Арене!.. как это делают Моруа, Мориак, Торез, Тартр, Клодель!.. и им подобные!.. аббат Пьер... Швейцер... Барнум!.. отбросить стыд!.. забыть о возрасте! Нобель и Большой Крест вам гарантированы! Даже обветшавшим, поблекшим, с сильно подмоченной репутацией славным «Символам Партии»!

даже последователям Жуановиси! все сходит с рук! все прощается! вам позволено все, если только вы всеми признанный клоун! прирожденный циркач!.. вы не такой? горе вам! представления не будет? плаха! топор!.. иногда я вспоминаю, участником какого «представления» я был!.. и Альтман[50] сейчас называет меня позором Франции, подстилкой похотливого продажного чудовища, Монмартра, Колоний и Советов, тот самый Альтман, который впадал в восторженный транс, в беспамятство под впечатлением «Путешествия»!.. и не «in petto»![51] нет! вовсе нет! а в «Монд» Барбюса!..это было тогда, когда мадам Труляле и ее Гастритный Обрыгон[52] перевели это замечательное произведение на русский … что мне, собственно, и позволило поехать по-

[50] Примечания: 50

Жорж Альтман был журналистом сперва в коммунистических газетах «Юманите» и в «Монд», редактором которой был Барбюс, потом, выйдя из коммунистической партии, в «Попюлэр». После войны был главным редактором «Фран—Тирер». В 1932 году опубликовал в «Монд» первую статью о романе Селина «Путешествие…», тон которой был крайне благожелательным. После того, как Селин не получил Гонкуровскую премию 7 декабря, он посвятил ему 10 декабря литературную рубрику в «Монд». В последующие годы Селин и Альтман были связаны дружбой. В январе 1937 года Альтман опубликовал в «Люмьер» статью о памфлете Селина «Mea culpa», в общем положительную, но подчеркивая свою дистанцию по отношению к нему. Разрыв между ними произошел после публикации Селином памфлета «Безделицы для погрома».

[51] Примечания: 51

Про себя — *итал.*

[52] Примечания: 52

Селин имеет в виду Эльзу Триоле и Луи Арагона, которые перевели на русский язык роман «Путешествие на край ночи», опубликованный в 1936 году в Москве; далее он говорит о своей поездке в Ленинград в сентябре 1936 года, одной из целей которой было получение гонорара за издание русского варианта «Путешествия»

смотреть на эту Россию! причем за свой счет! а не за счет принцессы, как Жид, Мальро и tutti quanti, депутаты!.. судите сами, был ли я тогда устроен! давайте уж поставим все точки над «i»!.. может быть, немножко получше, чем этот провокатор Тартр! копавшийся в моем дерьме! очкастый полутруп! один вид которого внушает мне отвращение! я затмил самого Барбюса! своей персоной! Дворцы, Крым, Пенсия! СССР раскрывал мне свои объятия! мне было отчего прикусить язык!.. ладно, что сделано, то сделано!.. Историю не повернешь вспять!.. теперь не брезгают ничем, хватают все, что подвернется под руку!.. объедки Золя!.. обноски Бурже!..[53] хлам! никому не нужная макулатура!.. которой забиты все подвалы Ахилла!.. а завтра и у Лазареффа!.. Мадам!.. Да–да!.. завтра! и у него найдутся подражатели!.. у любого расклейщика обличительных листовок… тоже можно найти какие–то мысли!

Каким образом Харон разберется с ними?… the question? хррясь! хрусь! я думаю так!

Но вернемся к моему ремеслу!.. время от времени какой–нибудь особенно упорный маньяк может быть и сможет обнаружить мои сочинения

---

[53] Примечания: 53
Поль Бурже (1852–1935) — французский писатель.

в самой глубине ангара под грудой непроданного… о, я все понимаю… я дармоед, которого больше не читают… невинные хрянцюзы оскорблены в лучших чувствах! я навеки проклят, как Петьо! уличен в преступлениях, как Бугра![54] Если бы это было так, я был бы даже доволен!.. но все дело в лапше! лапша разрушает все логические построения! Лукум, Ахилл и их домочадцы хотят иметь свою гарантированную порцию лапши! да! вот на чем базируется вся их философия… отнимите у них их лапшу и вы услышите вопли этих хорьков! не нужно отнимать у них лапшу! «Но ведь вы могли бы жить… — слышу я ваш недоуменный вопрос — медициной?» больные бегут от меня! да! должен вам признаться!.. я отстал от времени?…. возможно!.. но я стараюсь!.. может быть, я не знаю новых лекарств?… о, какая гнусная ложь! я получаю все новые лекарства! я изучаю все проспекты… может быть, мои собраться знают больше меня? Отнюдь! может быть, они больше читают? Нет! но способен ли я

[54] Примечания: 54

Доктор Бугра был обвинен в убийстве в 1925 году, когда у него в шкафу был обнаружен труп. Несмотря на протесты и заверения в его невиновности, был приговорен к пожизненной каторге. Отправлен в Гайяну, откуда убежал в Венесуэлу, где лечил бедняков до самой смерти в 1961 году. Вполне понятно, почему в своей трилогии Селин часто вспоминает его в связи с обвинениями, объектом которых был он сам.

кого–нибудь исцелить? увы, это выше моих сил!.. я глубоко проникся всеми новыми веяниями!.. одной четверти того, что я получаю из этих «новых лекарств»... десятой части! мне хватило бы, чтобы отравить весь Билланкур, Исси[55] и все остальное впридачу!.. даже Вожирар! Ландрю[56] со своим рвением просто смешон!.. я не понимаю, что значит «служить добру», но я держу нос по ветру! использую самые новейшие достижения прогресса!.. я не хотел бы уподобиться своим коллегам, у которых пенициллин сох и плесневел в течение пятидесяти лет! это не менее глупо, чем то, что произошло с Суэцем! о, я всегда начеку! я способен омолодить вас на пять лет!.. на двадцать... даже тридцать лет! неважно, что вы девяностолетний старец!.. у меня здесь есть плазма! на моем столе!.. образ какого врача сразу же рисуется в вашем воображении? серьезного, надежного, с головы до ног обклеенного марками, оплачиваемого медицинским страхованием! од-

---

[55] Примечания: 55

Пригороды Парижа

[56] Примечания: 56

Дело Ландрю получило широкую огласку во Франции между 1919 и 1921 годами. Ландрю, обвиняемый в убийствах женщин определенного возраста, которых он заманивал к себе объявлениями в газетах, и в уничтожении их трупов, был приговорен 30 ноября 1921 года и казнен 25 февраля 1922 года.

на ампула перед едой!..и вы снова станете юным и пылким как Ромео! теория «относительности» в ампулах!.. я вам ее даю! если можно так выразиться, вы будете глотать Время!.. морщины!.. меланхолия… злоба! приступы жара… чем я могу помочь?… Комеди—Франсез, деточка! Арнольф прыгает через веревочку!.. плевать на все! Мадлен Рено, Мину,[57] Ахилл в Люксембургском саду! весь этот театр марионеток! Академия!.. наконец, Мориак, его детский лепет!.. нас это больше не касается!.. пусть себе комплексует!.. ампула перед едой! гарантировано страховкой!..

Я был бы неплохим целителем, и все бы шло, как по маслу… пожалуй, это был бы способ… и неглупый!.. я бы превратил свой кабинет недалеко от Бельвю в место для омоложения старых хрычей!..Лурдский «new–look», Лизье–сюр–Сен!..[58] представляете?… но вот беда! я всего лишь обычный докторишка… а мог бы я стать экспериментатором? мог бы себе такое позволить… нет не могу!.. или «хиромантом»?… нет! уже нет!

---

[57] Примечания: 57

Совсем юная поэтесса Мину Друэ имела шумный успех в 1955–1956 годах, когда были опубликованы два сборника ее стихов:«Поэмы и отрывки из писем» (1955), «Мой друг дерево» (1956).

[58] Примечания: 58

Лурд, Лизье — места паломничества католиков

У меня есть время подумать… снова взвесить все «за» и «против»… прояснить, в чем заключались мои главные просчеты?… может быть, в костюме? обувке?… неизменных тапочках?… прическе? я думаю, главным является то, что у меня нет прислуги… но еще хуже то, что «он пишет книги»… они конечно их не читают, но все равно знают…

А если я сам нахожу пациентов (редких), сам тащу их к ограде, да так, чтобы не дай Бог они не поскользнулись (иначе они затеют против меня процесс), слякоть, грязь!.. чертополох… если я сам хожу за покупками … вот что вас по–настоящему дискредитирует!.. а также выношу мусорные бачки! сам! тащу мусорный бачок до самой дороги!.. подумайте! кто же меня после этого будет принимать всерьез? «Доктор? Доктор? для малышки!.. скажите мне! вы не знаете? сухой экстракт из волокон сердца трески?… кажется это что–то новенькое? вы не знаете? а зимняя сонливость? что вы посоветуете? для глаз мамы?»

О, я могу ответить так! этак! встать на уши!.. но мне они все равно не поверят! мне больше никто не верит!..

***

Все это не так страшно! скажете вы… милли-

оны погибли, а они были виновны не больше вашего!.. конечно!.. я думал об этом, поверьте, во время прогулок по городу… прогулок в «надежном сопровождении»… и не один раз! двадцать! тридцать раз! пересекая Копенгаген с Востока на Запад… в зарешеченном автобусе, до отказа набитом лягавыми с автоматами… совсем не расположенными разговаривать… экскурсанты «уголовники», «политические», — все очень тихие, в наручниках… из тюрьмы в Прокуратуру… и назад, тоненькой ленточкой… я прекрасно знал этот город, но так, в машине с лягавыми, вы видите толпу совсем иначе… Броттэн, да и Норбер тоже, этого не понимают!..знают ли они, что такое «уголовники»!..«homo deliquensis»[59] … по определению Ломброзо!.. настоящий sight–seeing[60] в наручниках! им полезно было бы его совершить!.. тогда бы они наконец постигли и сущность всех этих типов с коктейлей!.. их подлинную природу! причем не только в автомашине… в толпе!.. на шоссе!.. какие у них моргала… какие жуткие повадки! физиономии попугайчиков и шакалов… Politigaard по–ихнему Прокуратура! вы не вру-

[59] Примечания: 59
Преступный человек (*лат*)

[60] Примечания: 60
Осмотр достопримечательностей (*англ*).

баетесь! politii: полиция!.. gaard: двор!.. все идет из французского!.. что же они хотели узнать?... действительно ли я продал Линию Мажино?... оборонительные сооружения Энгьена?... рейд Тулона? датчане продержали меня в клетке не восемь дней, а целых шесть лет! должны же они были знать, почему? ну в самом деле, почему? вся Франция, все французы хотели видеть меня четвертованным? может быть, поэтому?... поэтому?... датчане тоже этого очень хотели! конечно!.. но они еще хотели кое–что понять... они никогда не мучают вслепую, «по–французски»!.. нет!.. они всегда думают... а пока они думают, размышляют, вам остается только ждать, они ведь так медлительны... они не мучают просто так... но обратите внимание! это уже какая–то другая крайность! пока они так ведут дело, спокойно, размеренно, вы вполне можете сгнить заживо в глубине их камер... которые тоже нужно видеть!.. я напоминаю адрес, Вестергфансель, Отсек К, Копенгаген... камера смертников... небольшая экскурсия для любознательных!.. Отель д'Англетер это ведь еще не все!.. «русалочка» тоже.

Пока они так медитируют, передать вас или не передать в руки правосудия, вы начинаете потихоньку разлагаться! это никого не волнует,

вы ведь им не мешаете в глубине своей ямы!.. они настоящие тартюфы! стоят десятерых наших!.. тартюфы протестанты, снимаю шляпу! может быть, вы сдохнете, пока они медитируют? они этого и хотят… пуритане!.. они будут размышлять в течение двадцати лет!.. за это время от вас не останется почти ничего… лишь сгнившая кожа… кости… лишай… пеллагра…[61] и слепота!.. вы можете сказать, чего я хочу, тюрьма есть тюрьма!.. достаточно вспомнить Рено!.. рано или поздно они все равно явятся, чтобы вас прикончить!.. безусловно!.. предварительно взвесив все «за» и «против»… кррак! кррак! ночью… чем–то твердым, тяжелым!.. четыре геркулеса в халатах! Уберите объект! Komm! вы слышите хрипы! карцер! 11! 12! я знаю, о чем говорю… северный Тартюф это нечто! Тартюф Мольера по сравнению с ним дитя!.. сколько раз я слышал это Hjelp! Hjelp! на следующий день — покойник! и поминай как звали!..

Это случилось во Френ? это может случиться везде!.. и с любым!.. Сегодня Рено? Завтра Кокто!..

---

[61] Примечания: 61

Заболевание, вызываемое недостатком в организме витаминов группы В и никотиновой кислоты; характеризуется поражениями кожи, желудочно–кишечного тракта (рвота, понос) и психическими расстройствами

потом Армида…[62] поп вы или жлоб!.. да хоть мистер доктор Клистер!.. или этот мудак Мориак!..«экспресс», говорите![63] его тоже достанут! как и всех, в полночь, в карцере!

Hjelp! это значит «на помощь»!.. вы все поняли! высаживаетесь на берег в Копенгагене… «такси»… но не к «Отелю д'Англетер»!.. нет!.. «Вестергфансель»!.. не отступайте! настаивайте! вы хотите видеть!.. хотите туда поехать! вас не интересует русалочка! вы хотите слышать! Komm! Hjelp!.. и все!..

***

Когда я вижу этих типов, слушаю, как они болтают о политике, я невольно представляю их всех в автомашине… в большом автобусе! зарешеченном, мрачном, до отказа забитом такими же заключенными как и вы!.. и не какими–нибудь мелкими жуликами! а настоящими преступниками в полосатых робах и наручниках!.. под охраной двенадцати автоматчиков!.. представляете! картинку! прохожие трусливо сторонятся, прилипают к витринам… чтобы такое могло про-

---

[62] Примечания: 62

Намек на роман шевалье де Мере «Приключения Рено и Армиды» (1677)

[63] Примечания: 63

Франсуа Мориак писал в «Экспрессе» с 1955 по 1964 года

изойти с ними!.. при одной мысли об этом они все трепещут! трусливо поеживаются! озираются по сторонам!.. вспоминают свое прошлое! редко бывает, чтобы у них на совести не было аборти-ка… кражи… но им вовсе не стыдно! стыдно быть бедным… это единственное, чего люди стыдятся!.. возьмите меня, врач без машины, ходит пешком! какой от меня толк?… для врача, даже самого тупого, важна оперативность, звонок по телефону и он приезжает!.. скорая помощь слишком часто опаздывает… что касается такси, то их никогда не найти… врач может быть самым последним идиотом, главное, чтобы у него была машина!.. даже с моей жуткой репутацией отпетого рецидивиста, будь у меня машина, меня вероятно не считали бы таким дряхлым недоделком… машины, машины! забавно! та, там наверху, была не моя!.. здесь и вовсе нет никакой! я жду машину от Ахилла! а он демонстрирует мне свои ужасные счета!.. он уверяет, что я должен ему уйму денег! одним словом, homo deliquensis!.. нет, все–таки ему было бы полезно прокатиться в автобусе! блядство! ему и сотрудникам его треста!.. Норбер будет ковылять сзади! в наручниках и робе! представляю, как они будут смотреться!

Прибыв в их Префектуру можно было еще про-

ждать часов эдак пять или шесть… пока за нами придут… пять–шесть часов, стоя в вертикальном гробу, запертом на ключ… должен признаться, в жизни мне приходилось стоять на часах, и довольно часто, в наряде, дневальным, постовым, и на войне, и в мирное время… но никогда я не чувствовал себя таким идиотом, как там, в этих вертикальных ящиках их Politigaard'a в Копенгагене… в ожидании допроса… кого? о чем? у меня было время немного поразмышлять… ну вот! наконец они открывают мою коробку!.. помогают мне оттуда выбраться… надо же!.. сразу двое лягавых… эффект бери–бери[64] и вертикального ожидания…бюро было на пятом… лягавые вели себя очень вежливо… ни разу я не слышал ни одной грубости! должен также признаться, что мне стоило большого труда побороть головокружение и не шататься при ходьбе… не трястись… ёксель–моксель!.. я весь трясусь!.. последствия пеллагры… во всех «Пособиях» написано, что ничего не стоит вылечить цингу, достаточно нескольких ломтиков лимона… и вы в полном

[64] Примечания: 64

Болезнь, происходящая от недостатка в питании витамина В, проявляется множественным воспалением нервов, что обусловливает слабость в конечностях, расстройство сердечно–сосудистой системы, отеки. Селин неоднократно упоминает о своих болезнях в трилогии.

порядке!.. как же меня все–таки здорово покорежило!.. меня и похоронят наверное такого покореженного, как чучело!.. ладно! не такой уж я беспомощный старик, во всяком случае, это не повод распускать слюни! я уже сказал вам про этаж… вот мы и на пятом… для смеха, стоит все–таки описать, как по–идиотски сделана их Politiigaard… бесконечные переходы из коридора в коридор, крутые повороты, закрученные словно штопор, предполагается, что, если вам вдруг вздумается бежать, то вы неизбежно рано или поздно очутитесь во дворе, где вас уже ждут «массажисты»… специально натренированные лягавые… которые вас основательно помассируют! и отправят на гауптвахту! бежать нет смысла! поверьте мне!.. мудрому столетнему старцу!.. в «Пособиях» об этом ничего не написано! надо сидеть… и не рыпаться!.. нордическая тюрьма!.. здесь все продумано! знаете, из тех, кто сейчас шумит в Будапеште и Варшаве,[65] наверняка многие в конце концов загремят в Тюрягу!.. непременно!.. вот лет этак через двадцать вы у них и спросите, как у них там?… а туристы, те ничего не замечают, они, можно сказать, как

[65] Примечания: 65

Намек на антисталинские волнения в Польше и в Венгрии в середине 50-х годов

бараны, следуют за гидом… «Отель д'Англетер», Nyehavn, маленькие дикари, «большая Башня»… «русалочка»… их любопытство удовлетворено, они возвращаются к себе и считают, что все видели!.. две, три кружки Karlsberg, там пивная, там носят маленькие панамки!.. вот и все, мне ли не знать, что такое туризм!

Но вернемся на этаж! где меня под руки с двух сторон ведут лягавые… вот и пришли! меня усаживают! три Kriminalassistents собираются меня допрашивать… по очереди… о, безо всякой грубости!.. но зато с на редкость надоедливым упорством!.. «Признаете ли вы, что передали Германии планы Линии Мажино?«… я тоже упорно стою на своем! «No»! и подписываюсь! также серьезно, как они! допрос ведется на английском языке… что наглядно демонстрирует падение престижа нашего языка… будь это во времена Людовика XIV или даже Фальера,[66] никогда бы они не осмелились обратиться ко мне… «Do you admit?… do you admit?»[67] хуй вам! no! нет! подписано!.. можно не продолжать! как только все

---

[66] Примечания: 66

Арман Фальер (1841–1931) — французский политический деятель, президент республики с 1906 по 1913 год.

[67] Примечания: 67

Вы согласны? — *англ.*

мои «no! no!» подписаны, меня снова заковывают в наручники, спускают вниз, в машину… и вперед… через весь город! с Запада на Восток!

Так продолжалось несколько месяцев, пока в один прекрасный момент я не потерял способность двигаться… это случилось, когда трое Kriminalassistents снова явились ко мне в яму… чтобы задать мне все тот же вопрос… в яму, иначе не скажешь! вы сами увидите, три на три, шесть метров в глубину… в таком колодце запросто можно подхватить берибери, лишай, что угодно! я прожил в Пассаже Шуазель восемнадцать лет, я знаю, что такое невыносимые условия существования!.. но эта Venstre не имеет себе равных! вам не кажется, что я должен был там загнуться? а как же!.. без лишнего шума… без насилия… просто «он оказался слишком слаб»! за примером ходить далеко не надо: Рено… как они за него взялись!.. с какой юношеской энергией! они его продержали на дне колодца целых два года! им это не составило большого труда!.. меня — пять, шесть месяцев!.. я был на грани!.. я должен был откинуть коньки!.. я ведь калека на 75 процентов!.. не тут–то было!.. я выдержал! и пошли вы все!

Сейчас здесь, десять лет спустя, в Медон—Бельвю, меня уже ни о чем не спрашивают… только

слегка поддразнивают… да и то как–то вяло… с людьми я почти не общаюсь! они меня больше не интересуют!.. у меня другие заботы!.. газ… электричество… уголь! морковь!.. грабители, которые обчистили меня и загнали все на Блошином Рынке, наверняка, не страдают от голода!.. они обеспечили себе безбедное существование!.. пожинают плоды своих преступлений!.. почивают на лаврах! навешали на себя ордена, ленточки, галуны… за них они готовы были отрезать мне голову перочинным ножом! они увековечили себя на Триумфальной Арке! стяжали себе славу! не как «неизвестные солдаты»!.. а в неоновом освещении!

Но, может быть, я напрасно жалуюсь… самое главное, что я еще жив… и врагов у меня с каждым днем становится все меньше и меньше!.. они дохнут от рака, апоплексических ударов, обжорства… какое удовольствие следить за этим!.. мне много не надо… одно имя!.. другое! все–таки в жизни есть что–то приятное…

О, но я ведь уже говорил вам о Томине… Томина, моя кошечка!.. я вас совсем забыл! простите старого маразматика… о своих пациентах я вам тоже уже говорил!.. тех, кто еще остался, таких малочисленных… принимая во внимание мою

доброту, терпение, и тот факт, что в их преклонном возрасте им просто некуда податься, а также то, что я не требую никакого вознаграждения! о, абсолютно!.. эти редкие очень дряхлые старики еще иногда обращаются ко мне…

Что касается современных нравов, то как уроженец «второй Империи»… я продолжаю считать себя представителем «гуманной профессии»!.. я сам оплатил свою «практику», лицензию, квалификацию, это жалкое отопление и страховку — на похороны, я оплатил все это из своего собственного кармана!.. такова суровая реальность!.. внешне это выглядит красиво: гуманный врач!.. вы можете сказать:«Пустите кровь этому вашему Ахиллу! он должен наконец начать продавать ваши книги!..» но, черт его побери, пусть он ими подавится!.. он постоянно вопит, что я его разоряю!.. вонючий хорек! он, видите ли, дал мне авансом какие–то деньги!.. Ахиллу верить нельзя!.. так устроен мир!.. он ведет двойную, тройную игру, лезет вон из кожи! готов вступить в сговор с самим дьяволом! только чтобы меня не покупали!.. он прячет меня в своем подвале, заживо хоронит меня… чтобы меня переиздали только через тысячу лет… но здесь, в Бельвю, в настоящее время по его милости я должен подыхать

с голоду… «Ах да, Селин!.. он у меня в подвале!.. его достанут оттуда через тысячу лет! …» через тысячу лет даже французский уже никто не будет знать! Ахиллу этого не понять! знаете, это как кружево!.. я видел, как истлевает кружево… я сам, собственными глазами!.. подтверждением этого может служить то, что у моей матери на Пер—Лашез на могиле нет даже настоящего имени… знаете, что там написано… Маргарита Селин…[68] мне стыдно, но это из–за меня… чтобы каждый, проходя мимо, мог плюнуть…

***

Я не хочу изображать из себя Святого Винсента[69] или Мюнте,[70] но меня часто упрекают в том, что я слишком много внимания уделяю животным… это действительно так!.. да! да!.. сухари,

---

[68] Примечания: 68

Мать Селина, Маргарита Гийу умерла 6 марта 1945 года и была похоронена на кладбище Пер—Лашез

[69] Примечания: 69

Святой Винсент (Сен Винсен–де–Поль) (1581–1660) — французский священник, посвятил свою жизнь помощи беднякам и основал несколько благотворительных организаций (напр. дом для престарелых «Сен Винсен–де–Поль», о котором Селин упоминает и в романе «Путешествие на край ночи»)

[70] Примечания: 70

Аксель Мюнте (1857–1949) — шведский врач и писатель, автор двух книг «Книга Сан Микеле» и «Люди и животные», в которых он проповедует любовь к животным. См. письмо Селина к Альберу Парасу от 11 сентября 1949:«Мое призвание — это медицина. Мой идеал:

Семмельвайс или даже Аксель Мюнте».

сало, конопляное семя, звездчатка[71], рубленое мясо, им все сгодится!.. собаки, кошки, синицы, воробьи, малиновки, ежи делят с нами все тягости бытия! даже чайки с крыш Рено!.. зимой… с завода внизу… с острова… конечно, мы выглядим довольно забавно… одни приводят других… ежи, малиновки, синицы, особенно зимой!.. оттуда сверху, из Медона… без нас им пришлось бы туго, зимой… я сказал: сверху, из Медона… еще дальше! из Ивлина!.. мы находимся на краю Ивлинского леса… в самой крайней точке Ивлина… за нами уже Булонский лес, Бийанкур…

Ладно! наши животные обходятся нам недешево… согласен… нужно быть поэкономнее! мы вынуждены становиться экономнее десять раз в неделю! когда к нам прилетает десять новых птиц!

Самый несчастный из моих ассистентов по сравнению со мной кажется просто баловнем судьбы… я и вкалываю больше него!.. в сто раз больше!..ассистент этого не замечает! ему этого не понять… я нахожусь на грани полного краха… стыдно признаться!.. вот вам пример… зашла ко мне в прошлое воскресенье одна дама из Клиши,

---

[71] Примечания: 71
Цветы

моя давнишняя пациентка, дама очень светская, образованная, утонченная, все всегда знающая…она проехала через весь Париж на метро, потом на автобусе… какой ужас!.. я ее поздравляю… она совсем не запыхалась!.. она пришла ко мне посоветоваться… когда–то я лечил ее и всю ее семью… в свою очередь я распрашиваю ее о том… о сем… обо всех, кого я когда–то хорошо знал… обо всех новостях… в Порт Пуше, в Сквере Лотарингии, на улице Фанни…[72] что они сделали с домом Роге?… она рассказывает… она знает все… некоторые еще меня помнят… через столько лет… они передают мне свой привет и наилучшие пожелания… они в курсе всех моих передряг… они считают, что со мной обошлись несправедливо! засадив меня в тюрьму!.. конечно, останься я в Клиши, они бы меня наверное четвертовали!.. ну да ладно, поговорим о чем–нибудь другом!.. о больницах, например… об огромной Биша… или о мэре… о его заместителях… господах, товарисчах… о покойном Нейле, который покончил с собой… он был парижанин, как и я… редко быва-

[72] Примечания: 72

Упоминающиеся на этой странице имена, места и факты касаются периода, когда Селин жил (с 1928 по 1932) и работал (с 1928 по 1937) в Клиши. На улице Фанни находится муниципальный диспансер, где практиковал Селин.

ет, чтобы в парижском пригороде заместитель мэра был не из Нижних Альп или Эно… всем придется не сладко в этом парижском пригороде, если вы не из Дром, Корнуай, Перигора… например, в Мэрии интересуются:«Где вы родились?» Курбвуа, Сена… девица недовольно морщится… ваш ответ ей не нравится…

Но хватит о Нейле, поговорим лучше об Офрэ, прежнем мэре… и еще об Ишоке…самозванном докторе Ишоке, который тоже сам свел счеты с жизнью…[73] трудно себе представить, никто даже не подозревает, какие дела задумывались, обсуждались и обделывались в коридорах Мэрии! тройные обитые железом двери, «швейцары», внутри всегда пусто!.. здесь нет ризниц, где оттачиваются кинжалы! хранится «синильная кислота»! нет! тайна сменила свое облачение!.. огромное количество тайн можно обнаружить в Бюро Благотворительности… одна из самых загадочных историй, с которой я столкнулся, когда жил в Клиши, это история Рудьера, служащего бюро Гигиены… мы еще к этому вернемся…

---

[73] Примечания: 73

Селин несколько раз вспоминает в своей переписке и интервью этого Ишока, «самозванного доктора», которого «Москва» поставила во главе диспансера в Клиши и которого он считал виновным в своем увольнении из диспансера.

к кончине этого господина Рудьера… от рака! да! но обратите внимание! тут не обошлось без политики!.. об этом свидетельствует то, в каком состоянии я его обнаружил!.. обращались с ним крайне грубо!.. это безусловно! его язва кровоточила уже целых шесть месяцев!.. думаю, что бедняге на том свете гораздо спокойнее!.. в честь таких, как он в этом мире не называют улиц… вот если бы он сам издевался над другими, то теперь наверняка была бы «улица Рудьера»… забавно! Приятно поболтать просто так… о том, о сем… это напоминает мне убийство в «Зеленом Доме»… исчезнувший трупешник!.. обычная история! убийство в бистро за стойкой… тайна, покрытая мраком, труп так и не нашли! однако все видели! как этот тип рухнул! с двумя ножами в спине!.. кореша обслужили! пока сообщили лягавым, пока те явились, чтобы осмотреть покойника, пока ходили за носилками… жмурик улетучился!.. конечно, не без посторонней помощи. Арестовывают всех!.. хозяина, свидетелей, служанку, буквально всех! через час лягавые являются снова! дело темное! труп снова там, вернулся!.. тот же самый! но с тремя ножами в спине!.. тут что–то неладно!.. они снова отправляются в Отделение, поднимают по тревоге весь Париж!.. Но когда они

снова возвращаются в бистро, трупешник опять испаряется! положительно! игра в прятки!.. в конце концов им это надоело! воспоминания, воспоминания… «Зеленый Дом»… Порт Пуше… ладно!.. я кажется начал говорить про Сен—Винсен–де–Поль…

— И что Сен—Винсен–де–Поль?

Знаменитый дом престарелых… у меня там тоже были пациенты… и среди тех, кто уже не вставал с постели, и среди сиделок…

Сколько теперь стоит пребывание в Сен—Винсен–де–Поль?

У всех стариков болезненный интерес к стоимости пребывания в «доме для престарелых»… мои мать и отец тщательно собирали проспекты подобных заведений… «Боннавиа», «Гаригари», «Маленькое домашнее хозяйство» в Эк–сюр–Урк… но я должен признаться, что в моем состоянии, мне лучше всего подошел бы Сен—Винсен–де–Поль…

— Вы знаете, сколько они берут?

— О, раньше это было совсем недорого!.. раньше! но не теперь!.. теперь, доктор, это стоит 1200 франков в день!..

— В день?

— Да!.. да!.. в день!

— Вы уверены!.. вы не ошибаетесь, мадам?…

Да, это действительно уже слишком!.. 1200 франков в Сен—Винсен–де–Поль!.. и у аббата Пьера тоже! такие же бабки!.. послушайте, я думаю… это уже не шутки!.. 1200 франков в день!.. я думаю о себе и о Лили, думаю о том, сколько у нас денег! 1200 франков нам не наскрести!.. вот какая теперь жизнь!.. чтобы не сдохнуть приходится проявлять чудеса изворотливости!.. конечно, что такое 1200 франков для Броттэна?… ерунда! для него и его двух тысяч авторов в подвале, готовых трудиться до умопомрачения! черт бы побрал всех этих его ручных Титанов из Бежевой серии!.. не брезгающих ничем кровожадных аллигаторов–плагиаторов!.. они–то заработают себе десять миллионов на пансион! как и этот денежный мешок Ахилл! с теми, кто томится у него в подвале! только успевай нажимать на кнопку!.. оп! оп! он — настоящая ротационная машина! у его семейки и тех, кто особо приближен к нему… денег куры не клюют… в тридцати шести банках! в бесчисленных сундуках в подвале! вместе с рукописями!.. внушительная пирамида, которая всем бросается в глаза, это еще не самое главное! главное — то, что спрятано там внутри! в глубине замурованных наглухо склепов! там находится

мумия и ее валюта! вместе с двумя тысячами проданных в рабство авторов! и вечно хнычущим Лукумом!.. его верным Лукумом! с ним!.. конечно с ним!.. этим жирным кастратом! прожорливым чудовищем! чей моллюскообразный рот заглатывает в себя все, что угодно, вплоть до дерьма! вы чувствуете запах дерьма? отлично! оп! он уже тут–как–тут, присасывается к нему! кладет на стол!.. дрожит от нетерпения!.. истекает слюной! и проглатывает!.. иначе он не может!

Да! но, тем не менее, моя пациентка, моя старая приятельница нанесла мне суровый удар! к этому я был не готов… 1200 франков в Сен—Винсен–де–Поль! такого я не мог предвидеть… ничего хорошего нас с Лили в будущем не ждет…

О, вы конечно можете сказать… подумаешь газ! что вы все ноете по поводу газа?… возьмите да отравитесь сами этим газом!.. черт побери! читайте свою «любимую газету»… люди, которым становится невмоготу, травятся газом!.. хорошенькое дело! у меня за плечами тридцать пять лет медицинской практики, и я кое–что в этом понимаю!.. это вовсе не так просто! далеко не так просто! их спасают!.. и самое главное: они не умирают, но подвергают себя ужасным мучениям!.. застревают между жизнью и смертью!..

им приходится умирать и оживать тысячу раз! а запах!.. сбегаются все соседи!.. в вашей конуре все переворачивают вверх дном! вас ведь могут еще и основательно обчистить… а вдруг пожар! вспыхнули занавески!.. к вашим страданиям добавляются новые, но на сей раз от асфиксии и ожогов!.. полный букет!.. нет! газ — не самый лучший способ!.. поверьте мне, я неизменно говорю это каждому, кто обращается ко мне за советом, самый надежный способ: охотничье ружье в рот! засуньте поглубже!.. и паффф!.. вы взрываетесь, как в кино!.. неприятно, конечно, что везде ошметки!.. на мебели, на потолке! отовсюду капает мозг… должен вам признаться, что самоубийств на своем веку я повидал достаточно… удавшихся и неудачных… в тюрьме вам тоже могут помочь свести счеты с жизнью!.. а как же!.. за ее стенами время останавливается!.. медленное самоубийство… но в тюрьмы попадают далеко не все… Безон, Сартрувиль, Клиши… и конечно же, Зикмаринген!.. вот где такая помощь была нужна!.. тем, кто сидел по этой дерьмовой 75 статье… помощь, я не оговорился! они все в ней очень нуждались! самые влиятельные особы влачили в Замке жалкое существование!.. нервы у них были на пределе!.. это ведь была настоящая

Планета ненависти!.. для чудовищ, которые на ней обитали… простых истязаний казалось недостаточно… они выдумывали все новые и новые… им хотелось, чтобы они длились вечно!.. только самые безнадежные, заживо гниющие, харкающие панкреасом и кишками, изнывающие от чесотки больные в «Fidelis»[74] так же умоляли меня помочь им поскорее расстаться с жизнью… е-мое!.. уверяю вас, министры из Замка были гораздо более настойчивы!.. но как? разве я знаю, какой способ предпочтительней?… револьвер? цианид?… петля?… Лаваль[75], конечно, был себе на уме!.. этот самодовольный Лаваль! со мной он так и не посоветовался… и посмотрите, как он кончил!.. при помощи жидкого цианида!.. он оказался хитрее остальных! а как кончит де

---

[74] Примечания: 74

Больница в Зигмарингене

[75] Примечания: 75

Пьер Лаваль(1883–1945) возглавлял правительство Виши с июля по декабрь 1940 года, потом с апреля 1942 по август 1944, лидер французского политического коллаборационизма с Германией. В основном факты, упоминаемые Селином в романе «Из замка в замок» являются подлинными: Лаваль действительно пытался отравиться цианидом за несколько часов до расстрела, его последними словами были: «Да здравствует Франция!». На него было совершено покушение в Версале 27 августа 1941 года во время смотра французских добровольцев перед отправкой на Восточный фронт; с 1914 года он был депутатом, потом мэром Обервилье; у него были связи с Соединенными Штатами через зятя Рене де Шамбрэн, мужа его дочери Жозе. В Зигмарингене Лаваль считал себя узником и не занимался никакой политической

деятельностью.

Голль? Торез?...[76] Молле?...[77] они еще сами не знают!.. они продолжают разглагольствовать!.. лично я предпочел бы покончить с собой в саду... да!.. он ведь такой большой... а может, лучше в подвале?... подвал тоже сгодится... кошка будет приходить туда рожать своих малышей... так же как и раньше... Лили ей обычно помогает... а мне помощь не нужна... У Лили не будет неприятностей... все будет оформлено должным образом... Прокуратура констатирует факт смерти... причина самоубийства?... неврастения... я напишу письмо Прокурору и оставлю небольшую сумму Лили... подчеркнуто официальное!.. прочтите и порвите!.. Лили достанется совсем немного... однако этого должно хватить на два, три года... вы сами знаете, какое сейчас бурное, непредсказуемое время, когда вас так и норовят ограбить везде, где бы вы ни находились! а если вы «отбываете срок», у вас на руках наручники! и вас не обчистили до последнего су?... да это просто чудо! весь мир сошел с ума!.. хотел бы я посмотреть, что

---

[76] Примечания: 76

Морис Торез (1900–1964) французский политический деятель. Генеральный секретарь коммунистической партии с 1930 по 1964 год, сторонник Народного Фронта, министр с 1945 по 1947 год

[77] Примечания: 77

Ги Молле (1905–1975) французский политический деятель, социалист. Президент Совета Министров с 1956 до 1957 года.

стало бы с Ахиллом, окажись он в таком положении! с ним! и с его окружением! с каким треском лопнул бы тогда этот его «Мозговой Трест»!

Лили совсем одна… я плохо себе это представляю!.. Лили такая беззащитная… неземная! как фея!.. ее оберут до нитки!.. ну и ладно! я сам обо всем позабочусь!.. Лаваред со своими пятью су![78] не смешите меня, мадам! об этом не стоит даже говорить! он путешествовал по свету, подвергаясь тысячи опасностей? опасностей! о ля ля!.. посмотрел бы я на него, окажись он на нашем месте… тсс!.. между четырех разъяренных армий! среди адского грохота!.. сотрясающего землю и небо! под градом смертоносных молний! толпы мародеров! солдаты, бронированные поезда, сироты, вдовы!.. вы читали о летающих крепостях!.. О, над нами они кружили целыми эскадрами, это было настоящее столпотворение! и почти без гроша в кармане!.. вот так! напасть за напастью!.. это вам не Шатле, можете мне поверить!.. пламя, бомбы, в натуре! я вам клянусь! Геттинген,

---

[78] Примечания: 78

«Пять су Лавареда» — роман для детей Поля д'Ивуа, вышедший в 1891 году: 35-летний журналист Арман Лаваред наследует от дальнего родственника большое состояние при условии что он, чтобы научиться экономии, обойдет вокруг света не имея в кармане больше пяти су, «как вечный жид».

Кассель, Оснабрюк?[79] дымящиеся, излучающие фосфорическое свечение готовые в любой момент взорваться вулканы! это зрелище не для слабонервных!.. трам! тарарам!.. нагромождение осколков!.. целые соборы из руин!.. с колокольнями из поездов!.. дьявольский хоровод! словами этого не описать!..

Но вернемся к моей скромной персоне… Геттинген, Кассель, Оснабрюк? всем ведь на это плевать!.. так же как на Требизонд или Нант!.. эти города могли бы гореть еще двести лет!.. а Байе! а Баку!.. ну!.. а Неаполь? можете продолжать!.. подлейте масла в огонь! чтобы получше поджарить свою отрубятину! тухлятину! внутренности! овощи!.. речи, дребедень, статуи! балаболки!.. кончайте свою трепотню! мы и так уже по уши в дерьме! и никогда из него не выберемся!.. никогда не сможем ничего себе купить!.. а налоги?… не каркай!.. в делах нужно быть *оптимиссом*!.. упаднические настроения до добра не доведут! проблемы?… проблемы?… у нас их и так слишком

[79] Примечания: 79

В этом отрывке впервые упоминается путешествие по Германии, к рассказу о котором Селин еще вернется в романах «Север» и «Ригодон». Эти города (на следующей странице Оснабрюк заменен на Гановер) находятся на пути из Зигмарингена в Гамбург, Селин проезжал там в марте 1945 года. Все эти города во время войны подверглись жестоким бомбардировкам, в частности Кассель и Гановер.

много! интересоваться Ганновером, Касселем, Геттингеном? Что стало с их жителями!.. а почему не с обитателями Биянкура?... или Монмартра? с семьей Пуарье с улицы Дюэм?[80] вот именно! надо быть скромнее! серьезнее!.. если хотите!.. мне достаточно и Лили!.. отсутствие денег меня волнует только из–за Лили... если я покончу с собой, то сможет ли она прожить с тем немногим, что у нас есть, хотя бы два года?... едва–едва... но не более! уроками танцев много не заработаешь! танцовщицы все время «в отъезде»!.. они или на гастролях, или беременны... ей не продержаться и двух лет... я сделал все, что мог... мне не в чем себя упрекнуть!.. я старый больной человек: прощайте!.. все будет обставлено должным образом!.. не придерешься!.. из охотничьего ружья?... продажа оружия ведь разрешена!.. с этой шайкой из 14-го[81] нужно держать ухо востро... никакой «незаконный деятельности»!.. а что такое «незаконная деятельность» я в полной мере познал благодаря нечеловеческой низости своих ближних! подлые холуи!.. простите-с! но

---

[80] Примечания: 80

Улица Дюэм находится на Монмартре недалеко от улицы Жирардон

[81] Примечания: 81

Очевидно, имеется в виду 14-й округ Парижа, где находится тюрьма Санте.

кругом либо умственно отсталые, ни на что не способные ублюдки, я-то на них в своей жизни насмотрелся, либо типы вроде Ахилла, грязные жирные свиньи с карманами, набитыми деньжищами и карточками различных партий, для которых закон вообще «не писан»!.. привет, жулики!.. «я искренне рад вашим успехам»! нет, я вполне серьезно! мне нравится наблюдать, как все эти обнаглевшие «коты» вытирают об Уголовный кодекс свои ноги… о ля ля!.. а откуда все взялось?… бюро?… конверты в кармане? нарукавные повязки?… печати? я мечтаю увидеть идеального котяру! самого наглого изо всех, такого, как у Карко, зарабатывающего себе на жизнь собственным членом!.. мечтаю!.. на скамье подсудимых… послушайте! считать Президента недоумком! открыто смеяться над ним!.. а Прокурора безмозглым бараном!.. пора положить этому конец! какая наглость! я просто не нахожу слов!.. чтобы выразить свое возмущение! не выходя за рамки приличий! очевидно, ответственность за соблюдение законности слишком сковывает Президента!.. он сгибается под ее тяжестью! не может пошевелиться!..

Но увы! все это не совсем так!.. точнее, совсем не так!.. в органах юстиции знают, что им вы-

годно… причем так везде! в Уганде! в Советах!.. в Парламенте! при комиссарах!.. при анархистах!.. против собственной выгоды не пойдет никто!.. самого главного «кота» никто не замечает!.. он не может оказаться «за решеткой»!.. главные жулики всегда остаются на свободе! аристократы из Нейи, или «сутики» из Вилет!.. в салонах Людовика XV или за стойками Золя… Обалдеть! повсюду заправляют эти хлыщи! больше их не тяготят никакие неприятные воспоминания!.. может быть, их пугает виселица?… нет!.. нисколько!.. а гильотина?… а кол?… все это уже достояние истории… посмотрите на Лаваля… «Да здравствует Франция!»

***

О да!.. я согласен!.. «Самоубийство?… Вы собираетесь покончить с собой?… бред!.. так кончайте!.. хватит болтать!.. идиот!.. вы нам ужасно надоели!.. признаюсь!.. меня иногда здорово заносит… это все из–за страха нарушить закон… приспособленец дерьмовый, паникер!.. от этого чертова страха у меня даже яйца отнялись! я не могу решиться… нет, я пас!.. я все путаю… говорю не о том… о ля ля! совсем не о том!..

Когда я думаю о том, чего я избежал!.. что они собирались сделать со мной!.. мне становится не

по себе!.. надо же!.. какая жалость!.. им достался только мой мопед! вместо меня! я успел свалить!.. какая досада!.. полные полки!.. трах!.. тарарах!.. рамка! канделябр! резурвуар! скоты! трах!.. они были вне себя от злобы!.. колошматили своими сапожищами!.. будто видели перед собой мой череп!.. вот, чего я избежал!.. они решили отыграться на мне за Алжир!.. будто это я его у них стащил! и Долину Монсо тоже!.. вокруг толпились ничего не понимающие зеваки!.. им так хотелось, чтобы зверь оказался у себя!.. в логове!.. непременно!.. в Арен!.. а если он уже улизнул?.. как?.. их лишают удовольствия поулюлюкать? полюбоваться на смертную казнь? это делает их совершенно невменяемыми!.. они вопят, беснуются… на улице Жирардон!.. улице Лепик!.. черт побери! кончай прохвоста! на кол его! круши! ломай его мопед! раз уж тот подвернулся под руку! спецподразделение? сорок лбов!.. на Мезе, когда шли тевтонские танки, их не было! ничего! мой моторизованный велосипед таит в себе не меньшую опасность!.. сорок лбов!.. бей, круши все вокруг! конечно, останься я там, то же самое сделали бы и со мной! тюкнули бы прямо по башке! бац! бац! как Луи Рено… правда, у Рено был завод и 50 миллиардов… а меня бы просто

так, забавы ради!.. отступающая армия являет собой жуткой зрелище, нужно быть готовым к чему угодно… семь миллионов дезертиров и все пьяные, а по сему обольщаться не стоит: все ясно! это Апокалипсис!.. мир вывернулся наизнанку!.. все перемешалось!.. удары сыплются на затылки и мопеды! месть обрушивается даже на неодушевленные предметы и жалких калек! повсюду слышны хрипы агонии!.. так что я правильно сделал, что вовремя смотался с Холма!..[82] и без лишнего шума!.. конечно, эта чистка далеко не последняя!.. поводы позабавиться всегда найдутся!.. помахать ножичком, воткнуть его поглубже! тут долго агитировать не надо! это как перепихнуться в двадцать лет!.. без проблем!.. убийство, да еще во имя высшей цели!.. и все–таки, мне хотелось бы еще хоть немного побыть на людях! хоть несколько мгновений, прежде чем уйти навсегда… «Еще минуточку, господин Палач!»[83] мне хотелось бы взглянуть на окружающих!.. прежде! прежде! где угодно!.. на Площади Конкорд! или на

[82] Примечания: 82

Имеется в виду холм Монмартра, где на улице Жирардон жил Селин

[83] Примечания: 83

Слова, приписываемые графине Дю Барри перед казнью. Этот факт приводится в романе Достоевского «Идиот», о нем упоминает Лебедев. Графиня Дю Барри, фаворитка Людовика XV (1743–1793), была гильотинирована во время революции.

Марсовом Поле!.. бросить прощальный взгляд на мир! мое место на ступенях!.. я заслужил!.. калека на две трети!.. я готов!.. помост уже сооружают!.. а как же!.. я готов, ибо как истинный патриот понимаю, что не способен больше трудиться на благо общества!.. я комуняка?.. о ля ля! дорогуша!.. в сто раз больше, чем Букар,[84] Торез и Пикассо вместе взятые!.. они ведь не стали бы сами заниматься своим хозяйством… американец?.. да, не меньше, чем сам Дьюлз!..[85] акцент и все такое!.. так что прошу соблюдать субординацию! «Мозговой трест» будет обезглавлен!.. помост напоминает мне прокатный стан! а если его еще подвергнуть радиационной обработке? так!.. так!.. сделать его похожим на горнило Истории? превосходно!.. Мориаку–то что, он совсем как листочек!.. плоский, со слабыми жирондистскими выкриками! он пройдет сквозь него спокойно, как по почте!.. я его поддержу.. «Давай! давай! спокойно! спокойно! Франсуа!» но… постойте… может быть, я заблуждаюсь?.. я ничего не увижу… я ведь уже слишком

---

[84] Примечания: 84

В другом месте в том же контексте и тоже рядом с именем Пикассо упоминается имя «Буссак» см. стр. «Из замка в замок»

[85] Примечания: 85

Джон Фостер Дьюлз(1888–1959) американский политический деятель. Активный сторонник политики «холодной войны» с СССР, республиканец.

стар! а вокруг меня все перемешалось! какие–то куски!.. простаты, фибромы, наросты в бронхах… язык!.. миокардиты!.. забавное зрелище!.. товарисчи, буржуи, чистильщики сапог с лапшой на ушах!..[86] маленькая кучка микроэлементов, это все, что от них осталось! наросты застревают у них в глотке… они хрипят!.. говорить они больше не могут!.. некогда такие бойкие на трибуне, теперь они покорно опускаются на колени!.. и в дыру!.. дешевки!.. жалкие лохмотья от сухой гангрены! ну что, мученики?.. съели?.. хр–р–р!

Мне много не надо… я отношусь к жизни философски!.. однако мне хотелось бы!.. чтобы поскорее настала очередь Лукума!.. пусть наконец–то ему воздастся по заслугам!.. и Ахиллу тоже, вместе с его миллиардами!.. тук! тук!.. прошу вас!.. на сей раз Сопротивление бесполезно!.. а как приятно было раздолбать мой мопедик!.. он был как игрушечка!.. мой мопед из Безона… а я ведь никому никогда не навязывал своего мнения, просто советовал… не то, что аббат Треп!..[87]

И вдруг меня осеняет!.. а что, если мне дадут

---

[86] Примечания: 86

Намек на лапшу, точнее, вермишель — диету, обычно прописываемую доктором Детушем при воспалении простаты

[87] Примечания: 87

Очевидно имеется в виду аббат Пьер

Нобелевскую премию?.. это позволило бы мне развязаться с налогами, заплатить за отопление и морковь!.. но там наверху, ебать их всех в жопу, мне ее никогда не дадут! их Король такой же! каким угодно мандавошкам!.. да! самым прилипчивым со всей Планеты!.. это пожалуйста! там все давно схвачено!.. а вам остается лишь любоваться Мориаком… как он, облачившись в мантию, подобострастно улыбается и раскланивается, стоя на своей маленькой подставочке… главное, ничем не брезговать!.. даже самой грубой лестью!.. «о какой он замечательный, солидный, этот ваш Нобель!».. впрочем, я вчера все это кому–то уже говорил… а тот со мной не соглашался! «послушайте! но Нимье[88] ведь вам предлагал!.. неблагодарный!.. вы что, не читали? так давайте!.. напишите еще одно «Путешествие»! все зависит от вас!.. но я так не думаю.. нет! нет!.. я не считаю, что «Путешествие» приятно читать… Альтман

[88] Примечания: 88

В номере от 18 октября 1956 года «Нувель литерэр» Роже Нимье поместил статью, озаглавленную «Дайте Селину Нобелевскую премию», где писал: «У нас сейчас 1956 год. Большая часть талантов получила вознаграждение.(…) Настало время подумать об одном из величайших писателей XX века, во всяком случае, наиболее важном по своему влиянию…». Отношения Селина и Нимье описываются в «Севере».

тоже так не считал… и Доде…[89] теперь главное — побольше врать!.. а что если поведать о том, как кокнули Рено? да!.. недурно-с.. или о том, как раздолбали мой мопед?.. тоже довольно забавная история!.. или о величественном полыхании моих рукописей? банальный инцидент!.. но все равно пусть все о нем знают! ужасаются!.. угу! как же! черта с два! я вот перечитываю теперь самого себя… прочел уже почти 150 страниц… это никуда не годится!.. из рук вон плохо… какая–то патологическая приверженность к правде! назойливая серьезностть… ну и сиди со своей серьезностью!

Или вот еще!.. «наезжает» на меня директор издательства Беранжер… да! «наезжать» — это такой кавалерийский термин!.. иначе говоря, он меня находит… находит для того, чтобы я перешел к ним, прихватив с собой все свои рукописи, выкрутасы, вопли!.. ах! ах! и на кой ляд я ему сдался? вот я перечитываю самого себя… все свои шедевры! конечно, он тоже ненавидит этого Ахилла!.. и давно.. очень давно! у него с ним свои счеты! он много бы дал, только чтобы видеть его

---

[89] Примечания: 89

Жорж Альтман в своей статье о «Путешествии» назвал его «книгой отчаяния» и сравнил с «тяжелой черной рекой, заполненной трупами иллюзий и мертвыми надеждами». Статья Леона Доде появилась в «Кандиде» от 22 декабря 1932 года. Она начиналась такими строками:«Это удивительная книга…»

униженным, разорившимся, лишившимся всего своего имущества!.. которое спустят за бесценок на Блошином рынке! чтобы всплыли все его махинации и темные делишки… о которых уже успели позабыть, и… ну… чтобы его уничтожили, сравняли с землей!.. успели позабыть?.. как бы не так!.. а миллионы в месяц? не меньше… они еще не утратили своей актуальности!.. о них болтают на каждом углу!.. Жертрут от удовольствия потирает руки! прикидывает! вот если бы я взялся за это дельце! помог открутить Ахиллу башку!.. но сперва я должен сказать да!.. оп!.. я перехожу!.. вместе со всеми своими рукописями!.. отныне мои бессмертные шедевры будут выходить в издательстве Беранжер!.. о конечно, узнав об этом, Ахилл сразу же не загнется от ужаса! нет! у него еще будет время полюбоваться на то, как разваливается вся его контора! катастрофа! блеск!.. блеск!.. пусть я только начну!.. а 2000 его рабов этим воспользуются! и разбегутся! тогда–то и поднимут все досье!.. делом заинтересуется Прокуратура!.. но простите!.. почему это доставляет столько удовольствия?.. какому–то Жертруту! Де Морни!.. я подозреваю, что в глубине души он немного антисемит… о, тогда это было бы чем–то вроде дела Дрейфуса?.. так вот почему они так

ненавидят друг друга!.. а что, может быть?.. они сами ведь мне в этом никогда не признаются… они знакомы, наверное, уже лет сто и знают друг о друге все… подлостей же, которые они сделали друг другу, хватило бы, я думаю, на тысячу лет!.. Ахилл со мной больше не церемонится… «Вы жалуетесь? но черт побери! вам и таким как вы! не жаловаться нужно! а радоваться, что вас не расстреляли!.. разве я не прав?» Жертрут, тот умеет подойти к людям, он мне сочувствует… напоминает мне, как я рисковал, каким испытаниям подвергся… «Ваша мебель! ваши рукописи! последние четыре су! они вас просто пустили по миру!..» он едва сдерживает свое возмущение… Броттэн вовсе лишен сердца!.. я должен радоваться, что меня не расстреляли! ах, какая наглость!.. у него это не укладывается в голове… если бы он только знал, что я обо всем этом думаю!.. для меня главное, чтобы они схлестнулись, вцепились друг в друга и на отпускали до самого finish'a !.. пока не перегрызли бы друг другу сонную артерию!.. если я ему до сих пор и не выложил всего, что думаю… то это только из–за собак и птиц… которых я должен кормить! ну и из–за нас с Лили тоже!.. люди вообще часто бывают слишком болтливы… лапша!.. главное, это лапша! уголь и газ!.. а будь я

с ним чуть пооткровеннее, так он бы ко мне и на пушечный выстрел не подошел!..

— Очнитесь, станьте таким как прежде, Селин!.. пишите так, как говорите! это неподражаемо!..

— Вы очень любезны, Жертрут, но взгляните на меня! взгляните повнимательней!

Я стараюсь его успокоить.

— Поймите, я больше ни на что не гожусь!.. перо валится у меня из рук!..

— Ну что вы, Селин!.. напротив, вы в отличной форме!.. в расцвете лет!.. а Сервантес!.. да вы и сами это знаете!

— Да, Жертрут!.. я сам это знаю!.. мне столько же лет, сколько и Ахиллу!.. 81 год!.. настоящий Дон Кихот!..

Все издатели, желая подбодрить своих старых кляч, прибегают к этому трюку, мол Сервантес был совсем мальчишкой!.. ему был всего 81 год!

Он ведь был еще больше инвалид, чем вы!.. Селин!

Он не сдается!.. продолжает меня ободрять, черт бы его побрал!.. своей выгоды он не упустит!

И что они собственно не поделили, Ахилл и Жертрут?... с чего все началось?.. этого уже никто не помнит... это было слишком давно... может быть, лошадь??.. или танцовщицу? никто не

знает… теперь весь сыр–бор из–за издательства… это раньше были секунданты… дуэли!.. теперь делят только лавочки!.. у кого из двоих в подвале больше авторов?.. двух старых маразматиков это очень волнует!.. а вы бы видели, какие у них обоих хари… когда стареешь, индивидуальные черты лица стираются и все больше проступает Время!.. интересно, они родились до «Большого Колеса»[90] или после?.. Жертрут де Морни наверняка носил свой монокль… монокль небесно–голубого цвета!.. может, он и камзол носил? возможно!.. женщины?.. деньги?.. естественно!.. однако есть одна деталь, свойственная только Ахиллу… его характерная улыбка!.. смущенная улыбка сдающей напрокат стулья старухи, которая готова рвать на себе волосы от того, что ее опять на чем–то застукали… зато у Жертрута был его монокль… который он никогда не снимал! ему приходилось делать невероятные усилия! дабы складки кожи от морщин не мешали ему смотреть… Ахилл, со своей вечно смущенной улыбкой, в 1900 году был просто неотразим…

---

[90] Примечания: 90

«Большое Колесо» находилось на авеню Сюфрен и было одним из аттракционов Универсальной Выставки 1900 года}

его так все и звали «Неотразимый»… Ватто!..[91] Фантэн—Латур!..[92] «Ярмарка тщеславия»… куча хлама, который уже никого не интересует… монокли, гримасы, дряблые веки, парики… улыбки… сдающие стулья старухи… светские львы…

***

Но теперь речь идет ни о женщинах или деле Дрейфуса!.. речь идет обо мне… о правах на мои шедевры!.. мои гениальные книги, которые больше никто не читает… (во всяком случае так dixit[93] Ахилл)… однако в порыве взаимной ненависти они об этом забыли!.. еще бы, у них в подвалах полно великих писателей!.. гораздо более знаменитых, чем я!.. слывущих педерастами! «борцами за права человека»! коллаборационистами!.. моджахедами!.. маньяками с садистскими наклонностями!.. продавшимися русским! полно гениев!.. совсем юных!.. впавших в маразм!.. женского пола!.. и еще черт знает каких!

---

[91] Примечания: 91

Антуан Ватто (1684–1721) — французский художник, в основном изображал на своих картинах галантные сцены, артистов и музыкантов.

[92] Примечания: 92

Анри Фантэн—Латур (1836–1904) — французский художник, писал групповые портреты и цветы.

[93] Примечания: 93

Dixit — говорил (*лат.*)

Но вернемся к фактам… я никогда не забуду, что Фред Бурдоннэ, который первым стал кормиться за мой счет, покинул меня насовсем! он ушел один при свете луны, и его прикончили на площади Инвалидов… там ведь убивали каждый день!.. еще бы! и он это прекрасно знал!.. у этой площади была дурная слава… он был развратен?.. безусловно!.. но до чего надо дойти, чтобы отправиться ночью, да еще в одиночку!.. на площадь Инвалидов!.. в том, что с ним случилось, нет ничего удивительного!.. самое смешное, что Бурдоннэ прикончили ночью на Площади Инвалидов, а мое имущество пустили с молотка!.. тогда все досталось Маркизе Фюальдес!..[94] вот так всегда и бывает!.. я сам тоже стал жертвой мошенников!.. тебя обирают до нитки!.. раз!.. другой!.. третий!.. сотый!.. торгуют тобой и твоими бессмертными произведениями!.. «в которых есть что–то волнующее»!.. но всем тем, кто обязан тебе своим благополучием, в сущности, нет до тебя никакого дела… «он в тюрьме, ну так пусть там и подыхает!» мне следовало понять это раньше!.. еще в

[94] Примечания: 94

Маркизой Фюальдес Селин часто называет в романе «Из замка в замок» управляющую издательством Деноэля после смерти издателя. Маркиз Фюальдес был жертвой знаменитого преступления 1817 года. Он был похищен на улице, пока два музыканта, соучастники преступников, заглушали крики громкой музыкой.

средней школе… голубая линия Вогезов, поэзия!.. ах, поэзия, это моя слабость! вечное стремление к совершенству! ну что, ублюдок? допрыгался!.. твое добро!.. мебель!.. лира!.. книги!.. за решетку! дерьмо! хватит!.. сиди и не рыпайся!..

Вы, наверное, думаете, что теперь этот Броттэн положил на меня глаз!.. он или Жертрут? какая разница!.. а Маркиза?.. тоже сойдет!.. все они одинаковы!.. работа?.. это не для них!.. это для таких, как я!.. мое место у параши! я должен горбатиться!.. выбиваться из последних сил, их развлекать… а эти дармоеды, которые вытянули из меня все жилы, предпочитают не напрягаться, они по–прежнему просто сидят и ждут, разинув свои хлебальники! это я должен их кормить!.. веселее! веселее!.. требуют они!.. и стучат ногами от нетерпения!..

Веселее?.. да уж куда веселее?.. уже на следующий день после убийства на Площади Инвалидов меня самого сцапали на другом конце Европы!.. и не в шутку!.. а вполне серьезно!.. срок мне отмотали на полную катушку! впрочем, в том аресте, и в самом деле, было что–то гротескно–комическое! на крыше!.. этакая кавалькада среди труб!.. огромная свора лягавых с револьверами в кулаках!.. а должен вам сказать, в Копенгагене, в

Дании, 22 декабря на крышах довольно прохладно!.. можете сами в этом убедиться!.. смотайтесь туда! туристы ведь ничем не рискуют!.. Ved Stranden, 20 (tuve, по–датски) вы легко найдете!.. там еще внизу бакалея! Bokelund… а напротив, с другой стороны улицы, большое освещенное день и ночь здание… National Tidende… это газета… вы не ошибетесь… так вот, в конце декабря начался охотничий сезон на «коллабо»… поднялась «волна всеобщего негодования»… началась «травля»!.. по всей Европе! теперь нечто подобное происходит в Пеште!.. завтра все повторится здесь!.. потом там!.. потом где–нибудь еще!.. охота это как соитие, как любовь!.. люди испытывают к ней неистребимую тягу!.. я был хорошей добычей! все жаждали моей крови!.. к тому же наступил самый разгар сезона! я, Лили и Бебер!.. мы карабкались по крышам! как затравленные животные, которые, спасаясь от преследований, совершают чудеса изворотливости! тут!.. там!.. повсюду!.. охота — это спорт!.. безусловно!.. даже если вы просто туристы!.. вы ведь тоже начинаете охотиться… за сувенирами!.. все на охоту! увы, все забывается… забыли же Верден… все в мире уже почти ничего не значит… но мне хотелось бы… пусть это и не так значительно… но нашу

эскападу на Ved Stranden, когда я, Лили и Бебер прятались на крышах среди водосточных труб… от прицельной стрельбы озлобленных лягавых… под Новый Год 45-го!.. мне хотелось бы, чтобы об этом хоть кто–то помнил… Копенгаген, Дания, Ved Stranden, съездите, посмотрите… странно, если там уже все забыли… на самом деле, нас травили не только в Nationaltidende!.. впрочем, травили, это еще мягко сказано!.. Berlingske!.. Lang og Volk… le Politiken!..[95] целая свора шакалов из прессы!.. все!.. буквально все!.. вопили о том, что я заложил сотни израильтян!.. продал форты Вердена! устье Сены!.. раз уж я оказался под рукой, меня сцапали и обвинили во всех смертных грехах… я должен был отвечать за их Короля и его Dronin, за антикоммунистический пакт! за Frikorps! (это их местный Л. Ф. Д.)…[96] я здорово вляпался!.. оказался в дерьме по самые уши!.. на меня вешали все подряд!.. какая там кровь на ключах!.. Макбету до меня далеко!..

Было бы странно, если бы там об этом уже за-

---

[95] Примечания: 95

Названия датских газет

[96] Примечания: 96

Легион Французских Добровольцев против большевизма, созданный в Париже шефами Коллаборационизма на следующий день после нападения Германии на СССР (июнь 1941)

были! съездите, посмотрите!.. Ved Stranden, tuve… внизу: Bokelund, бакалея…

***

Все газеты пестрят заголовками… вот те на!.. в кои–то веки все эти жирные тыловые крысы объединились с товарисчами из Bopa compagnie! вы, наверное, думаете: прихлопнули бы его, да и дело с концом!.. но без меня был бы просто невозможен этот трогательный союз!.. союз консерваторов и большевиков!.. «его собираются посадить на кол?.. черт побери!.. проклятье!.. так ему и надо!..» на моем трупе не должно быть ни одной ссадины… только следы от поцелуев!.. наконец–то я почувствовал, что не напрасно прожил свою жизнь: некогда злейшие враги примирились!.. чудеса!.. да и только!..

Забавно!.. меня часто спрашивают: правда ли, что я продал планы линии Мажино?.. конечно! а как же! но следовало бы уточнить одну деталь… за сколько, за какую сумму?.. цифры называют самые разные… вот вдова Рено так та, вероятно, вообще ничего не продала… может быть, за миллиард?.. что вы говорите!.. это уже серьезно!.. а как вы думаете, почему имя императора Людови-

ка[97] до сих пор у всех на устах?.. все говорят о его останках!.. о его мучениях! из меня получился бы мученик ничуть не хуже, но у меня нет ни гроша, и моим наследникам не к кому будет предъявить свои претензии!.. рентгенограммами и бальзамированием никто заниматься не станет!.. нет!.. мученик без гроша в кармане никому не интересен!.. огромное количество людей, которых утопили или сожгли, страдали не меньше, чем Рено! однако никто не делал им рентген и не следил по минутам за их агонией… они обошлись без помощи санитаров!.. их вдовы хранят молчание и давно снова вышли замуж!.. их сыновья гниют в окопах… кто где!.. в Дьенбьенфу![98] в Оране!..[99] и это никому не интересно! да я сам, разве я буду доставать кого–нибудь россказнями о своих передрягах и мучениях, о том, что меня и сейчас продолжают травить? мол, как не стыдно… и т. д… «Давай, давай, дурачок! У тебя неплохо

---

[97] Примечания: 97

Имеется в виду император Людовик XVI(1754–1793), гильотинированный во время революции

[98] Примечания: 98

Город в Северном Вьетнаме. В 1954 г. здесь произошла битва, завершившаяся разгромом французских войск и положившая конец французской гегемонии в Индокитае.

[99] Примечания: 99

Оран — город в Алжире. Бывшая румынская, потом испанская колония, оккупирована французами в 1831 году.

получилось! продолжай в том же духе!..» нет, я предпочитаю молча наблюдать за всеми этими беснующимися людишками! как они толпятся на Елисейских Полях! штурмуют улицу Шатодэн…[100] лезут вон из кожи и вопят! да здравствует Пешт!..[101] набухшие воспаленные артерии!.. маленькие раздувшиеся опухшие простаты!.. завтра им уже ничего не будет нужно!.. только «бутылка минеральной воды!.. и лапша!..»

***

Покойный Бурдоннэ тоже был не сахар… хитрожопый лицемер… он любил поживиться за чужой счет ничуть не меньше, чем Ахилл или Жертрут… он был весь в долгах, и по чекам, которые он выписывал, уже ничего невозможно было получить!.. чем все это кончилось, я вам уже рассказал… будь у него «крыша», он наверняка остался бы жив, тогда бы его не посмели увести на прогулку… но без «крыши»? он был обречен!

---

[100] Примечания: 100

8 ноября 1956 года перед домом на улице Шатодэн, где размещалась Французская Коммунистическая партия на улице Шатодэн, состоялась демонстрация протеста против репрессий в Будапеште. Во время этой демонстрации здание было взято штурмом. В результате один человек был убит и сто двадцать ранены.

[101] Примечания: 101

Имеется в виду Будапешт

это было ясно заранее… вот Карбуччиа![102] тот отделался легким испугом!.. «все зависит от вашего положения в обществе»… а меня, вы только представьте себе!.. меня вместе со всей моей писаниной! пустили по миру! бросили на растерзание озверевшей толпы!.. пришлось уносить ноги!.. столь прожорливых ублюдков я еще никогда не встречал!.. настоящие свиньи!.. они давят вас своим весом!.. наглостью… своими жирными тушами! их сало липнет к вашим рукам!.. прикоснитесь к ним и вам придется потом часами отмывать свои руки!.. вот Бурдоннэ и спекся! молодой гиппопотам! они сразу же заметили, как он притащился… он всегда считал себя хитрее всех!.. на площади уже смеркалось… бац!.. дырка в спине!.. и его тело распласталось!.. в сиянии луны! все досталось мамаше Фюальдес! и мои книги тоже: она скупила их за бесценок! потом все перешло к Ахиллу!.. все мои шедевры отфутболили к нему! мои бессмертные произведения!.. настоящее рэгби!.. Фюальдес хватает… убегает!.. Ахилл догоняет ее! опережает!.. и забирает все!..

---

[102] Примечания: 102

Орас де Карбуччиа — журналист, участвовал в интеллектуальном коллаборационизме в Париже во время Оккупации. Карбуччиа был директором журнала «Грэнгуар» с самого его основания. В 1942 опубликовал эссе «Прощание с моим английским другом»

меня запихивают в подвал!.. все, что я накатал!.. тю–тю!.. подальше от людских глаз! маркиза де Фюальдес отдыхает после сытного обеда… так завершилась целая эпоха!.. прогулки при луне! трали–вали! а ведь вас предупреждали!.. следующий год мы уже провели во льдах!

Ну разве это не свинство? упрятать меня в подвальчик!.. такой уютненький и гнилой!.. но повторяю, все это началось не вчера, а со времен «средней школы» Лувуа!..[103] увы, но мы уже далеко не молоды… мы родились во времена импрессионистов и дела Дрейфуса! учиться в средней школе — это значит выйти из народной «среды».. Мориак сколько угодно может трындеть о «нуждах народа», он все равно в этом ничего не смыслит! он ведь из Шартрона!..[104] и этим все сказано!.. из Шартрона, надеюсь, он не станет это отрицать!

Теперь, когда столько всякого дерьма всплыло на поверхность, ведь говно не тонет, для мародеров и дезертиров наступила настоящая лафа,

---

[103] Примечания: 103

Школа в сквере Лувуа, ближайшая к пассажу Шуазель, которую некогда посещал Селин. В романе «Смерть в кредит» он пишет о школе, которая якобы находилась на улице Женер.

[104] Примечания: 104

Квартал Шартрон один из самых респектабельных и богатых кварталов Бордо, родного города Франсуа Мориака

пробил звездный час страдающих недержанием кала, сорок миллионов французов, наложивших в свое время от страха в штаны, могут наконец–то отвести душу… хорош бы я был, если бы остался тогда в Париже! это было бы равносильно тому, что этот свободолюбец Обрыгон со своей кралей, облаченной в «шокирующий бикини», решили бы теперь прошвырнуться по мосту в Будапеште… останься я у своей матери на улице Марсолье, они бы наверняка прикончили меня… как Бурдоннэ!.. тюк!.. нечто подобное и случилось на улице Жирардон… достаточно было, чтобы кто–то крикнул «подлец!.. он должен заплатить за все сполна!» и все!.. «его имущество должно быть распродано!» Вайян до сих пор не может успокоиться и сокрушается, что не успел меня достать… а я, по правде говоря, нисколько не жалею, что не встретился с ним тогда!.. у моей матери… ей ведь уже 74 года…

У меня ничего не осталось… ни носового платка, ни стула, ни рукописей… грабить покойников неприятно… они разлагаются… и воняют… но я-то был жив и вел себя очень тихо, поэтому они без труда все растащили и тут же спустили на Блошином рынке! в большом Зале!.. представляете, какое это захватывающее занятие! Как оно

затягивает!.. я! Франция!.. продано!.. меня уносит вихрь времен!.. на моей шее болтается ценник!.. нажитое за шестьдесят три года — за восемь дней!.. ничего, суки, на вашей заднице он тоже есть!.. вы сочувствуете тем, кто бросается вниз с будапештского моста? а сколько было таких, как я?

***

Любопытно было бы посмотреть, как в будущем какой–нибудь новый Ленотр[105] перетряхнет все наше грязное белье, могилы, репутации, события, акции, счета… сколько «праведников» успело теперь нагреть руки? на де Бирс? на Роне? откуда у них все эти Замки, Бляди, Драгоценности, Конюшни, Представительства?.. было возможно такое в 89 году?.. или нет?.. а какой богатый материал для дебатов!.. в Сорбонне!.. в Анналах!.. что было бы, если бы Гитлер победил?.. поступил бы тогда Арагон на работу в СС?.. а эта очаровательная Валькирия Труляле?.. чем не тема для симпозиума! поверьте мне!.. все это войдет в «Анналы» двухтысячного года!.. на выступлениях

[105] Примечания: 105

Жорж Ленотр (1857–1935), историк, специалист по истории Французской революции

грядущего Эррио[106] яблоку будет негде упасть, жирные коммунистические матроны, затаив дыхание, будут следить за полетом мысли своего кумиррра!.. ах, подружка!.. какая душка этот аббат Пьеррр!.. десять револьверов лежали у него под подушкой!..[107]

Но черт с ним, с будущим!.. вернемся к нашим насущным проблемам!.. а что если Жертрут упрячет за решетку Броттэна?.. бляха! муха! это было бы недурно!.. хорошо бы они перегрызли друг другу глотки!.. вот это было бы лучше всего! как увидите чью–нибудь оторванную башку с глазами навыкате, так сразу же сообщите мне, я жду с нетерпением!.. что касается Ахилла… то хорошо бы они еще сняли друг с друга заживо скальп!.. вы только представьте себе их!.. ярко–красных!.. ободранных!.. ходячая мясная лавка… но прежде чем они обработают друг друга подобным образом, я хочу вам кое–что рассказать!.. нечто

---

[106] Примечания: 106

Эдуар Эррио(1872–1957) — писатель, политический деятель, автор «Анналов».

[107] Примечания: 107

Во время войны аббат Пьер, бывший в то время викарием в соборе в Гренобле, участвовал в движении Сопротивления. Отсюда, вероятно, и намек на револьверы. С 1945 по 1951 годы аббат Пьер был депутатом парламента.

весьма любопытное!.. во времена Ипподрома[108] на площади Клиши Жертрут и Ахилл тащились от одной обворожительной потрошительницы тугих кошельков! я ничего не преувеличиваю! в этом отношении она могла составить конкуренцию Французскому Банку!.. те, кто еще помнит времена «Прекрасной Франции», должны помнить и Сюзанну...[109] вот это была настоящая звезда экрана! а ее воздушные пеньюары в «нежно–голубом сиянии луны»!.. очаровательная фея немого кино... самое главное, что она не могла «говорить»... слова все портят!.. стоит женщине заговорить, как она перестает быть обольстительной, по–настоящему возбуждает только то, что молчит!.. я помню те Залы! теперь они полупусты!.. о, эти чудесные баюкающие звуки! ля ля ля... расстегнутые в тоске ширинки!.. мягкая ткань под рукой!.. улыбки, прозрачные

---

[108] Примечания: 108

Ипподром был местом для спектаклей под открытым небом, во времена детства Селина он находился на углу улицы Колэнкур и бульвара Клиши. Там с апреля по октябрь проводили соревнования в езде на колесницах и на лошадях.

[109] Примечания: 109

Возможно, речь идет о Сюзанне Бьянкетти (1894–1936), которая в 1917–1918 гг. играла в четырех фильмах Александра Деваренна: «Три семьи», «Рикетт выходит замуж», «Французская женщина во время войны», «Рикетт и нувориш». В то время Селин был секретарем–доставщиком в журнале «Эврика».

пеньюары, нежная музыка! я помню это как сейчас! волшебный свет луны!.. конечно, Сюзанна была и моим кумиром, в нее ведь вкладывали бешеные бабки, она была у всех на устах, на всех афишах!.. нет, мне она была не пара!.. к тому же, черт побери, у меня тогда не было ни одной лишней минуты!.. я должен был носиться, как проклятый… с «доставки» на «доставку»…[110] и все же я не упускал случая улизнуть за Бекон[111] и посмотреть, как там крутят Сюзанну!.. женщину моей мечты!.. между Гаренн и Нантером…[112] я пользовался любой возможностью!.. и таких, как я, было много!.. с одной насыпи на другую!.. там можно было и подработать!.. сняться в массовке… я изображал сопляка из толпы… от одного дождя до другого… за сто су!.. два франка… свисток! все в убежище!.. при первой же капле! все под навес! дождь мог все испортить!.. тарлатановые платья со шлейфами! гипсовая пудра, карминные румяна, маслянистый грим на лицах

---

[110] Примечания: 110

Подробнее свою работу в юношеские годы Селин описывал в романе «Смерть в кредит».

[111] Примечания: 111

Ближайший пригород Парижа

[112] Примечания: 112

Ближайшие пригороды Парижа.

«героев–любовников»!.. эти причиндалы были чувствительны к воде!.. приходилось соблюдать осторожность!.. «в укрытие»! но не только мы, статисты! даже зеваки из толпы, и те помогали нам!.. в этом действе участвовали все!.. дождь! свистки! толчея! и Сюзанна!

Что теперь со всем этим стало?.. кто мне скажет?.. с артистами и всей этой мишурой?.. да, теперь?.. что стало со всеми теми людьми?.. дождь… сколько воды утекло с тех пор!.. вспоминая те далекие дни, я могу с уверенностью сказать лишь одно: жизнь ужасно измельчала!.. как истинный сын своего времени, «воспитанный в лучших традициях», я это прекрасно вижу… что поделаешь! все проходит!.. нынче гордятся тем, что уничтожили бордели… надо же! закрыли «В гостях у Мими»!.. так ведь шлюхи разбежались по всему свету!.. весь мир превратился в один большой Бордель! мы все теперь «В гостях у Мими!».. кругом одни жулики! последний порядочный человек погиб под Верденом![113] Вечная память!..

Я, наверное, вам надоел… вам хочется отвлечься?.. послушать о чем–нибудь занимательном? наверное… только вот еще что! может быть,

[113] Примечания: 113

Битва во время первой мировой войны, в 1916 году, когда французы героически сопротивлялись немцам под руководством Петэна.

и вам это будет интересно! примерно в то же время, еще до Сюзанны, я посещал Ипподром с лошадьми и зверями! была там такая большая конюшня! а сколько там было народу!.. такие толпы, что омнибусы не выдерживали!.. они не в состоянии были отъехать от Трините![114] обезумевшая толпа подминала их под себя! какие представления! люди, львы, лошади, бульдоги, морские пехотинцы осаждают Пекин! такое не забывается! я думаю, это способствует формированию художественного мышления! писатели могут быть левыми, правыми, анархистами, «святошами» или франк–масонами, но не многим из них довелось подобно мне видеть взятие Пекина на площади Клиши! штыковую атаку наших славных морских пехотинцев! взятие приступом тонущих в пороховом дыму деревянных укреплений!.. и бум!.. залп по меньшей мере двадцати пушек!.. одновременно!.. сержант Бобийо в окружении сотни бульдогов!.. он вырывает у них флаг!.. и устанавливает наш, трехцветный! втыкает его в кучу их трупов! в самую гущу!.. Пекин наш! а тут еще эта льющаяся сверху со сводов вода! зрелище достойное пера Курбе!.. уверяю вас…

---

[114] Примечания: 114
Площадь в Париже

там было на что посмотреть! хорошая школа для начинающего автора!

Но секундочку!.. было еще кое–что покруче, чем осада Пекина!.. нападение на дилижанс!.. три племени краснокожих всадников!.. и все с голым торсом!.. вы только представьте себе! где вы сегодня можете увидеть двести краснокожих, сидящих на конях с голым торсом?.. а с ними сам Буффало Билл!..[115] поднимающий с земли яйцо на полном скаку, в галопе! вы можете себе такое представить!.. нет, в Голливуде такого не увидишь!.. подумайте, яйцо, да еще на полном скаку!.. Буффало Билл со своими boys!.. изрыгающими настоящее пламя!.. ах, но это еще не все!.. я чуть о вас не забыл… неподражаемая Луиза Мишель!.. если вам будут рассказывать о зрэлыщах! о своих впэчатлэниях! не слушайте! что они вам могут рассказать? ничего… там на площади Клиши вообще ничего не говорили, а просто стояли и затаив дыхание ждали! ждали!.. гвоздь программы! выплывающая из мрака Луиза Ми-

[115] Примечания: 115

Буффало Билл (настоящее имя Уильям Фредерик Коди) (1846–1917) американский авантюрист, прославившийся тем, что убил множество бизонов

шель![116] вся в белом! бледная! все прожектора были направлены на нее!.. секунда! «уа! уа!».. гневно выкрикивала она… залезала на стул… и снова погружалась в темноту!.. во времена Коммуны моя бабушка жила на улице Монторгей, она еще все помнила… «Это не Луиза Мишель, малыш!.. рот и нос у нее были не такие!..» мою бабушку было трудно провести…

Теперь это уже невозможно понять, трудно себе представить Хрущева, Пикассо, или эту Труляле залезающими на стул… комический эффект!,. нет!.. у них так не получится!.. «уа! уа!».. вот, может быть, у Тореза? или Мориака?..

Но какой бы там ни был у нее нос, Луиза была неподражаема! «уа! уа!».. сколько в ее голосе было подлинного негодования!.. и как!.. хотите верьте, хотите нет! я потом вам еще кое–что расскажу… но попозже!.. когда вспомню…

***

«Я знаю его со времен дела Дрейфуса!.. он давно уже встал на скользкую дорожку!.. а теперь и вовсе обнаглел!.. таких жуликов надо поискать! и Издательство у него соответствующее!.. нет, таких подонков я больше не видел!.. он и вся его

---

[116] Примечания: 116

Луиза Мишель (1833–1905) — французская революционерка, легендарная героиня Коммуны по прозвищу «Красная дева».

кодла!.. что за балаган он устроил у себя, это с ума можно сойти!.. да на них клейма негде ставить!.. а как они вас обхаживают, прежде чем обобрать!.. залезают вам в карман, а сами улыбаются!.. им палец в рот не клади, всю руку откусят!.. у них уже все отлажено!.. поставлено на широкую ногу!.. и этот его Обер Евнух Лукум тоже такой же!»

Тоже мне, нашел кому рассказывать… Жертрут дю Монокль видит всех насквозь!.. удивил, нечего сказать!.. да я бы сам мог этому Жертруту Балабону такого порассказать!.. поделиться опытом!.. я-то знаю Ахилла, как облупленного! о ля ля!.. но я наивно полагал, что уважаемый Жертрут де Жертрут дорожит своим временем… время деньги, как говорится, ан нет, оказывается, он готов часами копаться в том, что уже никому не интересно… разве что ему самому?.. но больше никому!,. засохшее дерьмо 1900 года! к черту! Жертрут! Ахилл!.. пусть они сами между собой разбираются!.. мне–то какое дело! я деньги получил и до свиданья!.. меня волнует только одно!.. одно!.. что я оставлю Лили?.. quid?.. что-с?.. сколько-с?.. какие жалкие гроши?.. то–то и оно! денежки, ведь они всем нужны!.. в этом–то все и дело! просто так на дороге они не валяются!.. что если меня не станет! если я покину этот

мир навсегда? я так и вижу перед собой толпу «наследников»!.. целую стаю!.. голодных, озверевших, готовых на вас наброситься тварей!.. их челюсти!.. «наследники»… о! с бумагами, без бумаг… с печатями! штампами, резолюциями! и без них!.. они вылезут изо всех подземных переходов!.. обливаясь крокодиловыми слезами!.. выпучив глаза!.. разинув свои пасти!.. и заявят о своем праве на наследство! Лили будет просто обобрана ими!.. выброшена на улицу! я почти в этом не сомневаюсь!.. она ведь совсем неспособна постоять за себя!.. ни улице Жирардон.. в Сен—Мало… в Копенгагене, Ved Stranden 20, (tuve)… для этой породы людей «не существует границ»!.. «климатических условий»! наследники… как «карманники», они снуют по всему свету и есть везде! в любой стране! в независимости от политического режима, идеологии, вероисповедания!.. при первом же удобном случае!.. они могут наброситься на вас и обчистить!.. они всегда у вас за спиной!.. следят за вами!.. нет!.. Лили с ними не справится!.. куда ей! она ведь… как бы это сказать… такая хрупкая… и это грустно… грустно и романтично… танцовщица, одним словом…

***

Я не жду от жизни ничего хорошего!.. «а нам–то что!».. думаете, наверное, вы… все же! ни Жертрут, ни Броттэн, никто другой не даст мне больше ни гроша за историю вроде «Норманс»! я это точно знаю!.. читателю, тому подавай что–нибудь веселенькое, и все!.. Париж как будто никогда и не бомбили!.. не бомбили!.. и не будут бомбить!.. отсутствие мемориальных досок!.. лишнее тому свидетельство!.. только я один, наверное, еще и помню о двух–трех заживо погребенных семьях!.. «Норманс», эта книга с треском провалилась!.. на то было множество причин!.. самых разнообразных!.. в сущности, ее участь была заранее предрешена!.. усилиями Ахилла и его окружающих… всех этих «преисполненных праведного негодования» критиков с куриными мозгами!.. им хотелось очередного скандала, чтобы я снова покатил бочку на израильтян и загремел в тюрягу! от такого удара я бы уже не смог оправиться!.. покорно благодарю!.. «за искреннее участие»!.. хорош бы я был!.. меня бы наверняка упекли лет на двадцать!.. или даже «пожизненно»!.. но увы, жизнь полна разочарований! ошибок! заблуждений! я-то в свою очередь тоже ожидал, что их самих всех упекут!.. по ним ведь тюрьма давно плачет!.. врежут им строгача и принудработы!

или отправят куда–нибудь на цветущую Гайяну! под пули островитян!.. а потом, вместо ордена, в качестве заслуженной награды, они подцепят какую–нибудь гадость на язык… небольшую злокачественную опухоль… просто загляденье! от сонной артерии до глотки…

Ладно!.. пока же Броттэн меня поучает: кретин!.. «Вы продаетесь все хуже и хуже!.. ваша «Норманс»? это полный провал!,. вас губит не ваша подмоченная репутация!.. порнографа! или даже фашиста! а ваша беспомощность!.. критики вас съедят с потрохами! они не упустят такого случая!.. вас ненавидят!.. к тому же, это их хлеб!.. не надейтесь, что они вас пожалеют!.. им ведь тоже нужно кормить свои семьи!.. зарабатывать деньги!..»

«Да бросьте вы эту литературу!..» скажете вы… и будете совершенно правы!.. я давно должен был бы последовать вашему мудрому совету!.. только вот, как же Лили, собаки, кошки, птицы и подснежники?.. да еще зимой, вроде той, что была!.. что тогда станет со всеми ими, об этом вы не подумали?..

Поверьте мне: даже при самой беспощадной… экономии на всем… если вы отринете весь материальный мир, вещи, ветер, сквозняки, сырость,

уголь!.. цветную капусту, копченую селедку! вам не выжить!.. у вас не хватит денег на морковь!.. да просто на хлеб!

Но разве дело в том, как и что я пишу?.. я обречен, мне объявили бойкот!.. конечно! согласен!.. всех графоманов следовало бы повесить! и не только графоманов, а вообще всех, «кто занимается не своим делом»! правда, кто их разберет!.. только у Ахилла таких тьма! тысяча тысяч!.. По мне так Дюамеля, Мориака и Тартра следовало бы вздернуть в первую очередь!.. вместе с дюжиной обладателей Гонкуров!.. ах да, чуть не забыл Парижского Архиепископа! его тоже!.. дабы не обижать китайцев!..[117] во избежание скандала!.. их это здорово позабавит!

Но шутки шутками, а завтра я должен заплатить за газ!.. мне нужно расплатиться сразу по двум счетам… кроме того, я должен сборщику налогов… и за уголь… я наверное повторяюсь?.. ну и пусть черт возьми!.. на моем месте вы бы вопили так, что вас было бы слышно в Энгьене!.. пока за вами бы не приехали, не скрутили, и не накачали бромом! а нас с Лили травят уже целых пятнадцать лет!.. ни секунды покоя!.. пятнадцать

---

[117] Примечания: 117

Вероятно, здесь Селин намекает на левые взгляды Дюамеля, Мориака и Сартра.

лет — срок немалый!.. ужасы оккупации продолжались от силы три года!.. сравните сами!

Я чувствую, что надоел вам… смените пластинку!.. отвлекитесь!,. всех буржуев следовало бы повесить?.. буржуев всех партий!.. я полностью «за»! буржуа — это всегда сволочь! знаю я одного такого по имени Тартр! жук навозный! как он меня поносил, строчил доносы, лез вон из кожи, и все ради того, чтобы меня пришили… он полностью заслужил свои пять… или даже шесть неофунгозных образований между пищеводом и панкреасом!.. он имеет на них полное право!..

Тартр меня обворовал и оклеветал… да еще как!.. впрочем не больше, чем мои дорогие родственнички!.. до моей тетушки ему далеко!.. двоюродной!.. та, как меня увидела, так сразу хлоп в обморок, чуть коньки не откинула!.. я жив!.. меня не казнили!.. «это ты? ты?».. не могла поверить она… «ты здесь?»..

Оно и понятно, ведь она уже кое–что успела прибрать к рукам!.. три пары занавесок, шесть стульев, все эмалированные кастрюли… не то чтобы она в них очень нуждалась!.. черт возьми!.. у нее всего было достаточно!.. вполне!.. но если все берут, а я ведь как–никак был ее племянником, то почему бы и ей не взять? чем она хуже

других?.. все, кому не лень!.. тащат мое барахло мешками!.. а ей, моей тетке?.. нельзя? во–первых, я уже не должен был вернуться… я должен был сгнить в тюрьме… а может быть, даже повешен?.. посажен на кол?.. получалось, что она была моей законной наследницей!.. естественно!.. и Тартр был моим наследником! и все остальные тоже!.. «здрасьте! тетушка!».. она вскакивает с кровати! и прямо в рубашке бросается ко мне! это я! «Он убил свою мать!.. арестуйте его! арестуйте!..» вырывается у нее вместо приветствия! крик души! потрясение оказалось настолько сильным, что она уже не могла остановиться и с воплями кинулась бежать! «Господин Префект! на помощь! на помощь! арестуйте его! он убил свою мать! Господин Префект!..» она обежала вокруг Фобур Сен—Жак и выскочила на набережную… «на помощь!.. на помощь!».. легавые ее догнали и сначала отправили в Отделение!.. потом в какую–то контору!.. от усталости она едва держалась на ногах! «Это он! он!..» повторяла она снова и снова!.. сейчас же, ночью, на набережную Орфевр!.. срочно… необходимо вмешательство Префекта!.. меня снова должны упрятать в каталажку!.. тогда я не смогу потребовать назад свой стул!.. и это моя родная тетя!.. родственники, друзья!.. это стая

голодных волков, которые только и ждут удобного случая, чтобы вас сожрать!.. моя тетя всю ночь у Ле Аль вопила о том, что я убил собственную мать, она ковыляла из павильона в павильон, пока не наткнулась на легавых!.. те ее повязали, успокоили… отправили в психушку!.. а она все продолжала вопить, что я такой! сякой!.. и еще невесть что…

Как только из вас все вытряхнут!.. мебель, рукописи, безделушки, занавески, можете готовиться к худшему!.. родственники, друзья… с живого они с вас не слезут!.. хватка у них мертвая!.. они снимут с вас последние штаны!.. от этих выродков другого не жди! еще парочка занавесок, четыре стульчика… мою тетю сочли ненормальной!.. Тартр: прирожденный сутенер!.. кругом одни ублюдки, куда ни ткни!.. как я уже сказал: тетюня была вполне обеспечена! Тартр тоже!.. вполне! вполне!.. у них все было! и в избытке!,. холодильники, машины, лакеи!.. в городе!.. в деревне!.. просто протрубил рог и на меня была объявлена охота!.. вот и все! а чего еще ты от них ждал?.. идиот!..

Главное не отвлекаться по пустякам!.. я, кажется, говорил вам о Жертруте де Морни… о его живом участии в моей судьбе!.. чертов Тартюф!..

я должен, видите ли, бросить этого интригана и губителя талантов Ахилла и перейти в издательство Беранжер!.. Ахилл меня не ценит!.. для него, его окружающих и Лукума нет большей радости, чем всячески третировать меня! гноить в глубине своих подвалов!.. лишать меня моих гонораров!..

Ну а что же он, этот Жертрут?.. я уже описывал вам его личико… Ахилл смахивает на старушку–процентщицу! этот нет! скорее у него было мурло мушкетера, с этакой мушкетерской бородкой… да еще огромным небесно–голубым моноклем на носу… конечно он вколачивал мне баки, сулил златые горы!.. миллионные тиражи! феноменальный успех у публики! впрочем, мне нечего было особенно терять! в сущности, Броттэна вряд ли кто переплюнет!.. десятилетиями авторы, сменяя друг друга, тщетно обивали его порог, и ни разу за все это время он не выдавил из себя ни одной двадцатифранковой монетки!.. эта вечная борьба за авансы!.. упорству Ахилла позавидовал бы и Геркулес! я знаю только один способ заставить его раскошелиться… отслюнить вам несколько кусков… не скупиться… нужно перейти в наступление! «Счастливо оставаться, Ахилл! твоя рожа мне обрыдла…» он сразу же побежит за вами!.. начнет заискивающе улыбаться!.. после этого он

вас, конечно, возненавидит!.. ну и черт с ним! тем лучше!..

Надеюсь, вы понимаете, что я не особенно доверял Жертруту… правда, в одном он был неподражаем… стоило только заговорить об Ахилле, как на него нисходило настоящее вдохновение… какие анекдоты! за тридцать! сорок лет… примеры низости этого гнусного существа!.. свидетельствующие о том, к чему я должен был готовиться! то, как он всем врал!.. везде!.. в картах, на бегах, в Энгьене, на Бирже… он просто не мог пересилить себя!.. то, как он изводил своих авторов, служащих, служанок… как он якобы одалживал им деньги… которых, на самом деле, те никогда не видели!.. в счет триктрака и контрактов!.. вынуждал их подписывать какие–то бумаги… в результате те оказывались в полной зависимости от него!.. сколько покончили с собой, тела скольких были обнаружены у плотины в Сюрен?.. среди них были выдающиеся таланты! и барышни весьма древних фамилий, чей славный род берет свое начало аж в прошлом веке!

Но хватит болтать!.. прибыл спасительный груз!.. кило лапши и тощих селедок.. необходимо ими немедленно заняться!.. кого бы там Жертрут ни ненавидел, все равно и у него на лице напи-

сано безразличие и это столь характерное для богатых «не досаждайте мне»… ему неведомо, что такое лапша… в сущности, все они одинаковы, абсолютно непробиваемы… жаловаться им, раскрывать перед ними свою душу — глупо!.. говорить им о лапше!.. да как вы смеете!.. им!.. у богатых ведь ко всему исключительно «спортивный интерес»… спортивный интерес к Бирже, к Пэддоку…[118] спортивный интерес побуждает их приступить к сооружению Суэца… повинуясь спортивному интересу они щупают актрисок и позволяют оседлать их своему жокею… спортивный интерес заставляет их мчаться на «красный свет»… или преодолевая боль в суставах, истекая слюной, тащиться на пикник!.. теперь Жертрут и Броттэн соревнуются в перетягивании авторов!.. и только работа не вызывает у них никакого интереса, даже спортивного!.. напротив!.. она пробуждает в них панический страх!.. сделать что–то своими руками!.. вы с ума сошли! авторы подыхают от непосильного труда? ну и что?.. ослы тоже!.. ну а он чем в это время занимается? как вы думаете? этот Ахилл?.. спортом?.. очередным жульничеством?.. а Жертрут?.. этот, наверное,

---

[118] Примечания: 118
Загон, где содержатся чистокровные рысаки.

шлюхами?..

Послушайте, вот если бы обо мне хоть что–то написали… хоть чут–чуть… пусть даже обругали… мне не нужна огромная аудитория как Мориаку!.. потоки восторженных похвал!.. шумиха как этому Таратору Тартру… мне тоже не нужна!.. нет!. мне бы хватило просто шепотка…

Годен я еще на что–нибудь? а?.. т–с–с-с!

«Сюда!.. к нам!..»

Но имейте в виду!.. планы у меня наполеоновские! предупреждаю! Арлетта, Симон!.. ваши руки!.. и «в бой»!.. нас ведь ждет студия?..[119] так смелее! мы уже у цели!.. выше головы!..

Но увы!.. увы! что за мрачное логово? грязь, мусор, всякая хренотень по меньшей мере с трех… даже четырех Выставок! полный бардак… а что за своды? высотой в три… четыре Нотр—Дам… папье–маше, искусственный мрамор, гигантские балдахины!.. и там!.. на самом верху!.. внимание!.. наши голоса!.. солирует Симон!.. по правде говоря, я волнуюсь… несмотря на свой непригляд-

---

[119] Примечания: 119

Речь идет о двух первых пластинках, на которых были записаны голос Селина и отрывки из его романов, которые читали артисты. На одной Селин поет две песни, написанные им самим, Арлетти читает два отрывка из «Смерти в кредит», а Мишель Симон читает первые страницы «Путешествия». Популярная артистка и певица Арлетти была для Селина с момента их встречи в 1941 году до 1961 преданным и верным другом. Как и он сам, она родилась в Курбвуа.

ный вид эти своды прекрасно отражают звук!.. возможно, это благодаря усилителю! мой голос звучит так устрашающе громко, что мне хочется убежать!.. вот это да!.. никогда бы не поверил!..

Нет, они ничего не понимают!.. я обязательно должен спеть!.. пожалуйста, меня не нужно долго упрашивать… ломаться я не люблю!.. одну!.. две песенки!.. прямо здесь, под этими сводами!.. я интересуюсь у одного из владельцев студии… как у них идут дела?.. хорошо ли расходятся записи, новые мелодии?.. может быть, и я мог бы попробовать?.. записать небольшую пластинку?..

«О нет! мсье! нет! не сейчас!.. потом, гм!.. надеюсь, что это будет не скоро!.. мы обязательно сделаем передачу, посвященную вашей памяти!.. в нашей студии!..

Я чувствую, что мне осталось совсем недолго ждать!.. потом?.. но когда?.. я молчу!.. проза… тексты… с ними можно было бы и повременить.. но песни, простите! только здесь и сейчас!.. ведь это мой прорыв к вечности!

Впрочем, этого им все равно не понять!

***

Меня волнуют не похороны и вся эта связанная с ними возня… служащие похоронного бюро, чиновники и пр… нет! я же сказал, что меня

вполне устроит и общая могила… и не здесь… а где угодно… в Тье!.. или еще дальше… но если я отправлюсь в мир иной!.. что тогда станет с Лили?.. с кошками?.. собаками?.. я не представляю себе, как Лили сможет выжить… она совершенно не способна постоять за себя… а это ведь настоящее стихийное бедствие!.. только представьте себе!.. толпа «законных наследников»!.. друзей, родственников, судебных исполнителей, прохвостов всех мастей!.. о, нам, конечно, не привыкать!.. да! еще бы! нас уже грабили много раз!.. и здесь! и там!.. везде, где бы мы ни оказывались!.. но ведь теперь Лили останется одна?..

«Он положил на всех!.. этот гнусный расист еще легко отделался!.. так разрежем на куски его вдову!..»

Я преувеличиваю?.. отнюдь!.. но мой расизм здесь не при чем! чертовы лицемеры! .. белой расы уже давно не существует!.. взгляните на Бена Юссефа!..[120] Мориака! Моннервиля! Жакоб![121]

---

[120] Примечания: 120

Султан Мохаммед Бен Юссеф, глава марокканского государства, обретшего независимость в октябре 1955 года.

[121] Примечания: 121

Мадлен Жакоб, левая журналистка, с 1934 года судебный репортер, часто упоминается в трилогии Селина

того же Коти!..[122] тут и говорить не о чем!.. все мои неприятности начались с «Путешествия»... «Путешествие» породило волну ненависти... именно «Путешествие» мне до сих пор не могут простить... «Путешествие» поставило меня вне закона!.. вот если бы я был какой–нибудь Влас... Влас Прохрохроффф... из Крыжополя–на–Дону... Крыжополь–на–Дону это вам не Курбвуа–на–Сене!.. вот тогда нобелевская премия была бы у меня в кармане!.. но я-то местный и даже не сефард!..[123] такие как я никому не нужны!.. их нужно уничтожать!.. дабы не мозолили глаза!.. кем теперь переполнены тюрьмы? кто отдан на съедение крысам? Хрянция для хрянцузов!..

Будь я натурализованным монголом.. или феллахом, как Мориак, я бы разъезжал теперь в собственной машине и делал все, что мне заблагорассудится, абсолютно все... и у меня была бы обеспеченная старость... я был бы обласкан, окружен вниманием, уж можете мне поверить!.. а какой был бы у меня дом! о, я бы взирал на

---

[122] Примечания: 122

Рене Коти (1882–1962) — французский политический деятель. Президент Франции с 1954 до возвращения генерала де Голля.

[123] Примечания: 123

Сефарды — евреи, пользующиеся языком ладино (сефардским), близким к испанскому. Сефарды — потомки выходцев с Пиренейского п-ова. Живут в Сев. Африке, М. Азии, на Балканском п-ове, в Турции.

мир с высоты своего холма… и служил Примером для подражания подрастающему поколению… апофигей, разрази меня гром! мистика!.. из телевизора я бы ваще не вылезал, мою физиономию знали бы все!.. в Сорбонне бы передо мной расстилались!.. старость — не гадость! а родись я в Крыжополе–на–Дону, я бы сшибал по двести кусков в месяц только за одно свое «Путешествие».. даже Альтман не станет это отрицать! да и Труляле с Обрыгоном тоже!..

Но сколько ни говори «халва».. во рту слаще не станет!

Согласитель, что с Курбвуа–на–Сене.. мне здорово не повезло… я просто обречен на жалкое существование… я единственный, кто решился заявить об этом во всеуслышание! черт побери! это же дискриминация!.. вы не верите? не верите? но вы не найдете меня ни в одном словаре… меня нет ни среди писателей–врачей… ни среди галантерейщиков… нигде! даже в «Иллюстрированном Броттэне»… «Всеобщем Обосрении»… нет! и все!.. Норбер Лукум хотел было мне помочь, но для этого ему зачем–то понадобилось поставить все с ног на голову!.. он был одержим идеей!.. переиначить все, что я написал, все слова, страницы, вывернуть весь смысл наизнанку!.. мне

это надоело! перевертыш хуев! я ему так прямо и сказал! мол, отъебись ты от меня со своими модидефекациями! хватит надо мной изговняться!.. задомудохист губастый… На этом мы с ним и расстались!.. «Отныне мое «Обосрение» для вас закрыто !».. ну и хуй с ним! тоже мне испугал!.. обойдемся без него! на кашу нам хватит!.. у меня есть и другие покровители! Гиппократ, например!.. конечно, пациентов теперь найти не так просто… я вам об этом уже говорил… не то чтобы свободных больных не осталось совсем… экстрасенсы, целители, сестры милосердия, массажисты кое–кого порой упускают… но мне нечем даже оплатить «патент».. налоги, страховку на смерть… услуги водопроводчика… подписку на «Медицинскую газету»… вы не поверите, как мы вынуждены экономить! да!.. да! даже самые малоимущие по сравнению с нами и те просто купаются в роскоши…

С тех пор, как у нас установился своеобразный красный террор, лучше не высовываться!.. Пикассо!.. Фрикассо! срочно перекрасившийся Тартр!.. ворочают миллиардами! а вы прокляты!.. вычеркнуты из списка живых! обречены на голодную смерть… вам нет места на этой Земле! думаете, я шучу? да тут любому башку в два счета

оторвут…

Нет, я не шучу! мне действительно страшно!.. вот и наши собаки рыщут повсюду… «гав! гав!».. Бекар[124] меня предупреждал, кстати, дня за два до смерти:«Ты не понимаешь, Фердинанд!.. собакам же нужно мясо!,. а это большие траты!..»

Если уж говорить о выпавших на нашу долю испытаниях… то у меня есть все основания считать, что последний рабочий с острова у Рено вкалывает меньше, чем я, а ест и спит гораздо больше… нажитое мной за шестьдесят три года улетучилось в два дня… и понимаете… если бы меня просто убили, мне, возможно, было бы гораздо лучше! «подонок! сталинист!.. нацист! порнограф! бездарь! предатель!..» мило, не правда ли?.. и это не шепот злопыхателей!.. а черным по белому!.. намалевано на огромных щитах!.. я допустил еще одну роковую ошибку: не брал с больных денег!.. мое бескорыстие вышло мне боком!.. ведь ничего не стоят только отбросы! «ах, он, видите ли, хочет, чтобы его простили! предателям пощады не будет! сволочь!»

Надо же… кто бы мог подумать… что я докачусь до такого состояния!.. а ведь некогда мой слав-

[124] Примечания: 124

Доктор Бекар был другом Селина. Селин часто вспоминал обеды для врачей и артистов, которые Бекар устраивал у себя на бульваре Бертье.

ный учитель Этьенн Борда писал мне… «У вас такой тонкий ум! такой возвышенный!.. вы мой лучший ученик!..»

Тсс!.. Этьенн Борда! к сожалению, его уже нет среди нас! «возвышенный!».. видел бы он эти плакаты! «предатель, врач–недоучка, сталинист, порнограф, алкоголик…» но это все чепуха по сравнению с главным моим просчетом:«Вы представляете, у него даже нет машины!»

Мясник, бакалейщик, краснодеревщик и те не ходят пешком по своим делам! а врач, идущий пешком?.. нет, вы действительно заслужили все, что о вас говорят!.. без машины? да этот недоумок совсем обнаглел!.. повесить этого шарлатана, дабы другим неповадно было!.. порядочный человек пешком не ходит! мостовые и тротуар предназначены для всякого сброда!.. для шлюх!.. отправиться к больному пешком?.. это значит выразить свое глубочайшее неуважение к нему! вас просто выставят!.. и не пытайтесь!

В самом деле, Версаль ведь тут совсем недалеко… вы можете представить себе какого–нибудь врача, отправившегося туда пешком?.. Фаго-

на,[125] например?.. о, современный больной знает себе цену, у него социальное страхование, он член профсоюза, он выписывает три, четыре, даже пять газет, он кузен двух, трех сотен миллиардеров и амбиций у него гораздо больше, чем у короля Людовика!.. 14-го!.. 15-го!.. или 16-го!..

Кроме того!.. это уже верх всего!.. полный атас!.. покупки!.. меня частенько видят с двумя авоськами!.. в одной — кости… а в другой — овощи… в основном морковь!

В моем возрасте… легкое дрожание рук плюс седые волосы… я вполне мог бы сойти за какого–нибудь Профессора… по фамилии Nimbus… смешно-с… это было бы совсем нетрудно! ну, а как же плакаты?.. это уже серьезно! от этого мне не отмыться!.. а мое рождение в Курбвуа?.. нет, во мне нет ни капли респектабельности… мне нельзя тягаться даже с деревенским знахарем!.. травником или повитухой… я пал ниже, чем Бовари!.. носильщик!.. просвещенный носильщик!.. вот кто я!.. сгибаюсь под тяжестью груза: коробок, сеток, сумок!.. мусорных бачков!.. под тяжестью

---

[125] Примечания: 125

Имеется в виду врач Любовика XIV. В письме Гастону Галлимару от 7 октября 1954 года Селин пишет:«Людовик XIV очень волновался из–за необходимости заменить своего старого врача на Фагона, который должен был прооперировать ему дырку в жопе… что за ухищрения!.. что за дипломатия… «Что подумает двор?» без конца спрашивал он…»

своих преступлений… налогов… на мне висит медаль за боевые заслуги… и 75-я статья… я обвешан с головы до ног…

И никакой Лукум мне не поможет!.. в этом я не сомневаюсь!.. главное — это впечатление, которое вы производите на людей!,.

Но возраст и плакаты — это еще не все!.. а состояние нашего дома… «странно, что он еще не рухнул».. я сам открываю решетку!.. отодвигаю засов!.. задвигаю засов!.. тем самым я как бы окончательно себя добиваю!.. демонстрирую, что у меня нет служанки! а как расположен наш дом!.. я вам еще не сказал?.. на склоне холма! на середине!.. действительно, место крайне неудачное! по тропинке!.. по колено в грязи!.. зимой!.. бедные больные!.. они должны карабкаться, выбиваться из последних сил, надрываться!.. и я еще жалуюсь!.. естественно, что они сюда не поднимаются!.. и никогда не поднимутся!.. они ходят по берегу реки до Исси, делают покупки… булочник, мясник, парикмахер, аптекарь, почта, лапша, вино… «Гран Рио», на 1200 мест… с тройным экраном!.. а сколько там врачей за каждой дверью? и какого хуя я тут торчу на середине спуска? больные сверху предпочитают оставаться наверху, они тоже не дураки! несколько «хроников», кото-

рые рискнули до меня добраться и те решились на это только потому, что им хотелось убедиться самим, а так ли я ужасен, как все про меня говорят? правда ли, что я вроде Петьо?.. вероятно, они надеялись увидеть останки моих жертв?.. печи для уничтожения больных?.. и все такое…

Иногда дождь приносит мне клиентов!.. такое случается!.. не часто! иногда… из тех, что, поднимаясь в Медон, не выдерживают на середине склона… о, такое случается только зимой!,. им не везет: прийди они летом, им бы здесь понравилось… замечательный вид!.. заросли, птички!.. не только собаки!.. пенье птиц! а какая панорама!.. Таверни на другом берегу! конец департамента!.. все это видно от меня, из моего сада, с тропинки… я сказал сада, да!.. три месяца в году это настоящий маленький Эдем!.. деревья!.. боярышник, ломоносы… и не подумаешь, что это всего в одном лье от Пон д'Отей! зеленые заросли Ивлинского леса… а совсем рядом Рено!.. прямо под нами! заблудиться практически невозможно… как только кустарник становится непроходимым, значит вы уже близко!.. рядом с нами! сперва на вас набросятся собаки, целая свора!.. но вы не обращайте на них внимания!.. сделайте вид, что их не замечаете… просто любуетесь ландшафтом!

холмы, трибуны Лоншана,[126] Сюрен, изгибы Сены… два… три изгиба… и еще там, у моста, напротив, остров Рено с соснами на берегу…

Конечно, тогда, когда мы с отцом таскали сюда кружева и вееры, здесь все гораздо больше напоминало деревню… тропинки 1900-го… о, у нас в Медоне было полно клиентов!.. «свежий воздух ему полезен!» он был полезен всем!.. и мне тоже… в Пассаже Шуазель мы все задыхались… триста газовых рожков!.. дети выращенные на газе! мы шли спортивным шагом навстречу друг другу, я из «Конторы», а мой отец — из своей «Коксинель—Инсенди»! и сразу же в путь!.. омнибус, «империал», пакеты! в Пассаж мы никогда не возвращались раньше девяти, десяти часов вечара… тропинки в Медоне совсем не изменились… те же узкие ленточки, путающиеся, переплетающиеся ленточки уходящих вверх тропок… как трудно здесь сегодня найти клиентов! .. вы только представьте себе!.. капризные привередливые дамы!.. со своими дочками… «это мне не нравится! а это слишком дорого!» и т. д.… они готовы на все, лишь бы поменьше заплатить! крошечный дефект: десять франков!.. приходится сбавлять!

---

[126] Примечания: 126
пригород Парижа, где находится ипподром

вот каковы эти клиентки… что теперь стало с их семьями?.. дома не изменились, точнее почти не изменились… тропинки тоже… ночью их плохо видно!.. но мне все равно!,. я хожу только с собаками! и не с одной!.. а с тремя.. или четырьмя сразу… причем злыми!..

— А как же ваши больные?..

— Да ничего хорошего!.. они ничуть не лучше, чем те «сверхшикарные» дамы 1900!.. ленивые, ворчливые, да к тому же еще нечистые на руку покупательницы!.. сам святой Винсент от них бы с отвращением отшатнулся!.. я на сто процентов уверен, что именно отвращение, которое вызывали у меня покупательницы моей матери сделало меня таким… какой я есть… я терпеть не могу торговаться из–за каждого су, кассовая ненависть у меня в крови, к больным, к здоровым, не все ли равно!.. херцогини 1900 ассоциируются у меня со словом хер… и только!..

Но что бы там ни говорили, человеческую природу изменить невозможно! это заложено в генах… любая вертлявая климактеричка с социальной страховкой способна выкаблучиваться и закатывать вам скандалы почище, чем Мен-

тенонша!..[127] никто еще со мной так грубо не обращался — а в конце концов меня просто выгнали взашей — никто не позволял себе такого, как одна фитюлька со страховкой, которой я намеревался подлечить нервы… я даже не сказал ей об операции… не успел!.. фиброма?.. рак?.. мне не хотелось ее раньше времени волновать… ебаная деликатность!.. такт!.. я ждал, пока эта мандавошка угомонится!.. но не тут–то было!.. она крыла меня на чем свет стоит!.. соседи все слышали… двое, трое даже выскочили на улицу… они меня узнали… «о, не обращайте внимания, доктор!.. она очень нервная!..» я думаю, что это все из–за машины… будь у меня машина… вот с таким капотом! она бы мне и слова не сказала!.. а если бы я их еще менял каждый год? ну тогда ваще!.. мне все было бы трын–трава… кассовая ненависть!.. черт побери! скорее кассовое чутье… оно у всех людей такое обостренное!.. нечеловеческое! почти звериное!..

Если вы ездите на машине, то как бы вы ни относились к Суэцу, у вас не будет проблем!.. в Версале были кареты, а теперь ваша значимость измеряется количеством лошадиных сил… Вер-

---

[127] Примечания: 127

Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1635–1719) любовница Людовика XIV, который тайно на ней женился.

саль, Кремль или Белый Дом… занимаете вы какую–нибудь должность?.. нет?.. Профессор, Комиссар… Министр… сколько у вас лошадиных сил?.. вы уже дышите на ладан?.. да?.. черт побери!.. у вас фиброма?.. вам хана!.. бля!.. рак?.. а, все–таки, какой у вашего автомобиля салон?.. какие буфера?.. Версаль… Виндзор… Белый Дом… Каир…

***

Посмотрел бы я на Людовика XIV, живи он во времена «всеобщего социального страхования»!.. пусть бы он тогда сказал, что Государство — это он!.. вы только представьте себе миллиарды платящих взносы! считается, что Людовик любил залупаться!.. но все–таки он, Людовик—Солнце, и то колебался, стоит ли ему менять хирурга! переживал!.. старался соблюсти этикет!..[128] а никчемный владелец «страхового полиса» смешает вас с дерьмом и даже не заметит! он обращается с вами, как с гнилой рыбой!.. вы думаете, ему нужны ваши советы?.. о ля ля! старый идиот!.. «к вам обратились за «больничным»! так

---

[128] Примечания: 128

См. отрывок из письма Гастону Галлимару от 7 октября 1954 года:«Людовик XIV очень переживал, собираясь заменить своего обычного врача на Фагона, который должен был прооперировать ему дырку в жопе… что за хитрости!.. что за дипломатические ухищрения!.. «Что подумает двор?» — спрашивал он без конца…»

подписывайте!.. печать, и привет! старый маразматик! «восемь дней», слышите!.. месяц!.. ну, черт возьми! шут гороховый! ставьте печать!.. а ваши рецепты?.. не смешите людей!.. да ими уже и так забиты все уборные! и не то что вашими! а теми, что выписывали самые настоящие мэтры, Профессора и знаменитые Экстрасенсы из Нейи, Сен—Джемс и Монсо! а вы бы видели, какие у них хоромы!.. ковры! лужайки!.. десять медсестер!.. двадцать диктофонов!.. ну и что! мы подтираемся даже тем, что выписали эти полубоги! а вы? ставьте печать!.. побыстрее! не тяните кота за хвост!.. подписывайте!.. и привет!»

Это конечно не имеет особого значения, и тем не менее, большая часть больных, с которыми мне приходится иметь дело, тратят на курево больше, чем мы на жизнь… мы, это Лили, я, наши песики и кисуники…

Как–то одна старая алкоголичка едва не огрела меня бутылкой по голове… она ткнула мне в нос… огромной бутылкой красного винища!.. в знак протеста!.. я сказал ей, чтобы она бросила пить… «Она способна убить свою внучку!» мне следовало бы запереть ее в лечебницу!.. «Она социально опасна, вы знаете, Доктор! вы не можете что–нибудь сделать?..» но запри я ее в лечебницу, она

вскоре слиняла бы оттуда и прикончила меня!.. у пьяниц ведь это просто:«Я выпила и его физиономия мне не понравилась!» — и все. Тартр и иже с ним долго мастурбировали, исходили на говно, ломали копья, метали громы и молнии, пытаясь хоть кого–нибудь подначить! а эта пьянчужка и без них уже вполне созрела для этой миссии!.. собаки тоже… особенно суки, одно мое неверное слово и…

Боже мой! бутылка, лечебница: главное, держаться от нее подальше, вот и все!.. я посоветовал ей другого врача… но она, вы не поверите, отказалась наотрез!.. другого врача она не хотела, только меня!.. меня! и все тут! она ведь не орала на меня, просто пыталась убить!.. я должен был заниматься ее бородавками!.. прижигать их!.. один раз я ей отказал… но на следующий день она притащилась снова…

***

За всем нужен глаз да глаз… собаки, например?.. они ведь чего доброго, могут загрызть какого–нибудь больного!.. или даже сразу двух! тьфу–тьфу!.. постучу по дереву!.. огромный сад, да еще на склоне… а если вся свора вдруг сорвется с цепи!.. кинется вниз с диким воем!.. понятно теперь, почему все больные разбегаются… соседи вопят…

ведь стоит им только залаять!.. начинается нечто невообразимое!.. и чем больше я на них ору, тем сильнее они рычат… мне в ответ… представляете, каково больным!.. между двумя и четырьмя я загоняю всю свору на чердак… так они там, наверху, так начинают выть… просто жуть!

Безусловно, эта свора доставляет мне массу хлопот, но если хорошенько подумать, взвесить все «за» и «против»!.. она ведь защищает меня от всякого сброда!.. я ужасно боюсь случайных прохожих… неважно, знаю я их… или нет! а стоит им услышать собачий лай… они вздрагивают и поворачивают назад!.. убийцы не любят рисковать… убийство для них — все равно, что покупка акции Суэца для буржуа: все просчитано до мелочей… а убийц я немного знаю… их можно встретить повсюду, не только на киче… за свою жизнь… я встречал пятерых… или шестерых… гав!.. гав! и никого!.. я не собираюсь косить под простачка, я, вообще, никому не доверяю!.. в секторе К, в Вестерфангселе, вот там был вой так вой!.. заключенные в pip–cell… плюс спущенные до утра своры!.. сколько там было псов? сто?.. двести?.. тюрьма–то охранялась!.. intra muros!

extra muros![129] два года… целых два года… бессоных ночей и оглушительного воя… директор тюрьмы был недоверчив… почему же я должен кому–то доверять? тюрьма — не школа, не правда ли? а вы там были? не были?.. значит вы ничего не видели!.. те, что там не были, пусть им даже уже за девяносто, всего лишь жалкие, болтливые шуты, дешевки… они болтают, сами не знают о чем!.. а вглядитесь в них повнимательнее… о чем каждый из них думает в глубине души?.. «Только бы, блядство! только бы продержаться до конца! только бы мне не вляпаться!..» они все панически боятся тюрьмы! и постоянно об этом думают!.. Мориак, Ахилл, Геббельс, Тартр!.. посмотрите, как эти издерганные алкоголики скачут от коктейля к коктейлю, от исповеди к исповеди, от поезда к поезду, от одной лжи к другой! из одной партии в другую… от одного пиздежа к другому!.. и все только, чтобы избежать «ордера», наручников и Санте!..[130] как они трясутся! еще бы!.. ведь это была бы единственная по–настоящему серьезная минута в их жизни!.. finish… заключительный аккорд всех из ля–ля фа–фа!

---

[129] Примечания: 129
внутри! снаружи!

[130] Примечания: 130
Тюрьма в Париже

Почему, скажите, я должен кому–то доверять? нет, Мадам Нисуа я не боюсь!.. что?.. может быть, напрасно? мадам Нисуа не похожа на других больных… нет!.. она не внушает мне опасений… воистину безобидное существо… но жесты!.. вы бы видели ее жесты!.. она размахивает своими руками почище, чем та алкоголичка… нет, она мне не угрожает! не трясет шкаликом у меня под носом… просто иногда ее вдруг начинает одолевать беспокойство… у ограды!.. да где угодно!.. по поводу угля… по поводу черт знает чего еще… ее бросает в дрожь… и она уже ничего не соображает… вырубается, если можно так выразиться… с каждым днем она становится все слабее и слабее… тропинку под ногами она уже не замечает… идет наугад… о, мои собаки ее совершенно не смущают… она их просто не слышит!.. а видеть она толком тоже ничего не видит… вот в каком она состоянии, доложу я вам!.. и все–таки!.. вы не поверите, но то, что я не беру с нее денег, ее, тем не менее, поражает…

Итак, как я вам уже сказал, мадам Нисуа постоянно путает тропинки… между Нижним Медоном и мной… она шла к Сен—Клу, но соседи ее остановили… возле самого Моста!.. они вдруг подумали, а куда это она, собственно, идет? она

ведь живет на Площади экс-Федерб, что расположена параллельно нижней дороге, являющейся продолжением Вожирар… оттуда хорошо видно воду, Сену… набережные!.. кстати, неподалеку, метрах в ста, сразу же за шоссе Вирофль, находится некогда известный ресторан «Славный улов»… теперь от него остались одни воспоминания!.. на его балконах когда–то побывал «Весь Париж», сюда приходили выпить, полюбоваться на реку, подышать свежим воздухом… на острове напротив больше нет ни одного дерева!.. там теперь завод!.. вдали по–прежнему виднеются Сакре—Кер, Триумфальрая Арка, Эйфелева Башня, Монт Валерьен!.. но прошлого веселья здесь больше нет… оно исчезло навсегда!..

О, зато движение на реке все то же… оно пока не прекращается!.. буксиры, целые вереницы буксиров с высокими бортами, с бортами чуть выше уровня воды, уголь, песок, щебенка… один за другим… вниз по течению… вверх по течению… от Мадам Нисуа все это прекрасно видно… но ей это неинтересно… каждый ведь воспринимает мир по–своему… одних движение на реке трогает… других не трогает!.. арки моста переплетаются… теряются вдали… от Мадам Нисуа, из ее окна видно, как они шевелятся… почти от Лебе-

диного Острова!.. а с другой стороны… до самого Сен—Клу… представляете, настоящий бьеф! от моста Мирабо до Сюрен!.. да, такой вид улучшает пищеварение!..

Все–таки разные люди были более восприимчивы, чем мы, черномазые еще не успели подпортить им кровь… посмотрите хотя бы на Ахилла и Жертрута… о, лично я их терпеть не могу… и все же где–то в глубине, под складками, морщинами и щетиной, в самой сердцевине их естества, в его фибрах, в них еще можно обнаружить что–то напоминающее настоящую утонченность…

Во времена «Славного улова» в моде были ялики и большие полосатые трико, какие носили гребцы с торчащими вверх усами… я так и вижу своего отца с этими торчащими вверх усами!.. я представляю себе Ахилла в ялике, поджарого, в пилотке и трико!.. я вижу всех этих старых хрычей… квохчущих от нетерпения клиенток… им хочется прокатиться!.. один круг вокруг «голубиного острова»!.. шпок! шпок! Тир,[131] испуганные вскрики, шелест!.. шелковые чулки, цветы, жар-

[131] Примечания: 131

На южном берегу острова Сегэн во времена молодости Селина находился тир с голубями, который, среди прочих, посещал президент Феликс Фор.

кое, монокли, дуэли!.. балконы «Улова», теперь, должно быть, все обвалились в Сену!.. «Улов» прогнил…

Я прекрасно помню этот «голубиный тир».. тополя! их трепещущие на ветру верхушки! Знаете, сколько я получил затрещин за то, что не мог усидеть на месте на речном трамвайчике «Пон—Рояль—Сюрен»!.. это был настоящий речной трамвайчик! не то что нынешние!.. затрещины на речном трамвайчике на меня сыпались со всех сторон… так в то время понимали воспитание!.. оплеухи, пинки… теперь в этом вопросе произошли радикальные изменения… ребенок «нуждается в ласке, иначе у него будут комплексы»..

Да, гурманы того времени имели возможность полюбоваться на прекрасный вид… Монт Валерьен, с другой стороны — Сакре—Кер, долина, Сена, изгибы… все это видно и из окна моего дома, где я теперь пишу, в этом отношении мне повезло… ах, и трибуны Лонгшам… прямо напротив…

Слушайте, я как будто слышу голоса стариков… так, будто я снова рядом с ними!.. привет!.. оболтусы!.. никого!.. а я?.. сабли наголо!.. последний смотр 14 июля!.. весь личный состав на Площа-

ди!.. вместе с 11 и 12 Кирасирскими полками…[132] заряжай!.. пальнем напоследок!.. теперь бывают только гулянья, да инсценировки Саша…[133] без привлечения войск!.. нет больше ни «Славного улова»… ни настоящих речных трамвайчиков, ни детей, которые уважают своих отцов…

Я отвлекся… наверное, это вас раздражает?.. я говорил о мадам Нисуа, о том, что собирался спуститься к ней… и еще о том, что «Улов» прогнил… а ее дом!.. он держится просто каким–то чудом! его давно бы пора снести!.. лестница, крыша, окна! все держится на соплях! я-то знаю! все это построено еще до 70-го!.. и даже гораздо раньше!.. в жилтресте обещали его починить!.. но там, вероятно, ждут, чтобы мадам Нисуа прибралась, тогда можно будет его просто продать!.. других объяснений я не нахожу… за квартиру она платит аккуратно и в срок!.. конечно, в этом дерьмовом жилтресте одно жулье, но ведь есть же квитанции!

Должен признаться, что меня совсем не тянет

---

[132] Примечания: 132

Военный парад 14 июля 1914 года описывается Селином так же в «Бойне» и в «Феерии, 1»

[133] Примечания: 133

В 1953 г. режиссер Саша Гитри снимал сцены из истории Франции для своего фильма «О чем поведал мне Версаль».

спускаться к мадам Нисуа… но как быть с собаками?.. обычно я запираю их на чердаке!.. куда там! я так и вижу, как они разбивают стекла и бросаются на мадам Нисуа!.. прямо с четвертого этажа!.. да! именно!.. их не удержишь, так им хочется ее разорвать!.. Мадам Нисуа слишком много жестикулирует… ей нужно всюду поспеть… все посмотреть… узнать… порхать по воздуху… она не ходит… а вращается, как листок на ветру… ей не следует выходить из дому!.. сколько раз я ей это повторял!.. обратно домой ее приходится отводить за руку!..

«Успокаивающие» действовуют на нее отупляюще… еще бы!.. я сам не люблю наркотиков, но иногда они просто необходимы… в одном случае из ста… как с Мадам Нисуа, например… ее опухоль с трудом поддавалась лечению… старческая форма… к тому же очень запущенная… она становилась все больше… и постоянно кровоточила… о, это требовало дополнительных усилий! в процессе лечения, если так можно выразиться…всякие там марлевые тампончики… повязочки!.. и как можно меньше морфия… несмотря на то, что никаких улучшений не предвидится и кровотечение все равно будет продолжаться… «Доктор! Доктор! снимите это!.. О,

мадам Нисуа, нет!.. ни в коем случае!..» сколькло нужно такта и внимания, когда имеешь дело с умирающими от рака стариками… я-то это знаю, к сожалению, убедился на собственном опыте!.. деликатность, необходимая дипломату, кажется топорной прямолинейностью по сравнению с тем, что требуется от вас, чтобы ваша коматозная старушка не послала вас куда подальше!.. вас вместе с вашей мазью!.. рекомендациями, тампонами! термокаутерами!.. ко всем чертям!.. к Богу в рай!.. ну а главная сложность с Мадам Нисуа заключалась в том, чтобы заставить ее лежать, оставаться у себя, не подниматься ко мне… пользы от этого ей не было никакой… только лишняя трата сил!.. а вдруг однажды она упадет и больше не встанет?.. тут сразу же начнется такое!.. Петью! Ландрю! Бугра!.. хорошо еще, что на меня до сих пор не навесили Дьенбьенфу!..[134] и падение Мобеж в 14-м!..[135] ну кто еще, кроме меня, мог прикончить мадам Нисуа? полная чепуха!.. но был же я обвинен Тартром и сотней хорошо осве-

[134] Примечания: 134

Местность на севере Вьетнама, где в 1954 году поражение французских войск в битве против вьетминовцев положило конец французскому господству в Индокитае.

[135] Примечания: 135

г. Мобеж на севере Франции был взят 6 сентября 1914 года немцами.

домленных периодических изданий в том, что продал Па–де–Кале… так что все возможно!.. а теперь еще и мадам Нисуа? приплыли! допустить, чтобы она упала, спускаясь по тропинке?… ну нет!.. если бы я еще работал лесорубом в глухом лесу… но тут, у самой Сены?… ни за что!.. там внизу конечно уже все читали… эти плакаты… а что там про меня пишут?!.. и в результате: «Ты видишь там этого старика?.. ну и т. д.»

И дело тут не только в моих преступлениях… не последнюю роль во всем этом играет и то, как я одет… не стану же я справлять себе новый костюм, чтобы угодить обитателям Нижнего Медона!.. им кажется, что я выгляжу недостаточно хорошо?.. а взглянули бы они на себя хоть раз моими глазами! представляю, как бы они подпрыгнули!.. эффект разорвавшейся бомбы!.. последствия ядерной катастрофы!.. да они бы в ужасе отшатнулись от такого уродства!.. харь! душ! жоп!.. да!.. еще бы!.. но, все–таки, как же Мадам Нисуа?..

***

Итак, спускаюсь я к мадам Нисуа… но очень осторожно, я повторяю… люди с набережной меня недолюбливают… в силу ряда причин… то, другое… пятое, десятое… мой костюм… раз!..

плакаты… два!.. то, что я не беру денег… «у него нет служанки», «нет машины», мусорный бачок, авоськи с продуктами и т. д. и т. п… так что сами понимаете, днем на улице мне лучше не показываться… я спускаюсь ночью по «Бычьей тропе» с собакой.. даже с двумя… на «Бычьей тропе» после семи вечера редко кого встретишь… там внизу, площадь экс-Федерб в одной минуте ходьбы от «Бычьей тропы».. Мадам Нисуа… она живет в третьем доме, сразу за площадью… я уже там был… сначала я привязываю своего песика… я почти всегда беру с собой Агара… он меня ждет, рычит… не будь у меня собаки, я бы никогда не отважился на подобную авантюру… у него полно недостатков, у этого Агара, он рычит, воет… а как он любит запутывать свою цепь!.. она обвивается вокруг вас!.. ускользает от вас, как змея!.. вот она спереди… проскальзывает у вас между ног!.. он тащит ее сзади!.. вы орете без остановки.. «Агар! Агар!..» чуть не падаете, рискуя переломать себе все кости… да, но у Агара есть одно существенное достоинство: он никого не признает!.. этот пес не из общительных… никого, кроме вас!.. например: у мадам Нисуа пока я ее лечу, я могу быть абсолютно спокоен, если он на лестничной площадке, кто бы там ни ошивался вокруг… стоит только

кому–нибудь появиться на противоположном тротуаре!.. как он уже готов его растерзать!.. при всех своих недостатках это настоящий «сторожевой пес»... настоящий и безо всяких «почти»... наверху с Лили осталась Фрида, это ее собака, вот ей до него далеко... меня она вообще знать не хочет, ей нужна только Лили... итак, своего песика я оставляю на лестничной площадке, на коврике под дверью... только не подумайте, что я боюсь... никого я не боюсь, просто мне не хочется: не хочется, чтобы меня убили... было бы досадно, если бы после пятнадцати лет оголтелой травли один из этих маленьких прыщавых шакалов, какой–нибудь кокаинист с трясущимися ручками словил наконец кайф... а он, наверное, спит и видит свое имя на мемориальной доске: «Здеся Лидуарзефф укокошил...» какая–никакая, а слава!.. о, я нисколько бы не удивился!.. если бы вдруг заметил!.. двоих!.. троих, поджидающих меня!.. там внизу!.. да!.. ничуть!.. а тут еще и мадам Нисуа!.. как раз кстати!.. отвлекает мое внимание! своим тупым рылом и коматозной задницей!.. удачное совпадение! мне попадались больные в состоянии гораздо худшем, чем она, которые уже совсем на ладан дышали, и те порой оказывались невольными соучастниками

самых гнусных и коварных злоумышленников!.. стоит мне только выйти из дому, неважно, от больного или нет, мне нужно быть готовым ко всему!.. с такой репутацией, как у меня, ничего хорошего ждать не приходится… особенно, когда поднимаешься или спускаешься по лестнице… знаете, однажды в передней на улице Жирардон меня уже чуть не шлепнули… те, что собирались меня убить… вопили П р а г а! П е ш т!.. они посылали мне письма с угрозами… до сих пор не могут успокоиться! сучье отродье!.. я на них не жаловался… хотя намерения у них были самые серьезные… да!.. еще бы!.. больше всех мутил воду один сталинист!.. этот, как его, Вайян Этьен,[136] кажется!.. но не тот, что из Парламента!..[137] Парламент ведь теперь не значит ничего! История — это фарс! бесконечные дрязги! разборки! сначала — всеобщее ликование!.. урра!.. а потом?.. бац! петлю на шею! и ты в жопе! вспомните хотя бы Цезаря… скольких с тех пор постигла та же

---

[136] Примечания: 136

Селин имеет в виду писателя Роже Вайяна, но делает вид, что не помнит его имени

[137] Примечания: 137

Имеется в виду анархист, бросивший бомбу в палату депутатов в канун 1914-го года

участь? всех и не припомнишь! от Лувертюра[138] до Кристины[139] и Молле![140] эпигонов у меня и то меньше!.. ну, Цезарь, Александр, это еще куда ни шло!.. ныне историю творят другие!.. Вайан Первый!.. Второй!..

Но оставим прошлое Гревэну!..[141] вернемся к настоящему! к мадам Нисуа!.. вот мы и у нее.. мы, кажется, на этом остановились… я осматриваюсь по сторонам… как там Агар… он рычит на коврике у двери… то поднимая, то опуская свои уши… Агару я доверяю больше, чем мадам Нисуа… подозрительный шорох на лестнице?.. слабый скрип двери?.. Агар уже на ногах!.. «Может быть, мне лечь, доктор?.. Ложитесь, мадам Нисуа…» Я принес свои инструменты, шприцы… компрессы… пинцеты… «Кровотечение все продолжается, док-

---

[138] Примечания: 138

Туссэн Лувертюр (1748–1803) главарь негров Сен—Доминго, восставших в 1791 году против господства белых. Туссэн Лувертюр на какое–то время стал хозяином острова, но был схвачен французскими войсками, был перевезен во Францию и умер в Форт де Жу.

[139] Примечания: 139

Возможно, имеется в виду св. Кристина, девственница и мученица при императоре Диоклетиане

[140] Примечания: 140

Ги Молле (1905–1975) французский политический деятель. Президент совета (социалист) с 1956 по 1957 г.

[141] Примечания: 141

Гревэн — музей, знаменитая галерея восковых фигур, основанная в 1882 году Альфредом Гревэном (1827–1892), театральным художником, на

бульваре Монмартра в Париже. Селин часто употребляет ее название для обозначения мертвых, мумифицированных знаменитостей или просто мумий

тор?.. о мадам!.. нет!.. оно стало гораздо слабее!.. гораздо!.. А как же запах, доктор?.. и его почти нет, мадам!»

Если бы на ее месте оказался Вайян.. мой занемогший гонитель Вайан… или даже Тропманн,[142] Ландрю… да хоть сам Тартр…вместе с сотней преследовавших меня все годы скитаний по тюрьмам палачей… вдруг впавших в горячку! и тогда я бы не изменил своему призванию… в душе я истинный самаритянин… добрый самаритянин… я не смог бы отказать им в помощи… аббат Пьер по сравнению со мной просто Гапон, поп Гапон… это очевидно!.. я другое дело… я доктор «Айболит».. каким я и был в Вестергфанселе, в больнице (круглосуточные дежурства), представляете: этакий «генератор бодрости»… так вот, если бы я встретил, например там этого Тартра в агонии… я бы ему сказал:«послушай ты, кровопиец!.. жук навозный!.. дерьмо вонючее!.. давай! не распускай нюни! соберись с духом! еще не все потеряно!.. ты редкостная сволочь, но ведь ты же культурный человек!..» больному, и Тартру в том числе!.. важно не терять бодрости

[142] Примечания: 142

Жан—Батист Тропманн, автор самого известного преступления 19 века. В сентября 1869 года он убил супружескую пару и шестерых детей. Был казнен в январе 1870.

духа!.. по правде говоря, я видел, что мадам Нисуа не протянет больше недель пяти… шести… к тому же! в больницу она не желала… о, только не это!.. ей нужен был я!.. только я один!.. ее лечить должен был я!.. конечно, она страдала… впрочем не так сильно… рак… но в токсичной форме… к счастью… к счастью… ибо ей здорово повезло! при этой форме больные плохо соображают… они ничего не помнят… впадают в дебильность… что?.. ques?.. пускают слюну, трясутся, потеют… мадам Нисуа иногда жаловалась, но боли были не очень сильные… видите ли, такие больные сначала пытаются вставать… беседовать с вами… даже есть!.. а потом вдруг полностью обессиливают… утрачивают интерес к жизни… застывают в неподвижности… с гримасой смерти на лице… с мадам Нисуа именно это и произошло… для меня же это означало только то, что мне предстояло еще в течение двух месяцев спускаться и делать ей первязки… необходимо удерживать ее дома отпала сама собой!.. прогуливаться теперь буду я!.. о, но не днем!.. естественно… исключительно по ночам!.. и не потому что я так уж опасался за свою жизнь!.. нет!.. просто мне не хотелось ни с кем встречаться!.. ни с кем! абсолютно!.. настолько мне все остопиздели!.. пусть они болтают про

меня все, что хотят, сидя у себя дома!.. пожалуйста!.. главное, чтобы только я их не видел.

Итак, мадам Нисуа — в своей кровати… а я заканчиваю перевязку… и болтаю с ней о том, о сем… самое холодное время позади!.. скоро зацветет сирень… хватит с нас холодов!.. скоро распустятся жонкили!.. ландыши… таких зим как эта не было никогда!.. я собираю свою вату… она просит меня оставить ей… один пакетик… пожалуйста!.. а как тот персик на дороге Гард?.. что с ним стало?.. он не замерз?.. я даю ей подробный отчет о его состоянии… он уже зацвел!.. он растет прямо в стене, из щели между двумя гранитными камнями!.. о, он настоящее воплощение Весны!.. она удовлетворена!.. я прекрасно умею ладить с людьми… поднимать их настроение!.. в тюрьме самые озлобленные заключенные, объявившие голодовку смертники и те поддавались на мои уговоры и снова соглашались есть!.. потихонечку… слово за слово…

Так за разговорами я собираю свои инструменты… ах, чуть не забыл!.. укол!.. ей необходимо… 2 кубика морфия! чтобы заснуть… я чуть не ушел… я впрыскиваю ей ее 2 кубика… и бросаю взгляд на улицу… через окно!.. я обвиняю других в том, что они вечно суют свой нос, куда не нужно…

но на самом деле!.. на самом деле!.. я сам!.. чертовски любопытен!.. я не люблю, когда на меня пялятся!.. но должен вам признаться! каюсь!.. я ужасно люблю наблюдать сам… а там соблазн был слишком велик, на улице зажглись огни!.. я загляделся .. вдаль.. на Сену… Мадам Нисуа стала засыпать… и больше мне не отвечает… ее окно как я уже говорил, выходит на площадь экс-Федерб… на набережную… у меня перед глазами!.. мадам Нисуа ее не видит… хотя бы потому что спит… а я вижу даже аллеи и копошащихся на них людей… кажется, они грузят баржу?.. нужно спросить мадам Нисуа… я ее бужу…

«Эй, мадам Нисуа!.. что это за люди там внизу?

— Какие люди?

— Те, что грузят баржу?»

Она не знает, ее это не интересует, она отворачивается… и начинает храпеть… ладно, буду смотреть один!.. должен вам признаться, что я не совсем обычный созерцатель, я просто помешан на воде и всем, что связано с портом… всем, что туда приплывает и оттуда отплывает… в детстве я был на дамбах со своим отцом… во время восьмидневного отпуска в Трепоре… там было на что посмотреть!.. прибытие и отплытие маленьких рыбачьих лодочек, этот промысел многим стоил

жизни!.. вдовы со своими детишками, рыдали, глядя на море!.. воистину эти дамбы были исполнены самой высокой патетики! послушайте!.. самый грациозный Кукольный театр — это всего лишь кукольный театр! а Голливуд — это всего лишь Голливуд! передо мной теперь была всего лишь Сена… а я глядел на нее, как завороженный… движение воды и судов очаровывало меня точно так же, как тогда когда я был маленьким мальчиком… если вы помешаны на кораблях, любите наблюдать, как они уходят и возвращаются, это уже на всю жизнь!.. не так уж много увлечений остаются на всю жизнь… стоит мне заметить какую–нибудь маленькую баржу, как я уже не могу оторвать от нее глаз, я смотрю на нее сверху, из моей мансарды, стараюсь разглядеть е ее название, номер, вижу, как там сушится белье, мужчину у руля… внимательно наблюдаю за тем, как она проходит под пролетом моста Исси… если у вас такая мания… вас, как магнитом, притягивают к себе сутолока портов, лодочки, движение на набережных и плотинах… стоит только крошечному ялику подойти к причалу, как я уже лечу кубарем, несусь посмотреть… точнее раньше несся… теперь уж больше не несусь… я просто стою и долго смотрю!..

Полуразвалившаяся задрипанная баржа ползла вдоль канала, а мне было не лень тащиться за ней до следующего бьефа!.. о, конечно же, за девчонками я тоже бегал!.. и еще как! но это не мешало мне часами наблюдать движение воды… теряющиеся вдали пролеты моста… один неповоротливый корабль–цистерна… другой!.. маленькая юркая яхточка!.. чайка!.. две!.. завораживающее мелькание пузырей по течению… плеск воды!.. вереница шаланд… вы представляете себе эту картину…

В окно от мадам Нисуа видно, как работают на набережной… сразу и не разберешь! какие–то люди… я заметил там баржу… как у вас со зрением… или же вы предпочитаете сушу и как крот сидите в своей норе?.. тогда другое дело!.. понятно!.. вы «любитель автобусов».. тогда извините… когда я повнимательней вгляделся в набережную, я понял, что там происходит совсем не то, что я сперва подумал… там не было никаких барж!.. никто их ничем не загружал! ни мусором!.. ни углем!.. возня там была по другому поводу!.. да!.. я ошибся!.. набережная площади экс-Федерб никогда не освещается… это обстоятельство объясняет мою ошибку… мэрия не справляется со своими обязанностями!.. во–первых, там не так много

прохожих… и потом, мальчишки все равно бьют все фонари!.. это их любимая забава!.. шпок!.. кто точнее! в мэрии уже давно махнули на это рукой! таким образом ночью: не видно ни зги!.. можно подумать, что это Суэц!.. плюс ко всему, набережная вся покрыта рытвинами и ухалами!.. метровые ямы!.. там все нужно полностью ремонтировать! нашу тропу тоже следовало бы привести в порядок!.. а что здесь вообще не нужно ремонтировать?.. видели бы вы дорогу!.. там собираются строить большой завод… через окно я все время вижу какое–то движение… нет, это не разгрузка угля или песка… я говорю об этом лежащей на боку мадам Нисуа… я снова бужу ее… набережная ее совершенно не интересует… мысленно она все еще в том разговоре, который мы только что вели… растения, Весна… она бормочет мне что–то про Весну… я ее выслушиваю… о, каждый о своем!.. я говорю о набережной!.. и о темноте!.. да, я вижу там нечто не совсем обычное: никакая это не баржа!.. ах я сумел–таки разглядеть, что это!.. это же речной трамвайчик, вот!.. я даже прочитал его название! на нем написано огромными красными буквами «Общество», и номер: 114!.. как мне удалось это разглядеть?.. может, это свет маленькой лампоч-

ки?.. или витрины?.. нет!.. все витрины наглухо закрыты!.. да, я уверен!.. я вижу всю площадь… именно «Общество»!.. на набережной… люди подходят и поднимаются на борт… по двое… по трое… в основном… по трое… они спускаются сверху… кажется… по той же тропе, что и мы… они поднимаются на корабль… с кем–то говорят… и снова уходят… я сказал: они говорят?.. я так думаю… я ведь их не слышу!.. только вижу… они толпятся, сходятся… по трое… поднимаются по трапу… я немного различаю их лица… но с большим трудом… скорее, их силуэты… да, конечно!.. бледные силуэты… не четкие… бледные, как и я!.. я сам! о да!.. у кого ненче не бледный вид?.. меня слегка потрепало… даже очень здорово потрепало!.. еще бы!.. вся Европа теперь в жопе!.. вся Европа!.. друзья!.. родственники!.. так и норовят что–нибудь урвать от меня!.. и глазом не успеешь моргнуть! как лишишься шляпы вместе с головой!.. Европа одичала!.. при нацистах было не сладко, но скажите мне, чем в нынешней Европе лучше?.. я ничего не преувеличиваю… ордер на арест покрасивее… или тюрьмы комфортабельнее… меня действительно здорово потрепало… в результате я даже не в состоянии хорошенько разглядеть, что там на набережной за брожение.

Тсс!.. я отвлекаюсь… так мы окончательно запутаемся!.. речной трамвайчик стоит у причала!.. я его вижу! никто не сможет меня в этом разубедить!.. я вижу группы людей!.. снующих туда–сюда… по темной набережной… гуськом… они подходят к трапу… поднимаются на борт… о, они ведь просто гуляют!.. естественно… место длял прогулок не самое подходящее… к тому же конец марта… ледяной ветерок!.. конечно, мы бывали в местах и похуже… Корсор! Балтия, Бельт!.. я-то знаю, что значит «ледяной».. там этот ветерок показался бы теплым… но все равно он не для прогулок!.. промозглый предательский ветерок… а как же речной трамвайчик «Общество»?.. это не сон! я его видел, да! но как и все остальное… очень неясно!.. может, я слишком ослаб?.. из–за анемии?.. или это из–за того, что я так долго на него пялился?.. мадам Нисуа меня больше не слушала… она дремала… но я не думаю, чтобы она могла помочь мне разрешить мои сомнения! действительно ли это был речной трамвайчик?.. учтите, что мадам Нисуа даже бодрствуя соображает довольно туго… видели бы вы, как она идет ко мне… цепляется за ветки… за все… что попадется под руку!.. даже за воздух!.. но она шатается не от пьянства… нет!.. просто она не в

себе… и все… по набережной она не прошла бы и двух метров… оказалась бы в воде! плюх!.. два метра!.. вы представляете!.. мне нужно туда сходить!.. посмотреть!.. я ведь не она!.. я хочу во всем убедиться сам… кажется мне или нет!.. именно!.. именно!.. «Общество» это или это я самым глупым образом опьянел!.. от чего?.. да от чрезмерного упоения собственными чувствами!.. необходимо вернуться к реальности!.. Агар так тот еще хуже чем я способен реально оценивать окружающую действительность… маленькое подозрение?.. гав!.. гав!.. он впадает в бешенство… остановить его невозможно!.. площадь экс-Федерб буквально сотрясается от его лая!.. вместе с людьми!.. и стоящими вокруг лавками!.. о, он вынуждает их снова открыться!.. стоит мне только сказать: Агар!.. он у меня самый шумный изо всей своры!.. соседи мне не дадут соврать… «Усыпите его!.. усыпите же его наконец, доктор! он делает нашу жизнь невыносимой!» такая чепуха делает жизнь всех соседей в округе невыносимой! они слишком устали от вечной беготни туда–сюда, их нервы на пределе… вы со своим песиком появились как раз кстати! прибавьте к этому озлобление от жизни!.. супружество, дрязги!.. соседство больших магазинов!.. вас с вашей сворой тут только и не хватало!

Все время пока я там находился, я ждал, может, Агар мне подскажет, кажется мне все это или нет? стал ли я жертвой галлюцинации… да?.. тсс?.. воздействие воды? «Я сейчас вернусь, мадам Нисуа!» лестница!.. вот мы и внизу, на тротуаре… я и собака… мимо проходят… какие–то люди… пересекают площадь экс-Федерб… точно… Агар их обнюхивает… но не лает… лиц этих людей я не вижу… они все в капюшонах… это даже не капюшоны, а тряпки!.. тряпки в виде чепчиков… что–то вроде тюрбанов… во всяком случае, свои лица они скрывают… должен признаться, что выглядят они не совсем обычно!.. к тому же, заметьте, в темноте… точнее, почти… ибо совсем темно никогда не бывает… Агар не лает… я подхожу к набережной… и вижу… конечно же!.. точно!.. речной трамвайчик!.. настоящий! на нем номер:114… и название… я подхожу поближе… старый знакомый!.. это не подделка под речной трамвайчик, какие делают сегодня!.. с колоколами, местами для туристов!.. все в зеркалах, афишах! такие теперь часто проплывают у меня под окнами… нет!.. этот настоящий, старый!.. модель давно снята с производства… он, наверное, старше меня!.. с огромным якорем… на носу!.. с бакенами вокруг… множеством баке-

нов… настоящие гирлянды желтых, розовых и зеленых буев… спасательные шлюпки!.. большая слегка склоненная к палубе труба… капитанская рубка!.. даже окраска того времени!.. каменноугольная смола и сирень!.. похоже, у него совсем новый герб, у этого «Общества»… не подумайте только, что я пудрю вам мозги… речные трамвайчики мол, ля–ля, фа–фа! я прекрасно в них разбираюсь!.. в дни моей молодости в выходные, когда было настроение, мы садились на них у Пон—Руайяль, где находился ближайший от нас причал… пять су туда и обратно до Сюрен… а в апреле так вообще каждое воскресенье!.. даже в дождь!.. ребятишки, оказавшись на свежем воздухе, начинали шкодить!.. все ребятишки были из центральных кварталов… я не один был такой зеленый!.. а их домочадцы!.. все хотели подышать воздухом!.. это называлось принять воздушную ванну!.. до Сюрен и обратно!.. глоток воздуха!.. свежий ветер в лицо! всего за двадцать пять сантимов!.. правда, спокойным это путешествие назвать было нельзя… повсюду раздавались голоса мамаш!.. «Не копайся в носу!.. Артюр! Артюр!.. дыши глубже!..» наглотавшись свежего воздуха детишки становились неуправляемыми! они лезли повсюду!.. даже в сортиры! ковырялись в

носу, теребили свои ширинки… но особенно их привлекал кормовой винт!.. вихрь пузырей над его лопастями! они зависали над ним… по пятнадцать… двадцать… тридцать человек сразу… и балдели… вместе со своими отцами и матерями!.. а эти пощечины!.. тогдашнее воспитание!.. ах, Пьеретта!.. Леонс!.. они приводили их в чувство!.. вопли!.. слезы!.. шлеп! хлоп!.. профилактический курс пощечин!.. но уже не за пять су с носа, а даром!.. «Ты кончишь в тюрьме, хулиган!..» с мальчишками всегда столько хлопот!.. «Дыши, дыши, олух!».. бац!.. шлеп! «слышишь, что тебе говорят!» тогда детство сопровождалось пощечинами! «Дыши глубже, щенок! хлоп! оставь свой нос в покое, гаденыш! как от тебя воняет, ты что, забыл подтереться! поросенок!..» представления о подавленных инстинктах завладели умами родителей позже, гораздо позже, комплексы, психические травмы, и теде… «от тебя воняет, ты забыл подтереться! оставь в покое свою ширинку!».. этот мотив преобладал до 1900… затрещины тоже были в ходу!.. причем весьма болезненные! еще бы!.. считалось, что только при помощи оплеух можно воспитать из ребенка законопослушного гражданина… ужасный оболтус!.. совсем от рук отбился!.. если из него вырастет

убийца, пеняйте на себя!..

От этого на речных трамвайчиках было очень шумно… воспитание, экзекуции! сопение, громкие шлепки!.. раздавались повсюду!.. и на носу, у якоря!.. и на корме, над винтом!.. бац!.. шлеп! «Жанетта!.. Дениза!.. Леопольд! ты снова наделал в штаны!» они надолго запомнят эти воскресенья!.. сопливые непослушные ребятишки с зелеными лицами!.. им не нравилось, что родители заставляют их дышать свежим воздухом! и они нарочно не дышали!.. от Пон Руайяль до Сюрен, и обратно!

Стоило только всем собраться у одного борта, как корабль накренивался… и очень сильно… дети были вместе с родителями!.. однако мамаши снова начинали вопить! «Ты это делаешь нарочно, сорванец!» бам! хлоп!.. «Дыши! дыши!».. капитан надрывался из своей норы… призывая соблюдать осторожность!.. «Не все вместе!.. " раздавалось в рупор!.. да пошел ты!.. их становилось все больше! и больше!.. детишки, родители, бабушки!.. шлепки!.. оплеухи!.. пипи!.. все скапливались у одного поручня!..суденышко накренивалось до предела!.. а какое веселье без риска!.. шлеп! бац! Клотильда!.. бум! шпок! детишки были вне себя от восторга! Гастон!.. вы-

тащи руку из кармана!.. ты опять себя трогаешь!.. хрясь!.. негодник!

Нас, нуждавшихся в свежем воздухе, было много… все путешественники в той или иной степени страдали астмой, коклюшем, или бронхитом… от Пон—Руайяль до Сюрен… Центр, Гайон, Вивиьен, Пале—Руайяль, тамошние лавки были своеобразными тюремными камерами для ребятишек с землистым цветом лица… на свободу их выпускали только по воскресеньям!.. Опера… Пети—Шам, Сент—Огюстэн, Лувуа!.. воздушные ванны!.. для тех, кто обычно задыхался в задней комнате за лавкой!.. они должны были поправить свое здоровье!.. «вдох! еще вдох!» от Пон—Руайяля до Сюрен!

Квартал, где располагался наш Пассаж Шуазель был одним из самых нездоровых мест: огромная газовая камера в центре Города Света![143] в постоянном чаду трехсот рожков Ауэра!..[144] дети буквально задыхались!.. на Сене им все же было получше… полезнее для здоровья!.. что касается затрещин, то какая разница, где их получать: в задней комнате за лавкой или во время круиза!..в

---

[143] Примечания: 143
Город Света — одно из общепринятых названий Парижа

[144] Примечания: 144
Ауэр (имя неизвестно) считается изобретателем газового освещения

те времена «методы воспитания» не менялись каждые восемь дней! нет!.. и что значат оплеухи по сравнению с воздухом, пеной, винтом, бортовой качкой, бурлением воды и водоворотом пузырей!.. «о, мама, чайки!» хрясь!.. «не вертись!» но у Булонского Леса дети окончательно становились неуправляемыми! еще бы, Лес!.. и живительное действие воздуха!.. матери больше не могли с ними справиться… их можно было видеть повсюду! на всех скамейках… заливающихся слезами… «Клеманс! Клеманс!.. где ты, Жюль?..» только после Пуан дю Жур все более или менее становилось на свои места… дети немного успокаивались… кругом снова были дома… деревьев больше не было… знакомая картина… парижский воздух… Мост Альма…

Но кажется, я опять отвлекся!.. слишком увлекся своими детскими воспоминаниями!.. и забыл о том, зачем сюда спустился!.. впредь надо быть повнимательнее!.. я говорил… о расплывчатых очертаниях внизу… площади экс-Федерб и набережных… освещения нет… и тем не менее, я вижу людей… точнее их тени… и речной трамвайчик… о, речной трамвайчик я вижу отчетливо!.. тут ошибки быть не может!.. вокруг какие–то типы снуют туда–сюда… через площадь… и обратно…

как бы стар я ни был, но табличку с названием судна я разглядел:«Общество».. и номер: 114, это точно!.. я внимательно оглядываюсь по сторонам… осматриваю все вокруг… площадь экс-Федерб… магазины… все закрыты!.. окна без света… в одном нет переднего стекла… теперь–то я ясно вижу, что таких речных трамвайчиков давно уже не делают!.. ах, очень давно!.. он не похож на те, до отказа набитые туристами, которые я вижу сверху из моих окон!.. я кажется повторяюсь?.. он даже не образца 1900!.. это настоящий антикварный экземпляр, почти целиком из дерева… единственное, чего я никак не могу понять, так это то, что это за люди снуют вокруг… темно… ночь… ни одного зажженного фонаря!.. на площади… на улице… на лавках… ни одной неоновой рекламы!.. но к чему я все это говорю… я начинаю мешать все в одну кучу, совсем как мадам Нисуа… неон, витрины, газовые рожки! вы, наверное, перестаете меня понимать? вокруг меня сновали какие–то люди… туда–сюда… по двое… по трое… я их видел… и как я уже сказал… было довольно холодно… что я еще видел?.. на противоположной стороне… другой берег… да!.. еще остров!.. и завод!.. весь завод целиком… раз уж я сюда спустился, я решил осмотреть все…

даже небо!.. у себя над головой!.. я внимательно вглядываюсь!.. в темноту!.. есть там звезды или нет?.. правда, я плохо в них разбираюсь!.. мигание хоть каких–то огней?.. может быть, самолетов?.. куда там!.. ничего, кроме мрака непроглядной ночи! даже фонари и те все разбили мальчишки!.. впрочем, там был какой–то свет, но не от луны, фонарей с набережной или отражений на воде… а должен вам признаться!.. я всегда верил в человеческий разум!.. по профессии я врач!.. и терпеть не могу всяких аномалий!.. меня интересуют только факты!.. либо это есть!.. либо этого нет!.. vide latus!..[145] может быть, это было какое–то фосфорецирование?.. слабое, едва заметное свечение! мне редко приходилось иметь дело с подобного рода аномальными явлениями!.. я всегда старался держаться от них подальше!.. я ведь закоренелый материалист!.. факты и только факты!.. а этот речной трамвайчик с его тайнами?.. да плевать я на них хотел! нужно сматываться пока не поздно! в прямом и переносном смысле!.. в гробу я видел все это!.. люди! призраки!.. остров напротив!.. завод! затопить бы его и посмотреть, всплывет он или нет! завод! ах! это было бы

---

[145] Примечания: 145
Смотри страницу — *лат.*

забавно! замечательное зрелище!.. а противоположный берег?.. я видел его отчетливо!.. как днем!.. у противоположного берега я разглядел даже «Гераклита»… самую настоящую баржу… с вывешенным сушиться бельем… и готовящейся в камбузе едой…

О, еще на противоположном берегу я видел пляж Бийанкур и молодые тополя…

И наконец, самое странное и непонятное, ибо я и спустился–то сюда только за тем, чтобы понять привиделось это мне или нет!.. что это за фигня такая, что за сброд? Кристофер Колумб? Кортес?..[146] материя это или пустота? мне необходимо было это выяснить!.. я даже спустил моего Агара… будет он лаять?.. ведь это же были люди!.. у него–то миражей не бывает!.. э, как бы не так!.. здорово! он принюхался!.. обнюхал их со всех сторон!.. у меня даже челюсть отвисла от удивления!.. сколько я его не науськивал: фас! Агар!.. Агар!.. фас!.. он не реагировал!.. и это он, заядлый горлопан!.. бич соседей!.. «Он делает нашу жизнь невыносимой!..» теперь же ни звука! я сам готов был залаять, только чтобы его растеребить!.. гав! гав! ну, давай, подхватывай!.. куда там!.. он

[146] Примечания: 146

Эрнан Кортес (1485–1547) испанский конквистадор. Победив в 1521 году ацтеков, возглавил администрацию в Мексике.

обнюхивал проходивших мимо, и все!.. если бы он залаял, Лили бы его наверняка услышала!.. и поняла, что со мной все в порядке… мы ведь ушли уже давно!.. там наверху все очень хорошо слышно, малейший шум с Сены и набережных… а если бы Агар залаял, то ему бы еще и все собаки ответили .. у нас все прекрасно слышно… вой заводских сирен, звон колоколов, крик детворы и даже звон посуды… абсолютно все!.. но на сей раз Агар не желал подавать голос!.. при желании он мог бы своим лаем перекрыть гудок буксира!.. но здесь, ни гу–гу! просто обнюхал… всех этих прохожих подряд… потом гравий… сбегал погадил!.. вернулся и снова стал принюхиваться… раз так, то я сам сейчас дам знать о себе Лили! завою на всю округу, до Бельвю… «У–у–у, Лили!..» извините!.. но крикнуть я и сам могу!.. как на ученьях!.. в 12-м Кирасирском!.. «У–у–у, Лили!» раздается по крайней мере до моста Отей… я сам слышу свой голос!.. это эхо!.. и вдруг: рука! чья–то рука дотрагивается до моего локтя… но я не шевелюсь… Агар начинает энергично втягивать в себя воздух… громко сопеть… наконец я оборачиваюсь… какой–то тип!.. в чем–то вроде карнавальной маски… в общем, бойскаут, вырядившийся в карнавальный костюм гаучо!..

в широченных брюках с бахромой… фетровая шляпенция тоже с бахромой!.. шляпенция, штаны, блуза… все разных цветов! разноцветный!.. какаду!.. и еще шпоры!.. шляпа огромная, желтая, голубая, зеленая, розовая и нахлобучена до самой бороды!.. да!.. до белой вьющейся бороды… как у Деда Мороза!.. самого ряженого не видно!.. точнее, его лица!.. он замаскировался!.. с такой бородой и в шляпенции с такими полями… кого тут разглядишь?

«Ты кто?»

Спрашиваю я..

И вдруг меня осеняет!.. точно!.. я хватаю его за плечи! это он!.. мы обнимаемся!..

«Ах это ты!.. ты!»

Мы сжимаем друг друга в объятиях!.. Ля Виг! как я рад его видеть! Ля Виг снова со мной! «Это ты!.. ты!»

Черт побери!.. это он!.. вот так сюрприз!.. Ле

Виган[147] здесь, в карнавальном наряде!..

«Ты откуда?

— А ты?

Да, давненько мы не виделись… с Зикмарингена… он ведь тоже там был…

Нас травили как бешеных псов… мы были обречены!.. а в Суде!.. как он здорово держался!.. с каким достоинством! я помню, как он стоял перед ними!.. в наручниках!.. а как он меня защищал!.. тогда на такое не каждый бы решился!.. да никто!.. перед этими шакалами в зале!.. но он заставил их себя выслушать!.. бросил им прямо в лицо!.. затем, что я был единственным патриотом!.. настоящим!.. и единственным!.. в отличие от них… слюнявых, хрипящих и злобных гиен!

И вот теперь он снова здесь, на набережной

---

[147] Примечания: 147

Робер Ле Виган (настоящее имя Робер Кокийо), актер, ближайший друг Селина, родился в Париже в 1900 году и умер в Аргентине в 1972 г. Дебютировал в кино в 1931 и к концу своей карьеры в 1944 году успел сыграть более чем в пятидесяти фильмах (среди них «Дети райка» Марселя Карне, «Набережная туманов» Марселя Карне», «Мадам Бовари» Жана Ренуара и т. д.). В своей трилогии Селин намекает на три фильма, в которых играл Ле Виган: «Голгофа» Жюльена Дювивье, где он играл роль Христа, «Гупи красные руки» Жака Бекера, сценарий которого был написан Пьером Вери и где Ле Виган сыграл Гупи—Тонкина, бывшего бойца колониальной армии, больного лихорадкой, «Человек ниоткуда» Пьера Шеналя, по повести Пиранделло «Покойный Матиа Паскаль», где Ле Виган сыграл Папиано, интригана, соперника в любви и преследователя Паскаля. Вообще выражение «человек ниоткуда» очень подошло бы и к остальным персонажам, сыгранным Ле Виганом. Ле Виган создал во французском кинематографе между двух войн нечто

вроде мистического персонажа, заблудившегося или галлюцинирующего, похожего на того, каким Селин изображает его в своей трилогии. Они познакомились с Селином в тридцатые годы на Монмартре, где были соседями. Во время Оккупации Ле Виган принимал активное участие в создании на парижском радио пронемецких программ, в частности передачи «В ритме времени». В начале августа 1944 года он уехал в Германию. В Баден—Бадене он встретился с Селином и Лили, за которыми поехал в Берлин, а потом в Зигмаринген, там между ними произошел разрыв. Ле Виган остался в Зигмарингене после отъезда Селина и Лили. После прибытия союзных войск он отправился в Швейцарию, где и был арестован. Его судили в Париже в 1946 году и приговорили к десяти годам каторжных работ. Отбыв три года в заключении, он был временно отпущен на свободу и уехал сначала в Испанию, а затем в Аргентину, где и провел последние годы своей жизни, снявшись еще в нескольких фильмах.

Федерб!.. Ля Виг!.. Ля Виг!..

«Ну?.. как ты, Ля Виг?

— Не говори так громко!..»

Я перешел на шепот:

«Ты что, с речного трамвайчика?»

Я ждал, что он скажет…

«Да… да… и Анита тоже!.. осторожно, не говори так громко… моя жена Анита… она тоже здесь!..»

Обычно мне два раза повторять не надо, но на сей раз все это с трудом укладывалось в голове… «Общество», Ле Виган… в костюме гаучо!.. с белой бородой… а я думал, что он в Буэнос—Айресе!.. да еще с какой–то Анитой… которую я не знал…

«Она здесь… помогает кочегару… разве ты не знаешь кочегара?

— Нет!»

Кочегара? откуда мне было его знать?

«Да нет!.. нет! ты его знаешь!.. послушай!.. это же Эмиль! Эмиль из Л. Ф. Д.!..[148] он еще работал в гараже Франкер!.. там, где ты купил свой мопед!»

У меня в голове все перепуталось… ах, да!.. да!.. гараж Франкер… ворота… да!.. действительно! Эмиль… Л. Ф. Д.!.. мопед… что–то такое я припоминаю… да!.. так!.. правильно! он еще уехал

---

[148] Примечания: 148

Легион Французских Добровольцев — профашистская организация, созданная во Франции во время войны

в Версаль… а оттуда отправился под Москву!.. точно!.. точно!.. об этом все знали!.. из–под Москвы он вернулся… это тоже известно!.. но каким образом он стал кочегаром? здесь на набережной экс-Федерб?.. «Общество»?.. кочегар?.. вместе с Анитой! а Ля Виг? что?.. мой милый неподражаемый Ле Виган!.. он что, стал кондуктором? он хлопает меня по плечу и трясет передо мной своей сумкой, точнее, настоящей огромной сумой!.. она болтается у него на животе… и звенит!.. он демонстрирует мне!.. ее содержимое!.. она до отказа набита золотыми монетами!.. пожалуй, это даже мешок!..

«Так значит, ты заведуешь кассой?

— Спрашиваешь!.. всюду деньги! деньги!.. деньги!.. на судне Харона! представляешь!..»

Я стараюсь скрыть свое удивление… делаю вид, что нахожу это вполне естественным…

«Конечно!..конечно!..

— Судно Харона?.. ты слышал о таком?

— О да!.. да!.. естественно!

— Так взгляни же, вот оно!»

О, конечно!.. само собой разумеется!.. «Общество», судно Харона? что же, замечательно!.. всю жизнь мечтал увидеть!.. «Общество», так значит оно называется?.. славно!.. славно!.. очень рад!..

— Так что, это все покойники?

Я решил выяснить все до конца…

— Все, кто на него поднимается?

— Ну а кто же еще, как ты думаешь?

Покойники… ясно!.. больше вопросов нет… главное, что он был тут! и не мертвый!.. не мертвый!.. пусть в каком–то странном наряде… в маскарадном костюме!.. и с бородой… да еще с какой!.. она полностью закрывала его суму!..

— А лассо у тебя есть?

Только его увидел, как сразу лассо!

Мне следовало бы быть потактичней…

«Да при чем тут лассо! fric first?[149] малыш!»

Здорово он шпарит! да еще по–английски!

«Бабки, малыш!.. звонкая монета!.. надеюсь, ты меня понимаешь! Вот, что здесь нужно! я уверен, что с Хароном можно договориться!.. ты сам в этом убедишься, если решишь остаться!..»

Заманчивое предложение.

— Но скажи, почему я-то тебя вижу?.. почему?.. а судно?.. на набережной ведь не горит ни один фонарь!.. посмотри сам!

Странно все–таки…

— Ну, просто ты такой, что можешь нас ви-

---

[149] Примечания: 149
Бабки прежде всего (*англ.*)

деть!.. особенный, ты понимаешь! не такой, как все!.. впрочем, тебе все равно не понять!..»

Объяснил называется.

— К тому же, я вообще не имею права говорить об этом!

— Не имеешь права?.. ну, а то, что Агар не лает, это что, тоже такая особенность?

— Может быть… может быть…

— Ты что, и это тоже не можешь мне объяснить?

— Черт побери, нет!

Агар со своей страшной пастью вдруг внезапно совсем онемел!.. вел себя как–то особенно тихо!.. как это прикажете понимать?.. загадочный Агар?.. загадочное суденышко?.. загадочный Ля Виг?.. и все эти покойники вокруг?.. ну!.. и ну!.. а почему бы и нет!.. покойники это уже кое–что…

Надо же было хоть как–то все объяснить!

— Почему ты вернулся?.. ты что, больше не мог там жить?

Я-то знал… какому риску он себя подвергает…

— Послушай!.. я просто не выдержал… и все!

— Тебе все осточертело?

— Да!

— Что ж, я тебя понимаю…

Я его действительно понимал… нужно само-

му это пережить… жизнь вполне может стать невыносимой… особенно когда тебе угрожает опасность… и ты вынужден скрываться на чужбине… уж лучше смерть, но у себя дома!.. есть такое иррациональное влечение… о нем не принято говорить… вернуться!.. какая–то животная тяга…

Хорошо! ладно!.. это я понимаю… пусть так!.. но эти типы, которые без остановки снуют вокруг… пересекают площадь… поднимаются на борт… готовятся к отплытию… что они здесь делают?.. может быть, он мне и это объяснит!..

— Они возвращаются к себе домой за оболом!»[150]

Моя тупость начинает его раздражать…

Они возвращаются за чем–то к себе домой?.. гм… пожалуй… эти покойники излишне самоуверенны!.. тсс!.. меня ведь тоже многие считали мертвым… покойником!.. прошел слушок, будто я окачурился!.. но лично я не рискнул бы вернуться к себе домой даже за носовым платком!.. или булавкой!.. мои законные наследники меня мгновенно обчистили! обобрали! до нитки!.. что меня там ждет?.. да ни хера, кроме проклятий и

---

[150] Примечания: 150

Обол — древнегреческая монета. Греки клали обол в рот умерших в качестве платы Харону за перевоз в Аид.

оскорблений!

— Ты, наверное, шутишь! — говорю я.. — ты думаешь, у тебя дома хоть что–нибудь осталось?

— У меня дома, это где?

Совсем с ума спятил!..

— Да там, где ты жил!.. на проспекте Жюно!

— А, понятно!

— Ну а что, эти типы в самом деле мертвы?

— Ты сам что ли не видишь?.. разве ты не чувствуешь, как они смердят?

Действительно!.. я чувствовал… Агар тоже их обнюхивал… но заставить его лаять было невозможно!.. обычно он лаял по любому поводу!.. даже на пролетающий мимо листик!.. а вот теперь не лаял!..

— На тебя он тоже не лает… это набережная на него так действует!.. тут же не только мертвые!.. ты ведь живой?

Впрочем, я еще не во всем разобрался…

— Но расскажи, как ты сюда попал?.. ты ведь уехал?

Я ждал, что он мне ответит…

О, это долгая история… я готов был его выслушать… он работал в Аргентине… ему повезло!.. снимался в «массовках» вместе со своей женой Анитой…

— Ты видишь эти шпоры?.. посмотри!.. как у гаучо!.. съемки фильма должны были длиться целых два месяца!.. для меня в нем сразу же нашлась роль… представляешь, я даже об этом не просил! мне ее почти насильно навязали!.. можешь спросить у Аниты!.. в историческом фильме… «гаучо»… ставший потом «бандитом»… предводителем восстания… сюжет основывался на подлинных фактах из истории тех мест… я даю согласие!.. но тут происходит падение режима Перона!..[151] а он все субсидировал! я говорю: Привет ребята! мне пора! Мы с Анитой сматываем удочки!.. послушайте, Лебрен![152] Петэн! Гитлер! с меня и их довольно!.. а теперь еще Перон… черт бы его побрал! .. но не тут–то было!.. все границы закрыли, выезд запрещен!.. мило, ничего не скажешь!.. во Францию можно добраться только через Сантьяго–де–Чили!.. ты представляешь?.. каково!.. это ведь надо тащиться через всю Америку! по пампасам!.. три месяца по траве!.. вот такой высоты!

---

[151] Примечания: 151

Хуан Доминго Перон (1895–1974) аргентинский политический деятель, после избрания в 1946 г. президентом республики начал радикальные преобразования.

[152] Примечания: 152

Альбер Лебрен (1871–1950) французский политический деятель. Последний президент Третьей Республики.

Он делает характерный жест рукой…

— Ты знаешь что такое пампасы?.. послушай, три месяца!.. Анита в сандалиях!.. а я в сапогах!.. мне пришлось менять Аните подметки… и себе тоже… кора для этих целей не годится!.. автомобильные шины, это другое дело!.. в Кордильерах можно встретить все, что угодно!.. абсолютно все!.. палаточные городки!.. грузовики! кухни! в общем, все!.. да! ты не поверишь!.. узкоколейка!.. из настоящего железа!.. а селения гаучо!.. о, послушай! сандалии, о которых я говорил! да там ими забиты все ангары! и сапогами тоже!.. а если ты им приглянулся! тогда держись!.. они готовы отдать тебе последнее!.. честное слово!.. даже бабки суют! и не вздумай отказываться — смертельно обидишь!.. они меня узнали, у них там был кинозал… со «звуком» и все такое!.. они видели меня в «Лисице»…

— Ты был неподражаем!..

Но мне не удается закончить свою мысль о том, как он был неподражаем!.. и т. д. и т. п… не только в «Лисице».. а и во всех остальных фильмах!.. ему хочется продолжить свой рассказ! я вынужден замолчать! он торопится мне все рассказать!.. у него мало времени!

— Мало времени, но почему?

— Харон! ты слышишь!

Его снова охватил страх… Харон!.. этот неотвязный Харон…

Здесь что–то было не так…

— Как ты попал на речной трамвайчик?

— Через Эмиля!.. Эмиль!.. Эмиль!

Зовет он его.

Эмиль занят… он спускается… точнее, скатывается… вниз по трапу… Ля Виг представляет ему меня.

— Фердинанд!

Эмиль меня не узнает… впрочем, как и я его… я его совсем не помню… в том, что я изменился, нет ничего удивительного… а он? я ничего не понимаю…

Ля Виг снова приходит мне на помощь… ужас… Эмилю здорово досталось… жуткая история!.. он явился сюда с кладбища!.. Эмиль! да, Эмиль! немудрено, что я его не узнал!.. прямо с кладбища!.. из общей могилы.. вот такие пироги! а случилось следующее: он вышел с Почты, а лягавые его уже поджидали… скрутили его! наручники на руки!.. и «вперед»! потащили за собой!.. точнее, собирались потащить!.. толпа им не дала!.. прохожие!.. они оттесняют от него лягавых! «продажная шкура из Л. Ф. Д.!» и

всей толпой набрасываются на него!.. линчуют! разрывают на части! срывают с него одежду! и секунды не прошло! а на нем живого места не осталось!.. бедра!.. голова! таз!.. все переломано!.. глаза он тоже сразу лишился!.. вот почему у него повязка… и ходит он так забавно, как–то боком, как паук, раскачиваясь всем корпусом… когда он сходил по трапу, узнать его было невозможно, он напоминал какое–то чудовищное насекомое… по правде говоря, с его стороны было полным идиотизмом объявиться среди бела дня!.. да еще на почте!.. в центре города!.. лягавые это еще куда ни шло, но толпа!.. его даже не успели доставить в Отделение!.. на улице Булуа!.. он превратился в кровавое месиво!..из мяса и костей!.. таково уж предназначение толпы: превращать людей в месиво из мяса и костей!.. он так и остался лежать на тротуаре перед почтой!.. над Ле Аль пронесся клич… «кончай его!».. так они все вопили! живодер и тот до такого не додумался бы… «На Тье![153] в яму!.. и немедленно!..» знаете, в этом было что–то фатальное… денек для прогулок он выбрал самый неподходящий… это был день Священного Отмщения… Эмиль был не одинок! в

[153] Примечания: 153
Пригород Парижа, где находится большое парижское кладбище.

тот день тысячи подверглись линчеванию… в тот же самый день!.. из Л. Ф. Д. они были или нет… повсюду!.. в провинции… в Париже…

Так вот!.. Эмиль оказался в общей могиле… а к концу пятого… или шестого дня… покойники зашевелились… точнее все вокруг него заходило ходуном!.. трупешники… зашевелились, закопошились под ним!.. и на нем!.. стали выползать!.. да–да!.. вылезать из могилы… выбираться наверх!.. Эмиль побывал под Москвой, он перенес три русские зимы, и уже чего–чего, а жмуриков видел достаточно, причем погребенных еще более варварским способом!.. их сваливали в ямы еще более огромные! в кратеры, овраги, сооружали для них настоящие Пантеоны, только не из мрамора, а из разного дерьма!.. поэтому, по его словам, удивить его было трудно!.. груды обломков! целых городов, вместе с пригородами, заводами и локомотивами!.. и еще танки! танковые дивизии в оврагах, диаметром с Елисейские поля, способных без труда вместить в себя Триумфальную Арку!.. короче говоря, Эмиль в подобных переделках уже бывал! и не раз!.. так что оказавшись под трупешниками в Тье, он цепляется за лохмотья!.. куски мяса… одежду!.. и оп! вылезает! вылезает вместе с остальными!

потому что все вокруг ходило ходуном!.. вот так!.. и он тоже! это ему и помогло!.. его просто вытолкнуло! да!.. вытолкнуло наружу!.. вы понимаете, что ему пришлось нелегко! но он не отступал!.. куда все… туда и он!.. прицепился к остальным! спустился вместе с ними к Сене… на берегу… они как паломники… разбились по двое… по трое… и пошкандыбали к «Обществу».. как к монастырю… да!.. причем совершенно бесшумно… Эмиль тоже старался не шуметь… никто не проронил ни звука… перед шумом Эмиль теперь испытывал панический страх!.. он боялся, что его снова убьют!.. если заметят… он понимал! понимал!.. главное… это избегать живых!.. от них ему уже досталось на почте! теперь он боялся не только лягавых! если бы его снова засекли, это был бы конец! Эмиль проявил редкую изворотливость!.. по странному стечению обстоятельств, оказавшись в одной яме с людьми, которые стали оттуда вырываться! иначе не скажешь!.. он от них не отстал!.. «Они сюда?.. чу! и я за ними!..» он всюду следовал за ними… по тропинке… влево… вправо… по трапу!.. ах, но здесь!.. здесь!.. стоило ему только поставить ногу на палубу… как раздался зычный голос! «Вы что там все охренели?..» и потом сразу на «ты».. «А ты откуда? Кто такой?»

он никого не видел!.. голос звучал из–за спины… но он не оборачивался…

— Я из ямы!.. я пришел вместе с ними!

— Ах ты с ними, шельмец! с ними, говоришь! грязный оборванец!.. ах… значит с ними!

И бац! хрясь!.. ему по кумполу… по черепушке! тюк! чем это он?.. молотком, что ли? хрясь! он упал без сознания!.. даже не успел разглядеть… кто это его так?..

— Я Харон, ты понимаешь!..

Он приходит в себя… и видит перед собой существо… в самом деле, необычное!.. по его словам, по меньшей мере в три… четыре раза больше меня!.. силач Бамбула! но с башкой то ли обезьяны! то ли тигра! наполовину обезьяна… наполовину тигр… под его тяжестью… судно накренивается набок!.. а одет он был… во что–то вроде редингота… точнее, в униформу, напоминающую редингот!.. этакий редингот, усыпанный серебряными блестками… однако самым стремным был его головной убор! великолепная адмиральская фуражка!.. здоровенная! высокая! вся вышитая золотом!

Тут я не выдержал и рассмеялся.

— О, ты сам увидишь… не смейся!.. он по меньшей мере в три–четыре раза больше тебя!.. я не преувеличиваю! он и тебя огреет по башке!»

Я хихикаю… а Ля Виг помалкивает…

— Ты сам увидишь!.. он и тебя приласкает своим веслом!.. вот увидишь!

Повторяет он, обращаясь ко мне…

— Своим веслом он всем раскраивает черепа!.. запомни!

— Да?

Я делаю вид, что удивлен… это Харон способен нанести мне урон… если я его правильно понял…

— Послушай, всех, кто поднимается на этот борт, ждет одинаковая участь!.. не правда ли, Ля Виг?.. он загребает своим веслом… прямо по головам! кормовым веслом по головам, говорю я тебе!.. не так ли, Ля Виг?

— Да!.. да!..

Подтверждает Ля Виг…

— От него еще никто не ускользнул!.. таков порядок, вот и все!.. порядок!.. приходится раскошеливаться!.. слушай дальше!.. ну, ответил я ему тогда: это я! Эмиль!.. а бабки?.. будь у меня бабки, он бы меня сразу же взял!.. тюкнул бы меня! и забрал с собой! скажи я ему:«Мсье, вот золото!».. чу! и я вместе со всеми! следую за остальными! только гони монету!.. ты сам видишь, как он с ними обращается!.. имущие? неимущие? хрясь!

бац!.. призраки? призрачихи?.. охи–ахи?.. ноль эмоций!.. хрясь!.. вот бабки! мой Адмирал!.. закон джунглей!.. бабки! и побыстрей!.. есть они у вас?.. нет?.. женщины!.. дети!.. без разницы!.. хрясь!.. и напополам!.. обол! и наличными!.. «вы не в состоянии заплатить?.. так убирайтесь назад!» ты видишь?.. они возвращаются к себе!.. так ведь, Ля Виг?.. скажи?..

— Да!.. да!.. это так!..

— Денежки–то он с них получает… правильно я говорю, Робер?.. ты ведь не станешь это отрицать?

— Да!.. да!.. это так!..

Я невольно бросаю взгляд на огромную сумку!.. о, я вижу и весло!.. то самое!.. в самом деле, он не соврал! этот обрубок! этим можно грести! .. все правильно!.. уж в веслах–то я разбираюсь!.. один его конец лежал на набережной, а другой торчал над трубой!.. ну и махина!.. длиннее трапа!.. ни один нормальный человек такого не поднимет!.. разве что великан!.. обычному человеку это не под силу… таким можно разбить череп вдребезги!.. согласен… а может, они меня нарочно дурачат? да? они все?.. Ля Виг, Эмиль и девица?.. все!.. черепа… черепами! но сперва я хотел бы понять одну вещь!.. как они сюда попали?.. да,

они?.. почему они оказались здесь вместе?.. Ля Виг со своими шпорами и в сомбреро… покойник Эмиль?.. и эта девица Анита?.. я слишком стар и устал, чтобы ломать себе голову над подобными загадками… в одном я не сомневался: нужно сваливать отсюда и побыстрее! весла веслами! Харон Хароном!.. но все это мне очень не нравится, да!.. уж больно все как–то странно… кому–нибудь другому все это, может быть, и показалось бы любопытным… но мне этот Эмиль, Ля Виг и крошка казались более чем странными… а это судно «Общество»!.. еще один последний вопрос, прежде чем уйти…

— Где вы встретились?..

— В аргентинском Посольстве.

И уточняет…

— На улице Христофора Колумба!

— Но ты же только что вернулся из Аргентины!

— Ну и что? мы случайно встретились, вот и все! Мы с Анитой собирались туда вернуться!.. а Эмиля выгнал Харон! что тут такого?.. он никогда не был в Аргентине, и ему захотелось съездить посмотреть.

Корочки у них обоих были липовые, и у него, и у его Аниты!.. из Сантьяго они уехали нелегально!..

а может вовсе и не оттуда!.. и все это он придумал!.. единственное, что мне было доподлинно известно, так это то, что Ля Виг основательно вляпался, даже после всей этой болтовни о «помиловании» и т. п.... срок ему отмотали на полную катушку!.. десятерик!.. или даже двадцатник!..

Ладно, гаучо ряженый, хватит пудрить мне мозги!.. это тебе не кино!.. да!.. допустим, им нужно было срочно снова сматывать, ему и его девахе!.. но этот–то Красавец Дубарь, он–то что забыл в Посольстве?.. куда он намылился? в какой круиз?.. этот Эмиль из Л. Ф. Д.?.. он–то в Агрентине даже никогда не был!.. и ему вдруг приспичило туда ехать!.. начать жизнь сначала!.. это его слова!.. на другом континенте!.. но его, видите ли, выставили за дверь!.. «вы что, газет не читаете?.. не знаете, что там происходит? а может быть, вы перонист?» он и без того был весь из кусочков и лоскутков, связанных бечевками, а они учинили ему допрос с пристрастием... пока он не плюхнулся!.. бум! на тротуар!.. вот так они все и встретились! «здрасьте! здрасьте! ба, кого я вижу?.. как, и ты здесь? и ты? и ты?» глядь, а на тротуаре они не одни! целая куча!.. толпа!.. желающих попасть в лучший мир!.. Ля Виг мне признался, что больше всего ему мешал его ко-

стюм… особенно шпоры! все стоящие в очереди, спрашивали, откуда это он приехал?.. «Из Аргентины!..» ему никто не верил…

В самом деле, я тоже обратил на это внимание, такими шпорами можно было проткнуть лошадь!..

— Ну и здоров же ты врать, братец!»

Он краснеет… начинает оправдываться…

— Пойми!.. я люблю достоверность! даже в мелочах!.. эти шпоры ты не можешь снять, они пришиты намертво!.. теперь таких не носят! но фильм–то не о нашем времени!.. ты знаешь, что такое исторический фильм?

Какой же я все–таки идиот!

А тот другой, Эмиль?.. он что, тоже из исторического фильма?.. возможно?.. а речной трамвайчик?.. и все эти типы, которые снуют вокруг? по двое… по трое… что это за процессия? они что, все направляются к Харону?.. чтобы поскорее подставить свои черепа!.. под его весло!.. хрррясь!.. и мозги вылетают! на это мне тоже следовало обратить внимание… и на то, что все происходило на площади экс-Федерб под окнами мадам Нисуа… на набережной… и на то, что Агар их просто обнюхивал… и я напрасно кричал ему: фас! фас! надрывался! он отказывался лаять! а вы

бы видели его морду!.. настоящий лев!..

Таким образом, получалось… я спустился к мадам Нисуа сделать ей перевязку и оказался втянутым в какую–то темную историю!.. крайне запутанную… что все это значило?.. существовало ли на самом деле?.. эта Анита, брюнетка в голубой униформе, помогавшая кочегару Эмилю из Л. Ф. Д.?.. эти покойники, которые сновали вокруг, я отчетливо видел, как они непрерывной вереницей… пересекали площадь экс-Федерб… и возвращались обратно за своим оболом?.. как все это понимать, а?.. да еще отсутствие света…

Ни одного фонаря!.. ни одной зажженной витирны!.. я пытался найти объяснение происходящему… может быть, все дело было во мне самом?.. и мне все это просто привиделось?.. конечно!.. я был ранен!.. это так… с психикой у меня не все в порядке… я чересчур эмоционален и восприимчив!.. да!.. я это знаю!.. но чтоб такие галлюцинации? слуховые… это еще куда ни шло… но визуальные? чепуха!.. визуальные!.. очень… очень мало вероятно!.. визуальные!

Приперся бы сюда их Харон и развеял мои сомнения!.. они ведь не сомневаются в существовании этого монстра с веслом, так пусть бы он и у меня поинтересовался, какого черта мне тут

нужно.

— Расскажи Эмиль, как он взял тебя к себе водителем?

— Водителем и механиком!

Черт, снова он за свое!

— Механиком!

— Да ты же в этом ничего не смыслишь!

— А вот и нет!.. ошибаешься!.. ты же сам приходил ко мне!.. черт возьми!.. разве ты не помнишь? а твой мотоциклет?

— А! да… конечно…

Моя забывчивость его расстроила… мастерская на улице Колэнкур… да… теперь я смутно припоминаю… улица Колэнкур… как это было давно!.. мопед… улица Жирардон, улица Франкер и еще множество других!.. с каждым из этих названий у меня связано столько воспоминаний…самых разных!.. они напомнили мне о том, чего я лишился!.. мне ведь удалось спасти только Бебера!.. а он–то, этот Эмиль, как он забавно уменьшился… скорчился… он весь был покорежен, вмятины у него не теле были по меньшей мере в пятнадцати или двадцати местах…

— Скажи!.. Эмиль, ты тоже считаешь, что пассажиры должны платить?..

Я невольно подумал о себе…

— Конечно… взгляни! Ля Виг уже собирает с них деньги!

Я вглядываюсь в темноту… Ля Виг собирает деньги… он никого не бьет!.. этим занимается Харон!.. Ля Виг не первый на этом месте! далеко не первый!.. те, что были до него, все сваливали вместе с кассой! прохвосты! да! все до одного! я прошу, чтобы он продолжал… все! Харон здорово с ними прокололся!.. они слямзили у него по меньшей мере двадцать! сто мешков с деньгами!.. до сих пор он был окружен всяким сбродом!.. бродягами из–под мостов!.. и прочими «социально–опасными элементами»!.. теперь он хотел иметь дело только с солидными людьми, на которых мог полностью положиться… Эмиль был из их числа!.. Ля Виг и Анита тоже… он подобрал Эмиля искалеченного и полуживого и сделал его механиком на своем судне!.. никогда никто из них не видел солнечного света!.. «Общество» отчаливало перед самым рассветом!.. этого мгновения они боялись больше всего!.. ужас!.. кошмар!.. в это мгновение появлялся Харон!.. свистать всех наверх!.. всех!.. подходи по одному!.. сначала те, кто не заплатил!.. а потом остальные! заплатил!.. не заплатил!.. он никого не забывал!.. орудовал своим веслом!.. в месиве из мозгов!..

Что касается одежды, то должен вам сказать, только Ля Виг выглядел несколько экстравагантно… двое других, Эмиль и Анита, были одеты вполне прилично.

— Значит, ты считаешь, что лучше заплатить?.. во избежание неприятностей?

Последнее время я просто зациклился на бабках… зато раньше я о них думал явно недостаточно… вся беда в том, что я думал о чем угодно, только не о них… взгляните на Ахилла и других миллиардеров… вот их всегда интересовали только бабки!.. и они вполне довольны своей судьбой… взять хотя бы эту послевоенную Кампанию по Очистке…[154] будь у меня бабки, у меня не было бы проблем!..

— Да что ты там несешь!.. он колошматит всех подряд! любого, кто подвернется под руку!

— Даже тех, кто дает ему на лапу?

Не унимаюсь я…

— А как же!.. всех подряд!.. ты сам в этом убедишься!.. когда придет твой черед!

Я много повидал в своей жизни, но такого не видел никогда!..

---

[154] Примечания: 154

Имеется в виду Кампания по Очистке Франции от коллаборационистов, начавшаяся вскоре после высадки союзных войск в Нормандии в 1944 году

— Богачей точно так же, как и бедняков?

— Ну и что?.. хрясь! хрясь! богатые!.. бедные! женщины! с детишками на руках! хрясь! по кумполу! и готово!..ты видишь весло?.. вон там!.. его весло!

Да, я его видел!.. оно торчало на набережной, над трубой!.. замечательное зрелище!.. орудие!.. чуть длиннее корабельного трапа!..

— Сначала он раскраивает череп!.. потом орудует внутри!.. прямо в мозгу!,. честное слово!. он называет это «промывкой мозгов»!.. с тобой он поступит точно так же!.. это здорово стимулирует мышление!

— Ну, а дальше?

— Дальше!.. дальше!.. вот привязался!.. или они раскошеливаются!.. или убираются восвояси! послушай, как они жалобно блеют!

— Где?.. здесь?..

— Ты что, спятил!.. не здесь!.. за Аблоном!.. в Вильнев—Сен—Жорж!..

Мне не хотелось чересчур надоедать ему со своими вопросами… куда они идут?.. где проходит этот «потусторонний» путь? может быть, за Шуази?.. все это казалось просто невероятным… бойня… и вообще все!.. о чем говорил Эмиль… но запах?.. характерный запах… его–то я ни с чем не

спутаю… этот запах я знал хорошо… даже слишком!.. ведь мне, если можно так выразиться… на протяжении двадцати пяти лет приходилось неоднократно «констатировать»!.. Агар тоже принюхивался… обнюхивал всех этих типов… одного за другим… но почему он молчит? ни единого гав!.. там, у нас наверху, он лает даже на падающий листик… а тут ни гу–гу!.. как будто онемел!,. значит это не обычные люди… и этот запах!.. а весло?.. я внимательно осмотрел это весло… Харон это или нет, но чтобы поднять такое весло, нужно обладать недюжинной силой!.. даже чтобы его просто приподнять!.. нечеловеческой!.. сверхъестественной силой!

Мне еще многое нужно было выяснить… но оставаться здесь дольше было опасно!.. любопытство — не порок!.. но… как раз в этот момент раздался вой заводской сирены!.. необходимо было на что–то решаться… час ночи… еще один гудок… более долгий… это буксир… дает знать о себе в Сюрен… сообщая о том, сколько он тащит за собой шаланд… шлюз…

Ладно, все это, конечно, прекрасно и замечательно, но если амбал с веслом вернется?.. и застукает меня здесь за болтовней?.. что тогда?.. этих стебков такой поворот событий может быть

и позабавит?.. пусть, мол, он и мне продемонстрирует свой крутой нрав!.. ну а мне что, придется ползти к себе наверх на четырех костях?.. наподобие тарантула? или паука?.. перекатываясь, как Эмиль?.. с раздробленными, как у него, костями?.. и проломленным черепом!..

Нет, какой уж тут сон!.. необходимо было шевелить мозгами!.. да!.. соображать… как отсюда слинять! несмотря на страшную усталость и затуманенное сознание — меня, как пыльным мешком по голове стукнули — я понимал… нужно завязывать со всем этим!.. да побыстрее!.. с «Обществом», которое по–прежнему маячило там внизу… со снующими вокруг смердящими пилигримами… ну, а как же Ле Виган и те двое?.. о, особенно Ля Виг!.. благородный Ля Виг!.. «Не трогайте Фердинанда!. он больше патриот, чем вы все вместе взятые!» вот так он им прямо в лицо и сказал, этим «вершителям высшей справедливости»!.. а ведь он был в наручниках!.. и в переполненном зале суда! а не где–нибудь за кулисами или в бистро за чашкой кофе!.. один!.. перед Советом Инквизиции!.. те ждали, что он расколется и начнет все валить на меня!.. мол, это я во всем виноват!.. таких подонков, как я, он в своей жизни больше не встречал!.. шкура про-

дажная, немецкий прихвостень, стукач, убийца… вот, кто я такой! ну да ладно!

О, все, что я вам рассказываю, стало уже историей!.. а теперь, здесь на набережной, мне оставаться было никак нельзя!.. нельзя, черт побери! нет! очевидное невероятное?.. да еще с мордобоем?.. покорно благодарю!

— Ля Виг!.. послушай!.. мне пора!.. меня ждет больная!

И действительно… ведь я же пришел к Мадам Нисуа!.. она наверняка уже проснулась…

— Видишь ее окно?

Спрашиваю я его… с набережной ее окно было видно очень хорошо… из–за открытых ставней… единственное окно с открытыми ставнями…

Не то, чтобы я чего–то особенно боялся, но осторожность в любом случае не помешает… возможно, этот пресловутый Харон был выдумкой?.. шуткой?.. ну а его весло?.. весло–то я сам видел! конечно, может быть, все было заранее спланировано?.. специально, чтобы разыграть меня?.. но пожалуй, это было бы слишком!.. тут поневоле в голову начнут лезть всякие мысли… чего только не подумаешь… кто это снует вокруг? что за типы?.. и вообще, что это за комедия?

— Видишь то окно?.. первое от угла… коричне-

вого дома! я только туда и обратно!.. я дам тебе знать!.. и можешь быть спокоен: я ничего никому не скажу! ни слова!..

Я старался его успокоить! ах, я-то думал, что их это просто позабавит! они похихикают! над моей чрезмерной осторожностью! и все! но они вдруг все перекашиваются!.. и мало того, начинают осыпать меня бранью!

«Скотина безрогая! козел! вали отсюда, придурок!.. уматывай! и не забудь своего волкодава!.. ублюдок!

Это они мне и Агару!.. от злости, что я ухожу!

— Дешевка! мешок с дерьмом!.. что, сдрейфил? ну давай, вали отсюда! предатель!

Они тоже называют меня предателем!.. это уже слишком!

— Шуты гороховые! ряженые!.. дерьмо вонючее!

Как они мне, так и я им!

Я не ожидал, что они так взъерепенятся!.. из–за моего ухода!.. их это не устраивало… и Ля Вига тоже… вот это обстоятельство меня больше всего огорчало… мне не хотелось досаждать Ля Вигу!.. черт с ними с остальными!.. но Ля Виг! ради него я готов пойти на уступки!.. я согласен даже подняться на их речной трамвайчик!.. проде-

монстрировать им! на деле! кто из нас троих тут самых храбрый!.. черт!.. но, пожалуй, они зашли слишком далеко!.. в конце концов, и мое терпение небезгранично!.. Ля Виг!.. я его очень люблю!.. но он не должен был себе такого позволять! нет! «мешок с дерьмом» это уж слишком! прошу прощения!.. извините!.. сомбреро! кабальеро! но пусть держит себя в руках!.. я такого не потерплю! вот так!.. поосторожнее!.. иначе я засуну ему его шпоры в задницу!.. и не посмотрю на то, что его зовут Ле Виган! однажды в Зикмарингене мы уже с ним поцапались подобным образом! да, месье и медам! это была настоящая схватка!.. на снегу!.. прямо на снегу! из–за чего?.. я уже точно и не помню… Зикмаринген… пожалуй, об этом стоило бы рассказать отдельно… как–нибудь!.. я просто обязан вам об этом рассказать прежде, чем на вас обрушатся потоки лжи… потоки лжи, клеветы и грязи!.. из уст людей, которых там никогда и в помине не было!.. и я это обязательно сделаю!.. обещаю!..

Здесь на набережной происходило что–то странное! он меня предал!.. все меня предали!.. даже Агар! сами они дешевки! ублюдки! козлы! .. они, а не я!.. и особенно Ля Виг! подумать только!.. что это он о себе возомнил? ничего, я его научу,

как себя вести, этого Ля Вига!.. я их всех научу! преподам им урок хороших манер!

— Ну что, падлы!.. чмошники вонючие!

И это только начало!.. пусть не думают!.. начало моего урока… впрочем, одно неосторожное движение… и я мог бы оказаться в воде!.. этим бы все и кончилось!.. я едва держался на ногах… мне следовало бы отойти подальше!.. точнее отползти!..

— Эй вы, мандавошки! паскуды!..

Голос был ничего!.. эхо вторило мне… аж у моста Отей! на воде всегда так!.. и все–таки, мне нужно было уходить… с этими типами лучше не связываться… и Лили, наверное, уже не знает, что и думать!.. я ушел из дому несколько часов назад!..

Ладно, пора кончать с этими придурками! «Привет, жлобье!» — я ухожу, отступая спиной вперед! на всякий случай!.. а вдруг они запустят в меня дротик!.. или весло!.. спиной вперед! по «Бычьей тропе».. я так и поднимаюсь спиной вперед… они и пальнуть могут… я стараюсь не упускать их из виду… они кроют меня на чем свет стоит!.. и все с большим озлоблением! крики слышны далеко за пределами «Бычьей тропы»! а больше всего на свете я боюсь скандалов!

— Лопухи! редиски! эй вы, божьи одуванчики!

«Одуванчики», видимо, сбивают их с толку… они на мгновение замолкают… а потом: «экскремент»! снова за свое!.. нас наверное слышно в Бельвю! в лесу… Сен—Клу… во всей округе… вы представляете!.. я медленно отступаю вверх… и вдруг останавливаюсь! р–р–р! р–р–р! раздается совсем рядом со мной! ну и рычание! сколько злобы! собака!.. но не Агар!.. нет!.. другая!.. я оборачиваюсь: Фрида!.. Фрида… собака Лили… ее злобный характер мне хорошо известен… кажется, она что–то нашла… в зарослях…

— Ах вот ты где!

Раздается голос Лили, она давно меня ищет.

— Это на меня рычит твоя собака? Она не отвечает… и сама задает мне вопрос.

— Где ты пропадал?

— У Мадам Нисуа! ты же ее хорошо знаешь!

— Так долго?

Я перестаю пятиться… мы уже совсем рядом с домом… но я все еще кричу…

— Свиньи!.. долбоебы!.. мудозвоны!»

Туда вниз… по направлению к берегу!.. я кричу из последних сил… а эта чертова Фрида продолжает злиться… и рычать… без передышки!..

— На кого это она рычит?

— На Додара!..

— Ах, Додар!.. Додар!..

— Она его найдет, как ты думаешь?

Додар это наш ежик… воистину милое существо… но уж больно шустрый! ни минуты не может усидеть на месте!.. а видели бы вы как он семенит!.. своей тысячей лапок!.. куда он только не залезает!.. в дыру!.. под одну ветку!.. под другую!.. Фрида прирожденная ищейка… Додар залезет под корень… а Фрида рыщет по всему саду!

А те, там внизу, путешественники на тот свет, продолжают вопить, вот кретины!

— Сам ты гладиолус!

Это они опять мне…

— Прикажи Фриде замолчать!.. она его все равно не найдет!

Фрида сопит и роется под бересклетом…

— А ты чего кричишь?

— Там внизу Ля Виг!.. он несет несусветную чушь!.. представляешь, с ним Эмиль!.. они назвали меня сволочью!.. сами они сволочи! они и их шлюха!.. какая–то Анита!

Пусть ей все будет известно! но она мне не верит!..

— Оставь Ля Вига в покое! он в Америке, ты же знаешь!

Лили всегда скептически относилась к тому, что я ей рассказывал, даже тогда, когда я говорил очевидные вещи… особенно после Дании… потому что в Дании… я оказался по уши в дерьме!.. пожалуй, не стоит ей говорить о том, что я видел внизу судно! да еще речной трамвайчик! с призраками на борту!.. и о том, что эти ебанашки тоже были на нем…

Я прихожу в себя… что за оглушительный лай! гав! гав! а, это Агар!.. он снова принялся за свое! и Фрида тоже! они лают вместе!..

— Они нашли его! он там!

Лили вне себя от радости! Додар нашелся!

— Ты можешь забрать его завтра!

Но она ничего не слышит.

— Вот он!.. смотри!.. они нашли его!

Да, это Додар, она берет его на руки… он нас знает и не ощетинивает свои колючки… Лили забирает его… хорошо! мы поднимаемся к себе… вместе с ним…

— Видела бы ты Ля Вига, вырядившегося как гаучо!

Я могу говорить, что угодно… «да! да!».. отмахивается она от меня… мол, я могу продолжать!.. ей все равно!.. она знает, что Ля Виг там! на другом конце света! и все!.. это всем известно… всем

нормальным людям!.. а я несу какой–то бред!.. как всегда! может быть, у меня не все в порядке с головой? я не знаю!.. разве что после Дании! я иногда чувствую что–то не то! голова, сердце, головокружения!.. это со мной бывает! дрожь не такая сильная… да! но зато головокружения!.. стены просто ходят ходуном! я не жалуюсь!.. меня волнует только Лили… я давно покинул бы ее, но я не могу без ужаса думать о людях, с которыми она останется… стая волков!.. много ли у нее сил? законные наследники, родственники, издатели!.. о, эти ничем не гнушаются, они разорвут вас на части и глазом не моргнут! это вам не ряженые снизу!.. у которых даже пароходишко весь в дырах, трухлявый!.. пугала огородные!.. налоговая инспекция, наследники, издатели… им не чета!.. представляю, что станет с Лили!..

«Убрать!..»

Теперь–то здесь мне больше ничего не кажется… холодно! меня всего трясет!.. от чего?.. от усталости?.. от набережной? наверное, я слишком много говорил!.. может быть?.. отчего я дрожу?.. мы потихоньку поднимаемся! Лили несет Додара… я веду собак…

И все–таки! все–таки!.. запомните!.. все, что я пишу!.. это вам не какие–нибудь россказни!.. тут

у вас сомнений быть не должно! как? да что? нет! как у меня написано!.. так все и было!

***

Казалось бы, такая чепуха… маленькая речная фантазия… забавный кораблик… какие–то люди на нем… и вот на тебе!.. меня так трясло!.. что зуб на зуб не попадал!.. мне необходимо было лечь… и все из–за моего идиотизма, из–за того, что я торчал там на холоде… Мадам Нисуа и та так бы себя не вела!.. да!.. теперь я понял… это приступ!.. приступ!.. вне всякого сомнения… во время приступа всегда так… сначала все нормально, а потом в голову начинает лезть разная чепуха… уже по меньшей мере двадцать лет со мной такого не случалось… и вот теперь в результате переохлаждения на набережной… и поделом! надо быть поумнее!.. холодное дыхание Сены!

Лили спрашивает, что она должна делать… о, черт возьми! да ничего!.. просто оставить меня в покое!.. любой врач, если только за годы практики он не превратился в полного болвана, понимает, что в подобных случаях главное… это покой! и все!.. уж такая это болезнь, малярия… она дает рецидивы в течение всей жизни!.. вас вдруг охватывает такая «священная дрожь»!.. что кровать под вами ходит ходуном! скрипит! виз-

жит!.. приступ следует за приступом!.. все идет как по нотам!.. вам остается только ждать!.. сначала внезапная дрожь! а потом, так же внезапно начинается бред!.. и какой! я думаю, на сей раз я буду бредить основательно!.. еще бы, за двадцать лет столько всего накопилось!

«Не обращай внимания, Лили!»

На всякий случай предупреждаю я ее.. о, но завтра? Мадам Нисуа!.. а как же!.. перевязка!.. нет!.. послезавтра!.. в крайнем случае!.. через три дня!.. я снова к ней обязательно спущусь!.. и снова увижу «Общество» с этими скоморохами на борту!.. о, непременно! непременно! у меня просто руки чешутся разобраться с этим Хароном! я его так отделаю, что он меня надолго запомнит! макака саблезубая!.. это уж точно! о ля ля!.. он и пикнуть не успеет!.. этот ихний Харон!.. пусть все полюбуются, как он будет ползать передо мной на коленях и умолять о пощаде! я его заставлю это сделать! веслом по морде!.. для начала! прямо там!.. хр–рясь! я так и вижу себя с этой бандурой в руках!.. бах!.. трах!.. только щепки полетят!.. его размеры меня совсем не смущают! так уж и не смущают?.. нисколько!.. я бы мог поднять два! три! четыре таких весла! я чувствую в себе страшную силу! такую, что койка подо мной вся

трясется! скрипит! дрожит! раскачивается из стороны в сторону!.. что это со мной?.. о, я знаю… знаю что… это долгая история! впервые это случилось со мной давно!.. еще во время моего пребывания в Камеруне![155] мне нужно было своевременно сообщить об этом куда следует!.. тогда сегодня я имел бы 20-ти, даже 30-ти процентную надбавку к пенсии! вместе с тем, что я получаю как инвалид войны, это составило бы 130 процентов! не меньше!.. тогда мне не надо было бы теперь работать курам на смех! чтобы кормить Ахилла! и всех этих «педерастов» из его окружения!.. унижаться! тянуть лямку, как бурлаки на Волге!.. впрочем, волжские бурлаки и те сумели подняться! чтобы в этом убедиться!.. нужно хоть разок увидеть, какие у самых задрипанных комиссаров жопы!.. они у них как у Архиепископов!.. tutti quanti![156] когда все феллахи с Нила отрастят себе такие же жирные жопы, как у Архиепископов, вот тогда можно будет смело сказать: кто был ничем, тот стал всем! простые люди всей земли мечтают отрастить себе жопу, как у Архиепископов! а брю-

---

[155] Примечания: 155

Речь идет о первом пребывании Селина в Африке в 1916–1917 гг., о котором он рассказывает в «Путешествии на край ночи».

[156] Примечания: 156

У всех без исключения — *итал.*

хо, как у комиссаров!.. посмотрите на Пикассо! ... Мадам Рузвельт!.. какие у нее сиськи!.. лифчик! обалдеть!

Одного я не могу понять... и даже теперь, в горячке и бреду, меня не перестает это волновать, куда все таки Ахилл зафигачивает свои сто миллионов в год?.. наличными! они идут на отращивание жоп?.. на блядей? а может быть, он откладывает их себе на гроб?.. о, тогда у него будет настоящий супер–гроб, он его сможет всячески украсить, инкрустировать!.. отделать шелком небесно–голубого цвета, фестонами, сеткой, серебряными слезами... а в изголовье? в изголовье у него будет подушечка Вечности!.. с золотым пухом внутри и розовыми помпончиками!.. в Пламенеющей Часовне[157] он будет, как огурчик... вечный Ахилл! наконец–то его поганые глаза закроются!.. и он перестанет улыбаться своей отвратительной жалостливой улыбкой!.. хотя бы в гробу на него будет не противно смотреть!

Приятно, конечно, помечтать, отвести душу!.. но черт возьми! я напрасно тешу себя иллюзиями! мне его не пережить!.. я работаю на износ!.. а он, он отдыхает... последнее слово геронтоло-

[157] Примечания: 157

Помещение в траурном убранстве, где устанавливают гроб с телом покойника перед церемонией погребения.

гии: ни хрена не делай и живи за счет других!.. credo! сутенера!.. блядуй! копи себе на гроб! а я тем временем буду на него ишачить!.. гнуть спину! выбиваться из последних сил! пока — оп! не околею от непосильного труда… нет, ему это не грозит!.. он себя бережет… можете не сомневаться, он протянет дольше, чем я!..

Посмотрите на Б!.. Х!.. Мориса!..[158] этим товарисчам было бы полезно оказаться на моем месте! поишачить на Ахилла!.. может быть, тогда их жопы немного поуменьшились!.. обрели более пристойные формы! их задницы и ряхи с двойными подбородками!.. да, как же! они предпочитают нейлоновые корсеты и лифчики! достопочтенные архиепископы–комиссары!.. увы, жопень выдает их с головой!.. все люди одинаковы! но разве не вы сами допустили их до кормушки? какая разница, кто их кормит: Народ или Святой Дух? главное, что они раздаются в ширь на глазах!.. как свиньи… да вы просто садисты!.. и вас не мучают угрызения совести?.. вам их не жалко?.. вам безразлично, что с ними

[158] Примечания: 158

Имеются в виду Булганин, Хрущев, руководители СССР с 1955 года, в прессе того времени их имена часто обозначались инициалами. Морис Торез (1900–1964) — генеральный секретарь французской коммунистической партии.

стало? у них ведь такие трагические судьбы? они так много страдали? благо народа! ради него они были готовы на все!..

Так!.. так!.. я все смеюсь! упражняюсь в остроумии! в конце концов, это вам надоест… перевязки мадам Нисуа?.. как моя голова? крыша как?.. жар не спадает! меня по–прежнему лихорадит!.. а как же все–таки перевязки мадам Нисуа? ночь!.. ночь не кончается!.. все вокруг трясется! дрожит! когда же наконец обрушится эта чертова кровать! кажется, я достаточно ее раздолбал! она вся трещит!.. у меня малярия! приступ в самом разгаре!.. приступ лихорадки!. и злобы!.. что они там орали мне снизу! эти ублюдки… со своего поганого корабля! сам ты «гладиолус»!.. совсем обнаглели!.. «трус!» и еще! «давай отваливай!» отвалю, не унесут!.. я им так отвалю, что мало не покажется!.. сам лично!.. я еще с ними увижусь!.. от возмущения я раскаляюсь, как утюг! чувствую, что вот–вот взорвусь!..шконка подо мной сейчас развалистя! эту заразу я подцепил в 1917 в Камеруне!.. они еще пожалеют! я щупаю свой пульс!.. жар увеличивается! 40 градусов не меньше!.. надо собраться с мыслями!.. опять я тряхомудствую?.. может быть!.. в голове все перепуталось… смешалось… Нижний Медон… Зикмаринген… да!..

а Петэн?.. о, он здорово устроился, этот Петэн!.. он ведь имел статус «Главы Государства»!.. все равно, как Богомолев или Тито!..[159] Гюголь или Нассер!..[160] один хрен!.. ему полагалось шестнадцать карточек на питание!.. у Лаваля…[161] Бишлонна…[162] Бринона…[163] Дарнана…[164] их было меньше!.. всего шесть… или восемь… о, они вели гораздо более скромный образ жизни!.. ну, а у нас и вовсе было по одной!.. ну и что?.. да ничего! министры, не министры, Главы Государств! на том свете все равны!.. все ведь уже скукожились! умерли, несмотря на привилегии! и без особой помпы!.. просто составили протокол, и все!.. забавно, но я опять о похоронах!.. куда ни ткнись… всюду покойники!.. покойники!.. и Ахил, тот тоже никуда не денется… но постойте!.. кажется,

---

[159] Примечания: 159

В данном случае Селин фамилией Богомолев обозначает некоего абстрактного советского деятеля. Тито (1892–1980) политический деятель Югославии, коммунист

[160] Примечания: 160

Гюголь — Селин искажает таким образом фамилию Де Голля. Гамаль Абдель Нассер (1918–1970) — президент египетской республики

[161] Примечания: 161

Пьер Лаваль (1883–1945) французский политический деятель. Независимый социалист, примкнувший к Петэну и возглавивший кабинет министров коллаборационистского правительства.

[162] Примечания: 162

Жан Бишлонн — министр Промышленности в правительстве Лаваля, в составе которого уехал в Зигмаринген. Бишлонн был блестящим

математиком. Перед самым отъездом из Франции он был ранен в дорожном происшествии и ходил с трудом. Он умер в декабре 1944 года во время операции, на которую пошел, желая вновь обрести возможность нормально ходить.

[163] Примечания: 163

Фернан де Бринон — журналист, активно сотрудничал с нацистами, во время Оккупации представлял в Париже правительство Виши в качестве посла, потом гос. секретаря, начиная с сентября 1944 года президент «Французской делегации в защиту национальных интересов» в Зигмарингене. Приговорен к смерти Верховным Судом, расстрелян 15 апреля 1947 года во Френ. Его жена, по национальности еврейка, была освобождена от ношения желтой звезды.

[164] Примечания: 164

Жозеф Дарнан — политический деятель, герой войны 1914 года, в январе 1944 года под давлением немцев возглавил в правительстве Лаваля секретариат по охране порядке, потом служил в министерстве внутренних дел, в сентябре 1944 года в Зигмарингене вошел в «Делегацию», возглавляемую де Бриноном. Приговорен к смерти Верховным Судом, расстрелян 10 октября 1945 года в форте Шатийон.

я забежал вперед и забыл, о чем говорил!

Мне хотелось, чтобы кровать развалилась!.. чтобы я куда–нибудь полетел! пусть даже в воду!.. я бы с удовольствием погрузился вместе с ней в волны! я задыхался… пот стекал по мне ручьями.

— Тебе ничего не надо?

— Нет… нет… милая!

Мне ничего не надо… ничего… ни поцелуя… ни полотенца!.. мне необходимо все снова восстановить в своей памяти!.. и чтобы мне не мешали!.. все детали!.. все обстоятельства!.. это все, о чем я прошу! меня гораздо больше питает ненависть, чем лапша!.. но ненависть вполне определенная!.. не «отвлеченная»!.. да!.. и признательность тоже! извините!.. чуть не забыл!.. Нордлинг, спасший Париж, несколько раз пытался отмазать меня от кичи…[165] это должно остаться в Истории!.. ничто не должно быть забыто!.. так? так!.. а там внизу?.. на набережной?.. Ля Виг?.. действительно он был одет как гаучо?.. внизу? кассир и гаучо… Ле Виган кассир… мне необходимо это вспомнить! уточнить!.. во что бы то ни стало!..

---

[165] Примечания: 165

Рауль Нордлинг (1882–1962), консул Швеции в Париже, которому его положительная роль в момент Освобождения Парижа давала кредит доверия в глазах французских властей, выступил несколько раз в поддержку Селина в 1949 году.

лихорадка лихорадкой! а факт должен быть восстановлен!.. Ахилл и Жертрут считают, что я исписался?.. все выдумываю? извините!.. пусть они сначала докажут, что ничего подобного в Зикмарингене не было, да! Тогда, где это было? в бреду?.. может быть, и на набережной я ничего не видел?.. ни «Общества»?.. ни призраков!.. Ля Виг не был гаучо!.. и сомбреро на нем не было!.. а был огромный тюрбан! для меня такой сварганить — раз плюнуть! огромный тюрбан!.. я еще сорвал его в схватке!.. на снегу!.. в самом деле, из–за чего мы тогда сцепились?.. а его тюрбан оказался повязкой!.. повязкой от отита!..

Я… то все отчетливо помню… а то вдруг все путается… и исчезает!.. чепуха какая–то! ничего не понять!.. наверное, возраст!.. все равно!.. я просто обязан запечатлеть Ля Вига! Зикмаринген!.. Петэна с его восемнадцатью карточками!.. и я это обязательно сделаю!.. и Лаваля, и Менетреля!..[166] они теперь со мной навсегда!.. Черный Лес и большой орел!.. о них я вам еще тоже расскажу! и

[166] Примечания: 166

Доктор Бернар Менетрель — личный врач маршала Петэна с 1930 года. В первые месяцы пребывания в Зигмарингене был самым близким к Петэну человеком и оказывал на него такое влияние, что сумел помешать тому сотрудничать с де Бриноном, за что 22 ноября 1944 года был арестован и сначала помещен под надзор в окрестностях Зигмаринге-на, а затем выслан. После войны судебный процесс над ним закончился прекращением дела за отсутствием состава преступления.

про замок Гогенцоллернов!.. подождите!..

***

Нет, я так с ходу выбрать не могу, да еще в горячке… Ахилл?.. Жертрут?.. мне они оба в равной степени противны!.. а если они вдруг загнутся? такое ведь тоже может случиться!.. и тот, и другой?

О, я определенно решил больше ничего не писать… мне всегда казалось неприличным само это слово: писать!.. «а ты меня читал»… как это претенциозно, нарциссично звучит… от одного этого… с души воротит!.. нет!.. я на место в Пантеоне не претендую! пусть там великие как–нибудь без меня! Суффло,[167] фуфло!.. мне все равно!.. я не тщеславен! газ, морковь, сухари… это другое дело! понимаете?.. если я и влип в это грязное дело… то только из–за газа, моркови и сухарей!.. ну, и из–за собак, конечно, их ведь тоже нужно кормить… я и написал–то всего ничего, а сколько на меня обрушилось ненависти!.. сколько на меня всего навешали!.. и вот еще что!.. у меня, как у никого другого, была возможность убедиться в ничтожности человеческого существования, особенно когда в перерыве между

[167] Примечания: 167

Жермэн Суффло (1713–1780) — французский архитектор, построивший парижский храм Пантеон, после Революции ставший местом погребения великих людей

двумя отсидками в Дании меня запихнули в больницу Сонби в Копенгагене… вы не представляете, какой там стоял вой!.. все палаты были забиты раковыми больными «в последней стадии»… мне сделали большое одолжение, поместив туда… все же лучше, чем в Ванстр… ну, и конечно же, я должен был помогать… присматривать за умирающими… звать санитарку… упаковывать вместе с ней жмуриков… ей оставалось лишь докатить их до двери… и в коридор!..

В Копенгагене, в Дании, все настолько благоустроено, все так замечательно, гигиенично, все так отлажено, что просто охренеть… не верьте тому, что говорят!.. там так же, как и везде!.. впрочем… не совсем… там все держится на уборщицах!.. за все, везде и всегда отвечают они! в министерствах, в ресторанах, в политических партиях, в больницах! все решают уборщицы!.. они приводят в порядок досье, статьи, государственные секреты, точно так же, как жмуриков!.. все спят… но только не уборщицы!.. это не женщины! а муравьи!.. к утру все будет в порядке!.. жмурик уже в ящике!.. бедный Йорик! и ни единого вздоха!.. если нужно, они будут вопить!.. если нужно, будут ждать!.. морфий!.. зондаж! о–ля–ля!.. я был у них «на подхвате»!.. добрый

самаритянин со звонком!.. предсмертный хрип? дзинь! дзинь! пожалуйте! еще один!.. Эрна… Ингрид… тут как тут… позевывая… выкатывают беднягу в коридор… уверяю вас, так все и было… в госпитале Сонби за главного врача был профессор Грам… опытнейший клиницист!.. субтильный, нервный… за все время моего пребывания там он не проронил со мной ни слова!.. я ведь был заключенный!.. хотя я тоже там лечился… я уже начал заживо гнить… правда, это был не рак! еще не рак!.. просто последствия пребывания в яме, в Вестергфансель… насчет ямы я ничего не преувеличиваю… яма там была настоящая!.. очень сырая, темная, с единственной амбразурой под самым потолком… когда будете в Копенгагене, попросите, чтобы вам показали этот отсек в Вестергфансель… вы ведь собираетесь путешествовать, не правда ли? значит должны осмотреть все!.. а не ограничиваться Nyehavn, Тиволи и Отелем д, Англетер!.. бояться вам нечего, вы же турист!.. в тюрьме у раковых больных было одно существенное преимущество, у них в палатах не было ни решеток, ни амбразур… а были широкие и высокие окна с видом на какие–то луга… травы на севере бледные… совсем как тамошнее небо и Балтика… там все такое:

люди, облака, море, травы… ощущение какой–то призрачности происходящего… кажется, вот–вот появятся феи… впрочем, «раковых» феи не интересовали! и я находился там не для того, чтобы их вызывать… а для того, чтобы вслушиваться в предсмертные хрипы!.. дабы не будить Эрну и Ингрид… раньше!.. или позже, чем надо!.. Грам, немного поразмыслив, решил мне это поручить, хотя, оставаясь в течение всей ночи без наручников, я мог оттуда и слинять… в сущности, сделать это было не так уж и сложно!.. но?.. во–первых, Лили осталась бы одна… с Бебером… и потом, куда мне было бежать?.. у всех полицейских была моя карточка… меня бы быстренько сцапали!.. легавые вездесущи! в мире нет такой страны, где бы не было легавых! человек по природе своей сатир, вор, убийца, но более всего: легавый!.. может быть, в соседнюю Швецию?.. в Мальме?.. покорно благодарю!.. там я и ста метров бы не прошел! меня бы схватили!.. заковали в цепи! бросили на дно трюма!.. и отправили обратно! шведы большие специалисты по транспортировке! не верите?.. а хотите, я вам назову сейчас имена тех, кто покончил с собой… там! в том же лечебном заведении!.. прямо у меня на глазах!.. в ожидании военно–полевого суда!.. вот вам и «политическое

убежище»! посмотрел бы я на Монтерлана,[168] Морана,[169] Карбуччиа,[170] окажись они на их месте! это вам не на светском рауте потягивать через соломинку коктейль… интересно, что стало бы тогда с их роскошной обстановкой?

Как бы там ни было, но, будучи ответственным за звонок, я имел достаточно времени для размышлений… все умирающие, а в данном случае это были больные раком, вопят, поднимают много шума… поэтому лучше всего, если вы сами приговорены к смерти, тогда вы не будете этого замечать… я и не замечал, а думал, думал много и плодотворно… не то, что сейчас в, лихорадке… пеллагра притупляет зрение, видел я плохо, зато думалка у меня работала прекрасно… ночью, в окружении умирающих, которыми были переполнены два огромные зала… я имел возможность реально оценить обстановку!.. нетрудно было догадаться, что бы со мной стало,

---

[168] Примечания: 168

Анри де Монтерлан (1895–1972), французский писатель, коллаборационист. В своих произведениях воспевал культ сильной личности.

[169] Примечания: 169

Поль Моран (1888–1976) французский писатель, дипломат. Во время оккупации был посланником Петэна в Румынии. После войны жил в Швейцарии.

[170] Примечания: 170

См. выше

вернись я на Монмартр… меня бы просто распилили между двумя досками!.. вы, наверняка, думаете, что меня бы арестовали?… как бы не так! между двумя досками!.. запросто! что стало с моей жалкой лачугой, я уже знал! забрали все подчистую! часть имущества продали с молотка!.. а остальное — на барахолке!.. неплохо повеселились… даже кровати сожгли, чтобы обогреться… так что, зная все это, куда мне было бежать?.. праведное негодование, жажда мести… о, те, кто способен преисполняться этими чувствами, в отличие от обычных убийц, даже самых жестоких и расчетливых, редко бывают маньяками!.. они гораздо хитрее.. дальновиднее!.. изворотливее!.. единственная их мания — это счет в банке! самые ярые поборники справедливости, учинявшие во имя нее жесточайшие терроры, разрывавшие людей на куски, выкалывавшие им глаза, отрывавшие им яйца, только и знают, что твердят вслед за Летицией: «Карашо пы эта потольше

протлилось!»[171]

Нет, из Сонби мне было уходить не с руки, во всяком случае до тех пор, пока меня там терпели и лечили!.. витамины… овсянка… я тоже думал: карашо пы эта потольше протлилось! я потерял все свои зубы… и почти пятьдесят кило веса… это с тех пор я стал такой стройный… тюрьма — не санаторий… пребывание там на пользу еще никому не шло… вы, наверное, думаете: ну и хлюпик же он! наболтал тут с три короба!.. ничего подобного!.. я зря говорить не стану!.. камеры в датских тюрьмах действительно жуткие… даже такие специалисты по тюрьмам, как норвежцы, финны и шведы признают, что условия там ужасные… Мориак, Моран, Арагон, Вайян, и tutti, представляю, чтобы они запели после шести месяцев заключения! ах, Нобели! Гонкуры! и frutti![172] эка невидаль!.. да, они бы просто обосрались! сразу

---

[171] Примечания: 171

Летиция Бонапарт (1750–1836), урожденная Рамолино, мать Наполеона I, корсиканка. Оставшись одна после смерти мужа с 8 детьми, сумела воспитать их и поставить на ноги. Когда ее сын стал императором, она очень беспокоилась за будущее, не веря в прочность своего положения. Основной ее заботой было реализовать свои доходы и поместить в надежное место свои сбережения. Она часто произносила с корсиканским акцентом (который Селин и пародирует) фразу: «Хорошо бы это подольше продлилось!»

[172] Примечания: 172

Tutti frutti (*итал.*) — все остальные, всякий сброд

бы все увидели, что они из себя представляют! а я там не дрогнул и этим горжусь, но духовно, конечно! физически мне было тяжело, признаю… я превратился в настоящую развалину… все тело покрылось кровавыми язвами… как будто меня кто–то покусал… профессиональная болезнь тех, кто работает на «пловучих доках»… и подолгу не видит солнечного света… среди раковых больных я смотрелся вполне естественно!.. а те девицы меня наверное таким и считали… пеллагра?.. рак?.. какая разница!.. в любой момент они и меня тоже готовы были выкатить в коридор… а пока я им помогал!.. вслушивался в предсмертную икоту!.. и звонил! но не позже… и не раньше, чем надо!.. кроме того, я должен был уложить покойника на тележку… предварительно его обмыв… и обратите внимание, все это молча! говорить мне не полагалось!.. ни с девицей, которую я будил, ни со своими товарищами по несчастью на следующий день… незаменимых ведь нет!.. какой–нибудь пустяк, одно лишнее слово, и мне перестали бы доверять…

И вот однажды утром я никого не вижу… ни санитарки… ни врачей… они всегда приходили точно по расписанию… а тут ни тех, ни других… я, конечно, сразу сказал себе… все! кранты!.. если

вы оказываетесь в экстремальных условиях, к тому же еще не «по своей воле», вы сразу же врубаетесь!.. сразу же чувствуете, заранее, когда с вами должно что–то случиться, и именно с вами, а не с кем–нибудь другим… у вас срабатывает инстинкт, как у животного… это только человек туго соображает, разводит диалектику и все затуманивает…

Проходит еще день, потом ночь… мне никто ничего не говорит… санитарки рядом со мной больше нет… жмурик уже остыл… и так и остался лежать, как был, на боку, весь желтый, с открытой пастью… нет даже интерна…[173] только я и бьющиеся в предсмертных судорогах больные… я дергаю за звонок раз, другой, третий… никакой реакции…

Ну вот, наконец–то!.. но не санитарка… шофер!.. в проеме больших дверей… я сказал «больших».. огромных!.. с двумя створками!.. этого типа я знаю… тот же самый шофер, что привез меня сюда… о, он совсем не грубый!.. очень спокойный, коренастый… даже не в форме «тюремного надзирателя»… в «штатском», в габардиновом фрэнче… из такого же габардина, что и мой «Пуанкаре»..

---

[173] Примечания: 173
Помощник врача

я вдаюсь в такие подробности, которые вам, наверное, совсем не интересны… не обращайте внимания!.. просто случайное совпадение!.. мы взаимно вежливы!.. в обоих залах кроме нас двоих и умирающих больше ни души… ни санитарок, ни стажера, ни интерна… «Komm!» — говорит он мне… не стоит!.. я и так уже все понял… он снова забирает меня в куток…

Надо сказать, что несмотря на жалкое существование, которое мне всегда приходилось влачить, у меня накопилось довольно много воспоминаний… и не каких–нибудь там халявно–занимательных… а настоящих! оплаченных дорогой ценой… пусть для вас это и ничего не значит, но я навсегда запомнил эту сцену, она мне крепко запала в душу… этот шофер!.. говорящий мне «komm!» в амбразуре двери… ни грубо, и ни каким–нибудь там особым голосом… спокойный, коренастый… который явился, чтобы отвезти меня в куток… на другой конец города… без сопровождения… без наручников… без каких–либо видимых признаков принуждения… в лимузине… и мне придется провести там еще много–много месяцев… эту сцену я никогда не забуду…

Много месяцев в кутке, вам это конечно ни о

чем не говорит… скорее всего, да…

И действительно, прошло много месяцев… пока они решали: освобождать меня?.. или нет?.. 75 статья, черт бы ее побрал… все газеты Копенгагена писали о том, что я продал что–то очень выжное, что точно они не знали, но, по меньшей мере, линию обороны в Альпах… 75 статья все–таки!.. там, наверху, в течение нескольких лет не могли прийти к окончательному решению… освободить меня?.. или так и оставить подыхать в тюряге?.. а может, в больничке?.. или где еще?

Если вы не видели, как в амбразуре двери неожиданно появляется тюремный шофер в штатском, значит вы не видели ничего…

О, но и теперь мне не лучше!.. не намного лучше… потому что я вынужден писать для Ахилла… или для Жертрута!.. да насрать мне на них обоих! на них!.. и вообще, на всех!.. на всех этих грязных ограниченных ублюдков, которые только и думают, как бы побольше нахапать!.. я на них на всех положил!.. суки!

***

Норбер Лукум, это я специально, чтобы его достать, рассказываю про то, как там в одиночке… он ведь сам вряд ли когда–нибудь туда попадет, черт бы его побрал!.. ни он!.. ни Ахилл!.. ни

Мальро… ни Мориак… ни этот недоносок Тартр!.. ни Обрыгон!.. ни Труляле на столе!.. этих хитрожопых на кривой не объедешь!.. сливки «ебщества»!.. корчат из себя черт знает что!.. «кукареку Железный занавес!».. супербазуки!.. бомбы!.. петарды!.. Запад!.. Восток!.. все гремит!.. а на самом деле, они ведь всегда были паиньками!.. только о пенсии и думали всю жизнь.. начиная с грудного возраста… томная кормилица, привилегированный лицей, друг сердца, «теплое местечко»! и оп! десять, двенадцать раз подсуетиться, дать кому надо на лапу… готово! персональная пенсия Хамелеона! цель достигнута!.. размер пенсии «проиндексирован»!.. можно надевать Парик!.. милые шалости в общественном туалете… так, шутки ради!.. Академия!.. Ришелье!..[174] интрига!.. а главное, можно больше не платить!.. никогда!.. все оплачивается! приехали! конечная остановка: «Набережная Хитрожопых»! Сонм воспаленных ректумов и простат!.. «О, мсье, вы совсем не похожи на других!.. вы такой утонченный, такой эмоциональный, такой выдающийся мудила!.. Апофигеоз!..»

---

[174] Примечания: 174

Арман Жан дю Плесси, кардинал де Ришелье (1585–1642) французский политический деятель, министр Людовика XIII с 1624 до смерти. Создатель французской Академии в 1635 году.

Видел бы Ришелье все это!.. Мориак, Бурже, Аспирин!.. в наши грустные времена наверх почему–то вылезают одни гумозники!.. живи Людовик XIV вместе с Жуановиси, он бы не то что «солнцем», фонарем бы не стал![175] а уж об «утечке информации»[176] я вообще не говорю!..

Не обращайте внимания, что я все время перескакиваю!.. с одного!.. на другое!.. и еще эта непонятная история, «Общество»... но неизвестно, как бы вы сами себя вели, окажись на моем месте?..

— Тебе не холодно?

— Нет... нет... нет!

В таком возрасте... 63 года... вам только и остается, что отвечать: нет!.. нет!.. или исчезнуть!.. навсегда!.. вы ведь требуете дополнительных затрат!.. сколько раз вам желали смерти после шестидесяти трех?.. и не сосчитать!.. может быть, вас и согласятся терпеть еще несколько месяцев... одну весну?.. две?.. но это только в том случае!.. ес-

---

[175] Примечания: 175

Имеется в виду Людовик XIV (1638–1715), которого называли «Король Солнце».

[176] Примечания: 176

Имеется в виду уголовное дело об «утечке информации», которое было возбуждено в связи с публикацией в двух парижских еженедельниках в марте 1954 года секретного отчета военного командования о положении в Индокитае.

ли у вас есть деньги! много денег!.. очень много!.. это самое главное!.. и если вы продемонстрируете своим наследникам, как вы их любите!.. добрый Дедушка Мороз!.. а для этого вы должны собственноручно составить завещание, заверить его у нотариуса, зарегистрировать, поставить печать, чтобы они были уверены, что все свое имущество вы оставляете им!.. дорогому Люсьену!.. а не Камилле!.. при этом вы должны находиться в таком ужасном состоянии! в котором уже ничего не сможете изменить! быть на последнем издыхании!.. испускать предсмертные хрипы!.. трястись всем телом! не держаться на ногах! язык у вас должен быть черным с желтым налетом… и постоянно вываливаться!.. вот тогда… тогда… может быть, тогда?.. вас и перестанут считать отвратительным капризным тираном и кровопийцей… не все, конечно!.. но имейте в виду!.. вы постоянно должны оставаться скукоженным! задыхаться!.. харкать кровью!.. хромать!.. если вас попросят встать?.. хватайтесь за воздух!.. и падайте!.. можете пригласить священника… соборование доставит несколько приятных минут тем, кто все свои надежды в этом мире связал с вами!.. с вашим последним вздохом!.. вы не представляете, как способен нервировать всех

членов семьи умирающий!.. который никак не может кончиться!.. о, эти томительные «последние мгновения»!.. соборование, развязка опять откладывается!.. сколько не выдержали и сошли с ума, пока умирающие, вроде вас, медлили и не решались отправиться на тот свет!

Чьих только предсмертных судорог и где только я ни наблюдал, в тропиках, во льдах, в нищете, в роскоши, за решеткой, на вершинах Власти, пользующихся всеобщим уважением, всеми презираемых, отверженных, во время революций, в мирное время, под грохот артиллерийской канонады, под звон новогодних бокалов… моему слуху доступны все оттенки звучания органа de profundis… но тяжелее всего, я думаю, бывает: собакам!.. кошкам!.. и ежам… о, все это я видел собственными глазами! сам, лично!.. и знаете… не потому что я любопытен!.. или испытывал от этого зрелища какое–то особое удовольствие!.. просто, так вышло… случайное стечение обстоятельств!.. я мог бы, к примеру, встретить однажды вечером и Мадлен Жакоб, а у нее рак в последней стадии, метастазы уже в суставах… не стану же я себя вести, как Харон!.. конечно, нет!.. потрошить ее, разрезать на части и подвешивать за опухоль на крюк… мол, болтайся ты тут, сука, как дохлый

кролик… нет!.. это я вам безо всякого блядского кокетства «а ля Швейцер» или «а ля аббат»[177] говорю! и не только говорю, а могу доказать, привести множество фактов, что еще никогда никому не отказывал в помощи! даже своим злейшим врагам… самым гнусным и отвратительным… таким, как эта Мадлен, к которой даже в гигиенических перчатках противно прикасаться!.. паскуда!.. нет! ваш покорный слуга умеет справляться со своими чувствами! я готов мою Мадленочку холить и лелеять! всячески перед ней распинаться, ползать на коленях! как пылкий любовник! словом, вести себя так, как учит аббат Пьер! или тот другой проповедник… в своем «Тропическом Загармоничном Дайджесте»!

А как же томительные последние мгновения?.. да! говорить–то легко!.. у меня жар!.. Мадлен, Швейцер, Аббат!..

Я вижу, как они приближаются… точно… это они! Мадлен, Швейцер и Аббат, я их приветствую… о, совсем не так, как Харон… я не собираюсь раскраивать им черепушки! я не хочу, чтобы они все передохли! нет!.. вот увидите! наоборот! я очень предупредителен!.. опий

---

[177] Примечания: 177
Имеется в виду аббат Пьер, см. примеч. выше.

делает меня добрым, мягким!.. 2 кубика морфия!.. но черт возьми!.. Сиденхем[178] еще в 1650 году заявил, что способен при помощи четырех или пяти унций опия исцелить любую болезнь… а результат?.. поэтому я всегда говорю своим коллегам, не растрачивайте попусту свой опий! приберегите его на самый крайний случай… одни говорят одно!.. другие другое!.. а если у вас начнется агония?.. тогда никакая болтовня вам не поможет!,. на крайний!.. запомните!.. на самый крайний случай!.. когда вы будете одной ногой в могиле… вот тогда он вам пригодится!.. можете им воспользоваться!.. всему свое время.. во всем надо знать меру…

Мое воображение такой меры явно не знает! черт!.. оно воспалено до предела… раскачивается из стороны в сторону!.. как моя кровать… Мадам Нисуа!.. это из–за нее я оказался в таком состоянии!.. переохладился!.. там на набережной!.. чертов ветер!.. так и околеть недолго!.. тени усопших!.. а что это за «Общество»?.. «Общество»!.. да эта коматозная старушенция здорово меня подставила!.. черт бы ее побрал!.. не надо было мне трепаться с этой шпаной с корабля!.. наглые

---

[178] Примечания: 178

Томас Сиденхем (1624–1689) — английский врач, которого часто называют «Английский Гиппократ».

рожи! «гладиолус», так они меня назвали… гладиолус! надо же! сучьи дети!

Посол Карбунья,[179] сам не меньше вишист, чем Бриссон,[180] и такой же дориотист,[181] как любой наш провинциальный цирюльник, а какие сцены он закатывал Его Превосходительству!.. и все из–за того, что меня не упрятали в Винсенн!..[182] в припадках безумной ярости он сотрясал своей Посольский кабинет и с таким остервенением вцеплялся зубами в висевшие на стенах гобелены, будто намеревался сожрать все Посольство вместе со всеми бумагами и мебелью! все висело буквально на волоске! только солидное повышение по службе! и отправка на другое полушарие! могли избавить его от страданий, по сравнению с которыми мои казались просто чепухой!.. мое пребывание в Вестергфансель в непосредственной близости от него делало его

---

[179] Примечания: 179

Селин имеет в виду посла Франции в Копенгагене Карбонье, который спровоцировал его арест

[180] Примечания: 180

Пьер Бриссон (1896–1964) с 1934 по 1942, а затем с 1944 по 1964, возглавлял газету «Фигаро». Селин намекает на ориентацию газеты с 1940 по 1942 гг.

[181] Примечания: 181

Примечание о Жаке Дорио см. ниже на стр.

[182] Примечания: 182

Пригород Париже, где находится тюрьма

жизнь невыносимой… больше всего его убивало то, что меня до сих пор не посадили на кол!.. а ведь я оскорбил Монтгомери!.. Фюрера!.. и как он уверял! даже Принца Бернадотта! об этом он писал в письмах балтийским министрам!.. требуя от них принять меры! я до сих пор храню у себя копии этих образцов эпистолярного жанра… теперь, в лихорадке, меня трясет так же, как его! простыня подо мной вся взмокла… но подобной чепухи я не несу, во всяком случае, по поводу своей роли в этом мире я не заблуждаюсь!.. это уж точно!.. я всегда был исключительно привлекательной добычей для этих псов! крупняк!.. Слава! Смелость! Редкостная Изворотливость! о, если даже в таком состоянии, как теперь, весь седой, прикованный к постели я все еще продолжаю действовать на них возбуждающе… я это нутром чувствую! вперед! вперед!.. к намеченной цели!.. разорвать его на части! на тысячу кускова!.. уничтожить!.. стереть с лица земли!.. единственный и неповторимый кусок мяса: Фердинанд!

Представляю, как они все на меня набросятся!.. вместе со своими напомаженными сынками… все!.. у них руки так и чешутся!.. потому что я помню все имена, все адреса… в том числе всех моих гонителей и трусливых убийц! даже умирающий,

но все еще живой, я для них как бельмо на глазу… я ведь знаю все их биографии наизусть… с самого рождения… я их себе частенько пересказываю… знаменательные даты… мновения наивысших взлетов!.. падений!.. я часто прокручиваю их у себя в мозгу!.. в следующий раз им должно повезти больше…они меня не упустят!.. о, они это предчувствуют!.. очень хорошо!.. и уже наверняка сделали стойку!.. я хорошо представляю себе эту картину!.. очень хорошо!.. после 39 градусов воображение начинает работать с утроенной силой! хоть в чем–то жар помогает!.. так уж я устроен, что никогда ничего не забываю!.. никогда!

***

Да! еще бы!.. после восьми месяцев в том сучьем кутке… я весь покрылся язвами… но я вам об этом уже говорил, я повторяюсь… тсс!.. я вам наверное надоел!.. э, теперь мне на это насрать, меня теперь волнуют другие проблемы! не менее значительные!.. достойные самого подробного рассмотрения!.. во–первых, Ахилл!.. он и «навар», который он имеет со своих махинаций… 90 миллионов в год!.. недурно! он уже настоящий миллиардер! вот мразь! его окружает целая армия прилипал, которые только и делают, что лижут ему все места, а он все время чем–то

недоволен, все время жалуется! мученик Ахилл! ему этого мало! языки, видите ли, недостаточно треплюнявые! книги недостаточно гениальные! все это делает его жизнь просто невыносимой!.. писаки, которые на него ишачат, решили его вогнать в гроб!..

Теперь, когда жар пошел на спад… стал чуть меньше… я начинаю понимать, что несу полный бред… горячка?.. надо сосредоточиться!.. «Политика — это Судьба»!.. так, кажется! мнение Бонапарта!.. что ж! теперь все стали комуняками? так скомуниздимся и мы!.. Ахилл и тут всех опередил!.. он ведь уже здорово полевел!.. во время последней Чистки ему пришлось глубоко залезть в свой карман, чтобы отмазаться!.. во время следующей он тоже не станет жаться!.. такой все отдаст!.. мост Понтуаз и Триумфальную Арку впридачу!.. теперь он в одной компании с Монсеньором Фельтеном,[183] Лакретелем[184] и прочими невинными ангелочками того же пошиба! но окажись Лакретель или какой–нибудь там мсье Робер под этой чертовой 75 статьей, разве бы они тогда опрустились? стали бы писать лучше?..

---

[183] Примечания: 183
Монсеньор Фельтен — парижский архиепископ 1950-х годов

[184] Примечания: 184
Жак де Лакретель (1888–1985) — французский писатель

а?.. Лукуму, тому вообще теперь больше всего подошел бы сан прелата!.. в окружении всех этих дебилов!.. его приплюснутая башка напоминает вагину… она все в себя всасывает! к тому же все время истекает влагой!..

Жар еще не прошел… голова раскалывается… так что вы уж меня извините!.. нет! Лукум представляет из себя нечто гораздо более гнусное, чем все эти мандавошки с «Общества»! Харон, увидев его, и тот дрогнул бы… не смог бы сразу решить, что с ним делать!.. раскроить ему череп своим веслом?.. или обратится за помощью к божественному Саду?.. а что?..

Знаю… знаю… я прозевал… Харона!.. задержись я там еще на минуту, я бы его обязательно увидел!.. Ля Виг и остальные, они–то его точно видели!.. но я должен был уйти, потому что чувствовал приближение приступа… было и еще одно обстоятельство!.. я вам о нем потом расскажу…

Ну и черт с ними! с этими шакалами!.. если уж на то пошло!.. я вам могу предложить прогуляться в другое место!.. славное такое местечко!.. ничего, что у меня лихорадка!.. место в самом деле очень живописное!.. для туристов!.. и не только для туристов!.. для мечтателей, историков, больных!..

просто идеальное! для легких, для нервов… правда, немного сыровато, возле реки… пожалуй… Дунай… берег реки, тростники…

***

Может быть, и не стоило бы так расписывать Зикмаринген?.. но уж больно живописное место!.. немного смахивает на оперетку… роскошные декорации… кажется, вот–вот зазвучит сопрано или тенорок… и эхо разнесется по всему лесу!.. а какие там огромные деревья!.. Черный Лес весь завален елями, кругом — водопады… черное плато — это сцена, на которой разположен город, он весь какой–то фисташковый, немного напоминает конфетку… зеленые, розовые кабаре, отели, лавки бросаются в глаза, выдают причудливую фантазию «постановщика»… смесь «бошского барокко»[185] и «Белой лошади»…[186] маэстро, музыку!.. и надо всем этим: призрачный замок!.. действие пьесы разворачивается прямо в городе!.. домики из папье–маше, выкрашенные под мрамор!.. о, если бы… если бы вам удалось соору-

---

[185] Примечания: 185

Имеется в виду немецкое барокко 17–18 веков, в церквях, для которого характерно обилие позолоты в церквах, живопись в голубых и золотых тонах, тяжелые украшения

[186] Примечания: 186

«Белая лошадь» — название оперетты, пользовавшейся в начале XX века большим успехом. Полное название «Таверна Белой лошади»

дить нечто подобное на площади Пигаль: Замок, городок, Дунай! народ бы повалил туда валом!.. это было бы почище, чем «Небо», «Дыра» или «У Жиля»!..[187] а сколько бы вам понадобилось «tourist–car»!..[188] нарядов полиции! это просто с ума можно сойти, сколько бы было желающих на это поглазеть, причем за деньги!

А нам там, должен вам признаться, было далеко не весело… конечно, мы тоже были чем–то вроде туристов! правда, не совсем обычных… слишком уж озлобленных отсутствием хлеба и присутствием огромного числа полицейских… к тому же армия Леклера[189] была уже совсем близко… и неотвратимо надвигалась… тесаки сенегальцев… нависли у нас над головами!.. теперь во всех газетах льют слезы по поводу ужасной участи, постигшей несчастных венгров… о, если бы наша участь хоть кого–нибудь тогда также волновала! уверяю вас, наши несчастья никто и не думал оплакивать, жаловаться было беспо-

---

[187] Примечания: 187

Названия кабаре в Париже на площади Пигаль

[188] Примечания: 188

Туристских автобусов (*англ.*)

[189] Примечания: 189

Филипп де Отклок, прозванный Леклером (1902–1947) — маршал Франции, герой Сопротивления, чья армия освободила Париж в 1944 году.

лезно! все вокруг плясали от радости! в отличие от этих героических венгров, тех, на ком висела эта чертова 75 статья, Коти[190] к себе на ужин не приглашал!.. и черт побери!.. окажись на нашем месте простые граждане Франции, их бы прикончили, и дело с концом!.. но большинство из нас было инвалидами войны! к тому же награжданными орденами за боевые заслуги! о, поэтому нас надлежало разорвать на куски! французы ведь по–настоящему вдохновляются только тогда, когда занимаются самоистреблением! это их любимое занятие! нация мазохистов!

Там в мансардах, подвалах, под лестницами, мы подыхали от голода, и поверьте, это мало напоминало Оперетту!.. плато приговоренных к смерти!.. 1142!.. столько нас там было, число мне известно точно… я снова предлагаю вам обратить свой взор на это живописное местечко! город воды и туризма… историческая достопримечательность!.. Славное Прошлое! вглядитесь повнимательнее в Замок!.. искуственный мрамор, пристройки, хаотичное нагромождение всех стилей, башенки, трубы, гаргульи… нечто невообразимое!.. этакий супер-Голливуд!.. все эпохи,

[190] Примечания: 190

Рене Коти(1882–1962) — французский политический деятель. Президент Франции с 1954 года до возвращения генерала де Голля.

начиная с ледникового периода, динозавров, перекрытия Дуная, победы Святого Фиделиса[191] до Вильгельма II[192] и Геринга.

Самым башковитым среди нас там был Бишлонн, он не только лучше всех разбирался в технике и в шахтах… но и в истории! геологии!.. извините!.. но это был еще и прирожденный кибернетик! вот он, наверняка, мог бы нам все объяснить! все! все эти странные особенности Замка! почему тот накренился к югу, а не к северу?.. думал ли он над этим? а почему трубы, амбразуры и прогнившие подъемные мосты наклонились к западу?.. причудливая колыбель Гогенцоллернов![193] черт бы ее побрал! взгроможденная на вершину скалы!.. кое–как! вся перекосившаяся!.. снаружи!.. изнутри!.. все комнаты, лабиринты, переходы, все! все было перекошено и вот уже четырнадцать веков грозило

---

[191] Примечания: 191

Святой Фиделис считается покровителем Зигмарингена.

[192] Примечания: 192

Вильгельм II (1859–1941) — внук Вильгельма I, император Германии, чьи экспансионистские амбиции явились одной из причин Первой Мировой войны. Отрекся от престола 9 ноября 1918 года.

[193] Примечания: 193

Гогенцоллерны — немецкая королевская семья, разделившаяся в 1227 году на две ветви: швабскую и франконскую. Карл I, бывший в 1568–76 гг. главой швабской линии, получил во владение от императора Карла V графство Зигмаринген.

рухнуть в воду в любой момент!.. если вы туда поедете, вы сами увидите!.. эту колыбель, это логовище, откуда берет начало порода едва ли не самых хищных волков Европы! пристанище сильных мира сего! а знаете, как оно тряслось, когда над ним пролетали воздушные эскадры, тысячи «летающих крепостей», направлявшихся на Дрезден, Мюнхен, Аугсбург… днем и ночью… как дребезжали его стекла и со звоном падали в реку!.. вы не представляете!..

***

Этот замок Зигмаринген, несмотря на свой фантастический несуразный облик и то простоял тринадцать… даже четырнадцать веков!.. а вот Бишлонн оказался не таким стойким… инженер, министр, умница… он умер в Хохенлишене, в Восточной Пруссии… глупое кокетство!.. бзик!.. отправиться туда на оперцаию, дабы подправить неправильно сросшийся перелом… он, наверное, видел себя триумфально возвращающимся в Париж, гордо шествующим рядом с Лавалем, увенчанным лаврами и все такое!.. Арка Этуаль, Елисейские Поля, могила Неизвестного!..[194] он буквально зациклился на своей хромой ноге… те-

[194] Примечания: 194

Имеется в виду могила неизвестного солдата, которая находится на площади Этуаль

перь она его больше не беспокоит!.. представляю, как его там оперировали, в этом Хохенлишене… свидетелей больше нет… самого хирурга тоже!.. Гебхардт повешен как военный преступник!..[195] нет, не за оперирование Бишлонна!.. за геноцид, за маленькие приватные Хиросимы… о, не подумайте только, что я считаю Хиросиму ужасным преступлением!.. посмотрите на этого лоснящегося, довольного жизнью и собой Трумэна, как он увлечен игрой на клавесине!.. миллионы избирателей готовы снова отдать за него свои голоса!.. вдовец, о котором мечтают миллионы вдов!.. Космический Ландрю!.. за клавесином Амадеуса!..[196] главное, не суетиться… можете мочить всех подряд!.. все только этого и ждут!.. одного Деноэля не достаточно!.. Марион…

---

[195] Примечания: 195

Карл Гебхардт — генерал дивизии С. С., главный хирург медицинской службы Гиммлера, главный врач больницы в Хохенлишене. Признанный виновным в военных преступлениях за эксперименты над узниками концлагерей, был приговорен к смерти и казнен 2 июня 1948 года.

[196] Примечания: 196

Намек на широкоизвестную любовь президента США Гарри Трумэна к пианино. Во время правления Трумэна (1945–1948) произошла атомная бомбардировка Хиросимы

Бишлонн… Берия… потом Б… Х… Г…![197] целая очередь!.. очередь из стучащих от нетерпения ногами… сгорающих от желания отправиться на тот свет, покинуть этот мир, точнее говоря, быть повешенными!.. огромная навозная куча! весь Пале—Бурбон[198] в полном составе, все 600 человек!.. посмотрите на них, как они взволнованы, они просто вне себя, и все от нетерпения поскорее быть отданным на растерзание львам!

А вот мы там, все 1142, только и думали, что о прогулке!.. там, на курорте в Зикмарингене!.. да еще о том, как бы получить свою пайку… по правде говоря, я с детства привык довольствоваться малым, но тогда, как и потом на севере, мы действительно по–настоящему голодали, причем постоянно, а не время от времени, нет, я серьезно!..

Что за бессвязный бред я несу! я начал перечитывать написанное… тут сам черт ногу сломит!

---

[197] Примечания: 197

Две первые буквы вероятно обозначают советских руководителей Булганина и Хрущева. Третья, возможно, Гаммершельда, генерального секретаря ООН с 1953 по 1961 гг., которого в прессе того времени часто называли «Г-н Г». В дальнейшем Селин вместе с Б и Х часто использует букву М для обозначения триумвирата: Булганин, Хрущев и Маленков.

[198] Примечания: 198

Пале—Бурбон — архитектурный памяткин в Париже, место заседания Национальной Ассамблеи.

то об одном!.. то о другом!.. бац! и нить повествования окончательно ускользает!.. я понимаю, что это моя вина!.. и все–таки, если я говорю слабым голосом и постоянно перескакиваю с одного на другое, то этим я просто напоминаю большинство гидов, вот и все!.. когда вы наконец вникните в суть того, что я говорю, ваши претензии ко мне отпадут сами собой!.. поэтому я повторяю !.. следуйте за мной!.. я болен, кровать подо мной трясется, тем лучше!.. лучше для вас!.. обзорная экскурсия в глубь воспоминаний!.. пусть же приступ меня как следует встряхнет! вытрясет из меня все детали!.. и даты!.. я хочу, чтобы вы знали все…

Черт возьми, под этим хаотичным нагромождением пятнадцати… даже двадцати кое–как наваленных друг на друга средневековых замков находилась библиотека и какая!.. о–ля–ля–ля–а–а-а! роскошная! богатейшая!.. но мы к этому еще вернемся, я вам о ней потом расскажу…

Понимаете, нас там было 1142, и в какой–то момент, когда армия Леклерка приблизилась… подошла совсем близко… всех вдруг охватило какое–то беспокойство!.. стремление к познанию!.. желание побольше узнать!.. особенно интеллектуалов!.. а у нас там на них была своя

квота! интеллектуалы Зикмарингена… башковитые, серьезные!.. уровня Гасотта, не ниже[199] не чета нынешним тусовщикам с террас, славянам, венграм, янки и прочей шушере… всем этим амбициозным пьяницам с дебильными лицами, привыкшим скакать от интрижки к интрижке, от писсуара к писсуару, от рюмки к рюмке, от тряпки к тряпке, от одной моды к другой, путающим крест с серпом, вечно одержимым какой–нибудь очередной мориако–тартровостью, питающимся объедками с чужого стола… нет, таких там не было!.. только настоящие интеллектуалы самой высшей пробы!.. иными словами, не халявщики! не любители потрепать языком! нет! отнюдь!.. а из тех, что за все платят сполна! им ведь всем грозила эта чертова 75 статья! все с петлей на шее!.. это вам не boys из Гринвич—Блумсбери!.. нет!.. посерьезней!.. «обжалованию не подлежит»! я бы еще так сказал: они все были настоящими профессионалами! загибаясь от голода, холода, чесотки… они все равно были одержимы жаждой познания, им хотелось знать, существовали ли когда–либо в прошлом… или нет… какие–нибудь бандитские кланы, группировки, которые так

[199] Примечания: 199

Пьер Гасотт (р. 1895 г.) известный историк 20-го века. Член Французской Академии с 1953 года. Правый монархист.

же, как и мы, были бы всеми прокляты, отвергнуты и которых столь же яростно травили бы огромные своры легавых (ах венгры, душки!), дабы воткнуть в них бандерильи, поджарить на рашпере, посадить на кол?..

Представляете, как непросто вести подобные разыскания, исследования! так вот, должен вам сказать, наши профессионалы за это взялись!.. они раскопали множество отвратительных случаев, примеров гнусных издевательств! из самых разных эпох! Спартанцы? Жирондисты?.. Тамплиеры!.. Коммуна?.. мы долго думали… просмотрели все Хроники, Кодексы, Пасквили… сопоставили так… этак… пожалуй, мы были?.. да, пожалуй?.. чем–то вроде сподвижников Наполеона, которых ведь тоже травили во всей Европе, готовы были растерзать и выбросить на первую попавшуюся свалку?.. например, на Святую Елену!.. пожалуй?.. особенно его испанских сподвижников!.. коллаборационистов идальго!.. жозефисты![200] не правда ли, знакомое словечко!.. а нас можно было бы назвать адольфисты!.. так много у нас было

---

[200] Примечания: 200

Название сторонников короля Жозефа Бонапарта в Испании. Жозеф Бонапарт (1768–1844) — брат и сподвижник Наполеона Бонапарта, король Неаполя в 1806, король Испании с 1808 по 1813, убежал в Соединенные Штаты Америки в 1815, позже вернулся в Европу и умер во Флоренции.

общего с жозефистами! ах, «коллаборационисты» всех времен!.. обосранные всеми жаверы!..[201] во всяком случае, травили их так же… как и нас!.. нас было 1142! и армия Леклера была уже в Страсбурге!.. сенегальцы точили свои тесаки!.. а эти венгры жалуются на монгольское нашествие,[202] черт бы их побрал!

Понимаете, в этой императорской королевской библиотеке было богатейшее собрание книг!.. чего там только не было! там можно было найти буквально все!.. рукописи, мемуары, инкунабулы… надо было видеть, как наши книжники с самым серьезным видом карабкались по лесенкам… агреже,[203] студенты педагогических институтов, почтенные академики, «бессмертные»,[204] облаченные в тряпье, копошились во всех углах! исследовали манускрипты! на латинском, греческом, французском!.. вот, это

---

[201] Примечания: 201

Жавер — персонаж «Отверженных» Виктора Гюго, тип фанатичного полицейского.

[202] Примечания: 202

Селин имеет в виду восстание 1956 года в Венгрии, подавленное советскими войсками

[203] Примечания: 203

Лицо, прошедшее конкурс на замещение должности преподавателя лицея или высшего учебного заведения

[204] Примечания: 204

Члены Французской Академии

я понимаю, культура! а ведь они все скреблись от чесотки!.. наверху каждой лесенки!.. но они были полностью поглощены! каждый своим текстом!.. своей хроникой!.. им необходимо было знать, были мы менее ненавидимы или более, чем коллабос Жозефа?.. стоили наши шкуры больше?.. или меньше?.. неважно, во франках или в эскудо того времени?.. Декан Юридического Факультета склонялся к мнению, что «пожалуй, больше!» «бессмертный» утверждал, что «меньше»!.. мы проголосовали… фифти–фифти! человек предполагает, а Бог располагает! воистину так! «бессмертный» — то ошибся! дальнейшие события это ясно показали!.. участь «адольфистов» оказалась бесконечно более тяжелой участи всех подобных им вместе взятых! явление столь же феноаномальное, как и водородная бомба!.. мощность которой в 100000 раз превышает мощность нашего жалкого снаряда образца 14-го! сверхмощный взрыв всеобщей ненависти! никакой посчады врагам!.. травля! до полного уничтожения!.. чтобы никто из нас не ушел от расплаты!.. и все из–за этой сволочи Людовика Святого!.. это он обрек нас на смерть! я знаю, что говорю!.. безмозглая скотина! придурок!.. он ведь умудрился насильно окрестить целый миллион иудеев!.. на

славном юге нашей славной Франции! вот за это его и причислили к лику святых! да, этот тип хуже, чем Адольф!.. там, перебираясь со стремянки на стремянку, мы кое–что узнали о нем!.. ах, Святой Людовик!.. канонизированный в 1297!..[205] но мы еще к нему вернемся!

***

Раз уж я взял на себя роль вашего гида, пожалуй, стоит вам немного рассказать и о дорогих гобеленах, деревянных панно, посуде, оружейных залах… трофеях, латах, стягах… там каждый этаж — это музей… а прибавьте к этому бункеры под Дунаем, бронированные туннели… сколько принцев, герцогов и бандитов рыли эти норы, камеры, подземные тюрьмы?.. в тине, в песках, в скалах? четырнадцать веков Гогенцоллернов! черт возьми, какие–то коронованные крабы!.. под Замком у них находился «общак»… дублоны, окаменевшие трупы повешенных врагов… сверху видимое обманчивое великолепие: башенки, дозорные вышки, колокола… открытые всем ветрам! облюбованные жаворонками!.. а самое главное внизу: семейное золото!.. скелеты похищенных, караваны из дунайских ущелий, со-

[205] Примечания: 205

Людовик IX или Святой (1214–1270), король Германии, христианин (канонизирован в 1297 г.), умер во время восьмого Крестового Похода.

кровища флорентийских купцов, авантюристов из Швейцарии, Германии… чьи рискованные предприятия закончились здесь, в каменных мешках под Дунаем… этим каменным мешкам было уже четырнадцать веков… о, нам они очень пригодились!.. и не раз!.. мы спускались туда по сигналу тревоги! спасали там свою жизнь!.. вы не представляете, какое это было столпотворение! многотысячная толпа в этих куничьих норах под Дунаем! мамаши с младенцами, папаши, их собачки… фрицы в парадных мундирах, министры, адмиралы, штурмовики, просто доходяги из Фиделиса[206] или местного отделения Н. П. Ф.,[207] прочий невесть откуда взявшийся сброд… люди Дарнана…[208] все смешались и пробирались впотьмах наощупь из одной катакомбы в другую… в поисках туннеля попрочнее…

Теперь, когда я познакомил вас с Замком, вы можете представить себе мою жизнь при Дворе… о, тут все не так просто!.. на полном пансионе я не был!.. имейте в виду!.. мне полагалось не шест-

---

[206] Примечания: 206
В 1945 году в монастыре Св. Фиделиса располагалась больница

[207] Примечания: 207
Народная Партия Франции

[208] Примечания: 208
См. примеч. выше

надцать продовольственных карточек!.. или хотя бы восемь!.. а всего одна!.. это очень существенная деталь: карточка!.. я жил в Замке, да!.. конечно! но не для того, чтобы хавать, а чтобы «вести учет»!.. сколько там больных гриппом? беременных женщин? чесоточных?.. сколько морфия у меня осталось?.. камфарного масла?.. эфира?.. а как себя чувствуют детишки?.. что касается детишек, то Бринону было не так просто от них отмахнуться, в этом вопросе я проявлял особую настойчивость! разве они должны были там находиться, в этом лагере? шесть смертей в неделю?.. мы сами обрекали своих детей на гибель!.. да, мы! мы сами!.. я уверен! всего несколько глотков похлебки из сырой моркови за целый день!.. да!.. еще бы! все дети «коллаборационистов».. должны были быть уничтожены!.. их смерть всех устраивала!.. а должен вам заметить, даже немцы больше всего были озлоблены против «коллаборационистов».. не против евреев, которые были так сильны в Лондоне или Нью—Йорке… или против юнцов, которые составляли будущее так называемой «новой Хрянции»!.. сильной и здоровой… а именно против отвергнутых миром «коллабос»! всеми презираемых униженных, растоптанных, отданных на милость победителя!.. и против их детей,

еще более беззащитных… я считаю: Нюренберг следовало бы провести заново!.. говорили там много, да все попусту! о самом главном не сказали ни слова.. все о какой–то ерунде!.. тартюфы чертовы!..

Лагерь для детей располагался в Сиссене. где их всех и травили похлебкой из сырой моркови… своеобразный «Большой Кукольный Театр» под руководством липовых врачей, изуверов и изощренных садистов…

Бринон, конечно, и сам все знал… в моих словах не было для него ничего нового… но он ничего не мог сделать!

«Прискорбно, Доктор! прискорбно!»

Тот самый Бринон, это «мрачное коварное животное, неприветливое и очень опасное»…

«Будьте осторожны, Доктор! будьте с ним осторожны!»

Боннар меня предостерегал… Абель… Боннар,[209] наверное, знал его лучше… но должен

---

[209] Примечания: 209

Абель Боннар(1883–1968) — эссеист, член Французской Академии, коллаборационист. Боннар вошел в правительство Лаваля в апреле 1942 года как министр народного образования. Был известен в Виши и в Зигмарингене своими остротами и характеристиками коллег (выше Селин приводит его характеристику Бринона.). В апреле 1945 года он уехал в Испанию, был судим, в первый раз заочно, и приговорен к смерти; в 1960 году после долгого и запутанного процесса это наказание было заменено на десять лет ссылки.

сказать, что со мной во всем, что касалось нашей совместной работы, Бринон был всегда очень корректен, предупредителен… а ведь он мог бы донести! ему–то это ничего не стоило!.. обо всех этих разговорах, которые мне приписывали!.. все, кому не лень!.. мол, фрицы все просрали!.. Адольф все развалил!.. так, болтовня, слухи! но Бринон мог бы просто воспользоваться удобным поводом и отослать меня куда–нибудь!.. а он этого не сделал!.. несмотря на все свое коварство… в Партиях ведь тоже относились ко мне с подозрением… Бюкар,[210] Сабиани[211] и иже с… Милиция…[212] я ни в одной из них «не состоял»… поэтому все считали, что мне лучше было бы находиться где–нибудь подальше, в лагере…

Вот так всегда и бывает, кто–нибудь ляпнет

---

[210] Примечания: 210

Марсель Бюкар — политический деятель коллаборационизма, основатель франкистской партии, член Л. Ф. Д. (Легиона Французских Добровольцев), герой войны 1914 года. Бежал из Зигмарингена в Италию, но был там арестован. Приговорен к смерти и казнен в марте 1946 года.

[211] Примечания: 211

Симон Сабиани — член руководства Н. П. Ф., отделение которой возглавлял в Зигмарингене, в то время как Дорио и другие оставались в районе озера Констанс. Он тоже отличился во время войны 1914 года, перед Второй Мировой Войной был депутатом, мэром Марселя. Умер в Барселоне в 1956 году.

[212] Примечания: 212

Милиция — одна из политических группировок (помимо франкист-

ской партии и Н. П. Ф.) в Зигмарингене

какую–нибудь глупость, а все повторяют…

О, безусловно, мне следовало опасаться этого «мрачного коварного животного», Бринона…

Как только подача рапортов, жалоб и контр–жалоб заканчивалась, я приступал к обходу больных… все в том же Замке, с этажа на этаж… три, четыре, каждое утро… я научился там ориентироваться, слава Богу… коридоры, обои, ложные выходы, настоящие… да… винтовые лестницы, лепные украшения, небольшие перекрытия… тысячи укромных мест и закутков, в которых запросто можно было нарваться на кинжал!.. да так и остаться там гнить навечно!.. тут поневоле начнет казаться, будто Гогенцоллерны не брезговали и такого рода делами!.. мешок на голову, и дерг за рычаг!.. коридор накренивается!.. Дунай!.. тело летит в воду!.. одна из старейших династий в Европе, а все равно все считают, что они должны были убивать не менее тысячи человек в день! и так на протяжении одиннадцати веков!.. черт побери!.. это все Синяя борода со своими шестью женами в стенном шкафу! но разве он был основателем подобной династии?.. вероятно, я выглядел смешно, когда жаловался, что детишки с морковками обречены на умирание! Бринон, конечно же, в душе полностью разделял мое мне-

ние, но как верноподданный вассал вынужден был помалкивать… «Граф фон Бринон» — так было написано у него на двери…

Забавно было наблюдать снующих вокруг посыльных, весь цвет французской армии, целые полки в «аксельбантах»… в Лондоне они, наверное, ведут себя точно так же… наверное, так же?..

***

Этаж Лаваля… Лаваля я иногда лечил… к Петэну же никогда даже не приближался… Бринон после отстранения Менетреля мне предлагал… «Да лучше мне сразу умереть!».. — так отреагировал на это Петэн… точно так же реагируют на меня и обитатели Нижнего Медона… Севра… Булони… моя теща… о, ничего страшного! это даже хорошо, когда ты никому не нравишься!.. один отлипнет! другой! замечательно!.. но вот как быть со жратвой?.. одиночество — это, конечно, очень романтично, но где взять деньги?.. тебя не любят, но у тебя есть бабки, и ты спокойно увядаешь в одиночестве!.. что может быть лучше! знать, что тебя уже никто и никогда не будет доставать!.. богачам вроде Ахилла об этом можно только мечтать… конечно, если они не такие безмозглые, как он…

Таким образом, я неплохо ориентировался в

этом Замке, во всех его коридорах, но по сравнению с Лили я не знал ничего! Лили была там, как у себя дома! она изучила все потайные углы и лабиринты! поддельные гобелены с услужливо склонившимися фигурами, огромные апартаменты, будуары, шкафы с тройным дном, винтовые лестницы, окруженные ложными входами… все повороты, темные лестничные площадки!.. неожиданности, которые подстерегали вас при подъеме и спуске… в Замке, действительно, можно было заблудиться… в любом месте… он ведь создавался Гогенцоллернами в течение многих веков… смешение всех стилей!.. Барбаросса, Ренессанс, Барокко, 1900… я сам порой плутал там от двери к двери… завороженно пялился на портреты членов этой чертовой семейки… а там их было навалом!.. вдоль стен всех коридоров… скульптурных… на лошадях, стоя, лежа… самых разнообразных!.. запечатлевших историю вырождения рода Гогенцоллернов… с арбалетами… в касках, кирасах… в придворных нарядах… времен Людовика XV… их епископов!.. их палачей!.. палачей с вот такими топорами!.. эти висели в самых темных коридорах… художники в то время себя не особенно утруждали, лепили всем одинаковые профили…

Когда я ходил к де Бринону докладывать по поводу невыносимых условий существования наших ребятишек, у меня была возможность повнимательнее рассмотреть профили этих достопочтенных Сеньоров… вот они, я думаю, были по–настоящему круты: сгорбленные, пузатые, в кирасах, на козлиных ногах… и не только с детишками!.. кстати, а мы–то на кой ляд приперлись в Зигмаринген!.. не только дети?.. а мы сами?.. мы бежали сюда, дабы нам не выпустили кишки, не обрезали яйца, не содрали с нас кожу… хорошенькое дельце! зато я мог немного поразмышлять, прогуливаясь по коридорам Гогенцоллернов… от портрета к портрету… должен признаться, эти принцы меня весьма занимали, особенно те, что постарше… головы в три или четыре раза больше, чем у Дюллэна…[213] хари наглые, тупые, хищные… сразу видно: основатели Династии!.. Бонапарт, тот слегка смахивает на барышню, черты лица тонкие, ручки изнеженные, а-ля Фрагонар…[214] тогда как стоит только взглянуть

[213] Примечания: 213

Шарль Дюллэн(1885–1949) — французский театральный актер и режиссер.

[214] Примечания: 214

Жан—Оноре Фрагонар (1732–1806) — французский художник, ученик Буше, портретист.

на Гогенцоллерна, особенно из первых, так сразу в голову приходит: «вылитый Ландрю!».. ну и рожи!.. одна хуже другой!..Тропманн!.. Дебле!..[215] галерея уродов!.. отвратительных!..мрачных!.. жестоких!.. жадных!.. сотни чистокровных Ландрю!.. три!.. четыре этажа Ландрю!.. его кузенов! с пиками!.. вооруженных до зубов! бутафорским оружием!.. в шпорах!.. доспехах!.. изощренные садисты!..титулованные Ландрю! нет, это вам не скромник Ландрю из Гамбэ!.. недалекий тихий маньяк с наспех починенной газовой плитой, поджидающий свою жертву в темном зале… куда ему!.. эти Ландрю полны уверенности в себе!.. в своем благородстве!.. копья, кирасы! такие не остановятся ни перед чем, Gott mit uns!..[216] от этих портретов «дух захватывает»!.. Gott в сапогах!.. такие не только способны изрубить на куски своих невест!.. нет!.. они действуют с царственным размахом!.. поджаривают на сковородке целые Герцогства!.. городки, крепости, монастыри… на вертеле! хотят те того или нет!..

---

[215] Примечания: 215

Здесь вслед за знаменитыми убийцами Ландрю и Тропманном Селин упоминает палача Дебле.

[216] Примечания: 216

«С нами Бог» (нем.) — этис лова были выгравированы на бляхах ремней солдат Вермахта во время Второй мировой войны.

в огонь!.. в огонь!..

Ну и хари… друг за дружкой… занятные, ничего не скажешь… обходя больных, от двери к двери, я все время на них натыкался… 13-й… особенно 12-й век!.. вы их тоже увидите! этих чудовищ!.. гм?.. гм?.. не спешите с определением!.. тут нужно хорошенько подумать, вглядеться повнимательней… дьяволов, вот это будет точнее, пожалуй!.. двуличные!.. с копьями!.. факелами!.. рогами!.. основатели династии! вся семейка, как на подбор! все бесы!.. когда сатанинское начало в них стало ослабеваить, их империя рухнула!.. все империи одинаковы!.. везде одна и та же хренотень!.. посмотрите на русских в упадке… Б… Х… М…[217] у них ведь тоже вид люциферов, но не столь уверенных в себе!.. они жеманятся, прячутся за танками, не брезгуют диалектикой… а теперь взгляните на Ленина!.. Сталина!.. вот это да! дьявольское так наружу и прет!.. такие же лица в галереях Гогенцоллернов! на всех пяти этажах! и еще в башенках!.. основатели не жеманятся! их династии держатся крепко!

Я люблю все смешивать, вы это конечно заметили… но я не шарлатан!.. я вам мозги не пудрю!..

---

[217] Примечания: 217
См. примечания выше.

выкладываю все как есть, начистоту!.. об «Обществе» я вам рассказал, теперь мы совершаем экскурс вглубь Истории!.. главное избегать однообразия!.. Зикмаринген, Гогенцоллерны!.. я хочу, чтобы вы от души повеселились!.. глядя на эти портреты, бюсты, статуи…

Должен признаться, по правде говоря… я там постоянно путался в этих коридорах!.. а Лили или Бебер меня находили… у женщин ведь инстинкт лабиринтов, они способны находить выход из любой путаницы… животное чутье!.. только порядок их озадачивает.. им больше по душе абсурд… хаос — это их стихия… среда обитания!.. как у кошек: чердаки, груды хлама, заброшенные сараи… они испытывают непреодолимую тягу ко всякого рода жилищам из «Волшебных сказок»… где нам, простым смертным, делать нечего!.. это ведь они воздействуют на эмбриогенез,[218] на все его неожиданные выверты, резкие скачки гамет… аномальное поведение атомов… и животные такие же!.. посмотрите на Бебера!.. он высовывал свою мордочку из окошечка… над нишей!.. мрр!.. мрр!.. а потом исчезал!.. это он меня так дразнил!.. кошки, дети и женщины сделаны

[218] Примечания: 218

Развитие многоклеточного организма животного, состоящего из различных органов и тканей.

из одного теста… Лили свободно разгуливала по всему Замку Гогенцоллернов… из одного лабиринта коридоров в другой… поднималась на самый верх, на дозорную башню с колоколами, а потом спускалась в оружейную палату на уровне реки… полагаясь только на свой инстинкт!.. на разум там полагаться бесполезно!.. винтовые лестницы, лесенки деревянные, каменные!.. подъемы!.. повороты!.. обивка… гобелены… ложные выходы… повсюду ловушки!.. даже с планом там сам черт ногу сломит!.. в каждом углу вас подстерегают убийцы!.. труверы, летучие мыши, феи… кого только не встретишь, блуждая по этим коридорам… Игрека… Зета… я специально называю имена умерших… живых пока оставим в покое… мертвых достаточно!.. одни умерли в Испании… другие закончили свои дни где–то еще… подальше!.. что касается обличений, то пусть этим займется Тацит!.. он ведь уже родился,[219] говорят… ну и черт с ним!.. а Замком тоже следовало заняться… представляете, что будет,

[219] Примечания: 219

ср. «Когда в тишине отречения слышны лишь цепи рабов и голос доносчика, когда все дрожит перед тираном, и когда столь же опасно заслужить его расположение, как и навлечь на себя его немилость, появляется историк, которому поручено отмстить за унижение народов. Пусть Нерон процветает, в империи уже родился Тацит.» (Цитата из книги французского религиозного мыслителя Франсуа Рене де Шатобриана (1768–1848), «Замогильные записки», книга 16, глава 10)

если он рухнет!.. этот трухлявый колосс… не вечно же ему балансировать над пропастью! в любой момент он может опрокинуться в Дунай!.. Schloss,[220] библиотека, лабиринты!.. деревянные панно!.. фарфор, каменные мешки!.. буль–буль!.. останутся одни воспоминания!.. принцы крови, наместники дьявола!.. все исчезнут под водой!.. ах, бурливый и своенравный Дунай! он поглотит всех!.. вот вам и Donau blau!..[221] бляха муха!.. эта безумная неукротимая река способна унести Замок вместе со всеми его колоколами… и демоническими личностями!.. да что там! черт побери! все трофеи, латы, знамена и горны, от которых в свое время сотрясался весь Черный Лес и огромные вековые сосны!.. они тоже не выдержат и рухнут!.. смешаются с лавиной обломков!.. конец средневековых феерий, замков, призраков, тройных подземелий и китайских ваз! горшки алхимиков!.. порфиры Аполлона!.. Венеры из слоновой кости! все унесет поток! Охотницы Дианы! целые этажи Охотниц Диан!.. Аполлонов!.. Нептунов!.. все награбленное этими бандитами в доспехах в течение десяти веков!..

---

[220] Примечания: 220
За́мок, дворец (*нем.*)

[221] Примечания: 221
Голубой Дунай (*нем.*)

вы представляете!.. общак семи династий! когда вы там будете, вы сами увидите этот замечательный филиал «Всемирного Гоп—Стоп—Торга»... я не хотел бы соревноваться с Тацитом в красноречии, но вы представляете, сколько за десять веков могли награбить эти гангстеры–сатанисты!.. к тому же, еще и коронованные! каким поборам подвергались караваны зажиточных купцов, направлявшихся из Рима в Пруссию!.. ах, Дианы!.. Венеры!.. Аполлоны!.. антиквариат! купидоны! купцы, отправляясь в путешествие! должны были заручиться высоким Покровительством! Гогенцоллернов!.. этих дунайских гангстеров!.. о, они любили роскошь!.. красивые вещи!.. я в этом немного разбираюсь... я видел апартаменты Петэна... семь его салонов на «шестом».. и апартаменты Габольда[222] на третьем... паркет инкрустированный розовым деревом... чудесная работа!.. нынче такого ни за какие деньги... никто вам не сделает! не осталось больше умельцев!.. а эти миниатюрные «чайные сервизы».. таких

[222] Примечания: 222

Морис Габольд (1891–1971) — прокурор Республики в гражданском трибунале Сены, потом генеральный прокурор в апелляционном суде. Был министром юстиции в правительстве Виши начиная с 1943 года и лично подписывал смертные приговоры арестованным участникам Сопротивления. Ему удалось бежать из Зигмарингена в Испанию. Приговорен к смерти заочно 13 марта 1946 года. Умер в Испании в январе 1972 года.

тоже больше не делают!.. и у Лаваля, на втором, я тоже был!.. Первая Империя!.. пчелы, орлы… причуды Времени!.. а такого бархата вы тоже больше нигде не увидите… настоящего Лионского…

Вот так династии и создаются… натащат отовсюду понемножку!.. подремонтируют, натянут драпировку… и выставляют на всеобщее обозрение!.. фантастическая чудовищная лавка, пожалуй, раза в три больше, чем Нотр—Дам!.. готовая вот–вот рухнуть со скалы!.. в пропасть!.. можете спросить у тех, кто там был… туристов туда пускают, их ведь опасаться нечего, они только пялятся по сторонам да восторгаются… а посмотреть там есть на что!.. сундуки, горы всякого хлама, сувениры, безделушки…

Я вам рассказываю обо всем понемножку… а сам по–прежнему трясусь, койка подо мной ходит ходуном… я уже и сам не понимаю, отчего меня так трясет… что это, лихорадка?.. или просто изголовье провалилось?.. но пожалуй, жар начинает помаленьку спадать… так мне кажется!.. там, на набережной, я здорово прокололся!.. с «Обществом»!.. и этими грязными шутами!.. хамье!.. приступ малярии!.. свежий ветерок с Сены!.. окончательно выбили меня из колеи… и вот результат!.. мысли в голове все перепутались!

.. ну и «идиот»!.. думаете, наверное, вы обо мне… «совсем спятил, бедняга»!

— Тебе лучше?.. как ты себя чувствуешь?

— Знаешь… не так уж и плохо!..

Я так много думал последнее время… мне хочется, чтобы вы меня выслушали!.. я думал, например, о том, что она там ориентировалась, как у себя дома… ни разу не заблудилась… могла отыскать меня в любом коридоре…где я часами торчал, уставившись на какого–нибудь очередного Гогенцоллерна! Хьельмара… Курта… Ганса… или кого еще!.. обязательно горбатого!.. да!.. да!,. совсем забыл… они ведь все были горбатые! Бурхард… Венчеслас… Конрад… вот они все от меня драпают!.. 12-й!.. 13-й!.. 15-й век!.. век за веком!.. горбатые и без ног!.. вместо ног у них козьи раздвоенные копыта!.. у всех!.. потрошители из Преисподней!.. ах, они как будто опять у меня перед глазами! я снова вижу их всех!.. и бородавку тоже!.. их семейную бородавку!.. на конце шнобеля…

***

Мозг — это что–то вроде огромного завода, который периодически дает сбои в работе… представляете! две тысячи миллиардов нейронов, о которых вы практически ничего не знаете…

малейшая простуда! и нейроны окончательно выходят у вас из подчинения! небольшое повышение температуры, и в голову уже лезет всякая чушь, все мысли путаются!.. и вы ничего не можете сделать… а мне теперь, лежа на боку, так хотелось бы еще с вами немного поболтать… картины, гербы, занавесы, драпировки!.. но я уже ничего не соображаю… мысль ускользает! перед глазами все плывет… о, но секундочку!.. я сейчас снова соберусь с мыслями!.. вы, Замок… голова!.. сейчас… сейчас… вот промелькнуло какое–то слово!.. я его знаю!.. я инстинктивно хватаюсь за него!.. Бебер!.. кажется, я снова нащупал нить!.. Бебер — это наш кот… ах да, точно!.. в башнях, в подвалах, во всем огромном Замке Бебер тоже чувствовал себя, как дома… в коридорах Лили и он иногда встречались… но не разговаривали… делали вид, что никогда раньше не видели друг друга… каждый сам по себе! сознание животных так устроено, что стоит вам хоть на четверть миллиметра отклониться в сторону, и вы уже не вы… вас больше для них не существует!.. вы в другом мире!.. такая же таинственная метаморфоза происходила потом в датских лесах с моей собакой Бесси… она убегала… я ее звал… ко мне!.. но она не слышала!.. бежала… и все!.. она проносилась

мимо, почти задевая нас… десять!.. двадцать раз!.. стремительно!.. как стрела!.. с такой скоростью, что вы не видели ее лап! настоящий болид! носилась, как угорелая!.. звать ее было бесполезно! меня для нее больше не существовало!.. а эту собаку я обожал… и она тоже… я думаю, что она меня тоже любила… но у нее была своя животная жизнь! в течение двух… трех часов… я для нее ничего не значил… она погружалась в животный мир, полностью отдавалась бегу через леса, луга, мимо кроликов, ланей, уток… когда она возвращалась, лапы у нее были все в крови… Бесси умерла здесь, в Медоне, ее похоронили в саду, напротив окна, я и сейчас вижу этот холмик… умирала она мучительно… я думаю, от рака… перед смертью ей захотелось побыть на воздухе… я держал ее голову… оставался с ней до самого конца… о, это была воистину великолепная тварь… даже смотреть на нее было удовольствием… которое трудно передать… так она была красива!.. ни одного изъяна… масть, стать, лапы… ни на каких Конкурсах я ничего подобного не видел!.. я ничего не преувеличиваю, я и сейчас все время думаю о ней, даже в лихорадке… я всегда был привязан к своим воспоминаниям, к людям, но больше всего к собакам… по натуре я вообще

очень привязчив и ответственен… я чувствую себя ответственным… ответственным буквально за все!.. это какая–то болезнь… ненормальность… жизнь жестоко мстит вам за это!.. но животные тут ни при чем, даже такие любительницы побегать вроде Бесси… впрочем, в стаях и они становятся хуже…

Несмотря на все ее эскапады, я ее очень любил, и не отдал бы ее и за все золото мира… так же, как Бебера, этого отвратительного злобного котяру с когтями, как у тигра!.. но иногда он бывает таким ласковым… и он мне предан! я убедился в этом в Германии… в его звериной преданности…[223]

Я видел, что в Медоне Бесси скучала по Дании… ведь в Медоне негде побегать! .. там нет ни одной лани!.. разве что какой–нибудь кролик?.. и то вряд ли!.. я отводил ее в лес Сен—Клу… чтобы она немного размялась… она принюхивалась… бросалась вперед… но почти сразу же возвращалась… не проходило и двух минут… в лесу Сен—Клу некого было выслеживать!.. она продолжала прогулку рядом с нами, но очень грустная… это была очень выносливая собака!.. ей в свое время

[223] Примечания: 223

Когда Селин и Люсетт ушли из Зигмарингена, они хотели оставить Бебера у своих знакомых, но Бебер разбил стекло и, как собака, отправился за ними.

здорово досталось… она, и в самом деле, прожила нелегкую жизнь… 25 градусов мороза… а у нее там не было даже конуры!.. и не несколько дней… а месяцы!.. годы!.. на замерзшей Балтике…

Ей повезло, что она встретила нас!.. мы ей ни в чем не отказывали!.. она ела то же, что и мы!.. убегала… возвращалась… никогда ни одного упрека… можно сказать, что она ела с нами из одной тарелки… чем большим унижениям мы подвергались, тем больше мы ее баловали… так что с нами ей было совсем неплохо!.. но она очень страдала перед смертью… уколы делать я ей не стал… ей не помешало бы немного морфия… но она испугалась бы шприца… а я ее никогда не пугал… хуже всего ей было последние пятнадцать дней… о, она не жаловалась, я сам видел… сил у нее уже почти не оставалось… она лежала рядом с моей кроватью.. а однажды утром ей вдруг захотелось на улицу… я попытался уложить ее на солому… было раннее утро… но она не захотела там лечь… ей хотелось в другое место… с самой холодной стороны дома и на булыжниках… там она покорно легла… и сразу же начала хрипеть… это был конец… мне потом объясняли, но я не верил… а, похоже, это действительно было так: она легла, вытянувшись по направлению к своему

прошлому, к тому, откуда она пришла, к Северу, к Дании, повернувшись мордой на север… своеобразная собачья верность, верность лесам, где она бегала, Корсору… и своей тяжелой жизни тоже… леса в Медоне ей были безразличны… она умерла после двух… трех небольших хрипов… о, совсем тихих… без особых стонов… если можно так выразиться… и в позе действительно очень живописной, застыв, как бы в порыве, на бегу… но лежа на боку, окоченевшая, мертвая… носом к своим лесам, где она бегала, где она родилась, где страдала… да Бог ее знает, что еще!

О, мне довелось наблюдать множество агоний… самых разных… и в разных местах… но таких, в которых были бы столько же достоинства, красоты… благородства я не видел… все же человек и в агонии слишком суетен… человек всегда как бы на сцене… даже перед смертью…

***

Конечно, я надеялся, что скоро мне станет лучше… я снова буду в состоянии встать!.. не мог же приступ продолжаться вечно… может быть, неделю!.. от силы месяц!.. а что за лето, какая погода!.. такого холода не было, наверное, уже лет сто… только снега не хватало!.. но холод работать не мешает, главное снова не простудиться… а

потому — никаких набережных! никакой Сены!.. но как же Мадам Нисуа?.. дней восемь… десять… она может и подождать… в крайнем случае Тэльфе[224] навестит ее вместо меня… у него ведь есть машина, у этого Тэльфе… я ему позвоню… он мне не откажет… в голову лезут всякие мысли… приятные и не очень!.. Тэльфе преуспел в Науке… уж он–то сумеет найти набережную экс-Федерб… конечно, он не откажет мне в этой услуге… заодно и на «Общество» посмотрит… мы ведь с Тэльфе старые приятели… он преуспел… стал Мэтром… сумел подняться… а я вот окончательно опустился… судите сами: без угля, без цикория, последняя надежда была на книги… и те больше не продаются!.. замечательно, ничего не скажешь! ждать пока они продадутся?.. как же, дождешься!.. пока они кого–нибудь заинтересуют… о ля ля! меня теперь часто лихорадит… в голове — путаница! писать совсем разучился! всерьез рассчитывать на чью–либо поддержку не приходится!.. так что накатать какое–нибудь фуфло!.. и вперед!.. пусть богатые комплексуют… они могут себе это позволить!,. а в моем возрасте! с моим здоровьем! терять нечего!.. меня бойкотируют?.. ну и что?..

[224] Примечания: 224

Тэльфе — хирург, приятель Селина, с которым тот вместе работал в диспансере в Клиши.

«как, он еще не покончил с собой?..» удивляются иные!.. «а как он устарел, как исписался!..» о ля ля! а по мне так сами они падаль вонючая! им самим давно пора на свалку!.. у каждого из них, видите ли, своя идея!.. да, каждый из них «re–writer»[225] до мозга костей! все, что они пишут, устарело еще в 1900!.. ярмарка тщеславий! турнюры, фальшивые сиськи!.. как у Мадам Эмери с улицы Руайяль… в Париже и Трувиле в разгар сезона у вас рябило в глазах от этих платьев! сляпанных, кстати, получше, чем их романы!.. более тщательно! мягкие линии, горошек!.. хорошая работа!.. теперь таких не делают… теперь у каждого — своя идея!.. на нагромождение самых разных Стилей и Эпох я насмотрелся вдоволь, а теперь, если, конечно, доживу (уголек, морковка), я, вероятно, повсюду вынужден буду созерцать бессмысленное нагромождение претендующих на «актуальность» произведений… плоды упорного труда тупых бездарных бумагомарателей!.. ну и черт с ними!.. уголек! морковка!.. главное условие! покрой достаточно жесткий!.. тут: прихватить ниткой!.. маленькие кусочки воспоминаний! там!.. еще!.. тут: исторический факт!..

---

[225] Примечания: 225
Переписчик, эпигон (*англ.*)

приметать!.. еще!.. и не забыть один «голодный бунтик»!.. о, очень симпатичный бунтик!.. он, наверняка, вам понравится…

Я не встану… не хочу вставать… Тэльфе сходит вместо меня!.. я ему позвоню…

Бунт… но не в Нижнем Медоне! нет!.. в Зикмаренгене… я болтаю, а вы и уши развесили… о, безусловно!.. мои воспоминания имеют историческую значимость… мне следует быть внимательнее!.. вот мы и там!.. Зикмаринген… состояние духа!.. не на высоте!.. несмотря на все призывы к «сражающейся совести» «Единой Европы»… подавленное! точно так же, как и теперь, несмотря на призывы Дьюлза,[226] Коти, Лазаря, Юссефа, Папы… слабый, слабый, слабый человек!.. «воля к Победе»… есть она, нет!.. обычно это никого не колышет! и тогда никто не вякал, все прикусили языки!.. «коллаборационистскую» верхушку такой расклад вполне устраивал, ведь все 1142 были обречены, надо всеми висела эта чертова 75 статья… но кое–кто все–таки начал наглеть!.. жаловаться на дерьмовое питание, и речь шла не о качестве «Stamgericht»

---

[226] Примечания: 226

Джон Фостер Дьюлз (1888–1959) — американский политический деятель, один из идеологов «холодной войны» с СССР.

или «Hausgericht»,[227] подобная херня никого не волновала!.. голод!.. вот о чем говорили, сначала вполголоса, а потом все громче и громче! и еще о том, что там, в Замке, разные шишки, министры и прочая шушера, «активные», «пассивные»,[228] их жены, любовницы, телохранители, нянюшки и детки, напротив, питались совсем неплохо!.. генералы, адмиралы, невесть откуда взявшиеся послы!.. все выглядели сытыми, упитанными, полнокровными, по 8, 16 карточек на рыло!.. так что у них было чем и поблевать!..

Конечно, подобные настроения уже встречались: в прошлом!.. повсюду снуют дотошные легавые!.. один–два стукача — в каждой каморке!.. Замок встревожен!.. пожив немного в Зикмарингене, начинаешь лучше понимать Средневековье… ненависть и озлобление окрестных виланов, подыхающих от голода, холода, лихорадки и прочих напастей… а у баловней судьбы из Замка — свои испытанные способы укрощения плебеев… во–первых, это слухи!.. рас-

[227] Примечания: 227

Названия немецких похлебок, входивших в рацион обитателей Зикмарингена.

[228] Примечания: 228

«Активные» — сторонники активной поддержки коллаборационистского французского правительства, «пассивные» — сторонники умеренной политики.

пространялись слухи о каком–нибудь приятном событии!.. в данном случае был пущен слушок о том, что вельможи собираются отобедать вместе с виланами!.. на равных, безо всяких церемоний!.. прямо на навесном мосту!.. вместе с 1142!.. всей этой ропщущей чернью!.. клошарами из убогих лачуг!.. сначала будет бесплатная раздача хлеба!.. здорово, не правда ли!.. всем беженцам в городке!.. в четверг, в полдень!.. ровно в полдень!.. никто не будет обделен! никто!..

Вы не поверите, но подобную чепуху многие восприняли всерьез!.. на подвесном мосту яблоку было негде упасть!.. народ повалил в назначенный день!.. с самой зари!.. голод ведь не тетка?.. на мосту собрались все коллабос… кроме доходяг из Фиделиса, которые уже не могли встать, и тех, кто скрывался в Черном Лесу… во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что из 1142 по крайней мере 1000 были там и надеялись что–то получить… а о чем там говорили, спорили!.. в предвкушении пищи!.. черный хлеб?.. ситный?.. булочки?.. какая замечательная осведомленность! а может быть, это провокаторы?.. специально поднимали настроение масс?.. а сами прекрасно знали, чем все это кончится!.. детям: круассаны, бриоши!.. ах, тоже мне нашли о чем

спорить!.. я-то знал, как там в Сиссене кормят детишек, поэтому понимал: все это фуфло… всех голодных собрали в кучу!.. собрали для каких–то своих целей!..

А пока бриоши не вынесли, присутствующие были поглощены блохами, клопами и чесоткой… со стороны казалось, что они бьются в конвульсиях! какая–то толпа эпилептиков… но главное — голод!.. больше всего их мучил голод!.. о, как они сейчас обожрутся! о ля ля!.. переминаясь с ноги на ногу… выскребая на своем теле чесоточные борозды… они столпились полукругом перед навесным мостом… и завороженно глядели вдаль… в предвкушении предстоящей пирушки!.. о, не только хлеб!.. ветчина будет тоже! сандвичи… топленое сало… даже я, хотя я и не был настроен столь романтично в отношении обещанной жратвы, я тоже невольно преисполнился серьезностью момента и пялился на дыру в катакомбах справа от моста… там, в груде обломков, образовалось нечто вроде кратера… я готовился к худшему, например, к налету немецких полицейских… или чему–то в этом роде… появлению из подземелья диверсионной группы, получившей специальное задание… СС?.. СА?..

Sicherheit?..[229] ведь фрицам все это уже давно надоело!.. наверняка!.. постоянно видеть этих чесоточных, кашляющих, трущихся друг о дружку, вечно чем–то недовольных оборванцев… да что им опять надо? чего они ждут?.. явления Иисусика? великого восстания Валгаллы?.. Зигфрида на белом коне? как, еще и хлеба? надо же, они хотят жрать!.. нам недостаточно наших «штамсов»[230] с репой!.. наших жидких похлебок на маргарине!.. это уже слишком!.. с них довольно!,. особенно теперь, когда они сами находились на грани… полного Краха!.. когда их армии беспорядочно отступали!.. мы со своими амбициями были всего лишь лишними свидетелями!.. свидетелями того, в какой глубокой жопе они оказались!.. а чтобы в этом убедиться, достаточно было взглянуть на небо… оно уже было сдано!.. по двадцать!.. тридцать самолетов за каждым облаком!.. в основном, ФРА![231] настоящая карусель!.. плюс американкашки!.. по три–четыре эскадры «воздушных

[229] Примечания: 229

Здесь Селин перечисляет названия немецких воинских подразделений. СС - SS, Schutzstaffel, «группа защиты»,; СА - SA, Sturmabteilung, «группа захвата»; Sicherheit - Sicherheitsdien, S. D., служба безопасности СС.

[230] Примечания: 230

Stamgericht ,похлебка, см. выше

[231] Примечания: 231

Французская Республиканская Армия

крепостей»… постоянно… день и ночь… Лондон… Мюнхен… Вена… и ни одного крыла фрицев!.. представляете, как их должны были раздражать наша прожорливость и брюзжание… мол, от фрицев ничего другого ждать и не приходилось… так что столкновение могло произойти в любой момент!.. а мы перед навесным мостом продолжали обсуждать, что нам выдадут… хлеб К?..[232] солдатскую пайку?.. или бриоши?.. раздача, должно быть, начнется в полдень, нужно подождать еще часок… поскрестись, чтобы не скучать… я чувствовал, что добром это не кончится… час с четвертью!.. внезапно!.. раздается звон колоколов! звон доносится со сторожевой башни! очень красиво!.. вы сами услышите, если там будете!.. о, но я совсем забыл про дыру! про кратер… наверняка оттуда сейчас кто–нибудь появится… и точно!.. я замечаю, как оттуда выползают какие–то две огромные крысы!.. две закутанные с ног до головы фигуры!.. женские… две женщины… я вижу, как они приближаются… никогда раньше я их тут не видел… они появляются из глубины впадины… в насыпи… должно быть, они живут в катакомбах… никто никогда еще не забирался

---

[232] Примечания: 232
Хлеб К - Kriegsbrot, военный хлеб

в катакомбы, в самую глубину… они тянутся под Дунаем!.. до Базеля!.. а в другую сторону — до Бреннера!.. так говорят!.. точно никто не знает, потому что туда еще никто не спускался… разве что эти женщины?.. они ведь должны были все время там находиться, потому что я знал всех обитателей Замка, а их никогда не видел… Лили тоже… я ее спросил… одна выглядела довольно молодо…о, зато другая была просто настоящая карга!.. вся сгорбленная!.. и обе с зонтиками в руках… да!.. розовыми такими зонтиками… старуху я хорошо разглядел… даже ее нос… он весь был покрыт бородавками… она щурилась и все время закрывала то один глаз… то другой… свет!.. должно быть, они жили в темноте… отвыкли от дневного света?.. а зонтики? они–то им зачем? между собой они не говорили… впрочем, нет!.. говорили!.. наверное, старшая интересовалась, что тут происходит? но на бошском… да черт ее разберет, эту старуху!

— Что вы говорите? что говорите?

— Franzosen![233]

— Чего им надо?

---

[233] Примечания: 233
Французы (*нем.*)

— Brot![234]

— Тогда понятно! понятно!

Она смотрит на меня, а я на нее.. рядом со мной Лили и Бебер! та, что помоложе, приближается и обращатеся ко мне по–французски: — Извините, мсье, вы тоже ждете хлеба? — Да! а как же! я тоже удостоился этой чести! надеюсь, еще недолго осталось!.. вы ведь слышали колокола?..

— Да, да, мсье!.. На самом деле колокола трезвонят уже во всю мощь! да и навесной мост уже сотрясается от ударов каблуков! так что ждать, действительно, осталось недолго! ждать! и пошло–поехало! «сволочи! спекулянты проклятые!.. дармоеды! предатели! хлеба давай!.. трах! тарарах!.. к стенке Лаваля! скотина! мерзавец! хлеба!.. у–у–у, падла!.. Бринон!.. сволочь! хлеба!.. " озлобление нарастало!.. по крайней мере, триста человек с воплями кинулись на штурм водяного рва!.. бах! трах! по навесному мосту! казалось, на навесном мосту их было не меньше трех тысяч! еще чуть–чуть и они превратились бы в настоящую армию, вооруженную артиллерией! что ж, от этих гнусных чесоточников всего можно было ждать! чем сильнее они сучили своими ногами,

---

[234] Примечания: 234
Хлеб (*нем.*)

тем сильнее раскачивался под ними мост! что касается меня, то я не сомневался, что Раумниц специально затеял возню с хлебом, дабы собрать в кучу всех недовольных… а потом загрузить все это быдло в фургон и отправить в какой–нибудь лагерь… «цып–цып! глупые цыплята!» у фрицев коварство в крови!.. с ними нужно держать ухо востро! ведь не случайно же в мюзик–холлах все фокусники из бошей!.. они даже приветствие специальное выдумали, чтобы друг дружку узнавать!.. один Геббельс чего стоит!.. от таких, как он, можно ждать чего угодно!.. «солдатик! на Восточный вокзал!.. не оглядывайся! прыгай!..» два миллиона трупов!

Я не сомневался, что все было подстроено… спровоцировано!.. я продолжал внимательно следить за отверстием под обломками, откуда появились две женщины… странные все–таки личности… зачем им два розовых зонтика?.. а эти зеленые и серые покрытые паутиной пеплумы?.. из какого подвала они вылезли?.. все это мне хотелось выяснить… я решил порасспросить ту, что говорила по–французски… «Вы что, там живете?.. прямо в подземелье? а, мадам?» она сама первая заговорила со мной, поэтому я мог, не нарушая приличий, поинтересоваться, откуда

она пришла!

— Да, мсье!.. да!.. а вы?.. вы что, из Парижа?

— Но с кем имею честь, мадам?

— Я фрейлина Принцессы!

Ее принцесса не слишком общительна!.. мы ей явно не нравимся… она на нас даже не смотрит… но ее нос мне что–то напоминает! я стараюсь разглядеть его получше… три, четыре бородавки…

— Какой Принцессы?.. — уточняю я у нее.

— Эрмилии де Гогенцоллерн…

Я обалдел!.. похоже она говорила правду!.. нос–то был настоящий!.. за несколько месяцев я на хари Гогенцоллернов достаточно насмотрелся, изучил все их портреты, во всех коридорах Замка!.. на всех стенах!.. горбатый нос и обязательно с прыщом… точнее с одной, двумя… или тремя фиолетовыми бородавками! о, даже на самых старинных портретах!. X-го… XI-го века… нос был, как у нее, крючковатый с фиолетовыми бородавками на конце… как у этой принцессы!.. странно, все–таки, что я никогда не встречал ее в ее собственном Замке!.. странно, потому что в Замке были люди!.. на всех этажах!.. четырнадцать министров, плюс Бринон… пятнадцать генералов… семь адмиралов… не считая самого Главы Государства!.. штаб и свита!.. но ее там не было…

эта кокетка пряталась!.. ни Лили, ни я ее не видели… а ведь Лили обошла там все!.. вероятно, она жила в глубине туннеля… а сейчас вышла оттуда специально ради куска солдатского хлеба!.. и оказалось в эпицентре грандиозного пиршества!.. вокруг буйствовала толпа!.. бам! бум!.. все трещало!.. казалось, навесной мост вот–вот рухнет!.. хррясь!.. отовсюду доносилась грубая брань!.. благородная Эрмилия держалась с достоинством, однако с одним зонтиком вряд ли можно было справиться с этими бандитами… она говорила! исключительно со своей фрейлиной!.. о, но от своего куска хлеба и не думала отказываться!.. nun! nun![235] подгоняла она свою робкую даму!.. nun! nun! мол, пусть та тоже стучит! стучит вместе со всеми! кричит вместе с остальными 1142-мя и требует свою пайку! бам! трах! эта обнаглевшая орда крушила все кругом! требовала обещанный хлеб! тут раздается звук горна!.. да!.. раздается!.. с той стороны укреплений!.. трубили «сбор»!.. это были не боши, они предпочитают рожки!.. нет! настоящий горн!.. можно было подумать, что вы

[235] Примечания: 235
Ну! Ну! (*нем.*)

в Люневиле[236] или на Пепиньер...[237] навесной мост весь затрясся.. цепи заскрипели...блоки задвигались... настил моста дрогнул... тот конец, что был поднят... начал постепенно... медленно опускаться... бам! бум!.. готово! он опустился!.. можно идти!.. казалось, сейчас появится множество слуг, нагруженных корзинами, полными хлеба, бриошей, сосисок и печенья!.. начнется долгожданная раздача!

Хер вам!.. появляются лягавые!.. основная масса впереди... за ними пятьдесят немецких полицейских в огромном газогенераторном грузовике... далее большая группа... но уже французских полицейских!.. а вслед за ними... сам Маршал!.. да!.. сам!.. собственной персоной!.. слева, чуть сзади, Дебене...[238] однорукий генерал Дебене... «ужин не нужен»!.. маршал вышел погулять!.. вот чего, оказывается, ждали 1142 доходяги!.. и представляете... ничего!.. никто из них не завопил

---

[236] Примечания: 236

Люневиль — субпрефектура провинции Мерт–е–Мозель, где находится замок 18 века и другие старинные здания.

[237] Примечания: 237

Пепиньер — на месте, где теперь находится Военный Клуб, построенный в 1927 году, раньше на площади Сент—Огюстен в Париже находилась казарма, вход в которую был с улицы Пепиньер.

[238] Примечания: 238

Дебене — начальник штаба маршала Петэна, был в Зигмарингене одним из его немногочисленных приближенных.

на него… бессовестный! подлец! вовсе нет!.. а у него ведь было 16 карточек!.. об этом все знали!.. он их сам все сжирал!.. никому не оставлял ни крошки! отсутствием аппетита он не страдал!.. не говоря уже о том, что именно на нем лежала главная ответственность за все! за Вердэн! Виши! и многое другое! за нищету, в которой мы находились! мы все расплачивались за ошибки Петэна! а он прохлаждался у себя там наверху и в ус не дул!.. в его распоряжении был целый этаж!.. отопление! четырехразовая хавка! 16 карточек, плюс подарки фюрера, кофе, одеколон, шелковые рубашки… полк лягавых!,. начальник штаба… четыре автомобиля…

Казалось бы, вся собравшаяся там шелупонь должна была встрепенуться! наброситься на него! растерзать на части!.. ан нет!.. всего несколько тяжелых вздохов!.. и все расступаются!.. пропускают его на прогулку… он помахивает тросточкой! и надо же!.. какое благородство! он отвечает на привествия присутствующих… дам и кавалеров… маленькие девочки делают реверанс!.. Маршал вышел погулять!.. «ужин не нужен!».. одна Эрмилия де Гогенцоллерн не приветствует его!.. она горда и тверда… Komm! Komm!.. мол, пусть ее дама отчаливает!.. они снова исчезают… даже

не попрощавшись с нами!.. в той же дыре, откуда пришли… это что–то вроде норы среди булыжников… она и ее спутница… зарылись туда почти мгновенно… ни Эрмили!.. ни ее дамы!.. они снова исчезли под Замком… бедняжки, хлеба они так и не дождались!.. черт!.. и мы не дождались!.. дьявол!.. Лили, я и Бебер притащились сюда только ради него… но не успели мы по–настоящему расстроиться… как появляется Марион![239] это я его заметил… Марион, пожалуй, был там единственным, кто нам сочувствовал и кто нас никогда не забывал… он постоянно приходил к нам в «Lowen»[240] и приносил все, что мог… не много, конечно!.. какие–то крохи… булочки, например… в Замке ведь давали булочки… тоже не много, но все–таки каждому министру полагалось три четвертушки… иногда звание министра хоть что–то значит… Марион все время заботился о нас и Бебере… он любил повторять,

---

[239] Примечания: 239

Поль Марион — министр Информации и Печати в различных правительствах Виши. Бывший журналист и коммунист, потом член Народной Французской Партии, с которой порвал в 1939 году. Вошел в правительство в 1941 году. В Зигмарингене — сторонник Лаваля. Был судим во Франции и приговорен к десяти годам каторжных работ. Умер в марте 1954 года.

[240] Примечания: 240

«Lowen» — небольшой отель в окрестностях Зигмарингена, где одно время жил Селин

что Бебер напоминает ему Люсьена… Люсьена Декава…[241] я надевал на Бебера свое кашне… и тогда тот со своими боевыми усами действительно очень напоминал Люсьена Декава… так мы развлекались… ах, как все это было давно!.. я часто вспоминаю об этом… Люсьен!.. Марион!.. Бебер!.. их всех уже нет!.. они тоже стали воспоминаниями!.. незаметно ушли…

Так вот, как я уже сказал… я замечаю Мариона! он тоже вышел на прогулку… но старался держаться подальше от Петэна!.. они ведь не разговаривали… не разговаривали совсем!.. во все времена при всех режимах министры ненавидят друг друга… и самое скверное, что в момент, когда все валится, рушится!.. эта ненависть достигает апогея!.. озлобление больше ничем не сдерживается… у них это зашло так далеко, что они даже не осмеливались взглянуть друг на друга!.. они дошли до полного идиотизма и запросто могли убить друг друга прямо за столом во время еды за один косой взгляд!.. когда подавали груши и сыр, они с таким остервенением сжимали в своих руках ножи, что их жены невольно вставали!.. «Пошли! Пошли!..» и уводили своих министров,

[241] Примечания: 241

Люсьен Декав(1861–1949) — романист, член Гонкуровской Академии. Ему была посвящена «Смерть в кредит».

генералов, адмиралов из–за стола!.. во избежание поножовщины! настолько обстановка была накалена! и так везде!.. в Берхтадгадене, Виши, Кремле, Белом Доме: когда доходит до груш и сыра, от этих мест лучше держаться подальше!.. и от Гановеров или от Виндзоров[242] тоже!.. когда доходит до груш и сыра… таким образом вы представляете себе эту прогулку… дистанции!.. все расписано!.. о том, чтобы идти под ручку не могло быть и речи!.. никакой интимности!.. каждый старался держаться подальше от остальных!.. сам Маршал, Глава Государства, шествовал впереди в полном одиночестве! слева от него, в трех шагах сзади шел начальник Штаба, однорукий Дебене…далее министр… потом еще один министр… друг за дружкой… на расстоянии примерно в сто метров… за ними легавые… процессия растянулась по меньшей мере километра на три… я не чувствую себя связанным никакими обязательствами, поэтому могу говорить все, что мне заблагорассудится, ибо он меня всегда недолюбливал, этот Петэн… он считал

[242] Примечания: 242

Гановеры — Гановерская династия — английская королевская династия в 1714–1901 гг. Сменила династию Стюартов. Эдуард VII был первым из королей Саксен—Кобург—Готской династии (с 1917 — Виндзорская династия)

себя последним монархом Франции, «Филиппом Последним»… величественная осанка, взгляд, устремленный вдаль!.. он действительно в это верил!.. победитель Вердэна… в семьдесят лет с гаком получивший предложение возглавить государство! почему он согласился?.. уму непостижимо! «О, вы же олицетворяете Францию, господин Маршал!» вот это «олицетворение» его и околдовало!.. смею вас уверить, перед этим никто бы не устоял!.. если бы мне сказали: «Селин! Господи Боже мой! вы являетесь олицетворением Пассажа![243] Пассаж — это вы! он весь в вас!» — у меня бы тоже крыша поехала! да возьмите любую самую обыкновенную улитку и скажите ей, что она что–нибудь олицетворяет!.. вы увидите, что она просто рехнется!.. считайте, что вы полностью ею овладели! она ведь болше не принадлежит себе!.. вот и Петэн, олицетворявший Францию, так взъерепенился, что перестал понимать о чем, собственно, идет речь — о сале,

[243] Примечания: 243

Имеется в виду подробно описанный в романе «Смерть в кредит» Пассаж Шуазель, где родители Селина держали лавку, в которой прошло его детство.

свиньях, виселице, Трибунале, Дуомоне,[244] о Рае, Аде или о Торезе… все это он олицетворял!.. нет большего счастья для человека, чем служить олицетворением чего бы то ни было!.. вы можете отрезать ему голову: он олицетворяет!.. а по сему голова довольная возносится на Небеса к ангелам! Шарлатан,[245] расстрелявший Бразильяка![246] тоже будет у ангелов! он тоже олицетворяет! они оба должны быть на Небесах!.. ибо оба являются олицетворением!.. правда есть еще и Лаваль?

Трюк с «олицетворением» действует безотказно, вы всегда можете извлечь из него по крайней мере самую минимальную практическую пользу! например, улучшить свое питание!.. представляете, завтра они снова начнут вас кормить… у вас ни в чем не будет недостатка… вы перестанете чесаться!.. и все благодаря трюку с олицетворением!.. для этого сгодится любая дрянь, любой первый попавшийся автор из провинции, глав-

[244] Примечания: 244

Форт Дуомон — один из главных военных объектов, из–за которого развернулась ожесточенная Верденская битва (1916). Так же называется и кладбище вблизи поля сражения.

[245] Примечания: 245

Имеется в виду Шарль де Голль

[246] Примечания: 246

Робер Бразильяк (1909–1945) — французский писатель и публицист. Расстрелян за сотрудничество с нацистской Германией.

ное — начать! хватайте его и лепите из него все, что хотите… «О Всевышний, только вы один!.. только вы можете стать олицетворением Пуату!»[247] — внушаете вы ему! «Понимаете ли вы значение написанных вами 32 страниц? там весь Пуату!» заметано!.. с питанием у вас больше проблем не будет! сельскохозяйственные продукты вам будут присылать по почте!.. повторите это в Нормандии!.. потом в Де—Севр! в Финистере! считайте, что вы обеспечены на случай пяти–шести войн и двенадцати голодух!.. посылки посыпятся на вас тоннами! десятками тонн! и все благодаря Олицетворению, этот источник никогда не иссякнет! вам нужно только все время повторять кому–нибудь, что в его творчестве воплотился весь Дром! Юра!.. Майенна!.. или Рокфор, если вам вдруг захочется сырка!.. не, я тюльку гнать не люблю: вспомните Деноэля! .. покойник был не промах… наш пострел везде поспел, но каков бы он ни был, этот бельгиец, свои дела он умел обтяпывать… вот он ничем не брезговал, теперь его не стало, а тех, что пришли ему на смену, с ним даже сравнить нельзя: им до него далеко!.. за пару дней до его гибели я писал ему из Копен-

[247] Примечания: 247

Здесь и далее Селин перечисляет названия французских городов и провинций

гагена:«сматывайся… черт бы тебя побрал! уноси ноги!.. тебе не место на улице Амели!..» а он и не подумал уезжать… меня ведь никто никогда не слушает… каждый считает себя самым умным!.. мол, авось пронесет!.. ну и черт с ним!.. вольному воля!.. тем не менее, как бы там ни было, а до того самого момента, пока его не убили, жрачки у него всегда было навалом, млеко, курка, яйки, даже трюфели… по полному рациону!.. ешь- не хочу!.. он неплохо пожил!.. и все за счет Олицетворения!.. Великой Миссии Авторов!.. Явления их народу!.. но предупреждаю!.. внимание!.. будьте осторожны!.. смертельный номер!.. трюк срабатывает безотказно!.. эффект сногсшибательный!.. судите сами: Петэн! Лаваль! Людовик XVI! Сталин!.. врубаетесь, какие перед вами открываются перспективы?.. то–то же!.. Деноэль так вошел в роль Мага, что носился как угорелый из провинции в провинцию… в поисках очередного обьекта олицетворения… у него совсем крыша поехала!.. «Ура! Долой предрассудки! Все позволено!».. а вот в полночь на Площади Инвалидов этот номер не прошел! легкая облачность, Луна!.. чары рассеялись!.. Деноэля пришили и весь этот идиотизм закончился, а столь очаровавшая фольклористов серия «Провинция» так и осталась

незавершенной, к великому сожалению рядовых воплотителей на местах!.. которые к тому времени все уже впали в транс… лезли вон из кожи и вопили: это я! я! я! я Корнуай… я Леон!.. я Шарант!.. бедняги помешались на олицетворении!

Не стоит уповать на чудо! «Была бы жива Жанна д'Арк!» да я вам найду двенадцать таких в каждой префектуре!.. причем с посылками!.. свинина!.. горы мяса!.. вагоны бобовых!.. индюшки!.. ах, славные дочери полей!..

«Вы нам подходите!.. о, да вы воплощаете Камерун!..» бананы сюда!.. финики, ананасы! провизия со всех концов Империи!.. стол ломится от яств!.. поверьте мне: вы не будете испытывать недостатка ни в чем!.. можно смело сказать, что покойный Деноэль нашел замечательное решение продовольственного вопроса…

И Петэн туда же: «Я олицетворяю!» Я! Империал! и он действительно в это верил?.. о ля ля!.. да он жизнь свою отдал!.. за это Олицетворение!

Опять я отвлекся и забыл, о чем говорил!.. так вот, вернемся к нашей прогулке… я ведь о ней начал рассказывать…. Маршал — на навесном мосту… Эрмили де Гогенцоллерн снова исчезла в подземельи вместе со своей компаньонкой… Петэн и Дебене идут вдоль Дуная, по берегу…

во главе ритуальной процессии.. они вдвоем впереди, а министры далеко сзади… гуськом… физиономии у всех, прямо скажем, мрачные… кучка оборванцев, уже истекавших желудочным соком в предвкушении жратвы… выражает некоторое неудовольствие… но довольно вяло… все возвращаются обратно в свой хлев, в подземелья, в Fidelis, в лес… больше им нечего сказать!.. остается только чесаться!.. все разбредаются!.. чесаться по своим углам…

А заоблачная фарандола тем временем продолжается! эскадры Ф. Р. А., одна за другой… выруливают к Замку!.. Замок служит им ориентиром!.. изгиб реки… точно над ним они разворачиваются с Севера на Запад… Мюнхен, Вена… эскадра за эскадрой… нас они бомбить не собираются, прошел слушок, будто Замок полностью контролируется Армией Леклерка… он, и в самом деле, уже в Страсбурге… вместе со своими «сынками»[248] и черномазыми… все свидетельствует о его приближении!.. беженцы, которым удалось унести ноги, не могут прийти в себя от ужаса!.. от того, что они видели!.. кучи обезглавленных трупов!.. сенегальцы с тесаками!.. море крови!.. в любую

[248] Примечания: 248

«Сынки» — имеются в виду СНК — Силы Национальной Консолидации

минуту нас могла постигнуть та же участь!.. так что, сами понимаете, о чем могли в таком положении думать чесоточные! чем были заняты все 1142 «приспешника», сидя в своих подвалах!

По правде говоря, Петэн и Дебене свою историческую роль уже сыграли… а потому вся эта комедия никому была на фиг не нужна! завершился еще один акт «Французской Истории»!.. занавес! настал черед сенегальцев! следующий акт!.. Петэн больше ничего не олицетворял!.. Франции он надоел! его надлежало убрать, уничтожить!.. чтобы не мозолил глаза! но здесь он был вдали от родины и этим пользовался, хотя смотрелись они конечно дико, он, Дебене и вся эта растянувшаяся на сотни метров процессия… впрочем, эти ребята были совсем неплохо прикинуты!.. в шикарных шкарах… и вышагивали гордо!.. по берегу Дуная, бурной веселой речушки, так бодро пенившейся внизу, что брызги воды долетали до самых верхушек деревьев… оптимистическая река беззаботно устремлялась вперед, в будущее!.. ну а Армия Леклерка была уже совсем рядом… и его сенегальцы с тесаками тоже… люди часто не понимают, что комедия, в которой они участвуют, закончена и они обречены! они не хотят покидать сцену… нет!.. ни за что!.. упирают-

ся!.. они слишком свыклись со своей ролью и им жаль с ней расставаться! страшно жаль!.. Маршал и генерал Дебене не представляют свою жизнь без ежедневной прогулки… на берегу Алье…[249] на берегу Дуная… прогулка Главы Государства должна состояться во что бы то ни стало!.. ну а нас, Лили, меня и Бебера, гораздо больше интересовал Марион… Марион с объедками с их стола и булочками… не говоря уже о том, что я вообще старался не попадаться Петэну на глаза… а Марион как министр Печати шел в самом хвосте, почти последним… таков был установленный порядок: впереди меч! то есть сам Петэн!.. за ним Правосудие!.. потом Финансы!.. а потом остальные!.. разная шелупонь из новеньких! тех, кого учредили в течение последних трех–четырех столетий!.. министр имеет настоящий «вес» только в том случае, если его министерство существовало еще при Дагоберах!..[250] Правосудие вершилось и во времена Святого Илии! вот это, я понимаю, министр!.. а «Печать» Мариона? ей не

---

[249] Примечания: 249

Алье- река в районе Оверни.

[250] Примечания: 250

Дагоберы — имена трех королей меровингов. Дагобер 1-й — меровингский король Франции (600–639), которого назначил Святой Илия. Дагобер 2-й — его внук, король Остразии, убит в 679. Дагобер 3-й — король Нейстрии с 711 по 715 год.

было и пятидесяти лет!.. жалкое зрелище! однако только нас троих волновала судьба Бебера!.. история историей! а нам важно было втихаря примазаться к шествию! дабы он сумел сунуть нам булочки и объедки так, чтобы этого никто не засек!.. Маттэ[251] тоже занимал не самое почетное место в процессии!.. сразу же за Сюлли!..[252] на расстоянии двухсот метров от Морского Флота, адмиралов и Франциска I-го!.. Маттэ шел в черном пальто и черной фетровой шляпе энергичной походкой «хозяйственника» в ста метрах перед нами… «Ваша задача, Мсье Маттэ, накормить французов!..» вот этим облаченного в черное Маттэ и купили… «Маттэ! пашни! пастбища!..» любой бы не устоял!.. а Бишлонн клюнул на железные дороги!.. «Бишлонн, при вас Франция будет поставлена на колеса!» теперь они плелись почти в самом конце… всего в ста метрах от Печати, меня, Лили и Бебера… о, чуть не забыл!.. извилистый, неспокойный Дунай!.. вдруг вырвался на простор! раздался вширь… вода

---

[251] Примечания: 251

Пьер Маттэ — главный уполномоченный по Сельскому Хозяйству и Продовольствию в правительстве Виши.

[252] Примечания: 252

Намек на Максимиллиана де Бетюна барона де Рони, потом герцога де Сюлли, (1559–1641) соратника и министра Генриха IV.

перестала бурлить и пениться… превратилась в огромный плавный поток… это произошло сразу же за железнодорожным мостом… вот там утки нас и ждали… точнее не нас, а Бебера… их было не меньше ста и они от нас не отставали!.. загребали своими жесткими лапками вдоль самого берега, так им хотелось посмотреть на нашего Бебера… ах, там же было еще одно существо!.. я точно помню!.. орел!.. он тоже там был!.. он тоже туда прилетел, но держался на расстоянии!.. это ведь вам не утка!.. на солидном расстоянии!.. он сидел в полном одиночестве на вершине стоявшего в поле высоченного столба!.. к нему никто не смел приближаться!.. никто!.. орел Гогенцоллернов!.. он нас заметил… и мы его тоже… но он не улетал!.. он слегка покачивался в такт нашим движениям, следя за нами, но издалека… он поворачивался на своем столбе… очень медленно… я думаю, что его тоже больше всего интересовал Бебер… и Бебер это чувствовал… этот всегда такой непослушный и своенравный котяра буквально прилип к нашим ногам!.. он уже видел себя в когтях орла!.. больше всего в животных мне нравится то, что они все всегда понимают без слов!.. и сразу же!.. на любом расстоянии!.. наша же башка постоянно забита словами, в которых мы только путаемся!

слова нам страшно мешают!.. сбивают с толку, уводят в сторону!.. а уж как мы ее напрягаем! свою думалку!.. до предела!.. и все напрасно!.. ничего не входит!.. ни малейшего проблеска!.. мы только скользим по поверхности!.. а главное от нас ускользает!..

Царственный орел Гогенцоллернов был хозяином леса и территорий до самой Швейцарии… он делал там абсолютно все, что хотел!.. никто не мог ему указывать… ему подчинялись все обитатели Черного Леса!.. стада, кролики, лани… и феи… во время каждой прогулки он неизменно восседал на своем столбе на том же самом лугу… мы ему определенно не нравились…

Пройдя примерно километра два по берегу Дуная, мы заметили вдали человеческий силуэт… это было обычное явление: жестикулирующий силуэт… подающий знаки идти вперед!.. или отступать назад!.. знаки, чтобы Петэн продолжал прогулку… или поворачивал назад!.. мы знали! чей это силуэт!.. это был Адмирал Корпешо, командовавший флотилиями на Дунае до самой Дравы,[253] у него везде были расставлены посты… ему повсюду мерещились русские: они

[253] Примечания: 253

Драва — правый приток Дуная, по которому проходит граница между Венгрией и Югославией.

осмелились приблизиться к маршалу прямо на прогулке!.. русский речной флот поднимается вверх по Дунаю!.. он в этом не сомневался!.. сам себя он называл: Адмирал Речного Флота Европы и Командующий Береговой Охраны… его воображению рисовались страшные картины, как русский флот из Вены проникает в Баварию и обойдя Вюртемберг с тыла, захватывает его!.. и Зикмаринген тоже!.. а как же! вместе со всеми «приспешниками».. во главе с Петэном… Петэна похищают!.. связывают и кидают на дно плавающих машин, которые, как ему казалось, каждую секунду могли появиться из воды!.. да! именно!.. амфибии!.. из тех, что буквально кишели возле Пешта!.. Корпешо мне сам все это рассказывал!.. я лечил его от эмфиземы… он знал все планы русских! их средства и стратегию! мало того, он успел изучить все их аэро–земно–водные новшества, гидрокатапультирование, как у Адера,[254] только подводные!.. так что сами понимаете, какие следовало соблюдать предосторжности!.. лично я не удивлялся, когда видел Корпешо, появлявшегося то на одном берегу, то на другом и знаками предупреждавшего нас о приближении

[254] Примечания: 254

Клеман Адер (1841–1925) — изобретатель, занимавшийся разработкой первых летательных аппаратов.

русских!.. Петэн тоже… он разворачивался… министры следовали его примеру… вы, наверное, думаете, что этого Корпешо арестовывали раз двадцать… не меньше!.. и каждый раз отпускали!.. ошибаетесь, в сумасшедших домах все места уже были заняты!.. начнем с того, что все места были заняты везде, где только можно!.. тут не до сумасшедших!.. спасайся, кто может!.. сумасшедший!.. не сумасшедший… какая разница!.. все крыши! сараи… бункеры!,. каморки за лавками! залы ожидания на вокзалах… все было переполнено! целые лагеря под поездами… только бы провести ночь… скорчившись… как угодно… в лесу!.. многие там так навсегда в гротах и остались! а бежали туда со всех концов Европы…

Как я уже сказал, Корпешо дослужился до адмирала… он полагал, что заслужил этот титул ничуть не меньше тех, что засели в Замке, тыловых крыс, адмиралов из Штаба Дарлана!..[255] во–первых, 75-я статья!.. он был отмечен 75-й статьей!.. она–то была настоящая… чем не мандат! вполне реальный! ему на самом деле угрожала

---

[255] Примечания: 255

Франсуа Дарлан (1881–1942) — адмирал флота и министр Морского Флота в 1940 году, глава правительства Виши с января 1941 по апрель 1942, находившийся в Алжире в момент высадки союзников в Северной Африке. Подписал перемирие с американскими войсками. Убит в Алжире в декабре 1942.

серьезная опасность!.. поэтому он так и слинял!.. нагишом!.. последним поездом! с Восточного Вокзала!.. а его сына, жену, невестку… всех этих милых безобидных людей отправили в Дранси!..[256] задержись он хотя бы на минуту, и его бы схватили!.. и это правда!.. я сам читал рапорт у Бринона… его подробную биографию… сначала он был хроникером, потом главным редактором крупного еженедельника парусно–моторного спорта «Отдать концы»! где бы вы о нем ни заговорили: в Бремене, в Энгьене, на острове Уайт… его везде знали!.. он ведь был организатором множества регат!.. «Корпешо так считает!..» этого было достаточно! авторитет! Деницу ничего не стоило его убедить!.. «Корпешо, вы — это Морской Флот! uber alles!..[257] вы отомстите и за Францию и за Дюнкерк!» там, наверху, испытывали серьезные затруднения… «Трафальгар! Трафальгар!..» далеко ведь не над всеми висела эта чертова 75 статья… всю его семью отправили в Дранси… так что ему все уже было до фени!.. «Корпешо–вы–это–флот!» но прежде, чем обрести

---

[256] Примечания: 256

Дранси — концентрационный лагерь вблизи Парижа. Во время войны там содержали евреев, а после Освобождения — коллаборационистов.

[257] Примечания: 257

Превыше всего (*нем.*)

этот статус, ему пришлось попотеть!.. побывать сперва в Гамбурге… потом в Киле… потом в Варнемюнде… выслужиться в глазах Деница!.. Kriegsmarine![258] покочевать из лагеря в лагерь!.. и вот неожиданное повышение!.. «Командующий Дунайской Флотилией!..» планы всех водных артерий Вюртемберг—Швейцария!.. а следовательно, безопасность Петэна: до какого места тот имел право идти… стоп! ни шагу вперед!.. назад!..

Конечно, в воздухе, в небе тоже кое–что происходило!.. правда, Англичанин ни шиша в этом не пендрил… стыдно было смотреть на их жалкие самолеты, которые даже не осмеливались нас бомбить! их отпугивал Замок! мелкота!.. а вот русские?.. их амфибии–субмарины? Корпешо не спускал глаз с реки… легкое волнение: коварный Дунай! русские идут! он соорудил себе небольшие наблюдательные пункты… на каждом повороте… что–то вроде небольших семафоров… марсы… там вы и могли с ним побеседовать!.. стоило вам заикнуться о Ф. Р. А.! как он весь начинал корчиться, сгибаясь в три погибели! как бы изображая вас, вашу несостоятельность!. бомбы?.. от одного это-

---

[258] Примечания: 258
Военно–морской флот (*нем.*)

го слова он сам буквально взрывался! «Ах, тоже мне!.. тоже мне! вы смотрите лишь на небо! и вы туда же! лунатик!.. чушь собачья! ерунда! они заявятся по реке! вот увидите! увидите!.. нет, вы только на него посмотрите! надо же!.. " и пихал вам свой бинокль… массивную Ликку…[259] мол, шутки в сторону!.. «Вы абсолютно правы, Адмирал!..» ему никто не перечил!.. стоило Петэну его заметить, как он тут же поворачивал назад!

В какой–то момент, когда режим рушится, уже никто никому не возражает… всем заправляют самые одержимые… один взамах руки Корпешо, и Петэн и Дебене ему повинуются… Корпешо спал на голой земле, в глубине чащи… он был им не чета… и все же у него был мундир… самый что ни на есть настоящий!.. мундир адмирала, высокая фуражка… и лакированные башмаки!.. стоило ему так одеться… там, на Сборном Пункте, между двумя бомбардировками… цвет лица багрово–красный, толстый нос, толстое брюхо… двойная пелерина!.. все как во времена «Великих Завоеваний» на Океане!.. да еще с Ликкой на брюхе… если бы вы его увидели на улице Руай-

---

[259] Примечания: 259
Марка бинокля

яль,[260] вы бы сразу же решили: «О, ошибки быть не может! Адмирал!.. он — это Морской Флот!.. он его олицетворяет!..» а настоящий это адмирал или же полный идиот… отличить практически невозможно… разве что по месту, где вы его встретили!.. на улице Руайяль или на берегу Дуная… раз двадцать, наверное… если не больше!.. Петэн писал Абецу, что этот Корпешо ему не нужен! пусть он и адмирал! но у него и своих хоть жопой ешь!.. на всех этажах… министров и прочих высоких чинов!.. и все шпионят за ним на прогулке!.. но Абец[261] уже ничего не мог сделать! в момент, когда все летит к чертям, остается лишь смотреть и ждать… Виши, папский нунций… Корпешо—Дунай… какая разница!.. надо постараться остаться на сцене хотя бы еще чуть–чуть…

---

[260] Примечания: 260

В Париже на улице Руайяль находится Министерство Морского Флота

[261] Примечания: 261

Отто Абец (1903–1958) — профессор рисунка, активный участник нацистского молодежного движения, в 1930 году организовал франко–немецкую встречу студентов, во время которой подружился с Жаном Люшером. Был женат на француженке по имени Сюзанна. До войны жил во Франции. В августе 1940 года был назначен послом Германии в Париже. Во время Оккупации поддерживал политику коллаборационизма, опираясь на Лаваля. В своей книге «История франко–немецких отношений 1930–1959 гг.» он пишет, что всегда хотел возрождения франко–немецкого единства, римско–греческой империи Шарлеманя, существовавшей во времена первого Рейха. По его мнению, чиновники нацистской партии противились этой политике, и Геббельс даже запретил немецкой прессе освещать церемонии, организованные

Абецом в Сент—Дени и в Экс–ля–Шапель в честь 1200 годовщины рождения Шарлеманя. В Зигмарингене Абецу не удалось уговорить Лаваля продолжить «сотрудничество», за что он был отстранен от должности. Был арестован в октябре 1945 года в Черном Лесу, судим в Париже в июле 1949 года и приговорен к двадцати годам каторжных работ.

до тех пор, пока страница истории окончательно не перевернется! Делонкль?..[262] Свобода?..[263] Бринон? Навашин?[264] с автоматом или без… Жуановиси?.. Сталин? Петэн?.. Гурион?[265] когда вами начинают командовать люди вроде Корпешо, это неспроста!.. все назад!.. вся Военная Свита… толпа министров… и другие официальные лица… мы вчетвером тоже, Марион, Лили, я и Бебер… и дело тут вовсе не в том, что на большом мосту нас могло накрыть волной!.. «тройная–металлическая–опорная–поверхность»… прогулка окончена!.. все должны возвращаться в Замок… не доходя до большого моста!.. по тому же берегу, но в обратном направлении… последние становятся первыми! разворачивайтесь! разворачивайтесь!.. главари Партии вперед!.. Бюкар

---

[262] Примечания: 262

Эжен Делонкль (1890–1943) — по профессии политехник, инженер- кораблестроитель. Один из основателей Кагули, французской фашистской организации перед второй мировой войной, которая организовала убийство Навашина (см. ниже). Во время Оккупации основал коллаборационистское движение О. Р. Д. (общественное революционное движение). Принужденный выйти из правления этого движения в мае 1942 года, был заподозрен в участии в антинацистской деятельности и убит Гестапо в ноябре 1943 года.

[263] Примечания: 263

Людвик Свобода(1895-) государственный, политический и военный деятель ЧССР, генерал армии, президент ЧССР с марта 1968 по май 1975

[264] Примечания: 264

Навашин — русский эмигрант, был убит Кагулем в 1937 году

[265] Примечания: 265

Давид Бен Гурион (1886-?) израильский политический деятель. Возглавлял сионистское движение начиная с 1917 года. Премьер министр Израиля с 1948 по 1963 год.

со своими… Сабиани со своими… Бу де л'Ан[266] со своими… кстати, Эрольд Паки,[267] такой же бесстыжий лжец, как и Тартр, никогда и ногой не ступал в Зикмаринген, а отсиживался в 70 верстах на острове, пожирая свои консервы… да у него вообще никогда за душой ничего не было… кроме справки о судимости… сам Дорио[268] тоже никогда туда не приезжал… мы видели лишь его машину, всю искореженную, изрешеченную… вот так! стоило только покинуть Констанс!.. а там было совсем неплохо, если не считать чесотку… чесались они как и мы, даже больше, чем мы!.. что касается прогулок, то Деа[269] никогда в них не участвовал… гигант политической мысли, он предпочитал бродить в одиночестве по лесу… он мало с кем общался… так ему больше нрави-

---

[266] Примечания: 266

Франсис Бу де л'Ан — профессор истории и географии. Во время войны был одним из лидеров вишистской Милиции.

[267] Примечания: 267

Жан Эрольд Паки (1912–1945) — правый журналист, диктор франкистского Радио—Сарагосса. Перед войной трижды судился по уголовным статьям, в том числе за мошенничество. Во время Оккупации стал членом Народной Французской Партии Дорио. Автор и ведущий коллаборационистского Радиожурнала, выпуски которого обычно заканчивал словами: «Англия, как Карфаген, будет разрушена». Был приговорен к смерти и казнен 13 октября 1945. В Мемуарах, опубликованных в 1948 году под заголовком «Очарования и разочарования», Паки посвятил Селину целую главу, изобилующую предвзятыми и неточными суждениями, обвиняя его в предательстве и трусости.

[268] Примечания: 268

Жак Дорио(1898–1945) — до 1934 года один из лидеров ФКП. В 1936 году основал Народную Французскую Партию, которой суждено было стать одной из ведущих Коллаборационистских партий в оккупированной зоне. В 1944–1945 гг. он скрывался в районе озера Констанс и был убит в феврале 1945 года. Самолет атаковал машину, в которой он направлялся в Зигмаринген на встречу с другими пронемецки настроенными руководителями.

[269] Примечания: 269

Марсель Деа(1894–1955) — профессор философии, издатель коллаборационистского ежеденельника «Л'Овр» во время Оккупации; в 1941 году основал Народное Национальное Собрание, которое наряду с Народной Французской Партией Дорио стала одной из ведущих коллаборационистских партий. Ему удалось бежать в Италию, где он и скрывался до самой смерти в январе 1955 года.

лось… он обдумывал некий план «Бургундской и Французской Европы» с выборами по партийно–мажоритарной–мини–макси системе… он все очень тщательно обдумал..

Надо всегда все очень тщательно обдумывать… я невольно вспомнил о Ногюаресе…[270] чего это ему взбрендило писать о Зикмарингене? взял бы да приехал туда сам! лощеные самодовольные задницы! да он просто обосрался!.. вот и Шарлатан, он ведь тоже не особенно рвался в траншею с базукой в кулаке отбивать танки фрицев!.. все они себе на уме!.. «халявщики»!.. привыкли выезжать на чужой шее!.. дешевки!.. я так и вижу их всех, гладеньких, чистеньких, расфуфыренных на террасе «Трех Уродов»…[271] как они подписывают свои портреты кровью почитателей… миллиардов доверчивых идиотов!..

Стоит мне об этом подумать!.. как у меня сразу же поднимается жар! но я оставил Филиппа в подвешенном состоянии!.. я ведь вам рассказы-

---

[270] Примечания: 270

Луи Ногюарес — бывший председатель Верховного Трибунала. Написал книгу о Зигмарингене «Последний этап», которая вышла в 1956 году, то есть в то время, когда Селин писал «Из замка в замок».

[271] Примечания: 271

Имеется в виду «Два урода» — парижское кафе, находившееся недалеко от бульвара Сен—Жермен, принадлежавшее Деноэлю, где до войны собирались известные поэты и писатели.

вал… как мы разворачивались! и возвращались в Замок… внезапно мы оказывались во главе процессии вместе с Марионом и его «Печатью»… точнее, почти во главе, сразу за Партийными Боссами… однажды это разворачивание сыграло с нами дурацкую шутку… надеюсь, вы хорошенько позабавитесь, услышав об этом… как–то раз на металлическом железнодорожном мосту процессия затормозилась и все сгрудились в кучу!.. под первой же аркой!.. о, вовсе не из–за тревоги! на тревогу там уже давно перестали обращать внимание… сирены выли без умолку… дело было в том, что Французская Республиканская Армия решила атаковать мост… именно мост! и в данный момент!.. это был не мираж!.. можете мне поверить, внезапно на нас обрушился град бомб!.. три четверти всех самолетов сбросили их одновременно… и как они умудрились в него не попасть?.. вода от бомб буквально кипела! Дунай весь бурлил! и бомбы подняли со дня всю тину! они падали в пашни!.. в радиусе трех… четырех километров вокруг!.. нас сплюснуло под аркой, прижало к огромному гранитному пилону… вот тут–то все министры, партийные боссы и сам маршал едва не обоссались прямо в штаны… я сам обследовал их простаты… у некоторых были

серьезные проблемы… но вы понимаете, что для этих целей больше подходят кустарники!.. поэтому они все и побежали в чащу… а как раз в этот момент, я это точно помню, навстречу шла целая колонна пленных под стражей, landsturm… пленные и «солдаты оккупационных войск» не проявляли ни малейшей обеспокоенности… пленные русские и матерые боши…. казались такими усталыми… изможденными!.. и те и другие так истощали, что едва волочили ноги… и все в лохмотьях!.. фрицы с винтовками, остальные без…. куда они шли?… кто их знает!.. их спрашивали… но они ничего не поняли… бомб они даже не заметили… вот и сравните! им бы наши проблемы!.. а они шли по тому же берегу, что и мы… правда в противоположном направлении…

Бриду[272] закончил мочиться… и встряхнув свой член… хорошенько встряхнув! произнес: «Действуем, господа! действуем!» действовать, но как?.. он закончил свою мысль… «необходимо рассеяться!».. по примеру Кавалерии!.. «как фуражиры»!.. все рассеиваются как «фуражиры»…

---

[272] Примечания: 272

Эжен Бриду — генерал, начиная с 1942 года глава военного ведомства в правительстве Лаваля, один из самых про–немецки настроенных министров. Был взят в плен американцами в мае 1945 года, однако в июне 1947 года бежал в Мадрид. Был приговорен к смерти заочно.

сколько там нас было под аркой, сгрудившихся у пилона?.. примерно тридцать… я видел, что Бриду прав, бомбы падали все ближе и ближе… казалось, они вот–вот начнут падать на мост… и все же!.. мы пребывали в нерешительности!.. вся группа колебалась… министр, боссы, Франко–бошские лягавые были не в восторге от «фуражиров»!.. можно было пойти и за русскими… ковылявшими мимо пленными… и то правда! должны же они были куда–то идти?.. сами–то они, наверное, знают, куда?.. но те ничего не говорили… итак, через поля… за пленными… а должен вам сказать, что тем временем Мадам Ремюза и ее дочь распростерлись в тине, прямо в тине, упав в нее ничком… в тине у берега… в кратере от бомбы… они пришли сюда за одуванчиками… они обе были все в грязи!.. с ног до головы!.. конечно они ужасно испугались… и лежали неподвижно… а может быть они были мертвы?.. все это время они так и лежали ничком!.. раньше я никогда о них не слышал… они жили на другом конце города… так вот, русские пленные и их охрана landsturm удалялись через поля… на нас они даже не посмотрели… вокруг них рвались бомбы… а они были такими усталыми, такими сомнамбулическими, казалось, что они просто не

в состоянии остановиться… бомбы падали вокруг них, почти на них!.. и на нас, между прочим, тоже! черт побери!.. кругом все ходило ходуном!.. нетрудно было догадаться, что они намеревались разбомбить мост!.. мост был важной транспортной артерией Ульм—Румыния… его необходимо было порушить!.. а мы — на нем!.. Петэн и компания! попались, голубчики! в конце концов, они должны были в него попасть!.. мостом по хребту! о мадам, разная требуха, железяки!.. в наказание за наше упрямство!.. буль–буль!.. Мадам Ремюза и ее дочь продолжали собирать одуванчики… ползая на животе!.. министры топтались на месте… они говорили все одновременно… одни были «за».. другие «против»… идти вперед? всем вместе?.. или пойти по другому берегу?.. генералы и адмиралы предпочитали «фуражиров»? а может быть, гуськом? догнать пленных русских? тогда нужно идти через люцерну? только в одном все сходились, если мы и дальше будем продолжать оставаться на месте, то на наши головы скоро обвалится мост! бомбы рвались уже почти над нами! Дунай бурлил от взрывов!.. вверх по течению! вниз по течению!.. они выпрямляли его русло!.. великолепные фонтаны тины! смерч… а эти воронки вдоль берега! шпок! бам-м!.. охва-

ченные ужасом, столпившись возле пилона!.. министры, генералы, охранники… я, Лили, Бебер… и в этот, поистине трагический момент Петэн, который до сих пор молчал… произнес… «Вперед!» и ткнул перед собой своей тростью! «Вперед!«… указал направление! «Вперед!» всем надлежало покинуть мост! и следовать за ним! «Вперед!».. организованно отходить… «Вперед!«… он сам и Дебене в первых рядах! без малейшей спешки… очень достойно! ориентир: Замок!.. министры, Партии… все снова должны были вытянуться в цепочку… вокруг моста по–прежнему продолжали разрываться бомбы… наша процессия находилась в эпицентре огня!.. до самого Замка!.. автоматные очереди… они метили в нас!.. но стреляли плохо!.. пули сыпались градом и рикошетили… в траву!.. в воду!.. скошенная трава ложилась на землю!.. стреляли они паршиво!.. судите сами, ведь никто не был задет!.. процессия тянулась вдоль реки!.. Петэн беседовал с Дебене… они шли не спеша, размеренным шагом… министры тоже… километра два, не меньше… все шли ни на сантимерт не отклоняясь от намеченного маршрута… Бишлонн ковылял прямо перед нами… он сильно хромал, этот Бишлонн… его еще не успели прооперировать… немного ему остава-

лось так хромать… он умер во время операции, ему хотелось, чтобы его оперировали в Хохенлишене, что в Восточной Пруссии, я вам об этом еще расскажу… а тогда я находился возле Петэна… мы возвращались в Замок… с шефом во главе… под ураганным огнем!.. министры, генералы, адмиралы шли друг за дружкой по дороге… застегнутые на все пуговицы, подтянутые… преисполненные сознания собственной значимости… соблюдая дистанцию!.. я так подробно все описываю, потому что про Петэна теперь болтают всякую чушь, мол, он впал в полный маразм и не слышал ни разрывов бомб, ни воя сирен, фрицев в форме он принимал за свою охрану из Виши… а Бринона за нунция… так вот, как лицо абсолютно независимое, ибо меня он всегда терпеть не мог, я могу вам объективно засвидетельствовать, не прими он там под мостом командование на себя, не организуй отступление, никто бы не спасся! а значит не было бы и Верховного Суда! и Ногюареса тоже! я сам все видел, собственными глазами и могу с уверенностью сказать, что маршал спас Верховный Суд!.. без него, без его холодной решимости никто бы не вышел из–под арки!.. ни один министр, ни один генерал!.. никто! со всеми было бы покончено сразу! без обвинительной

речи! без вердикта! одно сплошное месиво! и Иль-д'Йе[273] не понадобился бы!.. именно Петэн принял решение вывести всех из–под моста!.. как тогда, в 17-м, когда он выстроил армию в одну линию… меня он терпеть не мог, поэтому мне нет никакого смысла его приукрашивать… я так и вижу пули вокруг… берег, все пригибаются, топчутся!.. особенно вокруг Петэна!.. а он видел их состояние!.. что там творилось у навесного моста!.. брызги, фонтаны воды!.. но ни слова!.. ни он, ни Дебене… абсолютное спокойствие… и самое забавное: никого ведь не задело!.. ни Лили, ни меня, ни Бебера, ни Мариона!.. у навесного моста процессия встала! довольно!.. расходимся! никто больше не ждал ничьих указаний! каждый сам за себя!.. Ф. Р. А. стрельбу прекратила… и растворилась в Небесах! я, Лили и Бебер попрощались с Марионом… но четыре маленьких булочки я все–таки успел припрятать!..

Моя практика!.. нам было пора!.. на второй этаж в Ловен, в свою конуру под номером одиннадцать… я сказал: конуру!.. да!.. всего две подстилки… и какие!.. конечно, мне случалось жить и в худших условиях!.. гораздо худших!.. мы ска-

[273] Примечания: 273

Иль-д'Йе — французский остров в Атлантическом Океане, куда был до конца жизни сослан Петэн, где он и умер 23.07.1951 года.

зали друг другу: до свиданья… обнялись… потому что не знали, увидимся ли с ним снова!.. хоть когда–нибудь еще!.. у Мариона была своя комната в Замке, крошечная комнатка на четвертом этаже!.. как я вам уже объяснил, в существующем Табеле о Рангах Печать совсем не котировалась… у Дагобера, например, в Клиши–сюр–Сен, Марион не имел бы даже угла!.. а вспомните Святого Илию, у того тем более!.. эпоха жульничества началась в 1000 году! засилие посредственностей!.. экселенцы трепа!.. шуты! серьезным людям в этом мире больше делать нечего!.. я, например, никогда не оставлял медицинской практики, а это занятие серьезное, не какая–нибудь там профанация!.. а вы не представляете, как мы там жили… вам будет полезно об этом узнать… в последнее время я то и дело натыкаюсь на статейки!.. о Зикмарингене… тенденциозное вранье… все передернуто, вывернуто наизнанку, искажено до неузнаваемости… черт бы их всех побрал!.. когда было нужно! все помалкивали в тряпочку!.. я вам многое могу порассказать… например, о том, какие в Ловене были туалеты… они находились на той же площадке, прямо напротив нас, и их никто никогда не чистил! все обитатели Зикмарингена, из пивных и окрестных отелей

обязательно приходили оправиться сюда… дверь напротив!,. весь вестибюль и лестница день и ночь были забиты людьми, изнемогавшими от нетерпения, испускавшими хрипы и ругань!.. многие не выдерживали!.. и ходили под себя!.. многие действительно не выдерживали!.. честное слово: по всей лестнице текло!.. и по нашему коридору тоже! даже у нас в комнате! нет лучшего слабительного, чем Stamgericht, репа и красная капуста… Stamgericht плюс кислое пиво… и вы не будете вылезать из туалета!.. никогда! представьте себе вестибюль, до отказа набитый испускающими газы людьми, которые больше не могут ждать!.. а запахи!.. все сортиры были переполнены! и само собой разумеется!.. они все время засорялись!.. туда залезали втроем… вчетвером!.. мужчины, женщины… дети… без разницы!.. выгнать оттуда их можно было только применив силу… пинками!.. стоило им только добраться до очка!.. " да они заснули там, что ли!..» а как они все орали!.. в коридоре, в пивной, на улице!.. и плюс ко всему постоянно чесались… передавая друг другу чесотку и вшей… среди них были и мои пациенты!.. все смешалось… повсюду люди мочились прямо друг на друга! коридор грозил вот–вот рухнуть!.. а еще те, что

шли к фон Раумницу… видите ли, одно из бюро фон Раумница находилось этажом выше… все его посетители тоже ходили в сортир напротив… кульминация наступала в момент, когда сортир наконец не выдерживал… как правило, это случалось около восьми часов вечера… взрыв! бомба из говна!.. извержение из недр!.. все выпитое в пивной накануне и в течение дня!.. стремительный поток проносился по коридору!.. врывался в нашу комнату! лестница превращалась в водопад!.. спасайся–кто–может!.. все выскакивали на улицу!.. вот тут–то и появлялся герр Фрухт! владелец Ловена! герр Фрухт со своей тростью!.. чего только он не предпринимал, чтобы спасти свой сортир… но он сам был виноват!,. он ведь и был содержателем этого притона, жратвы с репой! пивная! ресторан!.. пять тысяч Stamgericht'ов в день! естественно, что отхожие места были переполнены! герр Фрухт поднимался со своей тростью! что–то там перемешивал! размешивал! очко снова начинало функционировать!.. он вешал новый замок… тщательно его привинчивал!.. дабы никто не мог его открыть! довольно! спустя две минуты после его ухода соритр снова был пере–пере–переполнен! люди снова дрались! вестибюль тоже был полон!.. герр Фрухт, который

не считал себя Сизифом, клял все на свете: «Teufel! Donner! Maria!»[274] те, кому он сплавлял свой штамгерихт, могли затопить его притон! погрести его под кучами репы! был только один способ решения этой проблемы — закрыть сортир! зацементировать очко!.. он постоянно грозился это сделать, но так и не решился…

А мы в своем 11-м постоянно сидели по уши в дерьме! ну и ладно… реальность нужно принимать такой, как она есть!.. гораздо больше, чем этого маленького неудобства, я опасался того, что нас оттуда выгонят!.. от бошей с их подлой рассудочностью такого вполне можно было ожидать: «всем будет удобнее»!.. мол, больным будет лучше, если я перееду… буду консультировать их в другом месте… и т. д. и т. п.… тут слишком шумно! причин для того, чтобы меня выпроводить было достаточно… тут шумно? шумно? шумно, видите ли?.. да мне приходилось сталкиваться с шумом и покруче!.. уж можете мне поверить!..

Понимаете, все дело было в том, что вестибюль там был слишком велик (и заметьте, с очень низким потолком), помимо моей консультациии.. и посетителей туалета… там еще были посети-

---

[274] Примечания: 274
Дьявол! Черт возьми! Матерь Божия! (*нем.*)

тели фон Раумница… коменданта барона фон Раумница… его комната находилась прямо над нашей… номер 26… об этом фон Раумнице я вам еще как–нибудь расскажу… я явно стал плохо соображать… все время отвлекаюсь и сбиваю вас с толку!.. мне хочется рассказать вам обо всем сразу!.. впрочем, меня тоже можно понять… уж больно стремительно развивались события… итак, мы оставили Маршала… навесной мост снова опущен… поднимаемся в Ловен… следуйте за мной… так нужно!.. на тротуаре настоящая свалка… в вестибюле тоже!.. толпа изнывающих от желания помочиться людей… они повсюду!.. я протискиваюсь сквозь толпу… с большим трудом… стучу в дверь: номер 11! это наш барак…

Меня не так–то просто удивить, но на сей раз я глазам своим не поверил!.. на моей подстилке, справа, лежит человек, весь расхристанный, в разодранной одежде и вопит благим матом… а на нем верхом сидит хирург!.. точнее какой–то тип в белом халате, который явно намеревается его насильно прооперировать! у него в руках три или четыре скальпеля! .. фронтальное зеркало, компрессы, щипцы!.. все как положено!.. а за ним, прямо в месиве, в моче, его санитарка!.. тоже в белом халате!.. с большой металлической короб-

кой под мышкой…

— Что вы тут делаете?

Спрашиваю я… мое недоумение вполне закономерно! к тому же тот, что внизу, вопит!..

— Доктор! Доктор! спасите меня!

— От чего?.. от чего?..

— Это я к вам пришел, доктор! Сенегальцы! сенегальцы!

— Ну?.. и что?

— Они отрезают всем головы!

— Но этот–то не сенегалец?..

— Он хочет отрезать мне ухо!.. а я к вам пришел, доктор!

— Но он же не сенегалец?

— Нет !.. нет!.. он сумасшедший!..

— Вы–то сами откуда?..

— Из Страсбурга, доктор! в Страсбурге у меня гараж! они поотрезали все головы!.. они идут!.. идут! я владелец гаража! я хочу пить, доктор!.. уберите его, прошу вас! он задушит меня!.. выколет мне своим ножом глаз!.. уберите его, Доктор!

Ну и дела… даже если этот тип со скальпелями и не сумасшедший, все равно было бы лучше, если бы им занялись полицейские!.. а заодно они выставили бы на улицу и всех остальных!.. в комнате и так негде повернуться! в коридоре, в

туалетах полно народу, да еще этот придурок со своей санитаркой!.. в одиночку мне всех отхожих мест все равно не очистить!.. мы были зажаты в своей комнатушке между двумя убогими ложами и тазиком!.. вокруг бушевала толпа!

Что касается порядка, то за него отвечал Бринон! я находился у него в подчинении.. мне надлежалло обратиться к нему!.. а он должен был предупредить полицию!.. точнее какую–нибудь из них! сообщить о жутком бардаке в Ловене, в местном сортире и коридоре! если этого требуют обстоятельства, я всегда действую решительно… сумасшедший хирург и этот тип под ним… который все еще продолжал блеять!.. медлить было нельзя! Лили снова посадила Бебера в свою сумку… они никогда не расставались!.. она будет ждать меня у мадам Митр… я пойду к Бринону один… мадам Митр была его секретаршей… воистину неземное добрейшее создание… она могла бы вам о многом рассказать… в ее обязанности входило отвечать на все обращения… десятки… сотни тысяч жалоб в день!.. вы понимаете, что этим 1142-м было на что жаловаться! а кроме того, женщины, дети!.. все! и вся! «сосланные на работу в Германию», шпионы всех мастей! профессиональные стукачи!.. необходимо арестовать того!..

этого!.. Лаваля!.. Бриду!.. Бринона!.. меня! Бебера! и немедленно!.. в изгнании всем приходится вариться в одном котле! вас могут заложить в любой момент! а что было бы в Лондоне!.. представьте себе какого–нибудь потенциального висельника, скрывающегося в Лондоне в течение десяти лет!.. обреченного на смерть!.. вероятность предательства возрастает в сто крат! этакий жалкий едва тлеющий огарочек, мигающий в глубине чердака… и не просто чесоточный!.. а похлеще! такой обреченный на смерть, изнывающий от жары и ужаса подонок, который строчит дрожащей рукой донос за доносом на своих товарищей по несчастью! такого, как он, самого просто необходимо выдать фрицам! Бибиси! Гитлеру! Дьяволу! и пусть Тартр обсирает меня с ног до головы, по сравнению с ним он просто дитя!.. в данном случае речь идет о пробуждении в людях исключительных способностей к доносительству! голова уже под ножом гильотины! условия самые благоприятные!.. доноси- не хочу!.. а заговоры? заговоров вокруг, как грязи! повсюду! в Милиции!.. в Fidelis!.. Интеллидженс Сервис! четыре радиопередатчика день и ночь трындят обо всем, что происходит вокруг! там! здесь!.. вы не представляете… даже в Prinzenbau

(в мэрии).. фамилии… имена… факты… поступки… намерения… каждая секунда нашей жизни… такого количества слухов и сплетен не могли бы породить тысячи самых болтливых прилипал и балаболок! уверяю вас!.. все знали все! но в жизни так много хорошего, и приходится делать вид, что в это веришь… жить так, как будто ничего другого не существует… а как же! как же! я должен был принимать в 11-м… своих 25… 50… больных! и обеспечивать их тем, чем обеспечить заведомо не мог… серной мазью, которой никогда не было… гонакрином и пенициллином, который должен был получить Рихтер… и который он никогда не получал! в жизни так много хорошего… об остальном лучше помалкивать!.. позднее в Ростоке на берегу Балтийского моря, где я тоже практиковал в качестве врача случай свел меня с доктором Просейдоном, недавно вернувшимся из Восточного Рая… он был здорово вышколен… лицо гражданина Государства, которое не любит шутить со своими подданными… никогда ни одной мысли!.. ни малейшего оттенка!.. «Просто молчать недостаточно!.. старайтесь ни о чем не думать!» золотые слова! интересно, что с ним теперь стало?.. бедняге повсюду мерещился Рай! «После падения Гитлера начнется нечто

невообразимое!» он глубоко проникал в суть происходящего:«Европа будет республиканской или казачьей!..» да, будет, будет, черт бы ее побрал! и китайской тоже!

Ладно! хорошо! вы здесь не при чем! а я могу говорить все, что мне заблагорассудится!.. представьте себе Газье[275] в костюме казака… докторишки помалкивают! их бабульки тоже!.. мой коллега Просейдон провел целых пятнадцать лет… в Восточном Раю!.. «Пятнадцать лет я что–то «выписывал», рекомендовал… пятнадцать лет мои больные ходили с моими рецептами в аптеку… и всегда возвращались неудовлетворенными… там ничего не былао!.. о, жаловаться было бесполезно! никто ни слова!.. больные предпочитали молчать!.. я тоже… полная тишина!..» сам бы г-н Газье, став казаком, вдруг наконец осознал, что он должен делать, он тоже вынужден был бы молчать… мы в Зикмарингене до такого состояния еще не дошли… у нас еще были кое–какие мысли… некое подобие претензий… я например, протестовал по поводу чесотки и серы, которой меня должны были обеспечить… а Герр Фрухт по поводу своих туалетов, которые должны

[275] Примечания: 275

Альбер Газье — министр социального обеспечения в правительстве Ги Молле в январе 1956 года.

были нормально функционировать… меня еще недостаточно выдерссировали! в конце концов Герр Фрухт сошел с ума и умер… но это было уже потом… некоторое время спустя…

Ах черт! у меня же в комнате!.. ненормальный хирург, оседлавший своего пациента, который продолжает вопить… взывая ко мне: на помощь! пора было принимать какие–то меры! мою каморку должны очистить! я обращаюсь к Лили: " с меня довольно! в Замок!».. я их увожу… Лили и Бебера… мне ведь тоже выдали специальный план… «план экстренной эвакуации в любое время дня и ночи»!.. надо отдать им должное: в любое время!.. через потайной ход под каменными сводами… прорытый прямо в скале!.. о, на это сооружение стоило посмотреть!.. грандиозная, высеченная из камня стрела… к Верховному Суду!.. и Залу Трофеев!.. потолок высотой с копье![276] три–четыре эскадрона, сапог к сапогу… поместились бы там без особого труда! размах того времени… и Крестовых походов! а сразу же за Верховным Судом, направо — приемная Бринона… я оставляю Лили с мадам Митр, а сам жму руку дневальному, французскому солдату!

---

[276] Примечания: 276
Длина копья в Средние Века достигала 3 до 4 метров.

настоящему! да! да!.. с аксельбантами!.. все, как положено!.. даже с медалями за боевые заслуги… такими же, как у меня!.. тук!.. тук! он стучит и докладывает о моем желании говорить с м. де Бриноном!.. меня сразу же принимают… он почти не изменился, все как на площади Бово…[277] такой же кабинет… может быть, чуть поменьше… не так много телефонов… но та же голова, то же выражение лица, тот же профиль… я почтительно излагаю ему суть дела: может быть он окажет содействие?.. и т. д… и т. п… Боже мой! Боже мой! он уже все знает!.. и даже гораздо больше!.. люди в его положении читают множество рапортов! ежедневно им докладывают по меньшей мере сто легавых! их ничем не удивишь!.. Сартин![278] Людовик XIV! Бринон знал все, что трепали вокруг… мол, на самом деле его зовут Коган… а де Бринон из него, как из говна пуля!.. или из Насера Насер!.. и нечего тут наводить тень на плетень!.. всем заправляет его жена Сара… названивая ему по телефону… по десять раз в день, из Констанса!

---

[277] Примечания: 277

Площадь Бово — площадь в Париже, на улице Фобур—Сент—Оноре, около Елисейского Дворца. На этой площади находится главный вход в Министерство Внутренних Дел.

[278] Примечания: 278

Антуан де Сартин (1729–1801) — лейтенант полиции Парижа с 1759 по 1774 год, отличавшийся большим служебным рвением.

последние доходяги в округе и те были в курсе! не говоря уже о Fidelis'e! подслушивающих устройствах в бункерах… полиции!.. Радио—Лондон!.. и остальных!.. он знал все это и догадывался, что я тоже знаю… порой наступает такое время, когда секретов не существует больше ни для кого, кроме полиции, которая занимается их фабрикацией… я рассказал ему о нашей комнате… мол не мог бы он быть так любезен и прислать к нам небольшое подкрепление из жандармов! а то я уже не могу там никого принимать… даже моя кровать и та занята… отель сверх–переполнен!.. пора бы навести порядок!.. я подробно описал ему сумасшедшего и его санитарку…

Бринон производил впечатление человека угрюмого и нелюдимого… равнодушного к окружающему миру… мрачное животное, как X dixit…[279] он запирался в своем кабинете и почти никого не принимал… он был совсем не глуп… мне всегда казалось, что он прекрасно осознает свои возможности и не считает себя слепой игрушкой в руках судьбы…

«О, понимаете, этот безумный врач!.. не единственный!.. далеко не единственный, Доктор!..

---

[279] Примечания: 279

X — Абель Боннар. Таким образом, всю фразу можно перевести: как говорил Боннар.

нам известно, что на каждые двенадцать французских врачей из тех, что здесь скрываются, приходится по крайней мере десять сумасшедших… причем сумасшедших самых что ни на есть настоящих, сбежавших из сумасшедших домов… и кстати, знаете, доктор! из Берлина к нам направляют «приват–профессора» Вернье, «Директора Французских Санитарных Служб»… я в курсе, так что не удивляйтесь, моя жена сообщила мне об этом по телефону… этот Вернье — чех… он был шпионом в Германии в течение семнадцати лет!.. сперва в Руане… потом в Аннмассе… а потом работал в Журналь Офисьель… распространителем… вот его досье!.. фото!.. отпечатки!.. с сегодняшнего дня это ваш шеф, доктор! ваш шеф! приказ из Берлина!.. а по поводу проблем с вашей комнатой, обращайтесь к тому, кто расположен над вами!.. конечно же! к Раумницу! вы ведь его лечите, этого Раумница! вы с ним знакомы!.. собирается ли он что–нибудь предпринять! а я, вы знаете, занимаюсь полицией Зикмарингена… исключительно полицией!»

Бринон больше не желал вмешиваться ни во что… чесотка… шанкры… мои туберкулезники… детишки из Сиссена, которые умирали от морковки… сумасшедший хирург… его не инте-

ресовали… казалось, он даже ловит кайф от того, что больше ничего не делает…

«Ах доктор! чуть не забыл! у меня для вас новость! «Комитет Плауена»[280] приговорил вас к смерти! вот и ваш приговор!..»

Он достает из своего бювара уведомительное письмо того же формата и даже с марками… наподобие тех, что я постоянно получал на Монмартре… и примерно такого же содержания…«предатель, продажная шкура, порнограф, юдофоб…» правда вместо «продавшийся бошам»… тут было «продавшийся ЦРУ»… вряд ли на свете есть что–нибудь более скучное и избитое, чем так называемые «страшные обвинения»… это хуже, чем любовь, постоянно из раза в раз повторяется одно и то же!.. позднее в тюрьме в Дании я снова в этом убедился… в Посольстве Франции… на страницах скандинавских газет… никто не ломал себе особенно голову!.. просто:«чудовище, продажная тварь! его низость невозможно передать словами! даже перо не выдерживает!..» бесконечные чудовищные злодеяния: он продал то!.. это!.. Линию Мажино! кальсоны солдат и их экскременты! генералов! весь флот, Тулонский

[280] Примечания: 280
Плауен — немецкий город в Саксонии

рейд! вход в брестскую гавань! шахты, грязь!.. он продал свою великую Родину! касается это страшных «коллабос» или просто разного рода чистоплюев… радетелей за справедливость… в Лондоне, на Монмартре, в Виши, в Браззавиле, везде есть те, кого следует опасаться… шпики Компано!.. супер–нацисты новой Европы, члены Лондонского Комитета или Пикпюса![281] будьте бдительны! четверть из вас обречены! вас насадят на вертел! изрубят на куски! сделают из вас отбивную!

Что за манера постоянно ускользать… оставлять вас в критический момент!.. а я на что расчитывал?.. как я уже сказал, Бринон вовсе не собирался заниматься этим психом… мне надлежало обратиться к Раумницу!.. я особенно не настаивал… но как бы там ни было!.. я предпочел бы сейчас находиться у себя в комнате!.. однако сперва надо зайти к мадам Митр!.. и забрать

---

[281] Примечания: 281

Пикпюс — название старой деревни к востоку от Парижа, присоединенной к пригороду Сент—Антуан (1786), и название одного из кварталов Парижа (12 округ). Кроме того, это название четырех католических организаций: кающиеся братья Назарета или Пикписа, Кающиеся монахи Третьего Ордена Пикпюса, Братья Святого Сердца Иисуса и Марии и монахи того же ордена (основанного в 1601 году). Именно в монастыре кающихся монахов Третьего Ордена Пикпюса, расположенного по соседству с площадью Трона были похоронены 1305 человек, гильотинированных во время Революции на этой площади.

Лили!.. я должен описать вам квартиру мадам Митр… она стоит того!.. мебель всех размеров, консоли, круглые столики на одной ножке, точеное дерево, витые узоры, тонкая работа, горгоны, химеры, способные украсить собой любую антикварную лавку на «левом берегу»![282] и ни одной «подделки»! все времен великолепной «Второй Империи»!.. витражи! балдахины! козетки с пуфиками!.. овальные софы с зелеными растениями! точеная медная ванная с узорами… пульверизатор с воланами, за которыми можно было бы спрятать двадцать гусар… столы, скульптурные изваяния!.. ощерившиеся драконы! музы! все, что угодно! в свое время местные принцы должно быть опустошили всю улицу Прованс, а также улицы Лафайет и Сент—Оноре[283] впридачу… где такое можно увидеть еще?..

---

[282] Примечания: 282

Имеется в виду левый берег Сены в Париже, где располагаются букинистические и антикварные лавки

[283] Примечания: 283

Названия улиц в зажиточных кварталах Парижа.

в Компьене[284] у императрицы… в Гернси[285] у Виктора Гюго… или в Эпиней[286] во время съемок «Дамы с камелиями»… возможно?.. Лили и Мадам Митр чувствовали себя хозяйками салона… Лили очень нравилось находиться среди этих роскошных «декораций»… женщины есть женщины!.. я очень хорошо ее понимал… Ловен, грязный коридор, наше убогое ложе, да еще этот безумец впридачу!.. женщине даже такой отважной как Лили, вынести все это было совсем непросто… из окон от Мадам Митр был виден весь Зикмаринген, все крыши городка и лес… можно было по–новому осмыслить жизнь в замке… взглянуть на мир сверху и издалека… вот она, отрешенность господ… сладостное осознание того, что ты не простой виллан… а мы находились!.. в среде во сто крат худшей!.. я рассказываю мадам Митр об отеле, наших жилищных проблемах, в общем, обо всем!.. о сумасшедшем хирурге тоже! конечно она

---

[284] Примечания: 284

Компьен — субпрефектура Уазы, в 47 километрах от Парижа. Королевская и императорская резиденция. Именно в Компьене 22 июня 1940 Петэном была подписана капитуляция Франции перед Германией

[285] Примечания: 285

Гернси — остров в проливе Ла—Манш во владениях Англии, где жил, будучи в ссылке во время правления Наполеона III, Виктор Гюго.

[286] Примечания: 286

Эпиней — сюр-Сен — пригород Парижа, где располагается несколько киностудий

прекрасно понимает, как мне тяжело… но!.. но!.. «посланник не в состоянии всем помочь, доктор!.. в полиции тоже не в состоянии!.. он наверняка вам ничего не сказал, доктор! вы же знаете, как он скрытен! вам еще очень многое неизвестно!.. восемь лже–епископов из Фюльде!.. конечно все французы и все просятся сюда, в Замок!.. три астронома из Потсдама!.. тоже французы! одиннадцать «сестер милосердия» из Мюнхена… шесть лже–адмиралов из Киля!.. и все хотят, чтобы их здесь приняли!..вчера здесь объявился целый Монастырь из Индии… с пятьюдесятью юными кашмирками, конечно изнасилованными, которые готовятся вскоре стать матерями… их всех тоже нужно здесь поселить!.. совсем еще маленькие девочки!.. здесь!.. в Ловене!.. или в Сиссене!.. да еще три скрывающихся от преследования монгола!»

Конечно, их было слишком много…

— Вас ведь не преследуют, доктор?

— О нет! нет! мадам Митр!

— А посол, доктор! а Абец, доктор! вы не представляете! а доносы!.. сколько их, как вы думаете?

— Я не знаю… наверное, много!

— Вчера было триста!.. Лавалю! нам!..

— Не может быть!..

— Триста рапортов вчера! и угадайте, на кого?

— На всех!

— Нет, не на всех! а только на Корпешо!.. и один из Берлина!.. о том, что его видели в Берлине!

— О мадам, какая чушь! Корпешо не покидает Дунай!.. он все последнее время был на Дунае!.. это не тот человек, который способен дезертировать, уверяю вас!

— Тем не менее мы должны ответить!.. Канцелярия! хотите написать пару слов?

— Да! да! мадам Митр… непременно!.. о том, что Корпешо не убежит! никогда!

— Ах, дорогой доктор!..

— Ну давай, поцелуй мадам Митр, Лили! и пошли отсюда!.. Бебер! Бебер!

Бебер… при звуке этого имени она наконец трогается с места!.. и берет его на руки… «Бебер» — это значит, что сначала нам надо зайти к Landrat'у за объедками для него… Landrat живет на другом конце большой улицы… я вам сейчас все объясню… во–первых, кто такой этот Landrat?.. это местный чиновник, нечто среднее между мэром и супрефектом… я лечил его кухарку… от диспепсии… очень хороший дом, построенный в свое время преуспевающим буржуа… у ландрата

тоже был постоялец, мать одного министра, 96 лет…[287] она была моей самой старой пациенткой… какой замечательный ум! уточненный! а память! Кристина де Пизан! Луиза Лабе!.. Марселина! она мне столько всего наговорила! обо всех! столько всего рассказала! я от нее был просто без ума!

Одинешенька я осталась! Одинешенька![288]

****

А тем временем, истекая потом в горячке и бреду, я продолжал надеяться, что этот холод с набережной и этот приступ скоро закончится… ну и дурак! я корчился в судорогах и мне становилось все хуже и хуже… меня трясло… корежило на шконке… и тем не менее, я продолжал писать… не хуже и не лучше, чем обычно… я никогда не сетовал на недостаточно благоприятные условия для работы… черт побери!.. все эти сетования на недостаточно благоприятные условия для работы вошли в моду после 1900… " ах мамочки, смогу ли я это совершить?».. один родится бездельником и

---

[287] Примечания: 287

Речь идет о матери Абеля Боннара.

[288] Примечания: 288

Аллюзия со знаменитой балладой французской поэтессы Кристины де Пизан (1363–1430), которая заканчивается словами: «Одинешенька я, без друга осталась».

паразитом… другой тружеником!.. или тем, или другим, третьего не дано!.. и пускай шконка подо мной вся трясется… пускай, я все равно снова и снова принимаюсь за работу…

«Боже милостивый, главное, чтобы меня не трогали!»

Рядом какой–то шум!.. еще и собаки! гав!.. с возрастом желание, чтобы тебя оставили в покое, превращается в настоящую манию!.. что за черт!.. Лили с кем–то говорит… с какой–то женщиной… дверь закрыта, но все слышно… я вслушиваюсь… речь идет о мадам Нисуа… нашей соседке… мадам Нисуа холодно у себя… кажется… она жалуется… «но что я могу сделать?..» спрашивает соседка… я кричу…

«Скорая помощь! Версаль! больница!.. позвони туда Лили! позвони!..»

Вдруг дверь открывается!.. Лили и соседка входят ко мне… а вот этого как раз я хотел меньше всего!.. совсем не хотел!.. я снова зарываюсь под одеяла… точнее, под гору пальто… я даже не знаю, сколько там пальто! у меня ничего нет, но черт возьми! жалкий клоп! к пальто это не относится! пальто!.. это единственное, что люди всегда охотно отдают нищим… у них почему–то всегда слишком много пальто!.. о, «их уже нельзя наде-

вать», они протерты до дыр! ходить в них вы уже не можете, но зато на вашей кровати во время болезни их всегда вдоволь! и это очень даже кстати!.. центральное отопление стоит недорого… а с нашим газовым хлопот не оберешься!.. никаких денег не хватит!..

Лили и соседка уходят… что–то я им все–таки сказал!.. пару слов… чтобы они позвонили!.. в Версаль! в скорую помощь!.. нет! я решил не беспокоить Тэльфе!.. ей будет неплохо и в Версале, больница хорошо отапливается… там ей будет лучше, чем дома… может быть, она тоже так считает?… мне кажется… вполне вероятно, что после того, как ей рассказали о призраках, об этих шутах с «Общества», она сама больше не хочет оставаться у себя?.. о, это ваше вечное миндальничание с больными… не слишком ли много вы им сказали? или наоборот, слишком мало?..

Впрочем, что касается меня, то трепать языком и напрягать извилины мне приходится не столько из–за больных, сколько из–за Ахилла!.. 900… 1000 страниц!.. или из–за Жертрута! один жулик вполне стоит другого!.. я жду не дождусь, когда же они наконец разорвут друг друга на части! изрешетят друг друга кинжалами! приготовят один из другого фиркассе и зажарят его, как кро-

лика, в белом соусе!.. но… накось!.. выкуси!.. они способны выпотрошить кого угодно, только не друг друга!.. Лукум их и вовсе не интересует! он пуст, как влагалище!.. во всем мире вы не найдете другой такой стаи столь прожорливых акул!.. с челюстями… нейлоновыми плавниками!.. и вот такими лимузинами!.. насосавшихся крови несчастных писак! а сколько литров они у меня выкачали! и не передать!.. вы не поверите!

Впрочем, я и сам уже не знаю!.. черт!..

Этот случай с соседкой выбил меня из колеи!.. хуже, чем «Общество»!.. скорая помощь!.. я путаюсь… теряю нить повествования!..ладно! пускай!.. мы кажется были в Зикмарингене… сейчас я еще что–нибудь вспомню… вот!.. у меня что–то промелькнуло в голове!.. еще одно воспоминание!.. это было в Гавре… в Гавре!.. да, точно там!.. я должен был подменить коллегу Малувье, на шоссе Насьональ… о, ну да!.. конечно же!.. один больной в Монвильe… он до сих пор у меня перед глазами… со своим раком прямой кишки… в то время я еще был полон сил и энергии!.. а как я носился!.. на любой вызов!.. к этому раковому больному я бегал по два, три раза в день!.. морфий и перевязки… я один заменял и довольно успешно целую больницу… однако его от меня

все равно забрали… не потому что я плохо его лечил!.. вовсе нет!.. а потому что он начал сходить с ума!.. его нельзя было больше держать дома, он на все бросался!.. на шкаф… на окно!.. и все крушил!.. я мешал ему снова приступить к работе!.. так ему казалось! его мучило сознание!.. сознание того, что все кончено! и он больше никогде не пойдет на завод!.. ему мерещились жандармы, они были уже тут! он видел через окно, как они приближаются! они собирались отвести его в тюрьму за безделье! безделье! в течение шестидесяти лет он молотил без остановки! и никогда! ни разу не пропустил ни одного дня у себя в «доках сечения по ватерлинии» в Онфлере! никогда! «на помощь! на помощь!» все мои старания были напрасны, не помогали ни слова, и ни 10 кубиков морфия… он ведь не пропустил ни одного дня!.. в конце концов, пришлось его увезти… и дело было не только в раке! главное это привычка к труду! надо сказать, что таким, как Броттэн… или Жертрут… это не грозит… они привыкли жить!.. на всем готовом!.. а в результате… я тоже… как и

Параз...[289] оказался в положении того больного трудяги!.. а они ждут, когда все будет готово!.. болен ты или здоров!.. «Ну что же ты, клоун?.. сколько еще осталось страниц?»

***

Около пяти часов фон Раумница всегда можно было там найти... почти наверняка... от пяти до семи... потом он отправлялся в Замок... или куда–нибудь еще... у него ведь было не одно место жительства... и он везде принимал... в любое время дня и ночи... дюжина мест жительства... в Ловене он был с 5 до 7... в комнате 26, как раз над нашей... излюбленный прием всех полицейских: иметь множество бюро и повсюду, где только можно принимать... точно так же поступают политические деятели! и Послы!.. поэтому во всех столицах на некоторых улицах вас не покидает какое–то странное чувство... Майфэр, Монсо, Риверсайд... повсюду снуют подозрительные личности и живут разные шишки... причем не в каких–нибудь там задрипанных комнатушках... пристанищах богемы... нет!,. а в роскошных,

---

[289] Примечания: 289

Альбер Параз(1899–1957) — аргентинский писатель. Познакомился с Селином в 1934 году. После войны активно выступил в защиту Селина, в частности, своей книгой «Торжество скотов» (1948), где опубликовал многие, адресованные ему письма Селина. Параз был болен туберкулезом.

ультра–шикарных аппартаментах!.. даже там в Зикмарингене у Раумница были свои скрытые от посторонних глаз тайны! это вам не наша комнатка! я бывал в его «крыле» в Замке! два этажа! все в цветах!.. азалии, гортензии, нарциссы!.. а розы!.. я уверен, что в Кремле у них там полно роз даже в январе месяце… в Замке, в своем крыле, на двух этажах, Раумниц был окружен бригадами лакеев, горничных, кухарок и прачек… и возможно, жил лучше, чем Петэн!..более роскошно, чем он!.. у него были и другие жилища в городе… и не только у него самого… у его жены, дочери, у его собак… ничего подобного вы не найдете ни в Ист—Энде, ни на Лонгбич… если вам захочется увидеть нечто необычное, попросите показать, как живут полицейские… если они вам скажут: у нас ничего нет!.. они лгут, у них есть все!.. если бы вдруг завтра Париж был превращен в руины бомбой H… Z… Y… все равно остались бы эти бонбоньероки, уютные будуарчики в ста метрах под землей, биде, азалии, погреб с ликерами, вот такие сигары, софа «как пух», принадлежащие полицейским!.. полицейским!.. остались бы все равно!.. что касается питания Раумница, то надо было видеть эти кучи «карточек» между горшками с цветами!.. тут было чем накормить

весь Зикмаринген!.. таким образом, сами видите, Раумниц, его жена и дочь жили в полном достатке… и тем не менее, ни разу они не предложили нам ни одного бутербродика! сухарика! или карточки!.. для них это был как бы вопрос чести… другим — ничего!

Он не пренебрегал моими услугами, я его лечил: тяжелый аортрит… ну а гонорары? да ни хера!.. тоже вопрос чести! впрочем, тогда, когда я возвращался от Бринона, меня интересовало только одно: пошлет ли он к нам своих лягавых, чтобы те вывели психа и его санитарку… на большее я пока не рассчитывал!

Я сказал Лили: пошли!.. сначала нужно было пройти через лестничную площадку!,. народу больше, чем обычно!.. какие–то люди из Бэрена,[290] по большей части, отъявленное хулиганье.. представляющая особую опасность для Фрухта молодежь! такие вполне могли окончательно разнести его отель, пивную и сортиры… они вели себя гораздо более разнузданно, чем местные… сперва внизу: Stam, пиво… потом… оп, подняться пописать… и вдруг — колика! двери в сортир выламываются и все скопом вваливаются

---

[290] Примечания: 290
Бэрен — название небольшого отеля в Зигмарингене.

туда!.. вшестером… вдесятером… очко трещит !.. звонок срывается!.. стульчак и унитаз уносятся с собой!.. победа! победа! да здравствует сила!.. и снова мочиться, мочиться всем вместе, чтобы затопить весь вестибюль и лестницу!.. затопить все кругом!.. но … ах, вы только посмотрите! в это время в той же позиции! в полную струю! отливают два немца!.. в позиции!. . старательно! принюхиваясь! задрав штаны! так… и оп! вся молодежь столпилась вокруг! притоптывая ногами, охваченная безумным весельем! все бьют в ладоши!.. подбадривают соревнующихся!.. и мочатся вместе с ними! до полного изнеможения!. две очень симпатичные девушки пытаются оттеснить толпу… это беженки из Дрездена …[291] «города искусств».. артисты все родом из Дрездена… города–убежища!.. пристанища художников!.. эти две скромницы, кажется, певицы

[291] Примечания: 291

Бомбардировка Дрездена английскими самолетами в ночь с 13 на 14 февраля — один из самых страшных эпизодов Второй Мировой Войны. Дрезден — старинный немецкий город, в котором не было важных стратегических объектов. До той роковой ночи город был фактически не затронут войной. Все думали, что так будет и впредь, что привело сюда в первые недели 1945 года десятки тысяч беженцев с востока. В дни, предшествующие налету, его население увеличилось с 600000 до 1000000. Бомбардировка разрушила город на три четверти и вызвала ужасный пожар. Подсчет жертв оказался затруднительным из–за присутствия в городе огромного числа беженцев. Д. Ирвинг в своем рассказе «Разрушение Дрездена» приводит цифру 135000 убитыми.

из Оперы!.. на виду у всех, перед сортиром!.. окруженные толпой на лестничной площадке… урра! вопили кругом!.. «урра фройлен!» брюнетка и рыжая… настоящая оргия, они выбрали не самое удачное место… мне трудно передать, что там творилось… какая–то свалка в одном огромном пруду!.. я чувствовал, что до нашей, 11-й… мне уже вряд ли удастся добраться… а там их уж я и не знаю, сколько было вокруг моей кровати… вокруг психа и оперируемого под ним… и тоже одних сумасшедших… которые его подбадривали!.. «давай! давай! отрежь ему ухо!».. им хотелось крови! «давай! давай!»..

Но я всегда сохраняю присутствие духа! стараюсь ни на что не обращать внимания!.. «пошли, Лили!.. пошли!»

И кстати, хотелось бы особо обратить ваше внимание на тот факт, что в это время в Небе, очень высоко в облаках, и совсем низко, на уровне крыш, появились дозорные самолеты!.. этот облет сопровождался таким грохотом, что напоминал Гром Небесный во время Страшного Суда!.. Лондон… Аугсбург… Мюнхен… кончики крыльев почти касались наших окон… ураганный вой моторов!.. такой оглушительный!.. что вы уже ничего не слышали!.. даже вопли с лестничной

площадки!..

А столпотворение продолжалось, весь Бэрен вопил, чтобы девушки сваливали… в нашей комнатушке вопили и требовали отрезать бедняге ухо!..

Вы не представляете, с каким трудом нам с Лили удалось подняться на следующий этаж! это было не так просто! в конце концов, мы протиснулись! растолкав толпу! ну вот!.. готово!.. лестница!.. 28! я стучу! ах, Айша! Фрау Айша фон Раумниц… это она нам открывает… Айша Раумниц знает по–немецки не больше, чем Лили… всего три слова!.. она выросла в Бейруте… она там родилась, вы понимаете… мне необходимо видеть ее мужа… к счастью, он тут!.. лежит, в халате…

— Ну что, Доктор? что вы хотите?

— Я только что от де Бринона, хотел бы вас попросить…

— Знаю… знаю… — перебивает он меня… — у вас в комнате сумасшедший… в коридоре тоже полно сумасшедших… я все знаю!.. Айша!.. Айша!.. ты справишься!

Всего несколько секунд на размышление…

Он протягивает ей связку ключей…

— Возьми собак…!

Два огромных дога… он делает им знак… пры-

жок, и они у ног его жены… точнее, у ее сапог!.. она носит сапоги… из красной кожи… в своих сапогах она похожа на восточную всадницу… да еще этот внушительный желтый хлыст…

— Идемте, Доктор!..

Я покорно следую за ней… я не сомневаюсь, что она все уладит… доги тоже не сомневаются… они рычат и демонстрируют свои клыки… вот такие здоровенные клычищи!.. они непрестанно рычат… но никого не кусают!.. следуя по пятам за своей хозяйкой!.. готовые наброситься на любого, на кого она укажет… только и всего!.. о, какие это выдрессированные, великолепные твари!.. а силища! как у буйволов!.. морда, грудь, лапы! одно движение и вы на земле!.. даже пикнуть не успеете!.. не говоря уже о клыках… одного укуса вам хватит!.. ну вот, совсем другое дело!.. перед Айшей и ее догами все сразу же расступаются!.. без каких–либо слов… и возражений… Айша тоже ничего не говорит… она идет довольно томной походкой… покачивая бедрами… не торопясь… а весь этот омерзительный сброд расступается перед ней… крикливые засранцы… все сразу же повалили на улицу… брюнетка и рыжая тоже, застегиваются… и оп!.. выпрыгивают наружу!.. поспешность бегства никого не смущает!.. вак-

ханалия закончилась, больше никто никого не трогает!.. вопли прекратились!.. никто больше не орет… даже о мучительном желании посрать!.. а у меня… как только Айша подходит к моей двери N11, там воцаряется настоящая паника! безумие! те, кто там был кидаются наутек, сметая все, что попадается у них на пути! впопыхах они толкаются и давят друг друга!.. ах, а хирург, его санитарка и владелец гаража со своим ухом!.. их как будто ветром сдувает с моей кровати! все разбегаются кто куда!.. спасайся, кто может!.. теперь уже вопит хирург! эко его проняло!.. тот, что был под ним, больше не кричит, это беженец из Страсбурга… санитарка хватает свои коробки с ватой… они пытаются протиснуться в дверь все одновременно… вместе! о, извините, но так не получится!.. Айша все видит!.. она хоть и томная, но дело свое знает!.. «стоп! стоп!» — приказывает она… всем троим!.. чтобы те не двигались! оставались там!.. на месте! псих, санитарка, и пациент! всем стоять! не двигаться!.. лицом к стене!.. она им показывает, как!.. встать! к стене!.. доги рычат у их ягодиц… а какие у них клыки, я вам уже говорил!.. они боятся даже пошевелиться! стоят, как вкопанные… ну вот, вся лестничная площадка, большой коридор и моя комната свободны, там

больше никого нет!.. пусто!.. все изнывающие от нужды засранцы! две артисточки!.. все эти психи! тики–так! сразу же все пришли в норму!.. но это еще не все!.. у Айши был свой план действий… komm! вдруг обращается она к ним по–немецки… к тем троим, носом к стене… чтобы те шли за ней!.. я тоже иду за ней! я хочу видеть, что будет дальше… на другом конце вестибюля есть небольшой проход, а за ним две ступеньки… 36!.. дверь 36-ой… кракк!.. кракк!.. она ее открывает!.. и делает знак безумцу, который проходит первым, потом его санитарке и мужчине из Страсбурга… они в нерешительности задерживаются… ах, Айша не любит колебаний… «давай!.. давай!..» они пялят на нее свои зенки!.. особенно владелец гаража!.. переминаются с ноги на ногу… потом смотрят на догов… и поднимаются на эти две ступеньки… комната 36… я ее немного знаю… я там уже был пару раз, и тоже по просьбе Раумница, когда туда привели двух беженцев, я уже не помню откуда… двух стариков… это была единственная прочная комната во всем Ловене… можно сказать, настоящая крепость: стены из бетона, железные двери, окна с решетками… и внушительными! «супер–тюрьма», я считаю… остальные комнатушки в Ловене все ходили

ходуном, тряслись, были все в трещинах… едва держались! потолки обваливались, кровати сломаны, повсюду штукатурка! и ни одной кровати с четырьмя ножками!.. с тремя, самое большое! а у большинства по одной! представьте себе тряску в самолете! так вот в этих комнатах было гораздо хуже! герр Фрухт уже махнул на все рукой! а тут еще жильцы приложили руку, дабы окончательно все развалить, выковыривая из щелей остатки цемента…так они мстили бошам, Фрухту, самолетам в воздухе за то, что они оказались здесь!.. и вообще за все! они специально садились вдвоем, втроем, вчетвером на один стул!.. чтобы тот рухнул!.. по десять–пятнадцать человек на одну койку!.. блядство!.. черт бы их всех побрал!.. особенно безобразничали проезжие солдаты, из подкреплений, направлявшихся к Рейну… ну, те вообще были из Landsturm!.. профессиональные грабители! правда грабить там было уже практически нечего!.. пусто! хоть шаром покати! совсем как у меня на улице Жирардон! только возможность что–нибудь украсть придает смысл человеческому существованию!.. а там уже не осталось ничего, что можно было унести… весь Ловен равномерно покачивался и дрожал под «Армидами» из Лондона и Мюнхена… от этого

гудения тысячи моторов трескалась черепица на крыше!.. ее осколки валялись на шоссе и тротуаре!.. не говоря уже о плафонах!.. о, но все это не относится к Комнате 36! она единственная в Ловене выдержала все испытания!.. я считаю, как я уже сказал… это была самая настоящая камера!.. я не знал, что стало с теми стариками… точно так же, как не знал того, что станет с этими… психом, санитаркой и владельцем гаража… они тоже были «беженцами».. как и мы, если хотите… существовала такая комната 36, за которую отвечала Айша, и которую она должна была открывать и запирать… а что было потом?.. я не мог спросить об этом у Раумница… говорят, по ночам время от времени кого–то куда–то отправляли… вроде бы… иногда ночью приезжал грузовик… лично я никогда никакого грузовика не видел!.. хотя мне довольно часто приходилось выходить по ночам… точно одно: неделями комната 36 пустовала… а потом вдруг заполнялась людьми!.. болтают всякое, но этого грузовика так никто никогда и не видел… мол всех беженцев заковывали в цепи и отвозили куда–то очень далеко на Восток… вероятно, куда–то за Позен… наверное, в лагерь?.. я никогда не спрашивал у Раумница, что с ними там делали в Позене!.. и у Айши тоже!..

я знаю только одно, ей действительно удалось за пять секунд очистить мою комнатушку!.. все в ужасе разбежались!.. такой у Айши был авторитет!.. я тоже хотел бы таких догов!.. и такой хлыст!..

Теперь у меня на кровати больше не было сумасшедших! зато больные явятся снова!.. они свалили на время, но скоро вернутся!.. безусловно, мне нужно было немного прибраться!.. раз уж предоставилась такая возможность!..

Я хочу, чтобы мадам Раумниц огляделась вокруг!.. осознала, что ей удалось сделать!..

— Посмотрите, мадам Раумниц!

— На войне, доктор! как на войне!

Мы еще немного поболтали… ей нравится говорить с нами… они жили во Франции в Винсенне… мы вспоминаем Винсенн… озеро Домениль… Сен—Фаржо… метро…

***

Я ошибся!.. на самом деле, больные вовсе не спешат возвращаться!.. даже самые нетерпеливые из W. C.… должно быть, они разбежались по подвалам и гротам… по своим любимым подвалам… или сидят под Замком?.. их держит там страх… сильнее, чем налеты Ф. Р. А., Айша и комната 36! уверяю вас… Лили и Айша все еще на лестничной

площадке… болтают о том, о сем, обо всем на свете… ну и пускай!.. а мне пора идти к Лютеру… консультация у Курта Лютера, мобилизованного врача из фрицев… пора!.. а после Лютера в Милицию…[292] там у меня тоже три–четыре лежачих больных… с гриппом… сам Дарнан в Ульме, я его не увижу… зато наверняка увижу его сына и Бу де л'Ана… все это недалеко, но все равно добрых полчаса, от ворот до ворот… перебежками!.. дело в том… что есть не только Армада!.. та высоко!.. есть еще и стервятники, которые летают на бреющем полете!.. вы можете себе это представить, я ведь вам уже описал прогулку, когда мы были буквально охвачены кольцом из пуль вдоль всего берега Дуная… а от Лютера до Милиции тоже нужно было идти вдоль Дуная… Милиция располагалась в вагончиках, служащих бараками, все спали вповалку прямо на полу… суровый военный стиль образца 18-го… зато вилла Лютера, где я должен был консультировать, напротив, была весьма изысканна, барокко времен Вильгельма II…

Раз уж я снова заговорил о прогулке, то должен признаться, я теперь вижу все совсем иначе,

---

[292] Примечания: 292

Милиция — профашистская военизированная организация во Франции в период оккупации в 1940–1944 гг.

мне абсолютно ясно, что если они не задели ни Петэна, ни одного из его министров, значит они этого и не хотели! они просто развлекались!.. ведь ни одного самолета фрицев в небе не было!.. никогда!.. и ни одного пулемета на земле! в общем, «делай, что хочешь»! представляете, какое раздолье было этим корсарам в воздухе! человек, корова, кошка, собака, на спидометре — 400! увидел? прицелился! огонь! и привет!.. чисто автоматически!.. паразиты! стервятники! они даже не замедляли хода, их присутствие над нами было абсолютно перманентным… одна мертвая петля!.. другая!.. хода они не замедляли… а просто сменяли друг друга… очередь!.. еще очередь… рикошет!.. паф!.. уничтожалось все, что движется!.. тот, кто в этом сомневался, смог в этом убедиться, сам взглянув на машину Дорио… в течение восьми дней она стояла перед Принценбау (нашей мэрией), все время, пока длилось следствие… вся искореженная, насквозь изрешеченная пулями, прозрачная, как кружево!.. ее обнаружили и подобрали на дороге… с ним были его телохранители, машинистки, фотографы… крррак! по пути из Констанса на собрание «Партий» под Пцимпфлингеном… о, это собрание держалось в глубокой тайне!.. зато о том, что эту машину

расфигачили!.. все узнали сразу!.. так что если Петэна и его клику на прогулке всех не перебили, значит тогда были даны «особые указания»! а Дорио было приказано: укокошить!.. стереть в порошок!.. для меня же никаких «особых указаний» не требовалось… с такими, как я, поступали в соответствии с «Общей инструкцией»… уничтожать все, что движется!.. боши и англичане поступали точно так же! «уничтожали все, что движется!» кошек, собак, маленьких человечков! тележки!.. там что–то шевелится: трам–тарарам! бабах!.. короче, уничтожению подлежало все! снизу шуппос,[293] сверху стервятники из Ф. Р. А… огонь! и копыта в сторону! и тем не менее, несмотря на шуппос, которые свистели и орали ей сзади: komm! komm! и свинцовый дождь с неба, Лили все же пришла ко мне… но она… следует отметить, вообще любила рискованные авантюры… о, я старался не поощрять в ней эти наклонности!.. и тогда, когда я уходил из Ловена, я ей сказал: «Оставайся тут, Лили! никуда не уходи! скажи больным, что я скоро вернусь!.. побудь с мадам Раумниц!.. тебе будет не скучно!»

Я, всегда такой неотесанный, на сей раз превзо-

---

[293] Примечания: 293
Шуппос — немецие полицейские

шел самого себя…

— Мадам Раумниц, не хотите ли присесть?.. немного поболтать с Лили? я ухожу в Милицию!

У мадам Раумниц тоже были свои проблемы…

— Хорошо, доктор! я останусь! но если вы увидите Хильду, пожалуйста, скажите ей, чтобы она шла домой!.. и немедленно!.. я жду ее со вчерашнего вечера!..

— Да, мадам Раумниц! обязательно! можете полностью на меня положиться!

Я догадывался, где была все это время Хильда фон Раумниц со своими двумя… тремя приятельницами… юные девушки, цвет Зикмарингена… к тому же такие ухоженные, хорошо питающиеся, все из семей военных и дипломатов… которые никогда ни в чем не знали недостатка!.. возраст, свежий воздух, живительная прохлада, постоянное жжение в области промежности!.. бешеный возраст, 14… 17… и не только для этих шикарных девочек, которых все холили и лелеяли… для нищенок тоже!.. множество причин, изолированность от остального мира, чувство опасности, бессонница, домогательства мужчин!.. в том числе и оборванцев! женатых и холостых! и все такие пылкие! в каждой роще! на каждом перекрестке, бешеный возраст 14… 17… особенно для

девочек!.. и не только здесь, в специфических условиях… вдали от мира, в присутствии постоянной опасности, когда мужчины подстерегают на каждом углу… на улице Бержер или Площади Бланш тоже… за сигарету… просто за треп… горе и праздность всегда сопровождаются течкой!.. и не только у девчонок!.. у зрелых женщин и старух тоже! конечно самых нетерпеливых, из тех, у кого постоянно жжет в одном месте… когда переворачивается страница Истории, когда психи всей планеты начинают свою Эпохальную Свистопляску! они окончательно теряют свои головы! и трусы! им наплевать, что какие–то «сынки»[294] одерживают в этой Бойне победу! а Корпешо объявил себя хозяином Дуная!.. так что насчет Хильды и ее шоблы я был спокоен… они наверняка ошивались на вокзале!.. я в этом не сомневался! кого там только не было: солдатня, шпионки всех мастей, жены министров, начальники составов!.. залы ожидания! манящий запах плоти, волнующая близость военных эшелонов, плюс пианино и «бригады проводников», можете себе представить, что там творилось! это вам

[294] Примечания: 294

Имеются в виду участники Движения Сопротивления, входившие в СНК — Силы Национальной Консолидации (букв. по–франц. «fifi» — происходит от F. F. I. (Forces Francaises de l'Interieur) по созвучию.)

не жалкая суходрочка Нейи[295] и «Семнадцати Уродов»!..[296] только голод и фосфор способны разжечь настоящую похоть, когда все кругом буквально истекают спермой, а женщины отдаются не глядя! как на небе! голод, рак, гоноррея больше не существуют!.. вокзал полон вечности!.. над ним грохочут самолеты!.. сверкают молнии! зал и буфет ходят ходуном, а люди дарят друг другу блох, чесотку, сифилис и любовь! девочки, менетчицы, беременные, малолетние мамаши, старушки, пехотинцы, представители всех родов войск и вооружений, пятьдесят составов ждут сигнала к отправлению… вдруг весь буфет затягивает хором! Марлен! ля! ля! соль диез! в три… четыре голоса! дружно! обнявшись!.. на тесных креслах!.. три девахи на коленях у пианиста! и все три на сносях!.. и конечно же, это тоже немаловажно, дармовая жратва! солдатская пайка! солдатские котелки!.. и безо всяких карточек! представляете, никакого учета!.. поезда обслуживают четыре специальные бригады… буфет и платформы завалены котелками! зикмаровский бан — важный железнодорожный узел, и, доложу

---

[295] Примечания: 295
Нейи — название рабочего пригорода Парижа.

[296] Примечания: 296
По поводу кафе «Два Урода» см. примеч. выше.

я вам, эшелоны сделали его одним из самых взрывоопасных мест во всем Южном Вюртемберге… и Фрибур-л'Итали… три перегона, и повсюду вагоны с бензином, патронами, снарядами… если бы это взорвалось, то на воздух взлетело бы все до самого Ульма!.. взрыв был бы до облаков! самолеты в небе и те достало бы!.. вот так!.. ну а вы теперь, я надеюсь, представляете, сколь нелегкую задачу я на себя возложил, взяв на себя ответственность за невинность Хильды, дабы ее ненароком не оприходовали под поездом!.. «любовь — дитя богемы!»..[297] ну и ладно! пускай!.. вам меня, вероятно, жаль!.. но как говорится, взялся за гуж — не говори, что не дюж!.. сначала я должен был зайти к Лютеру!.. проконсультировать… троих или четверых… бошей и французов!.. а потом сразу же в Милицию!.. это рядом… осмотреть еще двоих, троих лежачих больных… выписать парочку рецептов, взять мочу… на анализ… местного фармацевта из Hofapotek, Ханса Рихтера, я знаю, как облупленного!.. мне приходится самому ходить за микстурами и результатами анализа, так как я не могу долго ждать!.. он меня явно саботирует!.. возможно, он антифашист?.. но скорее всего,

---

[297] Примечания: 297

Строчки из арии Кармен, героини одноименной оперы Жоржа Бизе.

анти–француз!.. а я, как всегда… действую «строго по правилам»!.. я выписываю только абсоютно проверенные лекарства, которые были занесены в реестр не меньше пятидесяти лет назад… здесь тоже существует Reichsgesundheitsamt…[298] 32 рецепта… о, неплохой выбор, вполне достаточно! Reichsprecept!..[299] вот этому, я могу смело сказать, нам во Франции следовало бы у них поучиться! амбиций–то у нас много, а делается все через жопу!.. главный Здравоохранник, автор этого Райхспрецепта, Конти,[300] в Нюренберге был признан виновным в самых страшных преступлениях против человечества… чуть ли не таких же, что совершил Труман.. и почти сразу же повешен!.. (в отличие от Трумана)… однако его Райхспрецепт сохраняет свое значение и по сей день… благодаря ему, мы (все в той же Франции) могли бы экономить по меньшей мере миллиардов триста в год… и больным это пошло

---

[298] Примечания: 298

Забота о государственном здоровье (*нем.*)

[299] Примечания: 299

Государственный рецепт (нем.)

[300] Примечания: 300

Имеется в виду доктор Леонардо Конти, который был государственным секретарем парижской тюрьмы Санте (по–французски Sante означает «здоровье») находившейся в подчинении Министерства Внутренних Дел нацистского правительства, и одновременно министром здравоохранения. Покончил с собой в октябре 1945 года.

бы на пользу! все–таки их бы меньше дурачили и травили одержимые тщеславием врачи!.. лично я в этом не сомневаюсь… поэтому и говорю…

Ладно, все это хорошо!.. ну а как же Милиция?.. она располагается на Дунае, сразу же за плотиной … огромная насыпь из булыжников, кирпичей и деревьев со стороны дороги… вот она наша славная Милиция!,. три громадных барака… а в домишке рядом — телохранители!.. больше всего бросается в глаза здоровенный трехцветный флаг на мачте!.. Милиция покрыла себя неувядаемой славой, совершив грандиозное отступление к Зикмарингену, преодолев сопротивление пяти или шести маки…[301] вспомните отступление под Берген–оп–Зом—Биаррицом!..[302] его значение незаслуженно преувеличено! за свою историю Франция знавала множество отступлений! и каких!.. со времен последнего не прошло и двадцати лет!

И все–таки!.. я вынужден признать!.. рецепта

---

[301] Примечания: 301

Партизанские отряды участников Движения Сопротивления (буквально по–французски maquis — кустарники.

[302] Примечания: 302

Берген–оп–Зом — 19 сент. 1799 в предместьях этого города состоялось сражение, в котором участвовали 35 тысяч англичан и русских под командованием герцога Йорка и французы под командованием Вандамма. Французы понесли большие потери.

самого по себе еще недостаточно!,. даже если он выписан в соответствии с Reichsprecept'ом? безусловно! Apotek[303] Рихтера была превосходно укомлектована! но учтите, что относился он к нам крайне недоброжелательно… он полагал, что всех нас, будь то милиционеры, крупные чины из Замка, генералы с нашивками, оборванные опустившиеся коллабос, шпионки, благородные жены министров или доходяги на койках Fidelis'a, всех нас давно следовало бы выбросить на помойку!.. мы вызывали у него непреодолимое отвращение! все, от беременных женщин до самого Петэна! нас надлежало сжечь! утопить! вот такого мнения был о нас Ганс Рихтер!.. того же мнения вероятно, придерживались в Лондоне, Браззавилле и на Монмартре! «всех их нужно повесить!».. так что если мне срочно было нужно получить по своему рецепту лекарство, я сам лично шел к нему и требовал, чтобы он раздобыл необходимые компоненты… я не церемонился и

[303] Примечания: 303
Аптека (*нем.*)

сразу же объявлял!.. fur den Sturmfuhrer[304] von Raumnitz»!.. он не рыпался! сразу же все находил… и отдавал мне… верил он мне… или нет… но рисковать не хотел!.. я пользовался этим приемом постоянно! für den Sturmfuhrer![305] по–наглому!.. наглость наглостью, а морфия все равно не было ни хера! и камфарного масла тоже! а я без них как без рук!.. но у него действительно ничего не осталось!..он не врал, мне его девушки–лаборантки это подтвердили… девушек всегда так легко расколоть… все девушки таковы… достаточно быть с ними чуть пообходительнее… маривозная куртуазность, уверяю вас, это наша последняя надежда!.. в Америке, Азии и Центральной Европе никогда не было своих Мариво…[306] от этого там все неповоротливы, как слоны! неотесанные увальни!.. таким образом, благодаря девушкам

---

[304] Примечания: 304

Несколько званий офицеров С. С. включали в себя составляющую Sturmfuhrer. Например, Hauptsturmfuhrer (капитан), или Sturmbahnfuhrer (комендант). Селин, говоря о Раумнице, часто играет этими словами, или изобретает свои собственные. Он называет Раумница то Obersturmfuhrer (что, вероятно, означает Obersturmbahnfuhrer, т. е. полковник), то Oberfuhrer, то Оберлегавый и т. п.

[305] Примечания: 305

Для Штурмфюрера (нем.)

[306] Примечания: 306

Поль Карле де Мариво (1688–1763) — французский писатель, автор романа «Жизнь Марианны», характерный представитель галантного века.

и Мариво, я узнал, что у Рихтера действительно не осталось морфия… тем не менее, он мне все равно был нужен! я всегда всерьез относился к своим обязанностям! я иначе не могу, у меня сердце за других болит! а люди меня за это сполна отблагодарили! морфий!.. морфий!.. я готов был в лепешку разбиться! вывернуться наизнанку! и все ради служения своему ремеслу и облегчения участи умирающих! морфий!.. морфий!.. о, поверьте, достать его было не так просто!.. разве что через «челноков»! а лучше иметь дело с бандитами, чем с челноками, ибо это такие подонки, каких еще поискать!.. они курсировали от фрицев к швейцарцам и назад! и представьте себе… исключительно за мой счет… так что будучи в Германии я очень быстро спустил все свое состояние на медикаменты из Швейцарии… естественно, де Голль или мсье Молле[307] мне теперь ущерба не возместят и благодарности не вынесут… они также, как и Герр Рихтер, считают, что было бы лучше всего, если бы меня повесили сами боши… Ахилл считает точно так же!.. Ахиллу не дает покоя судьба моих замечательных творений… они ведь могут произвести настоящий бум!

---

[307] Примечания: 307

Ги Молле(1905–1975) — французский политический деятель. Глава Кабинета Министров (социалистического) с 1956 по 1957 гг.

остальные издатели разделяют эту точку зрения! но для этого не хватает самой малости!.. сущего пустяка!.. чтобы я загнулся в тюряге!.. все они до сих пор спят и видят меня в гробу… ждут не дождутся моей смерти… «сколько, вы думаете, ему еще осталось?.. месяцев шесть?.. пару лет?».. этот вопрос их очень беспокоит… «ах, ему ведь нужна реклама… так пусть он сам себе ее и сделает, черт бы его побрал! сволочь! скотина!» они представляют как после моей смерти мои книги чуть ли не сами начнут выпрыгивать из подвалов!.. серия Ашетт[308] снова зацветет буйным цветом!

Оп–ля! птенчик! ты опять оседлал своего любимого конька!.. и куда же мы поскачем теперь?.. ладно, шутки в сторону… итак, я посетил Лютера, потом — бараки Милиции… все правильно!.. теперь меня ждала работенка посерьезней, я должен был привести Хильду к ее матери! она наверняка ошивалась в «залах ожидания» вместе со своими приятельницами… сколько раз я их гонял оттуда! и из буфета тоже!.. чертовы потаскушки!.. сколько раз я их отчитывал, объяснял, что им там не место! кругом поезда! а уж

[308] Примечания: 308

Ашетт (Луи—Шарль Франсуа) (1800–1864) — Один из крупнейших французских книгоиздателей XIX века. Теперь его именем называется серия издательства Галлимар.

беременным женщинам там вообще было нечего делать!.. а их туда просто как магнитом тянуло!.. еще бы, жратва, солдатские котелки, фронтовой паек! «Найдети ее!.. всыпьте ей как следует! и пускай немедленно возвращается!..» короче говоря, для меня это было привычным занятием! «А пошел ты!» их забавляло то, как я чертыхаюсь и осыпаю их проклятиями, пока они со всех ног, галопом убегают от меня!.. я находил их снова в буфете или у дверей артиллерийского состава, они хихикали, звучала «Лили—Марлен», вокруг было полно мужчин… они опять убегали!.. я был для них чем–то вроде пугала!.. и мне на это было глубоко плевать, черт подери!.. но вот папаша? возможно, он начинал склоняться к мысли, что я был с ними заодно… тогда на его расположение я мог больше не рассчитывать… точнее на некое подобие расположения… впрочем, я уже привык к тому, что на меня постоянно падают самые страшные подозрения… мне все время приходится балансировать на краю пропасти!.. черт их разберет этих немцев, особенно этих фон!.. они все такие слащавые, любезные и жестокие!.. я отвечал за санитарное состояние вокзала, должен был оказывать первую медицинскую помощь беженцам… проституция и залы ожидания то-

же были закреплены за мной! я должен был за всем следить!.. все контролировать!.. но как?.. да никак!.. ведь ничего же не было!.. ни серы от чесотки… ни новарсенола от сифилиса… абсолютно ничего!.. даже презервативов… ни хуя!.. так что мне оставалось только галопировать!.. вместе с этой Хильдой!.. хорош бы я был, нечего сказать!.. а теперь представьте себе на мгновение войсковые эшелоны, которые постоянно куда–то отходят… и откуда–то прибывают… всю эту фарандолу стрелок! поэзию расставаний и встреч!.. горы движущегося пушечного мяса! о беспрестанном движении в небе я уже говорил… на рельсах было то же самое, поезда за поездами… бесконечные составы… с молодняком, призывниками, представителями всех народов и всех родов войск… впремешку с пленными!.. сидящими у дверей со свешенными наружу босыми ногами… голодными!.. продрогшими!.. переминающимися с ноги на ногу!.. горланящими Лили Марлен!.. венграми, чехословаками, власовцами, балтийскими финнами, самой разношерстной солдатней из европейской сборной солянки!.. по меньшей мере из двадцати семи армий!.. и все это движется! поет! дрочит! мчится вдаль! а бронированные поезда с вот такими пушками! с громадными,

наведенными прямо на вас стволами!.. этих бронитозавров волокут за собой сразу два или три локомотива!.. бесконечная череда поездов!.. Богиня войны, Артиллерия… составы за составами… соловьиные рулады! ночь! чьи–то выставленные наружу волосатые мослы без сапог… солдаты требуют, чтобы им прислали девок!.. они больше не могут ждать, им невтерпеж!.. чертов узел, пересечение сразу нескольких путей сообщения!.. как для Армадас[309]: Лондон—Мюнхен—Вена… так и для военных поездов и фургонов: весь хлам, пушечное мясо из Франкфурта и Саксонии переправляли в Италию через Бреннер…[310] вероятно, кому–то очень нравилось играть в эти игры, ведь достаточно было одной бомбы, чтобы от вокзала камня на камне не осталось!.. все бы разнесло!.. вдребезги!.. нет!.. нужно было, чтобы это продолжалось! и хуже всего было то, что все поезда, о которых я вам сейчас говорю, обязательно здесь останавливались… они постоянно маневрировали вокруг станции! постоянно!.. всю

---

[309] Примечания: 309

Имеются в виду армады военных самолетов Французской Республиканской Армии

[310] Примечания: 310

Бреннер — горный перевал, расположенный между Эцтальскими и Циллертальскими Альпами, на границе Австрии и Италии, через который проходит один из перевальных путей через Альпы.

ночь напролет!.. на запасных путях… они уходили… а потом опять возвращались!.. повреждение путей!.. от стрелок осталось мокрое место!.. и снова все сначала! солдатня — сразу же за пианино!.. будущие юные мамаши — на колени к новым ухажерам!,. праздник продолжается! толчея почти как в Ловене, у сортиров на нашей лестничной площадке, правда тут все в форме и босиком… просто никто не успевает обуться, когда второпях выскакивает из вагона, чтобы поскорее обнять свою «брюхатую» мамзель — и затянуть вместе со всеми песню! а уж пожрать здесь всегда найдется и кое–что получше, чем наша репа!.. так что мои куколки довольны! солидные солдатские котелки, сосиски, картошка!.. настоящий жир, настоящее масло, есть чем как следует набить брюхо!.. грохот вокруг этих составов стоит невообразимый!

Все вокзалы мира похожи друг на друга, особенно тогда, когда там останавливаются военные поезда… жизнь на земле должно быть началась с вокзала, задержки в пути… посмотрите, как туда тянет девчонок… конечно… эта чертова шлюха Хильда бегала туда из–за воспаленной девственности, а не для того, чтобы пожрать из солдатского котелка!.. просто здоровые дев-

чонки!.. юные секс–бомбы залов ожидания! это ненормально, когда в одно место прибывает сразу столько истекающих потом волосатых вонючих самцов… вагоны переполнены!.. и во всех возбужденно орут: Lieb! Lieb!..[311] по правде говоря, им еще здорово повезло, что их не сцапали охранники из С. А., а то бы их могли раздеть, избить, а может и того хуже!.. Хильда и ее напарница обслуживали приезжих по высшему разряду! коварные кокетки!.. а Полевая Жандармерия на вокзале, следившая за порядком на платформах, орудовала исключительно прикладами и дубинками! это были настоящие гориллы! они сметали все, что попадалось у них на пути… их вызывали в крайнем случае, когда нужно было успокоить чрезмерное волнение в вагонах, у пианино, расчистить пути от скопления людей, чтобы могли пройти поезда… порядок они наводили быстро! при помощи дубинок!,. а в случае сопротивления? паф! маузером!.. с этими револьверами–пушками лучше не шутить! так что все быстро улаживалось! стоило Хильде с подружками увидеть С. А.… как они пускались наутек! стайка пугливых ланей!.. правда, вскоре

[311] Примечания: 311
Любовь! Любовь! (*нем.*)

они снова появлялись, уже с другой стороны!.. одно можно с уверенностью сказать о Хильде, в былые времена ее бы уже выдали замуж… конечно, ей было всего шестнадцать лет… но пардон! она уже вполне созрела! это я вам как врач говорю… я изобрел специальную шкалу «совершенства» от 1 до 20… уверяю вас! невозможно найти хотя бы одну хорошо сложенную девушку даже среди тысячи претенденток!.. живость, мускулы, дыхание, нервы, обаяние… колени, щиколотки, бедра, осанка!.. возможно, я чересчур придирчив, согласен… у меня замашки Великого Герцога или Эмира, воспитателя чистокровок!.. что ж!.. у каждого есть свои маленькие слабости!.. я ведь не всегда был таким жалким, зачуханным, замордованным, невзрачным ублюдком, как теперь… но в самом деле!.. серьезно!.. мужчинам, как правило, приходится довольствоваться какими–то дебильными монстрами, рахитичными, бесформенными, без возраста и души! о, моя Благоверная!.. я весь сгораю от страсти, моя дорогая!.. да при виде объектов их любви самые озабоченные неврастеники и дикие приапические гиббоны! и те, наверное, отрезали бы себе яйца!.. уверяю вас!.. ах, как бы там ни было, но эту Хильду Раумниц я в состоянии вполне

объективно оценить!.. на «Конкурсе девушек и животных» самое строгое судейство присудило бы ей не меньше «16 из 20»… я разделяю мнение Пуанкаре:«если явление природы невозможно измерить, значит оно просто не существует», что касается женщин и их привлекательности, то обычно они не дотягивают даже до 20!.. и не простых женщин!.. а даже на «Конкурсе Красоты»!.. редко можно увидеть что–нибудь средненькое!.. 10 из 20! какие там колени, щиколотки, груди!.. подушки жира в брюшной полости и дряблое мясо, кое–как насаженное на тощие косточки!.. к тому же еще и кривые!.. а эта маленькая шлюха, Хильда, была настоящим чудом Природы, без малейшего изьяна!.. само совершенство, чертовски хороша!.. совершенство?.. ну все–таки 16 из 20!.. я стараюсь рассуждать как ветеринар и как расист… оперировать самыми общими понятиями, больше–меньше, напыщенный язык, как у Пруста, только все портит… необходимо лишь сравнить!.. сопоставить!.. задать масштаб!.. и больше ничего!.. «задерите юбку! так, посмотрим! ну и сколько?» как садовод, если хотите!.. никакой предвзятости: цветок!.. просто оцениваем цветок!.. лепесток! стебель! и подводим итог! Пуанкаре был бы нами доволен!.. Хильда и в умении

обольщать (еще одна неотъемлемая женская черта) тоже весьма преуспела!.. светлые пепельные волосы… и не крашенные, а свои, настоящие!.. причем, до пят!.. воистину прекрасное бошское животное… небольшие колени, узкие щиколотки… какие встречаются крайне редко… хорошо развитые бедра, маленькие мускулистые ягодицы… выражение лица не особо приветливое, скорее суровое… в духе Дюрера, как у папаши… во всяком случае ничего общего с «пылкой горничной» или каким–нибудь там «ангелочком»… от этих ублюдочных сравнений вообще импотентом можно стать!.. папаша, комендант, в свое время, должно быть, был очень хорош!.. мамаша, дородная одалиска!.. впрочем, у Айши тоже был свой шарм!.. я закоренелый расист, и всегда был против (надеюсь, будущее подтвердит мою правоту) подобных экстравагантых скрещиваний… но Хильда, признаю, удалась на славу!.. чего никак нельзя было сказать о моих попытках вернуть эту дрянную девчонку в Ловен!.. хотя я понимал, что для нее и ее шаловливых подружек все это может очень плохо кончиться!.. резвые малолетки буквально заполонили весь вокзал!.. я мог бы обратиться за помощью к Полевой Жандармерии!.. но я предпочитал этого не делать… я помнил о

беременных женщинах вокруг пианино и на софах… они жрали досыта, а на остальное им было плевать!.. некоторые были уже на шестом месяце!.. восьмом месяце!,. так что аппетит у них был дай Боже!.. сосиски, bier,[312] гуляш! что я мог предложить им взамен!.. жандармы их избивали! они приехали сюда со всех концов Франции, изо всех провинций!.. почему они бежали сюда?.. в Зикмаренген?.. кого они там могли предать, у себя в деревне?.. просто сдрейфили? или решили попутешествовать, надоело весь день торчать на заводе?.. а может, у них мужья в Л. Ф. Д.?.. или женихи из бошей?.. тут могли быть и просто почтовые служащие с письмами до востребования?.. почти у каждой свой прононс… Север, Центр, Юго—Запад… спрашивать их о чем–нибудь было бесполезно, все равно правды не добьешься!.. объединяло их только одно: аппетит… маленькая добавка лапши, которую я иногда мог для них раздобыть, или месиво из репы два раза в неделю, вряд ли могли их насытить! значит, это само Провидение посылало им солдатские харчи и щедрые «полевые кухни»!.. я не собирался им мешать!.. и все же… все же… они доставляли мне немало

[312] Примечания: 312
Пиво (*нем.*)

хлопот!.. чесотка, вши, блохи, гонорея, клопы… вы не представляете! с какой скоростью все это распространялось! понятно, что на вокзале такого быть не должно!.. а тут вдруг еще появлялась какая–нибудь новая гадость, какой–нибудь неизвестный микроб, палочка, забавная спирохета, которая размножалась даже в дезинфицирующих средствах! случались и такие аномалии!.. я все это наблюдал на своих беременных! они ее сразу подхватывали!,. чем они только себя не пичкали, заглатывали по тридцать, сорок таблеток, лежа у себя в дортуарах вдвоем на одной подстилке… а жили они наверху, в городе: Schlachtgasse, здание бывшего Сельскохозяйственного училища… оно тоже было закреплено за мной, мне надлежало периодически осведомляться… о состоянии здоровья этих дам… они тоже все чесались, эти шалуньи!.. смотрелся я там конечно стремно: без серы, без ртути, без солдатских котелков!.. особенно без солдатских котелков! слова, слова, слова!.. этакий Гамлет, философствующий с беременными женщинами! to be or not to be солдатским котелкам!.. к счастью там почти всегда никого не было!.. я благословлял вокзал!.. и благодарил Небо за то, что оно даровало им это вокзальное изобилие! тарелка аппетитного армейского су-

па!.. баюкающие звуки пианино… вот и все, что им было нужно для счастья! ах да, еще крепкие колени хористов… и Лили Марлен! и в этих не слишком целомудренных позах, по три, четыре беременных дамы на одного кавалера! они изучали настоящий немецкий… благодаря Лили Марлен!.. кстати, пели в войсках совсем неплохо… никто не фальшивил!.. на три!.. четыре тона!.. в буфете, на платформах и во всех вагонах… «роды без боли»… о, для этого, мне кажется, достаточно было кормить их во время родов солдатской жратвой! они ведь и рожать готовы были прямо на вокзале!.. в Сельскохозяйственном Училище их опять ждала лапша!.. ничего лучшего им там предложить не могли!.. ни Бринон! ни Раумниц!,. ни Петэн!.. но не было еще такого случая, чтобы солдаты, будь то фрицы, словаки, хрянцузы, русские, японцы или пауины[313] не поделились с кем–нибудь своей пайкой!.. с этой точки зрения значение Армии трудно переоценить!.. когда мы жили рядом с казармами, мы были обеспечены всем необходимым!.. трубили «подъем», а все что нужно, было уже у наших дверей… очередь

[313] Примечания: 313

Пауины (или фанги) — народ, живущий на севере испанской Гвинеи и Габона, недалеко от южной границы Камеруна, где Селин жил в 1916–1917 гг.

из голодных мужчин за тарелкой «солдатской кирзухи»... ничего лучше люди так и не придумали... старые добрые армейские традиции... все меняется, но лучше от этого не становится... при нынешнем лицемерии вас могут накормить разве что газетами или директивами и постановлениями... а еще лучше! и более эффективно! танками!.. по рецепту Nacht—Nebel...[314]

Ну а что до меня, то я продолжал слушать умопомрачительные концерты дружного хора малолетних мамаш, беременных «многостаночниц» и солдатни из армий всего мира! подобных «ансамблей» пехотинцев, женщин, саперов и малолеток я больше не видел нигде!.. там у пианино в привокзальном буфете им удавалось достичь удивительной гармонии!.. ни одной фальшивой нотки! каким пошлым балаганом, фуфлом кажутся после этого Максим и Фоли—Бержер![315] просто небо и земля! стареющие Венеры! Ромео в париках, чахоточные Карузо с сиплыми голоса-

---

[314] Примечания: 314

Nacht und Nebel — букв.: ночь и туман (*нем.*). Так назывался гитлеровский декрет о мерах против анти–немецких деятельностей в оккупированных странах, многие из которых должны были осуществляться в тайне от местного населения. Этот декрет часто цитировался на Нюренбергском процессе как один из примеров жестокости нацистов.

[315] Примечания: 315

Максим и Фоли—Бержер — ресторан и варьете в Париже

ми… тоска смертная!.. то ли дело у нас в буфете: двадцать, тридцать поездов в день!.. вся Европа в форме, буйство нерастраченных сил… да еще пленные!.. с Востока, Запада, Севера… швейцарская граница… Бавария… Балканы…

В самом деле, людям без войны скучно… когда рожок трубит сбор, начинается праздник!.. грандиозные всеобщие каникулы! реки крови!.. бесконечные передвижения!.. армии ведь никогда не останавливаются!.. перегруппируются и снова в путь! остановить их можно только взорвав…составы, движки, panzers!,. бронированные фургоны до верха набитые «снаряжением самцов»! Хильде и ее подружкам было от чего трепетать!.. состав за составом, и все «босые»!.. сколько мяса!.. ах да! я не рассказал еще об орде несчастных «работниц».. в Германии ведь было 200000 француженок… которые из Берлина, ото-всюду, со всех заводов буквально обрушились на Зикмаринген!.. ища защиты у Петэна!.. и жратвы тоже, а как же!.. сначала они попадали на вокзал!.. выпрыгивали из вагонов прямо через окна!.. так что вы можете себе представить, сколько там вокруг поездов ошивалось голодающих! толчея! хуже, чем у нас в вестибюле Ловена, вокруг W-C!.. только здесь мочились прямо под себя… не

прерывая пения, на коленях у пианиста!.. «дикие нравы»! вероятно, это вокзальное пианино было самым мокрым инструментом в мире: моча стекала по нему ручьями!.. правда, в Лондоне я тоже как–то играл на пианино, стоявшем в кузове машины, а мои руки были мокрыми от мочи!..[316]

И еще!.. чуть не забыл!.. дьявольское нашествие!.. три поезда до отказа набитые машинистками, шефами отделов, генералами в штатском… три поезда из миссии Приблудон, которые непрерывно то отправлялись, то возвращались назад! на Констанс!.. до ближайшей развилки! оп!.. свисток! приехали! возвращаемся!.. опять рогатка!.. выходить им запрещалось!.. они все повыскакивали, и бегом! тоже босиком!.. кто куда!.. копыта у всех потрескались, страшно смотреть!.. два месяца они колесили по Германии! укрываясь от бомб в разрушенных акведуках!.. помыться было негде! все в лохмотьях!.. шары у всех навыкате, еще не успели прийти в себя от ужаса! раз десять они попадали под обстрел!.. а что их ждет там, за тем поворотом? в том туннеле?.. за той деревней? вагон сошел с рельсов — сами! таскать камни для балласта — сами! помощи ни

---

[316] Примечания: 316

В романе «Guignol's band» Селин описывает этот эпизод своей жизни.

от кого ждать не приходилось!.. вероятно, они приняли Зикмаринген за Лурд!..[317] Мекка Петэна! Манно—Небесная Станция! от этого зенки у них совсем повылезали из орбит! у каждой дверцы!.. по двадцать!.. тридцать жутиков!.. и все пялятся на то, как сам Петэн, лично, канает к ним! и накормил их он сам, от своих щедрот!.. изрядно компенсировав тем самым пережитые им страдания!.. фазаны, шампанское, мороженое, мараскин!..[318] вот такие сигары!.. но как только Петэн исчез, а вместе с ним исчезли и накрытые столы, они не стали ждать, когда добрый Дедушка Мороз придет опять, а навалились на солдатские харчи!.. на кирзуху из полевых кухонь!.. они считали, что имеют право жрать за троих!.. о, у них больше не было никакого желания снова садиться на поезд и куда–то ехать! они сразу же включились в состязание с теми, кто был на платформе и в буфете, по запихиванию в себя дармовой жратвы!.. по набиванию брюха!.. причем, все, без исключения!.. и по ссанью на дальность… и по лазанью на столбы, кто выше залезет! ве-

---

[317] Примечания: 317

Лурд — город на юге Франции, один из основных центров паломничества католиков.

[318] Примечания: 318

Мараскин — сорт вишневого ликера.

сельчаки! хохотушки! директора, машинистки, генералы!.. обжирающиеся, рыгающие, поющие!.. Лили Марлен!.. вот мелодия, которая до сих пор, несмотря на все напасти и национальные катастрофы, вызывают у всех настоящую ярость… армии всего мира с одной стороны, с другой… тоже должно было быть что–то соответствующее! вы, вероятно, скажете: да можно насчитать пятнадцать!.. двадцать песен не менее популярных и куда более ужасных! конечно… и все–таки, с одной стороны одно, а с другой? извините!.. и тем не менее, Бухенвальд,[319] Кей—Вест,[320] Сен—Мало!..[321] то–то и оно!.. ну–ка! споем!.. кстати, должен заметить, эти парни из Центральной Европы имели на редкость хорошие голоса… словены, чехо–болгары, поляки… они могли петь в любой тональности!.. все балдели у пианино, которое уже окончательно превратилось в писсуар!.. и редко, когда в толпе не оказывалось

---

[319] Примечания: 319

Бухенвальд — немецкий концлагерь, созданный в окрестностях Веймара.

[320] Примечания: 320

Кей—Вест — город и порт в США (штат Флорида)

[321] Примечания: 321

Сен—Мало — город на с-з Франции, на побережье п-ова Бретань, рыболовный порт. Вероятно, здесь Селин просто перечисляет разные названия городов, чтобы показать насколько распространена была песня «Лили Марлен»

сразу трех, четырех пианистов… вполне приличных таперов!.. я в этом немного разбираюсь!.. а мальчики–то были из самых низов… в основном, работяги, чернорабочие, здоровенные мужики… у нас во Франции принято считать, что артистов необходимо понукать, постоянно хвалить или чехвостить в хвост и в гриву… ерунда все это!.. артист, особенно певец, по–настоящему может раскрыться только тогда, когда чувствует себя свободно, раскованно, непринужденно…

Черт, опять я со своими обвинениями!.. я сейчас закончу!.. беременные женщины, работницы из поездов и стражи порядка из С. А. совсем затуманили мне мозги!.. да еще эти из миссии Приблудон!.. эти–то были типичные французы! все как на иголках!.. стоило Маршалу перестать к ним ходить, как они сразу жаловаться! как! он даже ничего им не прислал! о, они собирались ему писать! и немедленно! сейчас же! прямо на рельсах! primum! Primum!..[322] если Франция когда–нибудь и погибнет, то не от ядерной реакции Z… Q… H…! а вот от этого примума жратвы! для того, чтобы ее завоевать, нужно на каждый квадратный метр ее территории поставить по

---

[322] Примечания: 322
Во–первых, прежде всего! (*лат.*)

полевой кухне, да выкатить побольше бухалова, чтобы всем хватило, на площадь Согласия, и вы увидите, как все сразу здорово устроится! как вам все сразу покорятся! с каким энтузиазмом!.. вы просто не будете знать, куда спрятаться от приверженцев!.. так вас все будут любить!

А тем временем всем приблудным путешественникам пора было возвращаться обратно в поезд! их паровоз гудками оповещал их о скором отбытии!.. как же! сейчас!.. они даже на рельсы ложились! между вагонами! пусть уж их лучше раздавит!.. а с места они не сдвинутся!,. ну так что, едем?.. или нет?.. С. А. вопили: los! los!...[323] мол, поезд сейчас все равно тронется! но машинисты медлили... на рельсах было полно старушек!.. о них я вам еще не рассказывал... это была еще одна, особая категория «льготниц»... им должна была оказывать помощь наша мэрия... да! да! наша! французская! но в отделе социального обеспечения думали только о том, как бы побыстрее избавиться от лишних ртов, отправить их подальше! через всю Германию... с первым же поездом!.. отправил! и, как говорится, «гора с плеч»!.. я сам видел у мэра на стене огромную

---

[323] Примечания: 323
Быстро! быстро! (*нем.*)

карту Германии, она была нужна ему для того, чтобы выбирать им новые места назначения, а какие — неважно!.. «ваше прошение удовлетворено!» у этих старух сыновья были разбросаны по всему свету… кто в Л. Ф. Д., кто в Польше, кто в Силезии, кто в Kriegsmarine… о, избавиться от них было не так–то просто! все развилки были расфигачены бомбами, и они постоянно возвращались назад… на вокзал… а куда им было еще идти!.. облаченные в бошскую военную форму, снятую, скорее всего, с убитых… они уже все потеряли!.. они бежали из Франции, из Дрома, Лозера, Гюйенн… дома у них сожгли и разграбили!.. точно так же, как и у меня… так что кроме Петэна им податься было некуда!.. для дам определенного возраста Петэн был олицетворением Франции, их последней надеждой… они возвращались из самых отдаленных dorf,[324] из–под Бранденбурга, из Саксонии, Гановера, пешком, босые, в солдатских шинелях!.. ах, в помощи нашей мэрии они больше не нуждались!.. так как не хотели услышать снова: «поторопитесь! садитесь на первый же поезд, бабушка! вот ваш билет!» все это они уже слышали!.. и не раз!..

---

[324] Примечания: 324
Деревня, село (*нем.*)

Если бы они где–нибудь в пути окочурились, то этого бы никто даже не заметил… э, черт! да сколько их там сгинуло?.. те, что возвращались, бабульки с опытом, заявляли, что никаких билетов им больше не надо!.. они останутся тут на вокзале, и все! самые преданные Петэну ложились на рельсы!,. вместе с дамами из Миссии!.. теперь их больше не проведешь, угрозы и дубинки на них тоже не действовали… у полевых кухонь все просто попадали со смеху, глядя на то, как они вызывающе себя вели!.. место свое никому не уступали! один им харч подавай!.. другой!.. меня они замечали уже издали, стоило мне прийти, как они требовали, чтобы я их осмотрел: язык, печень, давление… ну прямо как в Клиши… еще и изжога! чтобы я все внимательно проверил, им необходимо было лечь… я должен был прощупать их желудок, в том месте на которое они указывали! там, где у них была изжога!.. вот у них в Вулзаноне (Ло) доктор Шамуэн[325] (которого я наверное знаю) прописал им какой–то порошок… названия они уже, конечно, не помнили… но он так чудесно на них подействовал!.. (я его тоже

[325] Примечания: 325

Шамуэн — так звали санитара, который в Зигмарингене помогал двум французским врачам, а, в марте 1945 года отправился вместе с Селином в Данию.

наверняка должен знать).

«О да! да! конечно, мадам! я вам его обязательно принесу! а вы пока побудьте тут! подождите!»

Мне приходилось давать по двадцать консультаций, на всех скамейках… от стены до стены… еще и в буфете!..там было тяжелее, мешало пение!.. и не только старушкам, а всем, кто там был… гражданским и военным… пианино не умолкало ни на минуту… Лили Марлен тоже!.. снаружи грохотали поезда… а в воздухе гудели воздушные «крепости»… Лондон—Мюнхен… Дрезден… проклятая галльская уточненность, все время кажется, что вот–вот на тебя обрушится небо!.. в любой момент!.. а всем на это абсолютно плевать!.. харчи им куда важнее! какое там, к черту, небо! и бабулькам в форме!.. и моим беременным! кокетки!.. вместо сапог, они обматывали себе ноги газетами, а сверху бечевками и соломой привязывали остатки старых фетровых шляп, и в этом могли часами торчать на улице!.. даже под проливным дождем! пленные, те предпочитают гетры! из проколотых шин… я был в Камеруне, так там в «шинах» ходили целые племена… в сущности, многие просто не знают… а во всем мире люди прекрасно обходятся без обуви… когда грохнет бомба Н… V…

или Z... вы тоже сможете познакомиться с этими гениальными изобретениями!.. совместного производства Манхэттен—Москва!.. бомба — это ведь результат всего лишь минутной вспышки ненависти, а вот сапоги — это воистину вечная проблема! впрочем, меня тогда больше волновали, как доставить малышку Раумниц домой... мне не следовало забывать про ее папашу!.. итак, опасность подстерегала на каждом шагу! небо, я уже сказал, как обычно!.. эти эскадры над крышами вокзала и Замка, стоило им только захотеть, шевельнуть пальчиком, и от нас осталось бы одно мокрое место, от нас, акведуков и всех эшелонов с войсками!,. одна бомба!.. и все снаряды сразу же взрываются!.. видели бы вы, что стало с Ульмом!..[326] на весь Ульм у них ушло не больше четверти часа!.. ну а для меня в настоящий момент главной стратегической задачей было возвращение Хильды к отцу! я звал ее уже раз двадцать! Хильда! можно было еще раз сходить за ней! но лучше было сразу прибегнуть к помощи С. А.!.. все по вагонам! очистить платформы,

[326] Примечания: 326

Вместе с другими беженцами в Зигмарингене Селин наблюдал издали (город Ульм находится на расстоянии 70 километров от Зигмаренгена) бомбардировку Ульма. Это зрелище настолько поразило его воображение, что он постоянно возвращается к нему в своих романах.

буфет и рельсы! а там видно будет! о, но тут сразу же все начинают сопротивляться! кричать! «С. А., гоните всех их в шею!» я вам уже говорил, что из себя представляли эти С. А.... какие это были здоровенные накачанные жлобы, злые и упрямые, со лбами горилл, да еще вооруженные вот такими маузерами! небольшими «карманными пушками»!

«Franzose? franzose?»

Это они ко мне обращаются.

«Nein! nein! Оберштурмфюрер фон Раумниц.»

Я не хочу, чтобы они медлили, о, они и не думают медлить!.. сперва — в буфет! «Raus! raus![327] к беременным женщинам и их хахалям! «Raus! raus!«... сладкие парочки покидают диваны!.. сваливают, правда, огрызаясь!.. на венгерском... болгарском... Platdeutsch!..[328] представители всех родов войск... пехотинцы, саперы, Todt...[329] даже югославские пленные... и те выражают недовольство! как мужчины! так и женщины!

---

[327] Примечания: 327

Убирайся! убирайся! (*нем.*)

[328] Примечания: 328

нижненемецкое наречие (*нем.*)

[329] Примечания: 329

Todt — немецкая служба, которая использовала труд угнанных в Германию иностранных рабочих.

особенно недовольны пленницы… болтают ногами в воздухе!.. литовки, с такими светлыми, почти серебряными волосами!.. я их почему–то особенно запомнил… это для них был далеко не первый вокзал, с кем только хором не приходилось петь… на три, четыре голоса!.. ля! ля! соль диез! о, да они вовсе и не собирались расходиться! особенно беженцы из Страсбурга! Лили Марлен! да еще как! под пианино, во весь голос! и опять пипи! bier! колени! здоровенные откормленные ряхи!.. ля! ля! соль диез! а тут еще эта миссия Приблудон, солидные директора и машинистки, шастают от одной двери к другой, хватая на ходу хлеб и сосиски! милые шалости! а еще в пенсне! я чувствовал, что добром все это не кончится!.. бабульки на рельсах по–прежнему делали вид, что ничего не слышат… дело принимало серьезный оборот, и чтобы я там ни говорил, но заварил эту кашу я! ведь это я обратился к С. А.! а этого–то как раз и не нужно было делать! и вот результат: свалка и бардак! потасовка! кто кого?.. С. А.? приблудшие? военные? пощечины, тумаки! а как же пианино?.. полевые кухни? дисциплина?.. теперь я не сомневался, без крови здесь не обойдется!.. это уж точно!.. ладно, Марлен Марленой!.. а мне нужно было доставить Хильду домой!.. меня бес-

покоил ее отец!.. а вдруг его дочь сочтет, что с ней тут плохо обошлись, тогда меня ждет небольшой нагоняй!.. не понимаю, как я мог так вляпаться?.. ведь ни Бринон, ни Петэн ничего мне не поручали!.. Бюкар, Сабиани и остальные тоже!.. это у меня, наверное, на роже написано, что я такой ответственный, я сам везде лезу! набиваюсь на неприятности!.. а все и рады, что нашелся один идиот, который за всех надрывается и готов выполнять самую грязную работу! просто замечательно, им самим и делать ничего не нужно!.. можно вас попросить об одном одолжении, Фердинанд! нет, этот Раумниц фон Оберфюрер действительно был из тех бошей, с которыми нужно держать ухо востро! впредь нужно быть с ним повнимательней! я ведь натыкаюсь на него по два, три раза в день…

В конце концов, буфет и платформы С. А. все–таки очищают! под Марлен и другие песни!.. пианино молчит… слушающие… солдатня и бабульки, раз уж их выгнали, берутся за руки!.. и привет! гуськом — в город! вместе с местными домохозяйками! самыми любопытными, притащившимися поглазеть на драку!.. рука в руке!..я тоже вздохнул с облегчением: слава Богу, все обошлось! Хильду и ее подружек я нашел!.. в общем,

С. А. неплохо бы справились со своей работой, если бы ни досадный случай! тут вдруг: паф! я сразу понял: стреляют! достукались!.. двенадцать человек из С. А. решили отделить женщин от мужчин!.. помешать их дружному шествию! вы представляете! они оттесняли мужчин к вокзалу, а женщин — к городу!.. роковое стечение обстоятельств! бам!.. бум!.. котелки — в сторону! ну, думаю: на сей раз Фердинанд, ты влип основательно!.. я наблюдал за происходящим со стороны!.. еще два выстрела!.. и все стихло! кто же это стрелял?.. о, это совсем недалеко! все видно… один фриц лежит на земле!.. я — туда!.. а там уже вокруг толпится народ… стрелял один из С. А.… у него с убитым были свои счеты!.. пуля пробила дырку в спине, из которой струйкой льется кровь… рана пульсирует… кровь льется еще и изо рта… фриц с вокзала, с бронепоезда… в хаки, как и все, правда теперь его хаки стало совсем красным… кровь хлещет прямо на шоссе… он и глазом моргнуть не успел!.. выстрел в спину!.. я подошел, нащупал его пульс, прислушался… никаких признаков жизни!.. все ясно! тут мне делать нечего… а вокруг уже шумят! переговариваются!.. и все громче и громче! С. А. подвергается всеобщему осуждению! мол, это скоты, а не люди! и сколько

еще можно их терпеть! этих душегубов, которые в тыщу раз хуже сенегальцев из Страсбурга! да сенегальцы и сынки из Веркора[330] просто ангелы в сравнении с этими убийцами! только от них и можно ждать избавления!.. о, они–то это хорошо знают! они столько раз имели дело с маки! вполне могут сравнить! да здравствуют сынки! начинает скандировать толпа! да здравствуют русские! я вижу, что местные, беременные и солдатня совсем ополоумели и в любой момент могут наброситься на С. А.! те опять начнут стрелять!.. о, на сей раз одним трупом не обойдется! будет настоящая мясорубка!.. и тут, я сам лично могу засвидетельствовать этот исторический факт, положение спас Лаваль! если бы не его вмешательство, там такое бы началось, что даже страшно себе представить!.. к счастью, он как раз тогда проходил мимо!.. вместе со своей женой!.. он никогда не выходил на прогулку в одно время с Петэном!.. как и тот, он шел к Дунаю, но по другому берегу… в этот раз он повернул к вокзалу… к счастью для нас! так как если бы не Лаваль, здесь бы была гора трупов!.. я его сразу же заметил… когда он подошел… он тоже меня увидел и рукой

[330] Примечания: 330

Веркор — район во французских Альпах, где в 1944 году располагался один из очагов Сопротивления

мне показывает, что уже все понял…

— Плохо дело, доктор?

— О да, господин Премьер…

Он знал, что такое смерть, в него ведь тоже однажды стреляли в Версале,[331] и не просто, чтобы попугать, а покушались всерьез, с рацией… та пуля еще долго давала о себе знать… это был смелый человек… он терпеть не мог насилия, причем не только по отношению к себе, он, как и я, испытывал непреодолимое отвращение к любому насилию вообще… я его всячески поносил, называл евреем, и он знал об этом, я ведь повсюду трезвонил о том, что он жид, так что отношения у нас были весьма натянутые, поэтому теперь я могу говорить о нем вполне объективно… Лаваль по натуре своей был очень кроток… добряк!.. патриот! пацифист!.. везде и всюду я вижу одних садистов… но к нему это не относится! нет!.. он был другим!.. бывало я заходил к нему, на его этаж, и мы дни напролет очень мило беседовали с ним о Рузвельте, Черчилле или Интеллидженс Сервис… Лаваль всей душой желал, чтобы на земле установился долгий и прочный мир, он ведь Гитлера совсем не любил… кстати и тогда, к

---

[331] Примечания: 331

27 августа 1941 года в Версале, в расположении Л. Ф. Д. на Лаваля было совершено покушение.

лежащему на спине фрицу, он явился, чтобы всех успокоить и помирить!.. я ему сразу сказал…

«Господин Премьер, последняя надежда на вас! если С. А. сейчас не остановить! они тут всех перебьют!»

И это действительно было так!.. все двенадцать ощерились!.. маузеры — на нас! Лаваль хочет во всем убедиться сам, не обращая внимания на наведенные на него дула С. А., он подходит к мертвому, и, сняв шляпу, почтительно склоняет перед ним голову… остальные вокруг делают то же самое… вслед за ним… вся собравшаяся вокруг шелупонь… женщины крестятся, С. А. по–прежнему не спускают с нас глаз.

— Он мертв, доктор?

— Да, господин премьер!

Потом он обращается к толпе:

— Послушайте! расходитесь по домам! все! идите за доктором!

Теперь он поворачивается ко мне:

— А вы, доктор, вы сейчас возвращаетесь в Ловен?..

— Да, господин премьер!.. а дамы в свои дортуары в Сельскохозяйственном Училище!..

— Вы их проводите?

— Да! непременно! господин премьер!.. а эту

юную девушку по имени Хильда к ее отцу!..

— Ну и кто же ее отец?

— Комендант фон Раумниц…

— Фон Раумниц… ну хорошо! хорошо!..

Присутствие Лаваля и его жены, которые к тому же держались нак просто и естественно, со всеми безо всякого высокомерия беседовали, сразу же как–то успокоило толпу!.. на убийц больше даже никто не смотрел!.. на покойника тоже! все взгляды были устремлены на Лаваля и его жену… удобный случай… чтобы задать ему кое–какие вопросы!.. скоро ли все это закончится?.. а немцы победят? или проиграют?.. он–то наверняка знает!.. еще бы! он должен знать все!.. но он даже рта не успевал открыть, чтобы им ответить!.. они отвечали за него! сами! точнее, до него!.. вокруг Лаваля собрался настоящий Форум… или даже скорее Биржа… вокруг Лаваля и его жены!.. кто кого переорет! каждый гнул свое! что он не понял того! этого! должен он был так поступить! или не должен! Лаваль тоже был упрям! не любил уступать!.. Палата! Форум! один черт!.. он всегда перед избирателями держался уверенно!.. а я видел, и это меня вполне устраивало, что все эти ораторы, малолетние мамаши, Лаваль и его жена потихоньку поднимались в Ловен!.. к поездам и

в буфет никто возвращаться не собирался!.. все двигались в одном направлении!.. однако Лаваля начинали все больше и больше донимать вопросами, на лацканах его пиджака повисло сразу несколько человек!.. они требовали, чтобы он признал свою ошибку! покаялся в своих заблуждениях!.. это, пожалуй, было уже слишком!.. но Лаваль недаром был адвокатом! и Главой Правительства… он мог, когда надо, настоять на своем! но он умел и лавировать, соизмерять свои силы с обстановкой, что особенно было важно теперь, когда десять человек со всех сторон вцепились в его рукава и тащили за собой! он это видел!.. и прекрасно понимал! что здесь он не в Обервилье[332] или на Трибуне!

Что до меня, то я радовался, глядя на то, как все поднимаются в город, остальное меня не касалось.

Он, Лаваль, всегда считал себя выдающимся адвокатом, но здесь он обнаружил не одну!.. а сразу сто малолетних матерей! домохозяек, блядей, беженок из Страсбурга… Лозера… и Де—Севра… которые разбирались во всем гораздо глубже его!.. ему нужно было еще очень многому у них

---

[332] Примечания: 332

Обервилье — северный пригород Парижа, где жил Лаваль

поучиться!.. да, пожалуй, в Парламенте они забрали бы у него большую часть его голосов! я сам видел, уверяю вас, как Лаваль поднимался от вокзала, осыпаемый градом советов, и отвечая на все вопросы: «Да… да… да…» и так от вокзала до Ловена… потоки слов!.. пылкие речи ораторов!.. митинговые страсти!.. но никакого насилия!.. ни один волос не упал ни с чьей головы!.. исключительно политические методы и аргументированные доказательства! и тем не менее они все поднимались в город! я сам это видел!.. никто и не думал возвращаться! ни один человек!.. о, но этот Лаваль был просто неподражаем!.. настолько искусно он маневрировал своими «да… да… да…»… незаметно за разговорами, уводя их за собой… он умудрялся ответить буквально всем!.. безусловно он спас ставку!.. не только меня, а всех, кто был тогда на вокзале!. более того, все пошли за ним!.. теперь С. А. уже не было никакого смысла стрелять! не в кого! он покорно отвечал на все вопросы, позволял хватать себя за лацканы! делал вид, что не в состоянии возразить столь убедительным аргументам… и все ради того, чтобы довести их до Ловена, к stam'у, к bier'у и к сортиру… а там они сразу же бросились за столики! опять штам! опять похлебка! хватит на

всех! но герр Фрухт загородил собой дверь, он не желал пускать беременных женщин, те должны были хавать у себя! на Шляхтгассе!.. наверху! снова сутолока!.. длительные парламентские переговоры, пока те не соизволили оторвать свои зады от стульев и очистить помещение, унося с собой по килограмму искусственного меда на рыло!.. беременные жрут сладкое тоннами!.. наконец все волнения успокоились… Лаваль остался один… вместе с женой… теперь он мог спокойно повернуться ко мне и сказать:

— Доктор! зайдете ко мне как–нибудь, если сможете?

Они возвращались к себе в Замок… а я, вместе с Хильдой, ее приятельницами и Лили сразу же отправился к Раумницам!.. Айша нас уже ждала…

«Комендант вышел… с собаками… он на вокзале…»

Она никак не отреагировала на то, что я привел ее дочку… с ней она вообще не разговаривала… пожалуй, она могла бы встретить нас и полюбезней… ну а этот–то фон Раумниц уже на вокзале… наверняка из–за этого дела… он уже знал, что там произошло!.. ему по долгу службы полагалось знать все… и сразу же! особенно после того случая в лесу Винсенн во время заговора… я вам еще о

нем расскажу…

***

В конце концов в один прекрасный момент вся эта вечно ревущая детонирующая круговерть, постоянное тарахтение над крышами всех этих «летающих крепостей»… все это идиотическое заунывное громыхание может вам порядком надоесть… надоесть и все!.. и как следствие… вы начинаете испытывать тоску… впадаете в депрессию… должен же человек хоть когда–то отдыхать, иначе у него начинают сдавать нервы?.. а эта вечная круговерть Ф. Р. А. не дает вам ни минуты покоя!.. сирена!.. свисток!.. и снова грохот!.. новая волна mosquitos!.. сначала над облаками… вираж!.. еще вираж!.. почти до самой земли… до шоссе… потом резкий поворот!.. и снова вверх!.. и так без конца!.. вас охватывает непреодолимое желание вернуться к себе домой!.. но у вас больше нет этого «дома»!.. ах, not to be! be! вы окончательно загнаны в угол судьбой!.. зажаты в тиски!.. и тем не менее, вы продолжаете смеяться!.. защищаться и обличать! из последних сил!.. not to be, черт!.. до полного изнеможения!.. но как бы там ни было!.. пусть этот смех вымученный… смех сквозь слезы… я расскажу вам все до конца… если хватит сил!.. мне, в моем возрасте,

вы понимаете, после всего, что я натерпелся от людей лучше было бы спокойно подыхать в своем углу, и никого не трогать, а не изгаляться над окружающими, изощряться в изображении всевозможных ублюдков, женщин и прочих с трудом поддающихся описанию вещей!.. одного случая с «Обществом» достаточно!.. я думаю!.. ради вас я не стал бы пускаться в эти рискованные путешествия!.. в страны!.. в которые почти никто никогда не ездит… нет!.. когда вы зажаты в тиски… загнаны в угол… вам, несмотря ни на что, хочется чувствовать себя свободным!

Я стараюсь изобразить все, как есть, без прикрас, поэтому я вам так подробно все и рассказываю!.. но так уж устроен мир, что люди потом все равно все исказят! самым подлым образом!.. при помощи самой чудовищной лжи!.. а не сомневаюсь, что и меня они постараются представить забавным безмозглым воробушком!.. этаким эктоплазматическим трепачом… который болтает… то об одном!.. то о другом!.. а зачем?.. сам не знает… тот, кого судьба загнала в угол, может себе позволить излить душу до дна… я очень хорошо себе представляю, что многие, окажись они на моем месте, действительно не знали бы, с чего начать… они барахтались бы, как слепые

котята! хорохорились!.. честное слово!.. бормотали бы что–то невнятное!.. когда вас зажало в тиски, когда вы по уши в дерьме, не бойтесь излить свою душу до дна!.. и не теряйте времени! его у вас не так уж много осталось! «сочинять в таком возрасте!«... то есть вдумывать разные истории!.. ни хера себе! те, что помоложе, все дебилы, идиоты, слюнявые, прыщавые, в общем, полные придурки... еще бы!.. «Молодо—Зелено»! это точно! они определенно еще недостаточно «созрели», чтобы это понять... слабоумные, трясущиеся, с ненавистью и ужасом взирающие на тех, кто идет! или уже пришел им на смену! те, наоборот, уже слишком «перезрели»!.. бр–р–р! какое амбрэ от этих камамберов, какие они текучие и вонючие, уберите, уберите их скорее обратно в холодильник!.. в ящик! в склеп! в яму!.. так что не надейтесь, что вам удастся снискать их расположение, вам с вашими жалкими причудами... чье? их?.. этих старых хрычей?.. или прыщавых юнцов?.. желчь... ромашка... яд... алтея... нет, с вами они дела иметь не станут! ни за что!.. ну а мне, вы понимаете, все равно приходится как–то выкручиваться!.. вопреки обстоятельствам... ведь со мной, где бы я ни находился... животные и Лили...

Ахилл?.. Жертрут?.. хрен редьки не слаще!.. вздернуть бы их обоих на одной веревке!.. представляю, как бы они тогда задрыгали ногами!.. и всю их шоблу тоже!.. но сначала!.. перед этим!.. обоих осмотреть! осмотреть обоих?.. на кой хер они мне сдались?.. о, они не должны умереть, не расплатившись со мной!.. ну а потом?.. к чертям собачьим!.. петлю на шею!.. и вперед!.. а я гляну на их языки!.. у кого из них он пожирнее! да подлинее высунется!.. дармоеды проклятые, жулики!.. нет, все равно, не должны они подыхать, не отдав мне должок!.. не может же человеческая душа покинуть этот мир, отягощенная таким количеством висящих на ней долгов…

Впрочем, не стоит отвлекаться от плавного хода моего захватывающего повествования! жалкое бормотание, приступы бессильной злобы! у вас и своих проблем хватает! наплевать! пусть они все катятся к чертовой бабушке!.. а мы вернемся в Ловен… на лестничную площадку… к мадам Айше фон Раумниц… которой я вернул дочь, очаровательную юную Хильду… вас, наверное, это удивляет?… но я, клиник, эмбриолог и расист… от брака прирожденного аристократа, такого дюреровского, осанистого и породистого, с Айшей… а она была типичнейшей трабизундкой!..

из Бейрута!,. страстной, темноволосой, томной, широкоформатной, во всяком случае, совсем не дюреровской… появился на свет ребенок редкой красоты… о, подобные скрещивания полны неожиданностей… их результат предсказать невозможно… в малышке Хильде было что–то странное, блядское… Бейрут… Трабизунд… и эта грива настоящих светло–пепельных волос!.. глаза, как у феи Севера, небесно–голубые… говорят!.. коменданту барону фон Раумницу пришлось на ней жениться!.. кажется, он обесчестил эту Айшу… где–то там… в Бейруте… или в Трабизунде… где он находился по долгу службы… Айша сама уступила… возможно!.. возможно!.. но если бы он не женился на ней и не увез с собой в Германию, ее постигла бы печальная участь ее соплеменниц!.. вряд ли бы ей удалось увильнуть!.. читайте классику: гениальные ближневосточные ревнивцы в два счета сделают из вас евнухов!.. в гаремах пока еще не голосуют… так что этой Айше, на самом деле, здорово повезло!.. впрочем, не ей одной… многим соблазненным Ближнего Востока удалось избежать виселицы, выйдя замуж за малопоместных дворян из Европы… знаете, скольких дам вроде Айши, ближневосточных, монголо–смирнских, китайско–армянских, мы

видели в Баден—Бадене, а потом — в Германии, и все они были Landgravines… графинями… военные атташе — не просто ловкие дипломаты!.. грудности их не смущают!.. Коран, Гаремы, Касты, Монастыри этим дьяволам в форме не помеха!..они способны преодолеть любые преграды!..

В результате их деятельности и возникают подобные союзы, в доме моей матери на улице Марсолье, меня буквально осаждали визитеры, которые сулили мне огромные суммы денег, целые состояния в случае если я проникнусь идеей создания Новой Европы, осознаю все ее преимущества, и размах!,. все эти приходившие в дом моей матери искусители тоже, как и в случае с Айшей, были в той или иной степени гибридами, появившимися на свет от прусско–армянских браков… происки Дьявола!.. наши–то готовые на все полукровки Лаваль и Мендес тоже наверняка с Дьяволом заодно… так же, как и их кузен Насер!.. тогда, когда эти визитеры приходили ко мне, у меня была возможность поближе познакомиться с ними!.. это вовсе не жалкие ублюдки! на которых не возможно смотреть без отвращения!.. нет!.. говорю вам как эмбриолог… внешне вполне полноценные люди… подтянутые импозантные старшие офицеры… не какие–нибудь

там полковники из оперетт!.. темноволосые… эбеновые пряди… темная кожа, как у Лаваля… пронырливые умные гибриды, все время как бы чем–то слегка озабоченные… озабоченность этих пронырливых полковников мне вполне понятна… они ведь не случайно напоминают мне Лаваля в молодости… стать депутатом — пожалуйста!.. в Витри, в Трабизунде… какая разница!.. заменить Лаваля в Обервилье… заменить Насера в Каире… пожалуйста! я опасаюсь этих гибридов неспроста!.. заменить Троцкого в Москве!.. «вездесущие» озабоченные гибриды не знают, куда приткнуться!.. заменить Перона или Франко!.. о, это вопрос времени! посмотрите, как развернулся ле Спиарс в Лондоне!.. а Мендес[333] — у нас здесь, во Франции!.. вот чего они все хотят! Дизраэли… Лазарефф… Рейно…[334] тот же Гитлер, сбрендив-

[333] Примечания: 333

Пьер Мендес (1907–1982) — французский политический деятель, президент Совета Министров в 1954–1955 годах, положил конец войне в Индокитае.

[334] Примечания: 334

Поль Рейно(1878–1966) — французский политический деятель, был главой право–центристского Правительства в 1940 г., противник перемирия с Германией, уступил свое место Петэну.

ший маг Бренденбурга,[335] который сам всегда и во всем был полу–, полу–цезарь, полу–художник, полу–комедиант, этот истеричный маньяк, сутенер, полу–педе и вообще, казалось бы такой невежественный грубый человек!.. все–таки, надо отдать ему должное, имел особое чутье на гибридов, во всяком случае вокруг него их было столько, что он всегда мог воспользоваться их услугами: один полковник! другой!.. генералы, министры, тайные советники! так что черных можно встретить даже там, где вы меньше всего этого ожидаете…

***

О, вам все эти подробности ни к чему!.. понимаю!.. вы предпочли бы, чтобы я вернулся к своему повествованию!.. и все–таки вы должны признать, что этот Раумниц фон вовсе не был таким уж расистом! потому что: женился все–таки!,. а потом так все завертелось!.. тут сам черт ногу сломит! возможно, его брак оказался не слишком удачным!.. а после всех этих передряг в Париже, где он был объектом всеобщей ненависти! его как

---

[335] Примечания: 335

В своем «Ответе на обвинения французского правосудия» в ноябре 1946 года Селин утверждает, что его шутка о том, что Гитлер — «маг Брендебурга» (так в оригинале — пер.), обошла во время войны весь Париж. «Брандебург» — название этого немецкого города ассоциируется с французским словом «balourd» (тупица)

подменили!.. он превратился в типичнейшего боша… от которого можно было ожидать, чего угодно!.. говорю вам!.. после всех этих передряг!..

Черт!.. совсем уже башка не варит!.. в Париже ему конечно туго пришлось!.. но ведь был еще и Винсенн!.. они с мадам занимали там огромный особняк одного очень богатого еврея, который на время отправился в дальнее путешествие… величественное здание на окраине Леса, до отказа набитое лакированной мебелью и китайскими безделушками… Дворец–музей–магазин… они неплохо устроились, эти Раумницы!.. война не особенно донимала их своими тяготами!.. а тут вдруг бац!.. «ночь Вермахта»!.. Раумниц давил на массу, а мадам… вы знаете, что говорят?.. когда заговорщики явились и захватили Дворец, они разбудили Раумница и прямо там, дома, высекли его… пфлак! пфлак!.. связанного! десять здоровенных мослов!.. так что жопа у него была вся красная!.. я вам передаю то, что слышал о заго-

воре Штупнагеля...[336] операция «окно–очко»... самое же стремное заключалось в том, что Герман фон Раумниц сам был призван наказывать, он был Оберфельсуперлегавым всех восточных и северных пригородов и Жуанвиля!.. а так же всего Булонского Леса!.. Сен—Манде![337] и Марны!..[338] а его вместе с женой подняли с койки и так примерно наказали! на задницах у них живого места не осталось!.. можете себе представить, какие у него заебы после этого начались!.. его ведь не просто смертельно обидели! его ко всему прочему, говорят, еще и звания лишили! комендант был понижен в должности!.. теперь, надеюсь, вы понимаете, насколько вовремя мы оказались!.. мы, все 1142!.. под его чутким руководством! в каком он пребывал настроении!.. как он был нам

---

[336] Примечания: 336

Генрих фон Штюльпнагель — генерал Вермахта, был командующим оккупационных войск во Франции, один из участников заговора генералов против Гитлера 20 июля 1944 г. Не зная о его провале в Берлине, 20 июля вечером начал операцию «Валькирия», целью которой был арест шефов С. С. В первую половину ночи 1200 членов нацистской партии, Гестапо, С. С. и С. Д. были арестованы. На исходе ночи Штюльпнагель узнал, что Гитлер остался жив, и шефы С. С. были выпущены на свободу. Утром Штюльпнагеля вызвали в Берлин. Он остановил свою машину в Вердене, на месте битвы, в которой он когда–то принимал участие, и застрелился.

[337] Примечания: 337

Сен—Манде — город в окрестностях Парижа, район Валь–де–Марн

[338] Примечания: 338

Марна — название реки во Франции и департамента области Шампань—Арденн.

рад! смешно! Бог знает, что там у него творилось на душе?

Вы видели, что там творится на вокзале, какой там стоит шум и гам, каждый что его в голову взбредет, то и делает!.. и так везде! даже на кухне!.. внизу!.. где могут помочиться прямо в Stam!.. и к чему это привело!.. ну и что? что с того?.. на сей раз Оберштурмфюрера врасплох не застанешь! нет! о, от одного его вида всех бросает в дрожь! всех!,. везде!.. и всегда! Раумница!.. и его Айши тоже!.. в сапогах, со здоровенной плеткой!.. врасплох спящей ее тоже вряд ил удается кому–нибудь застать!.. они оба теперь всегда начеку!..

И все–таки, факт остается фактом, я вернул в Ловен их дочь в целости и сохранности… меня могли бы и поблагодарить, я так считаю! так мне кажется… я вполне мог на это рассчитывать!.. как же, дождешься от этих выпоротых озлобленных на весь мир пресыщенных нелюдей!.. конечно от одного маленького словечка благодарности у них язык бы не отвалился… «Только благодаря вам, доктор!..» куда там!.. они привыкли взирать на мир свысока! расшаркиваться перед кем попало они не станут!.. у этих чертовых бошей так не принято!,. впрочем и англичане не лучше!.. с их врожденной учтивостью! они считают себя выше

всех! всегда и везде! выпороли их или нет — не имеет значения!.. так что, извините! но с ними я вообще предпочитаю не общаться! я ни звука не проронил за все время моего пребывания там!.. они не дождались от меня ни слова!..[339] и этот выпоротый Раумниц со своей жирной желеобразной женушкой тоже не дождутся! ни он, ни его гурия в сапогах и с плеткой!.. плевать мне на их догов!.. и их комнату 36!.. их комнату?.. ну вообще–то не совсем их, но все–таки!.. итак, я опять спускаюсь к себе на этаж!,. а там уже понемногу начинает собираться народ!.. на лестничной площадке!.. Раумниц наверное разрешил! его легавые больше никому не мешали подниматься наверх… и сортир он распорядился открыть… правда стульчак куда–то исчез! теперь все оправлялись прямо в очко!.. ничего!.. так было меньше грязи… меньше стали ссать на пол… и в коридоре стало почище!.. так что так стало гораздо лучше! и Фрухту не нужно было постоянно за всеми вытирать! в тот самый момент, когда я подходил к нашей двери N11, внизу раздался какой–то грохот!.. и отрывистые команды!,. «Разойтись! очистить проход!» кажется, наверх поднимали

[339] Примечания: 339

Селин намекает на свое пребывание в Англии, подробно описанное им в романах «Смерть в кредит» и «Guignol's band»

что–то тяжелое… привлеченные этим шумом люди повыскакивали изо всех сортиров… протиснуться сквозь них было нелегко!.. los! los! ба, да это не просто огромный сверток, а человек!.. человек… которого с трудом тащили на себе легавые!.. так, здорово! он связан!.. даже закован в цепи! и как!.. с головы до ног! о, ему от них не удрать!.. но черт возьми! я же его знаю!.. это Комиссар Папийон! морда–то его! правда, здорово опухшая! ну и видок!.. я едва его узнал!.. он раздался вширь в два! даже в три раза! почище чем ноги у солдат с вокзала! как они его отделали! эти фрицы!.. я вам про Папийона еще не рассказывал, а я ведь его немного знал!.. он был Особым Уполномоченным при Почетном Карауле Замка… «Особый Уполномоченный» Петэна… и так вляпался!.. я смотрел и пытался осознать… мне было трудно сразу в это въехать… хотелось все тщательно осмыслить… Рибо был прав…[340] «Видишь лишь то, на что смотришь, а смотришь на то, что уже запечатлено в уме».. у меня–то он уже давно запечатлелся в уме, этот Особый Уполномоченный Папийон!.. уже несколько месяцев назад!.. с того самого момента, когда он мне сказал:«Знаете,

---

[340] Примечания: 340
Теодюль Рибо(1839–1916) — французский философ и психолог

доктор! я решился!» и нужно отдать мне должное, я ему еще тогда сразу же недвусмысленно заявил! без обиняков!.. «Комиссар, это дело у вас не выгорит! дохлый номер!.. они сделают из вас отбивную! оставайтесь в Замке!» и что же!.. теперь он всем своим видом демонстрировал, как я был тогда прав!.. а видок у него был еще тот!.. в своем желании смотаться в Швейцарию он был далеко не одинок!.. черт побери!. все 1142 только об этом и думали!.. весь Зикмаринген не отказался бы переправиться в Базель через Шаффхауз!.. но как?.. как!.. а граница? Особый Уполномоченный Папийон предпринял попытку переправиться через нее!,. и вот вам результат!.. конечно, у него был «проводник»!.. «проводника» в то время было найти несложно! за сигареты, морфий и лампочки для фонарика!.. но сам–то он должен был понимать всю самоубийственность своей затеи!.. рано или поздно его бы все равно схватили!.. фрицы, хрянцузы или швейцарцы!.. вот он и попался, этот Папийон!.. он знал об этом!.. я его предупреждал! да он и сам был не мальчик! «профессиональный полицейский», как–ни-как!.. на сей раз фрицы оскзались попроворней остальных! они притащили его, распухшего, в цепях, и бросили на площадку… шлеп!.. напротив

сортира!.. пусть все видят и впредь думают, прежде чем отважиться на переход в Швейцарию!.. мне не хотелось бы особо распространяться по этому поводу!.. сотни людей пытаются пересечь границу! редко кому это удается!.. граница коварна!.. 20 километров в одну сторону! столько же в другую!.. система отработана веками!.. no man's land puzzle![341] а засекут вас там французы, швейцарцы или фрицы… вам без разницы!.. кто первый увидит, тот и начнет стрелять!.. будь то «сынки», С. А., или Вильгельмы Телли!.. охота разрешена!.. каждый, кто туда сунется… попробует прокрасться… или проскочить!.. шпок!.. пуля в лоб! и до свиданья!.. днем и ночью!.. один черт!.. прожектор в лицо! «Стой, кто идет!.. не двигаться!» изобьют, свяжут, увезут! в считанные секунды! это в лучшем случае… а могут и сразу на месте пришить… в соответствии с директивами из Берлина и Берна… или отправить во Фридоли, как комиссара Папийона, и, заковав в цепи, бросить обезображенное тело в людном месте… дабы другим неповадно было…

Ну а швейцарцам–то хоть что–нибудь доставалось?.. это как кому повезет!.. те всех чудачков

---

[341] Примечания: 341
Непреодолимость ничейной земли (*англ.*)

сразу же отправляли в Базель!.. небольшими этапами! о дальнейшей их судьбе ничего не известно!.. большинство же попадало к «сынкам»! и из Шо де Фон[342] во Френ!..[343] не верьте тому, что пишут в газетах по поводу тотальных войн!.. все это сказки для дурачков!.. ни одна война, даже атомная!.. никогда не затронет полицию!.. столь глобального характера войны не имеют! «no man's land» специально и созданы, чтобы не рвать последние тонкие волокна… легавые должны оставаться профессиональными и взаимновежливыми… перед лицом любых катклизмов!.. «будьте добры! передайте мне того маленького кролика!» это поддерживает вас в определенном настроении… мол, умерьте свой пыл!.. определенный мир уже заключен!.. а войны это всего лишь временные инциденты, даже самые «тотальные»! в случае с комиссаром Папийоном они явно перестарались!.. его обыскали, упаковали и отправили туда, откуда он прибыл!.. с тем же успехом его можно было бы обить соломой! этого лунатика! он даже глазом моргнуть не успел!.. он сам не понимал, куда идет… и своего проводни-

---

[342] Примечания: 342
Шо де Фон — город в Швейцарии

[343] Примечания: 343
Френ — пригород Парижа, где находится тюрьма

ка–то, наверное, толком не рассмотрел!.. а видели бы вы этих проводников! какие у них хари! от одного их вида вас бы сразу кондрашка хватила… что в фас, что в профиль… знаете, мне довелось побывать во многих тюрьмах и там я насмотрелся на таких жутиков с «хищными профилями», «типов Ломброзо», что казалось бы меня уже ничем не удивишь! но на этой бошско–швейцарской «no man's land» попадались индивидуумы и похлеще, «кроманьоны» с чувырлом беглых каторжников, случаи, прямо скажем, клинические, которых следовало бы признать своеобразным эталоном… «дегенеративности»… такие вполне и людей могли жрать, запросто… все конечно были внештатными осведомителями!.. в полиции и в жандармерии!.. промышляли контрабандой, ничем не брезговали!.. дегенераты «рецессивного типа», всегда и везде стукачи и проводники… в Камеруне это пигмеи, снующие от пауинов к мабиллам… на бульваре Барбес трущиеся возле малолеток низкорослые типы из «Отдела по борьбе с наркотиками», откуда те главным образом и поступают… и в Блумсбери, Лондон, опиум и аборты: Уайтхолл 1212…[344]

---

[344] Примечания: 344
Уайтхолл 1212 — телефонный номер Скотланд—Ярда в Лондоне

Так вот, как я вам уже сказал, этот комиссар Папийон, которого упаковали, связали, да еще для пущей надежности оглушили!.. вел себя на редкость спокойно! даже своими цепями не звенел! я понимаю, у вас, наверное, никак не укладывается в голове, как это уполномоченный, к тому же еще «особый»… не какой–нибудь там профан!.. и так вляпался? позволил себя заманить в ловушку? о! о! должен же он был хоть что–то соображать! профессионал все–таки! неужели он не видел, что из себя представляют те, кто взялся его «сопровождать в переходе через границу!» какие у них лица!.. да на них просто клейма негде ставить, столько всевозможных пороков на них запечатлелось! можно было подумать, что это ряженые в масках четверга на третьей неделе Великого Поста!.. природа наделила людей способностью прятать свои истинные лица под маской! но не всех, к сожалению!.. иные хорохорятся строя из себя черт знает что, потом вдруг — раз, начинают юлить, пресмыкаться… хамелеоны, змеи, ужи… они кажутся вам такими значительными!.. но стоит вам на них внимательнее взглянуть, как они прямо так все и извиваются под вашими взглядами!.. о, конечно, в «Казенном Доме» или в Колонии в такого рода личностях недостатка

нет! там почти все такие… вот и эти бошско–швейцарские проводники должно быть все были выпущены… из приграничных тюрем… швейцарских… савойских… баварских… попадались среди них и «бежавшие с передовой» дезертиры… у нас в Зикмарингене, как правило, было десять… двенадцать проводников… они то появлялись… то снова исчезали… когда их отпускали, естественно… а проводили они свой отпуск, конечно же, в Констансе… восемь дней в Констансе!,. единственный спокойный город во всей Германии… единственный город, который ни разу не бомбили, который всегда освещался, как в мирное время, и в котором были открыты все магазины и пивные… крупные операции на Бирже с ценностями и валютой всех стран!.. Швейцария, Франция, Лозанна, «маки»… плюс продукты питания! широкий выбор товаров с Запада и Востока! мармелад, шоколад, консервы, икра!.. настоящая икра из Ростова!.. я серьезно!.. самолеты Ф. Р. А. сбрасывали ее на парашютах! и в течение всей недели Reuters… «Информационные сообщения» из Нью—Йорка, Москвы, Лондона… вполне приличное, даже шикарное заведение «Кафе Мира», прямо на берегу озера… так что я их вполне понимаю, этот воистину

феерический город притягивал к себе людей, как магнит… комиссар Папийон мог убедиться в этом на собственном опыте… он ведь тоже там побывал!.. и не один!.. не один!.. а с очаровательной Клотильдой!.. роковой Клотильдой!.. с этим милым шаловливым ребенком… ребенком?.. нет, скорее все–таки барышней! она была дикторшей на Радио в Париже… эта барышня с «Розы Ветров».. вряд ли задумывалась над тем, что ей приходилось говорить! а вы бы слышали, какие тексты она читала!.. какие жуткие вещи напевала в микрофон!.. да у вас бы волосы дыбом встали! от ужаса!.. «Де Голль — главарь шайки изменников! ля! ля! фа!» не удивительно, что она решила бежать, не дожидаясь развязки! к тому же она была влюблена! да, ей тоже было знакомо это чувство!.. она отдала свое сердце Великому Разрушителю Карфагена!..[345] через что только ей не пришлось пройти, она подвергала свою жизнь смертельной опасности! но она снова нашла его! она совершила путешествие из Порт

[345] Примечания: 345

Имеется в виду журналист Жан—Эрольд Паки, который свои передачи на радио Сарагоссы обычно заканчивал словами: «Англия будет разрушена как Карфаген!»

Майо[346] в Констанс ради того, чтобы увидеть своего великого разрушителя! вот она, волшебная сила любви! правда момент для воссоединения с Эрольдом она выбрала не самый подходящий! увы, но момент был выбран явно неудачно!.. Эрольд Карфаген не желал никого видеть, абсолютно никого! она преодолела все преграды!.. маки, «сынков», сенегальцев, Страсбург!.. а он не хотел никого видеть! абсолютно никого! ему было не до нее! этот Карфаген ему вышел боком! так что он свою Клотильду сразу на три буквы послал!.. бедная Клотильда!.. он запихивает ее обратно в поезд!.. как–нибудь потом он ее обязательно найдет!.. непременно!.. а пока она должна уехать… короче, он отправляет ее к нам… кстати, я еще не рассказал вам о Сабиани!.. на хате у Сабиани находился пункт постоянной дислокации Н. Ф. П., местечко, прямо скажем, улетное, доходяг там собиралось видимо–невидимо… большая такая контора, а в задней комнате, за основным помещением — два стенда с плакатами!.. все, кто там был, в один голос утверждают… хуже, чем Фиделис! два стенда, а под ними доходяги всех возрастов, младенцы, старушки… зато лозунги

---

[346] Примечания: 346
Район Парижа

на плакатах самые что ни на есть серьезные! никакой пустой риторики! лично я исполненных такого глубокого смысла политических лозунгов больше нигде не видел!.. да и вряд ли нечто подобное можно еще где–нибудь увидеть! разве что на принудработах в Китае!.. «Помни! Партия тебе ничего не должна, а ты у Партии в вечном долгу!» вот какие истины надлежало усвоить несчастным доходягам! поклонникам Дорио! банальными их уж никак не назовешь! в них было что–то античное! ни грамма обычного предвыборного подхалимажа!.. редко бывает, чтобы в Партиях обращались к своим членам с такой неподкупной суровой прямотой, рубили правду–матку с плеча… не дрочили Калибана![347] правда, здание Н. Ф. П. постоянно ошивались исключительно харкающие остатками своих легких и внутренностей доходяги!.. о мобилизации там больше не говорили! эта тема утратила свою актуальность!.. теперь там всех призывали сматываться… последствия подобной пропаганды Клотильда почувствовала на собственной шкуре!.. ее там с ходу отшили!.. представляете!.. ей не нашлось места даже среди всего этого сбро-

---

[347] Примечания: 347
Калибан — злой дух из пьесы Шекспира «Макбет»

да под стендами!.. «а ну вали отсюда на вокзал, сучка!.. шлюха поганая!.. бесстыжая!..» а она так надеялась встретить среди них своего Эрольда! он ей ведь сказал, что обязательно там будет! обещал! на вокзал? на вокзал?.. да она только что оттуда!.. но раз уж в этой доходиловке ее видеть не хотят, она снова отправилась туда вниз по проспекту!.. по тому самому… по которому совсем еще недавно шествовала взбунтовавшаяся толпа!.. так она снова очутилась на перроне, на скамейке, несчастная одинокая, никому не нужная, брошенная на произвол судьбы… среди сотен себе подобных!.. оккупировавших все вокзальные скамейки скиталиц… фабричных работниц… бабулек… бабульки, как я уже говорил, были самыми скандальными, карабкались на локомотивы, ложились на рельсы… им было нечего терять! молодые вели себя сдержаннее… Клотильда сидела трагически уставившись в одну точку, по ее щекам катились обильные слезы… как раз в это время мимо проходил комиссар Папийон, «железнодорожная служба безопасности»!.. увидев Клотильду, он сразу же проникся к ней известной симпатией!.. казалось бы вокруг на скамейках было столько других молодых женщин, заливавшихся слезами ничуть

не меньше, чем Клотильда… ан нет! Клотильда! он заметил именно ее!.. сердцу не прикажешь! она его даже ни о чем не просила, а он сразу же сам поделился с ней своей пайкой!.. прошло три месяца!.. потом четыре!.. он клялся ей в вечной любви!.. обещал посвятить ей всю свою жизнь без остатка!.. о, Папийона уж никак нельзя было назвать привыкшим охмурять молодых девиц попрыгунчиком!.. нет!.. ничего общего!.. и тем не менее в течение четырех месяцев они только и делали, что обменивались клятвами… обещали любить друг друга до гроба самой что ни на есть возвышенной и бескорыстной любовью!.. это я вам к тому говорю, чтобы показать, что там на этих грязных перронах и скамейках были возможны не только нечистые слияния, гнусные обжимания и блуд тел… Папийон и Клотильда… чувства, которые они испытывали, польстили бы даже Элоизе, Лауре, Беатриче… и в каких кошмарных условиях!.. высящие над головами бомбы!.. пронзительный надрывающий барабанные перепонки вой сирен!.. грохот по меньшей мере сразу двадцати пяти военных составов!.. сутолока походных кухонь… повсюду, куда ни ткнись, здоровенные мослы в форме, бабульки, работницы, грудные младенцы… а в зале ожи-

дания: пианино и Лили Марлен… в обязаннсоть Папийона входило следить за тем, чтобы бабульки не мешали отправлению поездов… он старался поднимать их с рельсов! прежде чем этим займутся С. А.!.. и надо отдать ему должное! можно сказать, благодаря Папийону все поезда всегда отправлялись… почти всегда… несмотря на то, что самые прыткие бабульки!.. ложились прямо под колеса локомотивов!.. так вот, доложу я вам, с тех пор, как он встретил Клотильду, он только о ней одной и думал, все его мысли были поглощены исключительно ей!.. он должен был сделать ее счастливой!.. и не через двадцать лет, а сразу же! немедленно! утешить ее в ее горестях!.. начать жизнь сначала!.. и не когда–нибудь потом! а сейчас же!.. немедленно!.. Швейцария, вот где их ждала настоящая жизнь! Констанс!.. праздник Жизни! тут мы все были обречены на медленное умирание! в Констанс, навстречу Жизни!.. Базель!.. Берн!.. они ни секунды не колебались! ехать! с первым же попавшимся проводником! оп!.. сейчас же!.. немедленно! там–то они сумеют устроиться!.. как–нибудь!.. их ведь там так ждали!.. они совсем потеряли головы от любви!.. подумать! взвесить все «за» и «против»!.. они были слишком ослеплены своим

счастьем!.. ослеплены!.. то–то они и шли прямо вперед, ничего не замечая перед собой!.. как во сне!.. натыкаясь на тополя!.. там за седьмым тополем была уже Швейцария!.. но за шестым, увы! их поджидали двадцать бошских легашей! с собаками и наручниками!.. не прошло и пяти секунд!.. а их скрутили, упаковали, бросили в машину и отправили назад!.. теперь он лежал передо мной на боку!.. настоящая колбаса в цепях!.. закованный в кандалы с головы до ног… время от времени он начинал корчитьсяа, дергаться.. но не слишком сильно… паркет вокруг был сухим, фекалий в коридоре больше не было… его специально положили прямо напротив сортира, чтобы все на него смотрели и делали соответствующие выводы… он невольно напоминал мне Гудини…[348] Гудини в Олимпии… чуть что, мне сразу в голову лезут разные детские воспоминания… он тоже сбрасывал с себя цепи!.. и еще какие цепи, настоящие якорные, с висячим замком! а как они были запутаны!.. но этот корчащийся и извивающийся на полу Папийон пожалуй был слишком слаб, чтобы хоть что–нибудь сбросить с себя! куда там! как его оставили лежать на боку

[348] Примечания: 348

Имеется в виду Гарри Гудини (1874–1926) — иллюзионист, который выступал в парижском зале Олимпия в 1901 году.

специально, чтобы все на него смотрели… так он и лежал там, напротив сортира, вытянувшись во весь рост… люди проходили мимо, выходили на улицу… о, вслух никто своих чувств не выражал!.. все только шептались, перешептывались между собой… и у всех на устах было одно: «что они с ним сделали!..» видите ли, комиссар Ксавье Папийон был известной личностью!.. еще со времен Виши!.. Особый Уполномоченный Петэна все–таки!.. Клотильду тоже многие знали!.. и на Радио в Париже, и на вокзале… «где это случилось?.. у тополей!» это все, что помнила Клотильда:«у тополей».. она только и делала, что повторяла сквозь рыдания:«тополя! тополя!..» а он, связанный, упакованный, истекал кровью, уткнувшись носом в линолеум, и хрипел!.. да, хрипел! ему нужно было немного ослабить цепи на руках… руки у него были заломлены за спину и закованы в цепи, да еще этот замок… теперь–то я знаю, каково так лежать!.. потом, несколько позже я тоже, лежа с заломленными за спину руками… совершал экскурсии по Копенгагену… в зарешеченном автобусе от Тюрьмы Ванстр до Политиигаарда, чтобы мне могли задать несколько вопросов, поинтересоваться, а не совершил ли я еще какого преступления?.. не провинился ли в

чем еще?.. но тогда, глядя на Папийона перед сортиром, я и не предполагал, что меня ждет нечто подобное… посмотрите на Ахилла, Мориака, Лукума, Монтерлана, Морана, Арагона, Мадлен, Дюамеля и других наших крупных политиков, они–то уж точно ничего подобного не испытали! а им наверняка это пошло бы на пользу!.. сразу бы позабыли про свои коктейли!.. доведись им хоть чуточку полежать в дерьме с заломленными за спину руками!.. вот бы они поумнели! не сомневаюсь!.. познали истинную цену слов и вещей! ну а мне пришлось через все это пройти!.. впрочем, обратите внимание, никто не знает, что его ждет в будущем… тогда, когда он лежал там на площадке, уткнувшись носом в линолеум, все на него глазели, а помочь ничем не могли! замок?.. конечно, там был замок!.. но ведь нужен был еще и ключ!.. между собой все это осбуждалось, но вполголоса… что можно было сделать, чего нельзя!.. никаких протестующих выкриков, как на вокзале!.. тихо, благопристойно, как во время богослужения… особое сочувтсвие у всех вызывала Клотильда… «ах, бедняжка!.. бедняжка!..» его жалели гораздо меньше!.. ведь это он вовлек ее!.. не так ли!.. в эту бессмысленную, необдуманную авантюру!.. все дамы в один голос утверждали,

что он!.. поэтому и жалеть нужно было ее, а не его!.. если бы не он, она бы никуда не пошла… а этот идиот!.. безмозглая колбаса!.. который, к тому же, сам был легавым!.. решил проверить швейцарскую границу?.. о! ля! ля!.. должен же он был хоть что–то соображать!.. ну и ну! надо же! сам легавый и такой идиот, полез прямо в петлю!.. и вот результат!.. результат!.. помотрите на его рожу!.. в поле–ветер–в-жопе–дым!.. доигрался!.. придурок!.. а эта бедняжка! бедняжка!.. все жалели только ее!.. «тополя! тополя!» твердила она без остановки… бедняжка!.. невинная беззащитная жертва… то, что их схватили, именно у тополей, для меня не было большим сюрпризом… для Мариона тоже!.. он на том месте уже был!.. видел и тополя, и ручей, по которому проходила граница… по правде говоря, я поначалу ушам своим не поверил!.. он был там в воскресенье… в воскресенье, полицейские, С. А., швейцарцы и маки обычно ужираются до усрачки, а потом заваливаются спать… так что у вас появляется возможность остаться незамеченным… впрочем?.. а как же собаки?.. но он там был, причем с картой!.. карта самодельная, нарисованныя карандашом… на ней было точно обозначено, где находится этот знаменитый ручей–граница…

между шестым и седьмым деревом… он никого там не встретил!.. вот он шанс!. один из тысячи!.. «Я мог бы пройти, если бы захотел!».. но это ему ровным счетом ничего бы не дало, он был слишком известен в Швейцарии!,. и тем не менее, он видел это место!.. то самое место, куда проводник привел Папийона и Клотильду! а вот их, голубчиков! увы! уже ждали! между шестым и седьмым деревом…

Вообще–то карт с границей Бадена и Гельвеции[349] у нас было навалом… в библиотеках Замка ими были забиты целые чемоданы! груды! горы альбомов… так что можно было недели напролет сидеть и изучать этот ручеек, как он выглядел в том или ином веке… все его изгибы… плотины, повороты, произошедшие с ним перемены… сражения, которые продолжались по сей день!.. наследства, которые до сих пор не иссякли!.. что стало с этой полянкой?.. здесь проходила граница?.. или там?.. между пятым и шестым деревом?.. абсолютно все, начиная с первого монастыря… самых первых махинаций Гогенцоллернов и Ко, до событий последней вой-

[349] Примечания: 349

Баден — историческая область на юге–западе Германии, на территории которой расположен Зигмаринген; Гельвеция — старинное название Швейцарии

ны, нашло свое отражение… в этих сборниках «планов местности», «населенных пунктов», границ и опушек!.. Вюртемберга, Бадена, Швейцарии!.. и приложениях!.. подлоги, захваты… ферм, участков, стойл, бродов… сотни тысяч похищений, грабежей, убийств, разводов, Парламентских Сеймов, Церковных Соборов… история многовекового «правления Княжеского Рода», браки по расчету, переселения народов, крушения царств, крестовые походы и опять грабежи!.. грабежи, подлоги, убийства!.. я говорил вам, что случилось со мной на улице Жирардон?.. в сравнении с тем, что творилось здесь! это сущий пустяк! но видите ли, в библиотеке было такое количество всевозможных документов, карт и планов, что разобраться в них было практически невозможно!.. никакой компас бы не помог!.. сами легаши с границы и те с трудом находили этот проклятый ручеек! вам бы его ни в жизни не найти! так его искорежили и исковеркали, постоянно перепасовывая то туда!.. то сюда!.. за это время его зашмардохали и расфигачили! почище чем физиономию Папийона!.. двух целых стоблов кряду не осталось!.. не стоит забывать и про межконфессиональную махню, которая на протяжении последних шести веков не пре-

кращалась здесь ни на секунду!.. монастырь на монастырь! лютеранцы! католики! «блядь буду, но твою маленькую мельницу я порушу!.. а я выдеру с корнем твой тополь! дерево Сатаны!».. там, вокруг ручья столько было всего навороче-но, что сам черт ногу сломит! знаете, служба в полиции всегда была доходным делом!.. одного обчистили!.. другого!.. третьего!.. эти фальшивые заграждения, чащобы и пугала создавались здесь в течение тринадцати веков!.. в воскресенье, как я уже сказал, у вас еще был маленький шанс остаться незамеченным… если бы вы вдруг там оказались… но на неделе сцапали бы наверняка! вы бы и до второго платана не успели дойти!.. вас бы скрутили!.. и привели в чувство!.. фрицы, швейцарцы или маки!.. вот тогда бы вы сразу врубились!.. где находится этот ручей!.. но быва-ют же такие сверхъестественные наваждения… вы представляете!.. отправиться туда!.. собирать букеты азалий, чернику, зверобой, лютики!.. цикламены!.. именно этим Марион там и зани-мался!.. да!.. там!.. он там все кругом осмотрел!.. и вернулся оттуда!.. о чудо!.. это было в воскресе-нье… целый и невредимый! и все–таки, лично я думаю, что его тогда засекли и сфотографировали! пусть это было и воскресенье, когда таможен-

ники и легавые проводили время за столом… ну и что!.. что с того?.. в всокресенье ведь тоже оставались наблюдательные посты… тщательно замаскированные!.. на платане?.. в стоге сена?.. или фотоэлектрической камерой… да там за каждой кочкой вас подстерегали мины, оголенные проводки и всевозможные ловушки! это уж точно!.. чик! и готово!.. на берегу озера Вильфлинген особенно… я вообще плохо себе представлял, где еще на самом деле побывал Марион… да и сам он тоже!.. ничего толком объяснить не мог!,. он мне сказал:«Я вернулся оттуда и ладно! но больше я туда ни ногой! ..» а нам там чуть ли не каждый день предлагали оказать содействие в переходе через границу с Швейцарией… и брали совсем недорого… две тысячи марок!.. заманчиво, не правда ли!.. предложения сопровождались клятвенными уверениями, будто «сынки» нас ждут с распростертыми объятиями!.. о, там уже накрыли для нас столы! и приготовили удостоверения «участников Сопротивления»… с нашими фотокарточками! и вообще!.. Швейцария и «Красный Крест» нас поддерживают! в Гестапо смотрят на это сквозь пальцы, так что все на мази!.. в Шаффхаузе Пайо и Жентизон представляют нам

Петипьера,[350] и мы становимся обладателями федеральных паспортов!.. настоящих! нам оставалось только пересечь границу! и назвать свое имя! наша безопасность была гарантирована!.. гарантирована! предложения были просто замечательные! а тем временем Папийон продолжал валяться на полу на линолеуме у всех перед глазами… его уже обслужили!.. Лили и Клотильда утирали его губкой, меняли повязки на голове, давали пить… его постоянно мучила жажда… раз ему хотелось пить, значит его состояние было не таким уж безнадежным… однако люди, что толпились вокруг, по–прежнему не осмеливались к нему подходить… они поднимались сюда с улицы и из пивной, смотрели и спускались назад…

Вдруг я слышу: «nun! nun!»[351] Раумниц!.. точно он, его голос:«nun! nun!» а вот и он сам!.. взглянул на лежащего на боку Папийона!.. оглядел столпившихся вокруг людей… те сразу притихли… nun! nun!.. он все время повторяет одно и то же… щупает цепи! nun! nun!.. и уходит!.. поднимает-

---

[350] Примечания: 350

Кантон Шаффхаузе — соседняя с Зигмарингеном область Швейцарии. Рене Пайо — в годы войны ведущий на антифашистском Радио—Соттенс. Макс Петипьер — с января 1945 года глава Политического Департамента Швейцарской Конфедерации.

[351] Примечания: 351

Ну! Ну! (*нем.*)

ся к себе, на площадку этажом выше, вместе со своими собаками… ему еще нужно успеть сходить на вокзал… его бюро находится прямо над нашей комнатой… по дороге он останавливается и наклоняется к перилам… «Доктор! Доктор!«… это меня…

— Я вас жду!.. при первой же возможности, хорошо?.. как только у вас таковая появится!..

— Обязательно, герр комендант!.. Обязательно!

Кроме него мне нужно будет навестить Лаваля… зайти к Ландрату… потом, боже милостивый, в Фиделис!.. к 96-ти летней мадам Боннар… и еще к трем!.. четырем!.. пяти!.. шести пациентам на другом конце города!.. если успею!.. скорее всего нет… к Ландрату это ради Бебера! Бебер обожает птичьи кости… у ландрата на кухне меня уже хорошо знают… я всегда ухожу от него с кучей костей!.. и не только костей!.. бывает и мясо!.. иногда нам с Лили тоже кое–что перепадает… этот ландрат, уж можете мне поверить, обеспечен всем необходимым… он себе ни в чем не отказывает!.. я-то знаю его рацион, я говорил с его кухаркой… каждый день ему доставляют по два, три, четыре куска!.. и каких!.. я сам видел… козлятина, пулярки, бекасы… в Черном Лесу полно всякой дичи… за охотничьими угодьями нужен глаз да глаз!..

ландрат и обер–егермейстер всегда начеку… о, он питается не хуже чем Петэн… или де Голль в Лондоне… не хуже, чем Kommandatour[352] в Париже сегодня… Kommandatoura завтра!.. не хуже, чем Рузвельт у себя на яхте!.. Франко в Мадриде или этот вечно улыбающийся сытой улыбкой Тито!.. так что он у меня вне очереди!.. Бебер уже у себя в сумке! заскочили в отель!.. и к нему! ах да, нужно попрощаться с дамой!..

«До свиданья, мадам Боннар! до свиданья!»

Говорю я и ухожу!.. в отеле надо будет заглянуть к Раумницу… он наверняка хочет поговорить со мной о вокзале… возможно и о Папийоне… очень может быть…

***

Напрасно я надеялся!.. никто и не думал расходиться!.. у нас на площадке снова толпились военные из landsturm и весь этот сброд из поездов и с вокзала, в основном беженцы из Страсбурга… шум!.. гам!.. каждый стремился поведать миру о том, что ему довелось пережить!.. армия Леклерка!.. сенегальцы с тесаками!.. множество жутких подробностей!.. мы тут, сидя у себя в Зикмарингене, не имели об этом ни малейшего

---

[352] Примечания: 352
Комендатура (*нем.*)

представления!.. абсолютно!.. так что им, подвергавшим свою жизнь смертельной опасности, безусловно, было с кем поделиться своим опытом!.. на лестнице, лестничной площадке и у дверей сортира творилось нечто невообразимое… короче, еще одно, новое нашествие… помочиться они поднимались втроем… вчетвером… и даже вдесятером!.. заметив Папийона… все останавливались… лежавший на боку, опутанный цепями Папийон с огромной, разбухшей от побоев, головой напоминал утопленника!.. они обступали его плотным кольцом… всем хотелось знать… что случилось, в чем дело?.. стоявшая рядом на коленях Клотильда пыталась им все объяснить!.. бессвязно, сквозь рыдания, как могла! их схватили! у тополя!.. двенадцатого?.. тринадцатого?.. от рыданий в голове у нее все перепуталось!.. там был еще и ручеек!.. беженцы из Страсбурга почти сразу же предлагали ей заткнуться!.. нет, подобная туфта их не интересовала! с какой стати они должны слушать всю эту чепуху? какой–то бессвязный детский лепет!.. после того, что им самим довелось пережить!.. а они такое видели! не дай Бог!.. они сами могли кое–что порассказать! так что не надо пудрить им мозги!.. во–первых, кто такой этот Папийон?.. а?

легавый!.. фараон! наверняка стукач?.. а эта его девка? эта плакальщица? что за базар она здесь устроила? и чем больше Клотильда заливалась слезами, чем жалостливее и трогательнее звучал ее рассказ… тополь!.. седьмой?.. двенадцатый? не помню!.. тем сильнее она действовала им на нервы!.. выводила их из себя!.. они бежали из Страсбурга, и как!.. чудом!.. от тесаков сенегальцев! а теперь должны слушать хныканья какой–то шлюхи, причитавшей над своим сутенером!.. ну нет!.. вот они могли вопить!.. о том, что им довелось увидеть! и пережить!.. потоки крови!.. и не какие–нибудь там жалкие примочки! носовым платком!.. массовые казни! горы обезглавленных трупов! висельники! на каждом дереве! целые аллеи!.. гирлянды! повешенных! слезливая дура вообще ничего не знала! так же, как и мы!.. окопавшиеся здесь и наложившие в штаны от страха бездельники!.. мы не видели ни сенегальцев в Страсбурге, ни выкалывавших пленным глаза «сынков»!.. не видели ничего!.. наш потрепанный и изможденный вид их не смущал!.. они все сильнее и сильнее надрывали свои глотки, вопя о бойнях в Страсбурге!.. но больше всего из возмущала эта наглая девка Клотильда!.. рапустила нюни!.. а сама не имела ни малейшего

представления о подлинных страданиях!.. как и все мы тут, неоперившиеся птенчики!.. салажата! ее нужно было отправить туда! в Страсбург! эту чертову клушу!.. там бы она сразу забыла про швейцарскую границу!.. дура набитая! «сынки» бы ей показали дерево! двенадцатое, тринадцатое!.. о ля!.. ля!.. выбирай любое! с петлей на суку! они не могли ее спокойно слушать! да!.. ее болтовню! всю эту чушь!.. вот придет армия Леклерка!.. тогда ее сцапают по–настоящему, не то, что в этот раз!.. негры с тесаками! пусть они выпустят этой истеричке кишки! будет знать!.. как рыдать из–за пустяков! нет, это невыносимо!.. слушать ее вопли! «уа, уа! да заткнись ты!» замолчит она, в конце концов, или нет! ничего, черномазые живо отрежут ей язык! они большие специалисты по части языков!.. и тому ее хахалю, легавому, тоже!.. она сразу прекратит свое нытье! она ведь ничего еще не видела!.. эта лицемерная притворщица, сучка фараонова!.. дешевка!.. на площадке больше не сомневались, что эта падла была провокаторшей и подстилкой полицейских! с ней им было все ясно!.. она заслужила, чтобы негры сняли с нее скальп! вывернули ей матку наизнанку… может быть, тогда она наконец замолчит!.. а мы… да и мы все тоже… полюбуемся

на это замечательное зрелище!.. пусть ей засунут ее внутренности в глотку!.. только чтобы она заткнулась и больше ничего не говорила!.. а этот тип в цепях!.. особый Уполномоченный?.. чушь!.. да он сам себя связал! сам обмотал цепями!.. черт побери!.. «уа! уа!» лягаши на все способны! а вот они себя связывать не станут! они ведь бежали из Страсбурга! им хватает тех ужасов, которые они там видели!.. о, и все–таки, ее следовало бы хорошенько отметелить! а еще лучше придушить! сразу на месте!.. вместе с ее легавым!.. чтобы эта зануда отлипла от них со своими россказнями про границу, западню и прочую ерунду!.. сучка! окажись они в Страсбурге, она и ее легавый, у них бы сразу пропала охота жаловаться, ах, шалава, хромосома волосатая!

Так что, сами видите, какая там на площадке царила атмосфера!.. весьма напряженная!.. о доброжелательности или сочувствии говорить не приходится!.. я чувствовал, что обстановка накаляется!.. в любую минуту на нее могли наброситься и избить!.. запросто!.. особенно женщины!.. уж им–то было о чем плакать! «лужи крови, вот такие огромные!..» правда, Эктор?.. Леон, скажи?.. отрезанные головы детей!.. совсем маленьких херувимчиков!.. невозможно передать, сколь-

ко там было голов… и вот такие «тесаки»!.. они демонстрировали нам их размеры!.. тесаки! вот такого размера! представляете! настоящие топоры!.. «помнишь, Эктор?.. так ведь, Леон?..» о чем вопит эта шлюха! о, ей полезно было бы все это увидеть!.. и ее легавому тоже!.. тогда бы ей было, о чем рыдать! Клотильда, казалось, сама напрашивалась на пощечины, ей просто не терпелось их получить! она бесстрашно подставляла им свое лицо, свою щеку! но беженцы из Страсбурга, чудом спасшиеся от страшной расправы, вовсе не для того прибыли в Черный Лес, в Зикмаринген к Петэну, чтобы участвовать в подобных сценах!.. ну уж нет! ах, он тоже хорош, этот Петэн!.. да, кстати!.. он и его клика!.. что за бардак они здесь развели!.. вы только посмотрите!.. «не так ли, Виктор?..» это они, порядочные замужние женщины, с детьми и вообще, должны были говорить!.. они все бросили в Страсбурге!.. но они держали себя в руках!.. после всех выпавших на их долю нечеловеческих страданий!.. их можно было бы немного и послушать!.. хоть чуть–чуть!.. а не эту грязную полицейскую подстилку! которая к тому же загораживала им проход! проход в W. C.!.. а туда тем временем поднималось все больше и больше народу!.. из пивной и с улицы…

в тот момент, когда я туда пришел, обстановка накалилась до предела… и вдруг, этот епископ!.. да, епископ… честное слово!.. на лестнице… епископ в фиолетовой сутане, шляпе с широкими полями и с нагрудным крестом… поднимаясь по лестнице, он всех благословлял… абсолютно всех!.. он повернулся и снова благословил тех, кто на улице… еще раз!.. потом тех, кто был на площадке!.. для епископа он был не так уж и стар… с сединой в волосах… с бородкой.. не жирный, вполне аскетического вида, запас жира весьма умеренный… и знаете, он тайком наблюдал… за тем, что творилось вокруг него!.. справа, слева, спереди… сзади… пока осенял всех крестом и бормотал «во имя Отца!..» однако впечатление на окружающих он произвел огромное! эффект!.. потрясающий! я сам видел, что они вот–вот разорвут Клотильду на части, они уже начали сдирать с нее одежду! так они все были разъярены! так их выводили из себя! ее жалобы и вздохи! а тут они сразу вдруг все притихли! перестали ее по–всякому обзывать!.. «скотина! дешевка! трепло!..» они не могли понять, почему этот епископ их благословляет?.. во всяком случае, некто похожий на епископа… откуда он взялся?.. куда направляется? может быть, в сортир?.. а он тем временем продолжал

всех благословлять!.. лично я не особо был удивлен, немного поразмыслив, я решил: наверное, он идет ко мне?.. может быть, это ряженый? а может просто сумасшедший?.. нет! все не так просто! он подходит и делает мне знак, что хочет со мной поговорить… откуда он меня знает?

— Доктор, я епископ Альби!

И потом шепотом добавляет…

— Епископ еретиков!

Он мне это шепчет! а сам оглядывается по сторонам, чтобы никто его не услышал.

— Катарский епископ.[353]

Ну и дела!.. но я стараюсь внешне своего удивления не показывать… и очень спокойно ему киваю…

— О, конечно!

А он решил меня еще немного просветить.

— Нас преследуют с 1209 года!

В комнату к себе я его не приглашаю, ничего, постоит и на площадке, там ему самое место… на протяжении всего разговора со мной он ни на

---

[353] Примечания: 353

Альбигойцы — средневековая секта в южной Франции, получившая свое название от г. Альби, жители которого еще в XII веке приняли учение катаров и др. еретиков, проповедовавших дуализм, отрицание церковной иерархии, таинств и т. д. В Средние Века подвергались жестоким гонениям со стороны римско–католической Церкви и Инквизиции. Идеи Альбигойцев имели сходство с болгарским богомильством и заключали в себе первые зачатки протестантизма.

секунду не прекращает своих благословений… ни на секунду!

— Я из Fidelis, доктор! сестры там великолепны!.. вы сами знаете!.. я прекрасно себя чувствую в Fidelis! уверяю вас! но прекрасное самочувствие это ведь еще не все! не так ли, доктор?

— О да, конечно, Монсеньор!

— Мне нужны пропуска для членов нашего Синода из Фюльда!.. вы слышали о таком?

— О да, Монсеньор!

— Нас будет трое!.. я сам из Франции!.. два других епископа из Албании!.. о, мы вовсе не думаем сдаваться! Доктор!

— Конечно, Монсеньор!

— Как и вы, сын мой!

Он берет меня за голову, очень осторожно и целует меня в лоб… после этого благословляет!..

— Мы все гонимы, сын мой!.. дети мои!

Теперь он обращается к толпе вокруг…

— Запомните все!.. Альбигойцы! это мученики Господа! на колени!.. на колени!..

Женщины повинуются… мужчины остаются стоять…

— Ах, но я чуть не забыл, доктор!.. где тут приемная мсье де Раумница?

— Этажом выше, Монсеньор!

Кем бы он ни был на самом деле, главное, что он предотвратил кровопролитие!.. женщины, которые только что напоминали настоящих фурий, которые готовы были наброситься и разорвать Клотильду на части, теперь преисполнились какой–то неземной кротости, в одно мгновение… они крестятся! все время крестятся! со слезами на глазах, взглядом полным сострадания и умиления! смотрят они теперь и на Клотильду, и на Лили, и на легавого… и даже на меня!.. все обнимаются… и сливаются в едином религиозном порыве!..

Nun! nun!

Раумниц! это его голос нарушает установившуюся гармонию! он наклоняется к перилам… с него довольно!.. что там за гвалт в коридоре! опять за свое!

— Айша!

Появляется Айша и ее доги… все испуганно расступаются… без единого слова!.. она знаками показывает мужчинам: мол поднимайте Папийона и тащите его! туда!.. она указывает направление плеткой!.. туда!.. в глубину коридора! и поживей!.. его нужно поднять! прямо с цепями!.. весь сверток!.. оп! и оттащить! да, да, весь этот сверток!.. с глаз долой!.. епископ наблюдает

за происходящим со стороны… он снова благословляет присутствующих… затем обращается ко мне: «А вы не катар?» — он задает мне этот вопрос, полагая, что из–за шума нас никто не услышит… как его зовут?.. он не представился… я не знаю, как к нему обращаться… Монсеньор, а дальше?.. «Нет! нет! я не катар!» — кричу я ему!.. чтобы все слышали! все! несмотря на царящий вокруг гвалт! вся лестничная площадка! о! это сработал мой защитный рефлекс! мгновенная реакция! он у меня развит чрезвычайно! этот животный инстинкт самосохранения! и слава Богу! меня и так все кругом ненавидят, для окружающих я, как бельмо на глазу! а тут еще этот! вечно гонимый «уртам–туртам»! шьет мне катара!.. нет, хватит с меня и 75 статьи!.. а вы не катар?.. не катар?.. здорово!.. ну и ловкач!.. он, наверное, специалист по такого рода провокациям!.. раз, и ты на крючке!.. но меня ему не поймать!.. я снова начинаю орать, что есть мочи! пусть Раумниц и Айша слышат! «не катар я! не катар!»

Врешь, не возьмешь!

Чтобы я сам добровольно полез в петлю, этого от меня никто не дождется! катар, альбигоец, архиепископ… ничего не знаю! в первый раз слышу!.. хер вам! суки!.. к счастью, его относит

от меня потоком людей! святейший архиепископ вместе со своими блядославлениями! оказался в самой гуще свалки на лестничной площадке! точно так же, как Айша, ее доги и закованный в цепи комиссар! обливающаяся слезами Клотильда тоже!.. они все вместе с толпой устремляются в глубину узенького коридорчика, но тут случается нечто непредвиденное!.. надо же! представляете! наша хрупкая, убитая горем Клотильда вдруг испускает истошный крик! разворачивается на сто восемьдесят градусов! и бросается на этих скотов из Страсбурга! те отталкивают ее!.. осыпают бранью! и с таким остервенением!.. что она едва не расплющилась о стену! но она не сдается! нет! едва придя в себя! она снова переходит в наступление!.. такая крошечная, обессилевшая от слез! о, она хватается за конец цепи своего Папийона и больше уже не оставляет его! она извивается возле него! сжимает в руках его голову… прижимается к ней губами! целует его! а свалка тем временем увлекает их за собой, к двери в глубине коридора!..

Айша уже там… со своими догами… она поджидает их у дверей комнаты 36… ага… так я и думал!.. тот лжеврач уже там… его санитарка тоже… и скорее всего… их пациент тоже там…

тот, что был на моей кровати, которого они собирались оперировать, толстый владелец гаража из Страсбурга… как и многие другие, кто исчез, казалось бы, навсегда… я уверен в этом… уверен… впрочем, не совсем… может быть, теперь мне удастся заглянуть туда?.. в эту комнату 36?.. тогда бы я смог увидеть все собственными глазами… им должно быть там очень тесно… я мог бы воспользоваться предоставившейся мне возможностью… Папийон, Клотильда, епископ… вместе с теми, кто тащил их за собой, в окружении всех этих сердобольных женщин… уже в 36-ой!.. Айша позволяет им всем втиснуться туда… я тоже мог бы позволить себя туда затолкнуть… вместе с ними… сама Айша остается у дверей со своими догами… она выжидательно смотрит на меня, не собираюсь ли я зайти… она бы не стала возражать… «нет! нет, мамаша! не выйдет!» я конечно любопытен, но не настолько!.. этот номер не пройдет! хватит надо мной издеваться!.. найди себе кого–нибудь другого, подоверчивее!.. моя толстозадая Айша! и можешь не вертеть своим крупом, не изображать танец со змеями!.. баста!.. отсоси, девуля!.. и не трави мне душу! я и так озлоблен на весь свет!.. а то, гляди, дождешься, я возьму да посажу тебя на кол, заживо! ты слышишь меня, нет? оливка!

фига! прошмандовка чертова! в 1900 я уж одну такую видел!.. танцовщицу со змеями тютелька в тютельку!.. в красных крокодиловых шкарах, с огромными драгоценностями! и с такой же плеткой! ладно, Айша, живи! я бы с удовольствием посадил ее на кол! но я боюсь оказаться в 36-ой! в ее 36-ой! в 11-ой меня ждут больные!.. это тут! да!.. ну а как же вокзал?.. Замок? сначала вокзал!.. там, должно быть, прибыли новые поезда!.. а это значит, мне снова придется пробираться вниз по проспекту… от ворот до ворот… от тротуара к тротуару… там ведь не только можно нарваться на пулю… повсюду… где угодно… там не каждом шагу вас подстерегают еще и надоедливые болтуны!.. сколько раз, покидая Ловен, я намечал что–то сделать… кого–то навестить… и ничего не успевал!.. а все потому, что какой–нибудь очередной одержимый вцеплялся в меня мертвой хваткой!.. они подстерегают вас там у каждых ворот… на каждом углу… вы должны выложить ему все, что вы думаете об этих событиях! и не потом!.. как–нибудь в другой раз! а сейчас же! немедленно! и все начистоту! абсолютно все! хлоп по плечу! его вам запросто могут вывихнуть или раздробить! руку они вам жмут с такой силой, что от боли у вас темнеет в глазах и вы едва

не теряете сознание! «ах, наш дорогой доктор! вот и он!» как приятно они удивлены!.. как рады вас видеть!.. о, а вам в обращении с ними следует быть осторожным! крайне осторожным! и предельно собранным! на все вопросы отвечать сразу же, спонтанно! промедление смерти подобно! и побольше оптимизма! и глубокой убежденности в голосе! человек, спрашивающий ваше мнение, не просто рядовой стукач! не обольщайтесь! так что не нужно спорить с ним по пустякам! вы не должны обмануть его ожиданий!.. «конечно, победа у немцев уже в шляпе… новая Европа уже создана!.. секретное оружие уже разрушило Лондон!.. сравняло его с землей! фон Паулюс уже в Москве, но обо всем этом сообщат только по прошествии зимы! Роммель в Каире!.. обо всем будет объявлено одновременно!.. американцы просят мира… так что можно считать, что мы уже дома! прогуливаемся по Елисейским Полям!.. единственная проблемы — это транспорт, поезда!.. просто не хватает поездов!.. но и это вопрос нескольких недель! главное добраться до Ретонд и Сен—Дени!»[354]

Делайте вид, что вы в курсе всего, о чем бы с

---

[354] Примечания: 354
Ретонды и Сент—Дени — пригороды Парижа

вами ни заговорили! во время разговора эти типы все время чешутся… у них у всех чесотка!.. но не вздумайте говорить с ними о ней… ни слова о чесотке!.. только о победном возвращении через Триумфальную Арку!.. о нашем Торжестве! не жалейте красок!.. с де Голлем в Лондоне, Рузвельтом, Сталиным и их кликой покончено!.. раз и навсегда! они все с кольцами в носу!.. отправлены в зоопарк в Винсенн! именно там! проведут они остаток своих дней! и самое главное — ни в коем случае не выказывайте ни малейшего сомнения! стоит вам только заикнуться: «Роммель не очень уверен, что захватит канал… Суэц вполне может и устоять!» и ваша песенка спета!.. это будут последние слова в вашей жизни!.. сколько людей уже исчезло только потому, что они позволили себе некоторый скептицизм в разговоре с этими «типами у ворот»?.. видимо–невидимо!.. исчезло навсегда!..

Конечно, лучше всего было бы сидеть дома!.. но, увы, это невозможно! невозможно!..

***

Боже мой, как было бы приятно больше никого не видеть!.. ничего не говорить, ничего не писать, послать всех подальше… и отправиться доживать свои дни куда–нибудь на берег моря…

только не на Лазурный Берег!.. а к настоящему морю, к Океану... ни с кем не встречаться, исчезнуть, раствориться в небытии... ну а как же хавка, милок?.. музыка играет, барабаны бьют!.. на ковер, старый клоун! и оп–ля!.. еще разок! вас, вообще–то, уже заждались! публика сгорает от нетерпения: все ждут, когда же вы наконец как следует расквасите свою физиономию!

Ахилл прицепился ко мне вчера, почему я так долго заставляю себя ждать?.. старый похотливый осел, сам–то он никогда не написал ни одной книги!.. и голова у него никогда так не болела!.. черт! а этот его халдей Лукум заявился ко мне и давай выпытывать... с чего это я стал таким привередливым?.. таким ленивым? в то время, как его обожаемый патрон Ахилл втюхал баснословные суммы во всевозможную рекламу, коктейли, разукрашенные флажками автобусы, промывание мозгов критикам, огромные в три обхвата колонищи на первой полосе самых злобных, самых что ни на есть «меня–ненавистнических» газет... и все ради того, чтобы все узнали! что я наконец закончил свою блядскую рукопись! и вот результат!.. ах, бедняга Лукум, у него это просто не укладывается в голове!.. я отупел и обленился еще больше, чем в прошлом году! он с ужасом

думает, что станет с Ахиллом, если тот узнает об этом!.. бедный старик этого не переживет!.. о, он постоянно с ужасом думает об этом!.. у них так не принято!.. даже Жертрут, их конкурент с небесно–голубым моноклем, и тот никогда не позволял себе ничего подобного !.. у них вообще все было бы прекрасно, если бы я, гнусный циник, шут гороховый, безмозглый недоделок, перестал наконец заниматься саботажем…

Неужели я не могу понять, что Ахиллу просто необходимо съездить в Дакс…[355] а на обратном пути заехать еще и в Экс,[356] и Энгьен![357] ведь он уже не молод! в июле ему исполняется сто лет!.. но он не хочет умирать, не разобравшись со всей этой путаницей вокруг моих рукописей у него в подвале! из–за меня он и так уже вынужден был

---

[355] Примечания: 355

Дакс — город на юге Франции, где находится известная водо — и грязелечебница, предназначенная для лечения ревматизма

[356] Примечания: 356

Имеется в виду Экс–ле–Бэн — город, расположенный на восточном берегу озера Бурже, у подножья горы Ревар, где тоже находится очень известная водолечебница, с серными и иодистыми горячими источниками

[357] Примечания: 357

Энгьен–ле–Бэн — город на озере Энгьен, где находятся ипподром и казино

отказаться от пребывания в Мариенбаде...[358] и Эвиане!..[359] пока ему приходится довольствоваться поездками в Люксембургский сад... на Елисейские Поля... но ни кукольный театр!.. ни катание на маленьком паровозике в Булонском Лесу не способны его больше отвлечь... развеять его мрачные мысли о деньгах, которые он вложил, чтобы сделать меня знаменитым!.. а мне на это насрать!.. потому что у меня нет ни капли совести!.. короче, хватит ебать муму, гони рукопись, и точка!

— Лукум! Лукум! такси! скорее!

Он слегка опешил, но тем не менее встает... и следует за мной... в сад... а потом на тротуар...

— Шеф! шеф!.. пожалуйста, в Лурд![360] В Лурд, шеф! и побыстрее! побыстрее!

Ах, его слова заставили меня встрепенуться! что ж, пусть катятся! в Лурд! или еще куда! на

---

[358] Примечания: 358

Мариенбад — известный курорт в Чехословакии, где находится водолечебница

[359] Примечания: 359

Эвиан–ле–Бэн — город на Женевском озере, где находится водолечебница, знаменитая своими кальцинированными бикарбонатными водами, используемыми для лечения пищеварительных и мочеиспускательных путей, артритов и т. д.

[360] Примечания: 360

Лурд — город на юге Франции, центр туризма и религиозного паломничества католиков

пару со своим боссом! втроем! вдесятером! им ведь надо поправить свое здоровье! а у меня есть дела поважнее! я еще не рассказал вам о том, что случилось потом там, на лестничной площадке…

***

Я еще не успел отойти от потрясений, связанных с Папийоном, Клотильдой, катарским епископом, лже–хирургом и его пациентом, да и воспоминания о том инциденте на вокзале были еще свежи в памяти… казалось бы, достаточно… вечно так продолжаться не может… должен же человек хоть немного отдохнуть… а тут еще толпа этих страсбуржцев, состоящая сплошь из скандалистов всех мастей, одержимых горлопанов, полоумных матрон и ряженых, косивших то под одних… то под других… ан, нет!.. конца этому было не видно!.. приток людей не ослабевал!.. с улицы… из пивной… отовсюду!.. карабкались все новые и новые! они уже запрудили всю лестницу, забили собой все проходы… попытаться протиснуться сквозь них означало обречь себя почти на верную гибель, вас бы там в два счета превратили в лепешку!.. особенно, если учесть возбужденное состояние толпы, которую раздирали противоречивые желания! присутствующим хотелось жрать, спать и ссать одновременно!.. и они во-

пили об этом! вне себя от ярости! жрать спать и ссать!.. и тем не менее!.. я решил рискнуть… «пропустите меня! ну нет!.. нет уж!.. ни за что! давай, вали отсюда, эй ты, чмо! куда прешь, ублюдок!.. а ну посторонись, паразит!..» вот так они на меня реагируют, такие чувства я у них вызываю… так они меня уважают… впрочем, и теперь меня уважают не намного больше!.. но тогда я опешил!.. мне нужно было идти в Замок… ладно! потом! а как там этот Раумниц?.. этажом выше!.. хорошо, если невозможно спуститься, я поднимусь… комната 28! тук! тук! тук!.. herein!..[361] он лежит… с сигарой во рту…

— Я ведь запретил вам курить, коммандант!

Я с ходу перехожу в наступление!.. его забавляет, когда я ему что–либо запрещаю.. однако по–другому с ним нельзя… людей нужно держать в узде, иначе они сразу же садятся вам на голову…

— Раздевайтесь, коммандант! я сделаю вам укол!

Почти ежедневно я ввожу ему два кубика… о, они ему не помешают!.. здоровье у него не ахти!.. одышка… ничего определенного… но каждую

---

[361] Примечания: 361
Войдите (*нем.*).

секунду может случиться непоправимое… со стороны это плохо видно, но теперь, лежа на кровати, голый, он напоминал старого обессилевшего атлета… раздутые щиколотки… я слушаю его… сердце никогда не лжет… тому, кто его слушает, оно выкладывает о себе все, как есть…

— Ну что, доктор?

— О, я же вам сказал!.. по пять капель на четверть стакана воды в течение пяти дней… а кроме того, камфарное масло и укол… и полный покой!.. старайтесь не переутомляться!.. и не курить!.. ни в коем случае не курить!

Нельзя сказать, чтобы фон Раумниц был мне как–то особенно антипатичен… этих бошей, вообще, нужно принимать такими, какие они есть… так же, как и их родину!.. я был там у них, на Севере Пруссии… в Бранденбурге… совсем маленьким, в возрасте 9 лет…[362] а потом уже как заключенный… я и от родных мест не в восторге, но там… скудные каменистые поля в окружении непроходимых лесов!.. земля способная родить

---

[362] Примечания: 362

Селин неоднократно упоминает в своих романах о своем пребывании в Германии, однако постоянно меняет свой возраст и место. В детстве он, действительно, был в Германии, но, скорее всего, в 1908 году, и в Дифхольце, который до 1914 года находился в административном подчинении Гановера. Об этом свидетельствует и фраза из «Путешествия»: «Я уже знал немного этих немцев, я даже какое–то время учился у них в школе в окрестностях Гановера.»

только картофель, свиней и жлобов… а какие там грозы! пардон! но таких гроз тут нет!.. точно так же, как и лесов… таких секвой я больше нигде не видел![363] вы не представляете, какой они высоты! метров сто тридцать, не меньше!.. вы спросите: а как же в Африке?.. о ничего подобного!.. там нет таких секвой! во всяком случае, я не встречал!.. так что эту страну я неплохо изучил!.. я изъездил ее… вдоль и поперек… был я и в Пруссии, на родине фон Раумницов… пейзажи там, прямо скажем, не для туристов!.. мрачные маленькие озерца, а вокруг еще более мрачные леса… поэтому и Раумниц такой… раз он там родился… настоящий пруссак, мелкопоместный дворянин, жестокий мрачный коварный и неразборчивый в средствах… впрочем, есть во всем этом и что–то притягательное… какое–то величие… это же страна Грааля, Тевтонского Ордена… но, понимаете, после того случая в Винсенн, когда ему надраили очко, у него окончательно крыша поехала, такую он затаил злобу и ненависть ко всем на свете… даже мне, несмотря на

---

[363] Примечания: 363

О секвойях Селин пишет и в романе «Север»: «знаменитый лес.. единственный лес в Европе, где растут такие высокие деревья… единственный в Европе!.. другой такой есть в Америке… деревья, которые должны исчезнуть, они слишком гигантские для нашего времени, их вершины достигают ста восьмидесяти метров…

мое умение найти подход к каждому человеку, и то приходилось прилагать максимум усилий, чтобы он вдруг не вспылил и не укокошил меня!.. а я чувствовал!.. такое могло случиться в любой момент!.. особенно, когда я должен был делать укол… его жопа являла собой жалкое зрелище… поэтому я вынужден был все время спрашивать, а не болит ли у него здесь!.. а здесь?.. вероятно, его не только секли, но еще и били прикладами!.. об этом свидетельствовали многочисленные ушибы и кровоподтеки… я старался колоть рядом… потом просил повернуться на бок… ах, они и вправду обошлись с ним не слишком гуманно… это напоминало мне обследования, которые я в свое время проводил… в Сартрувиле… Клиши… Безоне… «я нижеподписавшийся, и т. д.… обследовав, и т. д.… кровоподтеки, ссадины, следы ударов… вследствие агрессии, жертвой которой, по ее словам, явилась мадам Пельфруа… или такой–то… такой–то… такой–то… и т. д… ему я тоже предлагал выдать такое свидетельство! об «агрессии, жертвой которой, по его словам, он явился… и т. д.».. смелая шутка, не правда ли!..

— Вы представляете, доктор, он покончил с собой! эта свинья! этот трус! я знал его, этого Штупнагеля!.. да если бы я захотел, я мог бы его

повесить уже двадцать раз! вы меня слышите?.. вы верите мне?.. Штупнагеля! двадцать раз!.. и всех обитателей Замка тоже! запросто!.. двадцать раз! вообще, всех жителей Зикмарингена! их тоже! двадцать раз!.. заслужили ли они?.. да они все предатели! я их всех знаю! и Петэн такой же! вы мне верите, доктор?

— Конечно, комендант! конечно!.. вы ведь лучше меня осведомлены… но прошу вас, успокойтесь… комендант! успокойтесь!.. не забывайте о своем сердце!..

Главное, чтобы он не перенапрягся и не отбросил коньки в моем присутствии, лишние неприятности мне ни к чему!..

— А на вокзале?.. вы видели, что там творилось?

Я бы предпочел, чтобы он сменил тему…

— Ну, был я там, на этом вокзале… и знаете доктор, я не верю в стихийность такого рода бунтов… все они: заранее спланированы!.. заранее!.. одна случайная пуля тут!.. другая там!.. и вы, доктор, будьте повнимательней! старайтесь пореже выходить на улицу…

— Благодарю за совет, комендант!

По правде говоря, все эти его откровения мне были не особо нужны… его, Бринона, да кого

угодно, хоть самого Дьявола!.. о чрезмерной откровенности потом всегда жалеют… да и окружающая обстановка не слишком настраивала на доверительный лад… доверительность более уместна в гостиных, в светских беседах на сытый желудок, или на сон грядущий… но сейчас, когда нервы у всех на пределе, когда над головой кружат вражеские эскадрильи, я чувствовал себя как на пороховой бочке… не самый подходящий момент для душевных излияний! отнюдь!.. малейшая неосторожность со спичками и… дальше, я думаю, можно не продолжать!

Как я уже вам сказал, Раумниц был атлетического сложения… не чета всем этим хлипким напудренным гермафродитам из мелкопоместных дворян… нет! настоящий олимпиец!.. олимпийский чемпион по плаванию из Германии!.. теперь, когда он голый лежал на своей кровати, я видел перед собой то, что осталось от этого олимпийца… обмякшие дряблые мускулы… впрочем, скелет имел еще вполне презентабельный вид… очень даже презентабельный… и череп тоже… хорошо очерченный… как на гравюрах Дюрера… лицо суровое, но не отталкивающее… я бы даже сказал… со следами былой красоты… глаза типично бошские… взгляд, как у догов…

настороженный… проницательный… и слегка высокомерный… вообще, редко встречаешь такие головы, о которых можно сказать, что они представляют из себя нечто большее, чем обычный «кочан капусты».

— Доктор, вы идете в Фиделис?

— О да, комендант!.. обязательно!

В силу ряда причин посещение Фиделиса меня не слишком прельщало… я вам потом объясню почему…

— Я хочу, чтобы вы прочитали одно письмо!..

— Позже!.. чуть позже, комендант!.. я спущусь! а потом поднимусь снова!

— Так вы вернетесь?

— О, конечно!.. да!.. во всяком случае, я так думаю…

— Поосторожней с Бриноном! не верьте Лавалю!.. не верьте Петэну! не верьте Роша!..[364] не верьте Мариону!

— Я и не думаю им верить, комендант! у них своя работа!.. у вас своя… у меня своя…

— И все же, прочтите мне это письмо!

Он настаивает!.. прежде всего я смотрю на подпись… Буаньер… я знаю этого Буаньера, он

---

[364] Примечания: 364

Шарль Роша — глава Министерства Иностранных дел в правительстве Виши.

из штата «нянек» Фиделис… в Фиделисе есть ясли… он отвечает за порядок и следит за тем, чтобы женщины с детьми и легаши ладили между собой… а в Фиделисе в четырех комнатах на двух этажах, по меньшей мере, триста легавых, собранных со всех концов Франции, изо всех префектур, и которым там абсолютно не фиг делать… вот Буаньер по прозвищу Чумарь и решил заняться «охраной яслей»… исполнить свой долг полицейского!.. «посторонним вход воспрещен!» Чумарь на всех завел учетные карточки!.. у него там целая картотека: три тысячи имен! и дорожит он ею, как зеницей ока!.. кстати, одного глаза его уже лишили «сынки»: он нарвался на засаду маки! так что сами понимаете, что это за тип!.. у меня нет ни малейшего желания читать его письмо, да и времени у меня мало!.. насколько я знаю этого Буаньера—Чумаря! он наверняка еще кого–то решил заложить… кого–то! а может, и меня?.. с него станется! редкая сволочь!.. весь в фурункулах от чесотки, тупой, только и думает, «как бы еще выслужиться»..

— Он опять кого–то закладывает?

— Да, доктор! именно! меня!

— И кому же?

— Канцлеру Адольфу Гитлеру!

— Надо же!.. здорово!..

— Он видел, как я уезжаю на автомобиле! да! я! отправляюсь ловить форель вместо того, чтобы следить за французами… и заметьте, доктор! я ничего не отрицаю! что было, то было! я виноват! Чумарь прав! но вы не хотите сами прочесть это письмо?

— Вы же уже изложили мне все его содержание, комендант!.. в общих чертах!..

— Нет! Не все!.. ваш соотечественник Чумарь выдвигает и более серьезные обвинения!.. он сам до них додумался!.. сам! по его мнению, я наношу непоправимый урон «Люфтваффе»!.. ведь я сжигаю двадцать литров бензина, когда еду на ловлю форели!.. и это действительно так! истинная правда! мне нечего ему возразить! ваш соотечественник абсолютно прав!

— О, он несколько преувеличивает, комендант!

— И правильно делает, что преувеличивает!

Я не собирался с ним спорить!.. лучше было засунуть язык в жопу и молчать! мы и сами–то все были в жопе! все! точно так же, как их чертова Люфтваффе! на что она была способна! об этом я тоже предпочитал помалкивать!

— Подождите, доктор!.. секундочку!.. я пригла-

сил его сюда!

Так вот почему он так настойчиво просил меня прочесть это письмо… он хотел меня задержать… чтобы показать мне Чумаря!..

— Доктор, я вас прошу!.. не обижайтесь на меня!.. садитесь!..

Он снова влезает в свои штаны… напяливает сапоги… свой доломан…

Потом подходит к двери, открывает ее…и облокотившись на перила… зычным голосом орет…

— Hier!..[365] Мсье Буаньер! Мсье Буаньер, вы здесь?

— Да! Да, комендант! я здесь!.. я уже поднимаюсь!..

И действительно, это он!.. он уже в дверях…

— Входите!.. так это вы Буаньер по прозвищу Чумарь?

— Да, комендант!

— Посмотрите мне в глаза! в глаза!.. а теперь отвечайте, это вы написали это письмо?

— Да, комендант!

— Значит, вы признаете?

— Да, комендант!

— И кому вы его послали?

---

[365] Примечания: 365
Сюда! (*нем.*)

— Тут указан адрес, комендант!

— О, ни тени смущения!..

— Я только исполнил свой долг, комендант!

— Что ж, прекрасно, в таком случае, мсье Буаньер, я исполню свой!.. эй, как вас там, Чумарь!.. ну–ка, посмотрите на меня! так! прямо в глаза!

Хрясь!.. Хрясь!.. он отвешивает ему две основательные оплеухи, после каждой из которых Чумарь подпрыгивает над землей!.. повязка с его глаза улетает!.. ее как ветром сдуло!

— А теперь послушайте меня!.. Мсье Буаньер по прозвищу Чумарь!.. хочу обратить ваше внимание, я мог бы преподать вам урок куда более основательный!.. и вы это прекрасно знаете!.. но я этого не делаю!.. расправиться с вами раз и навсегда! грязная свинья!. ах я, видите ли, растрачиваю бензин?.. наношу урон Люфтваффе!.. но на вас я не стану тратить и маленькой пули, которая заставила бы вас заткнуться навек, мсье Чумарь! и куска веревки мне жалко!.. вы не стоите этого куска веревки! не стоите! вон! вон! убирайтесь! и чтобы я вас больше не видел! никогда! а если я вас когда–нибудь здесь снова увижу, я вас просто утоплю! отправлю кормить форелей! убирайтесь! убирайтесь! и живо! сейчас же! в Берлин!.. и не забудьте ваше письмо!.. Чумарь!.. смотрите, не

потеряйте его!.. надеюсь, вы сами лично прочитаете его фюреру! в Берлин! живо! мсье Чумарь! los! los![366] и чтоб духу вашего здесь больше не было! никогда!.. los! los!..»

Он был вне себя…

Чумарь тем временем приводил в порядок свою повязку…

— Если я вас когда–нибудь здесь снова увижу, вы будете расстреляны! и утоплены!.. я вам это гарантирую! повод я найду!

Чумарь после таких зуботычин!.. все–таки слегка опешил… он качался… и никак не мог снова как следует натянуть на себя свою повязку…

— Хорошо, комендант! я понял ваш приказ!..

Он выходит и закрывает за собой дверь…

— Доктор, вы видели этого человека?.. он служит у нас уже двадцать два года!.. и на протяжении всех двадцати двух лет он только и делал, что закладывал всех подряд!.. он заложил нас!.. вас!.. он готов стучать Петру и Павлу! он предал Англию! Голландию! Швейцарию! Россию!.. этот тип хуже, чем поп Гапон! хуже Лаваля, хуже Петэна! он прирожденный стукач! стукач, который стучит на всех! я уже двадцать раз спасал ему

---

[366] Примечания: 366
Быстро! Быстро! (*нем.*)

жизнь, доктор! уже двадцать раз я должен был его расстрелять! я!.. Чумарь! да, я мог бы расстрелять его на месте!.. он ведь написал англичанам… он собирался похитить Лаваля… да… и я знаю с чьей помощью!. с помощью министров из Замка! да!.. вот что представляют из себя те, кого вы лечите! доктор! в Замке собрались одни предатели и евреи!.. а вы так не считаете?

— Я слушаю, комендант! я вас слушаю!.. о, конечно, я полностью с вами согласен!

Еще бы! да, если бы он начал уверять меня, что я монгол, я бы и тогда не стал ему перечить!

— Ну хорошо, доктор, и знаете, что я вам еще скажу?.. только между нами!..

Он собирается мне еще что–то сказать… но молчит… может быть, он передумал… к сожалению, нет…

— Не знаю, известно вам это уже или нет… но я арестовал Менетреля!.. я не в состоянии арестовать их всех!.. нет!.. весь Замок!.. а жаль! жаль! именно это и стоило бы сделать!.. они все того заслуживают!.. все, доктор! и вы в том числе!..

и Люшэр![367] и этот ваш еврей Бринон! так же как и все остальные евреи из Замка… о, это не Замок, а какое–то гетто!.. а вы что думаете по этому поводу?

— О, я полностью с вами согласен, комендант!

— Но вам кажется на это глубоко плевать! погодите, евреи вас потом тоже достанут!

— Так же как и вас… вас они тоже достанут, комендант!

Мы оба едва не расхохотались… эта перспектива была до смешного реальна!

— Если вас не затруднит?.. не откажите в любезности, сделайте мне еще один укол? встреча с этим замечательным человеком изрядно меня утомила!

Новая вспышка веселья!.. мы буквально давимся со смеху!

— Знаете, комендант, я еще никому не отказывал!.. нет!.. ни здесь, ни в каком–нибудь другом месте! я еще ни разу не бросил больного на произвол судьбы! ни разу! однако я должен вам

---

[367] Примечания: 367

Жан Люшэр (1901–1946) — журналист, один из самых известных парижских коллаборационистов, директор крупной вечерней газеты «Ле нуво тан». В Зигмарингене был членом Правительственной делегации, ответственным за информацию, то есть за газету «Ля Франс» и радиостанцию «Иси Пари», а также за проходившие в Зигмарингене литературные вечера. Был приговорен к смерти и казнен 22 февраля 1946 года.

сказать! чего мне это стоит! каких усилий!.. и раз уж я здесь, и мы об этом заговорили, я считаю своим долгом поставить вас в известность, комендант… что даже эти два кубика камфарного масла, которые я вам сейчас введу, и в которых вы так нуждаетесь, я достал не у вашего Рихтера Hof Apotek!.. нет!.. у этого Рихтера никогда ничего нет!.. впрочем вам должно быть это известно, вы ведь все всегда обо всем знаете, но я все равно вам скажу: это камфарное масло доставляют мне из Швейцарии! а оно там дороже золота!.. я покупаю его у «проводников»! на собственные средства! обратите внимание! не Адольфа Гитлера! и ни Рейха!.. а на свои кровные, хотя я далеко не самый богатый человек в мире! уж вы–то это знаете лучше других! и если вы вдруг решите меня повязать! опередив сенегальцев Леклерка! вспомните о том, что я вам сказал! совершив этот опрометчивый поступок, вы лишите себя камфарного масла!..

— Если я вас правильно понял, доктор, я перед вами в неоплатном долгу?

— Совершенно верно, комендант!

— Что ж! я не забываю добра, доктор! stimmt![368]

---

[368] Примечания: 368
Верно! (*нем.*)

но в свою очередь, я тоже хотел бы попросить вас об одном одолжении! для меня это очень важно! вам ведь нравится выдавать медицинские свидетельства… так вот, я хочу, чтобы вы засвидетельствовали и этот случай с Буаньером!.. вы были свидетелем того, что я мог его убить! но не сделал этого! хотя он и накропал на меня донос! так ведь?..

— Да! да, комендант! еще бы!.. но ложитесь! вам придется снова раздеться, комендант! снять с себя брюки!.. только брюки!

Я делаю ему еще один укол.. в ягодицу… и начинаю потихоньку складывать свои причиндалы.. ампулы… вату… шприц… снаружи доносятся возбужденные голоса… снизу… с нашей площадки! вся наша площадка буквально гудит!.. опять началось…

— А где же моя жена?

— Осторожно, не двигайтесь! комендант! ваш укол!.. лежите спокойно!.. хотя бы пять минут.. вот так!.. а я схожу посмотрю!

Только я открыл дверь… глядь, Чумарь!.. толкает речугу!.. с балюстрады!.. он так и не спустился вниз!.. а те, внизу на нашей площадке, вопят благим матом!.. чехвостят его в хвост и в гриву!.. эко его проняло!.. оказывается, они снизу все

слышали! и пощечины!.. и то, как Раумниц его обзывал! ах Чумарь!.. ах, сукин кот! ну и харя у него!.. особенно без повязки!.. он сорвал с себя повязку!..

«Ну давай, не дрейфь! эй, ублюдок! дешевка!.. давай!.. высеки его!.. высеки!.. ему ведь не впервой!.. всыпь ему как следует!.. трус!..»

Полное единодушие!.. о, а он и не думает никому всыпать! он хочет, чтобы все его сначала выслушали!.. выслушали! выслушали!.. но те снизу не желают его слушать! не желают! и все!.. тогда Чумарь начинает спускаться… одна ступенька… вторая… вот он уже рядом с ними… «дайте мне пройти… мне нужно к доктору!» Лили у себя, в 11-ой… она его впускает… и отдает ему его коробку, которую он оставил у нас… он оставил у нас свою коробку с картотекой… весь Зикмаринген в карточках! ему нет дела до этого блеянья! на лестничной площадке!.. пусть его обзывают евнухом и опущенным, потому что он не хочет вернуться и разобраться с Раумницем! с этим скотом! оберлегашом! его коробка с карточками для него важнее всего на свете! на остальное ему начхать! «эй вы! послушайте!.. вы салаги!.. запомните!.. это я Чумарь! я вам говорю: вы дерьмо!.. я Чумарь!.. бля буду!.. суки! дерьмо

вонючее! де–е–е-е-рьмо! жлобье вы все! я бывал и не в таких переделках! когда я вернусь из Берлина, вы еще обо мне услышите!..

— У!.. у! гад лягавый!.. вали в свой Берлин!.. пусть тебя еще раз там как следует отдрючат! слизняк!.. поносник!..

Так реагирует на его слова площадка!.. тем не менее толпа расступается и пропускает его… его и его коробку с карточками… которую он крепко сжимает у себя под мышкой… он стучит по ней! и демонстрирует присутствующим!.. «вот она, моя картотека, да! куча безмозглых идиотов!.. там внутри — весь Зикмаринген! козлы!.. и всю эту информацию собрал я, Чумарь!.. в Берлине будут рады с ней ознакомиться! этот ловец форели меня еще попомнит!»

Тут он поднимает голову вверх, к балкону… и потрясает своим кулаком по направлению к кабинету Раумница!.. он держится крайне вызывающе!.. грозит кулаком Оберштурмлегавому!.. казалось бы, они сами только что советовали тому как следует всыпать… теперь!.. вдруг!.. их настроение резко меняется!.. больше никто не хихикает!.. все расступаются и дают Чумарю уйти… истеричный хвастун, идиот!.. не хватало только, чтобы он еще прикончил Раумница! от такого

придурка всего можно ждать!.. он спокойно спускается по лестнице, ему никто не мешает… пусть проваливает!.. скатертью дорога!.. вместе со своими карточками!. его здесь никто не держит!.. никто!.. на лестнице царит гробовая тишина!.. вокруг не слышно ни звука!.. все ждут, когда он исчезнет, спустится в Stam… и это те самые страсбуржцы, фолькштурмы, местные… которые устраивали настоящую свалку перед нашей дверью только, чтобы попасть в сортир или ко мне на консультацию… их всех как ветром сдуло! стоило Чумарю снова начать говорить, как они все повалили назад в пивную, они не хотят, чтобы их видели на площадке… с ним!.. Чумарь он и есть Чумарь! на всякий случай, лучше держаться от него подальше!.. на площадке остался лишь я… кто–то окликает меня снизу! Чумарь! он хочет мне что–то сказать!.. я спускаюсь…

— Ну доктор! разве это люди! хрен на блюде!.. а не люди!.. а тот, там наверху! вы сами видели, доктор!.. что это за скот! тупой осел! тоже мне рыболов нашелся!.. он видите ли, меня расстреляет!.. ладно! я уезжаю! но мы еще с ним встретимся!.. ах, он наверное, думает, что избавился от меня навсегда! и с вами мы тоже еще встретимся, доктор! так что, до скорого! счастливо оставаться!

По его лицу текут слезы…. похоже, он действительно решил идти… но не к вокзалу!.. и ни в другую сторону… к Fidelis… нет!.. а вверх… по дороге на Берлин!.. как выйдешь из отеля, направо, а потом сразу же налево, к Herzoggasse!.. есть там такая улочка… я делаю знак охраннику у дверей… мол, все нормально… все согласовано!.. пропустите его!.. охранник уже хотел было его вернуть!.. nein! nein! … это по заданию Раумница! он направляется в Берлин!.. с секретным поручением!.. поэтому и идет пешком!.. тс–с–с! тс–с–с! знаками показываю я ему!.. пусть он сообщит другому!.. охраннику напротив… на противоположном тротуаре… поручение чрезвычайной важности!.. охранник должен знать… «Raumnitz befehl!.. gut! gut![369] ладно! Чумарь может пройти… и он проходит, причем, должен признать, с гордо поднятой головой, бодрым шагом, зажав свою картотеку под мышкой… «Счастливо, доктор!..» на дороге кроме него больше ни души… вскоре он скрывается за деревьями… что растут сразу же за Prinzenbau… дорога идет все время вверх…

***

Черт, как не хочется выходить из дома… а

---

[369] Примечания: 369
Раумниц приказывает! хорошо! хорошо! (*нем.*)

придется… не сегодня, так завтра… хотя бы за объедками для Бебера… а уж если идти к Landrat, то нужно навестить и мадам Боннар… я вам уже говорил, что это моя самая старая больная, ей уже 96 лет, она такая хрупкая и слабая… но какая доброта!.. какая утонченность! какая память! Легуве,[370] о, она знала наизусть все его стихи… всего Мюссе… всего Мариво… мне нравилось бывать у нее, говорить с ней, она была просто очаровательна… я искренне восхищался ею… должен сказать, что люди, в том числе и женщины, вовсе не кажутся мне заслуживающими восхищения… но в данном случае я ничего не мог с собой поделать… не знаю, может быть, позже еще Арлетти[371] произведет на меня такое же впечатление… не знаю, может быть… самое волнующее и таинственное в женщинах заключается вовсе не в их чреве… клиники Бодлока и Тарнье, все родильные дома мира до отказа забиты женщинами… которые корчатся в родовых муках, стонут, вопят, истекают кровью! в

[370] Примечания: 370

Габриэль Легуве (1764–1812) — французский писатель и поэт, эпигон классицизма. Малларме в «Искусстве для всех» сетует на то, что «Цветы зла» напечатаны в книгах, как две капли воды напоминающих те, что печатают прозу виконта дю Террайля и стихи Легуве.

[371] Примечания: 371

Арлетти — актриса, приятельница Селина

этом нет ничего таинственного и волнующего! но порой в женщинах встречается какая–то утонченность, «braquemard, amur et ton coeur»[372] … вот она по–настоящему волнует… это какая–то таинственная музыка… о, уловить ее невозможно!.. понять тоже!.. моя ныне покойная пациентка, мадам Боннар, была наделена утонченностью, сопоставимой разве что с тончайшим узором прозрачных воздушных кружев… как замечательно она читала Дю Белле… Шарля Орлеанского… Луизу Лабе… к сожалению, многие нюансы мне так и остались недоступны… мои романы могли бы быть совсем другими… увы, она покинула этот мир…

Но вернемся к нам в Lowen!.. почти вся неделя после ухода Чумаря прошла относительно спокойно… всего три тревоги… и два «срочных вызова» в Fidelis… это еще куда ни шло!.. но приближались холода, наступил октябрь 44-го… тем, в Замке, в голову пришла замечательная идея… просто гениальная!.. создать «Специальные подразделения по заготовке дров»… в соответствии с этим замыслом специальным отрядам добровольцев надлежало собирать в лесу сушняк,

---

[372] Примечания: 372
Кинжал, любовь и твое сердце (*старофр.*)

ветки, сучки и складывать все это на повозки, которые должны были тащить за собой на веревках сами же добровольцы!.. представляете, волочить на себе все это! каково! оп! впряглись!.. мужчины, женщины, старые, молодые! и с песней!.. добровольцы? это слово предполагает… наличие доброй воли! впрочем, те, у кого таковой не было — один хер! впрягались вместе со всеми! «лесные спецподразделения " должны были: укрепить мораль… поддержать колеблющихся… помочь им обрести «силу через радость»![373] радость гармонического труда! Боже мой, в этом бардаке! французы вообще народ негармоничный, а радостное пение специальных подразделений в дебрях непроходимого леса тем более вызывало у них апатию и желание оставаться дома на своих подстилках… особенно, если учесть, что Черный Лес находился рядом с Сиссеном — лагерем, в который отправляли наших детишек… и из которого те больше никогда не возвращались… а именно там, в непосредственной близости от лагеря, и должны были трудиться добровольные дровосеки… первопроходцы–сучкособиратели…

---

[373] Примечания: 373

Имеется в виду «Сила через радость» (по–немецки «Kraft durch Freude») — организация досуга, основанная в 1933 году нацистом Робертом Леем.

Профессия значения не имела!.. достаточно было доброй воли! необходимо было собрать все дрова, весь сушняк в лесу до наступления зимы! иного выхода не было! мэрии… как бошская, так и французская, отдавали себе отчет в том, что всех нас ждет! помощи не будет… не от кого и неоткуда!

А как же война? она продолжалась! а на войне, как на войне!.. газогенераторный грузовик подъезжает за добровольцами к мэрии (Prinzenbau)… причем довольно рано, в шесть пятнадцать утра… он только отвозил их в лес… обратно они добирались сами!.. в автономном режиме!.. впряглись в повозки с лесом… ни на Волге, ни в Бухенвальде, ни Нассер, ни строители Китайской стены или Пирамид не додумались ни до чего более оригинального… увесистые пинки под зад!.. не останавливаться, двигаться вперед и в такт!.. вот и все! больше ничего… эй! ух–х–х! «добровольцы», а такие обязательно находились!.. собирались в шесть пятнадцать перед нашей Мэрией (Prinzenbau)…

***

— Ах Селин!.. Селин!.. дорогой Селин!.. наконец–то я вас нашел!..

Только я смог выйти… никого на площадке…

все в пивной…

— Ах Селин!.. Селин!

Все ясно: еще один шизик!.. и не один… с дамой… какой–то молодой особой… они поднимаются ко мне… я их впускаю…

— Селин!.. Селин!.. наконец–то!.. я только что от де Бринона!.. он одобрил вашу кандидатуру!.. в качестве сценариста! для моего фильма!.. о, конечно, диалоги я напишу сам!.. все улажено!.. я был и у Лаваля, заручился его поддержкой! ведь я продюсер и постановщик! ну как? вы согласны?.. камеру нам пришлют из Лейпцига!.. русские не возражают… ах, Селин, вы не представляете, чего стоило мне это разрешение русских! но теперь наконец–то оно у меня есть!

Он бьет себя в грудь… по карману… в котором, должно быть, находится его бумажник с разрешением…

— Монтаж!.. диалоги!.. все это я беру на себя!.. абсолютно все!.. слава Богу, главные трудности позади!.. Лейпциг, подумайте только!.. Лейпциг! но сценарий должен быть написан в кратчайшие сроки! немедленно, Селин! завтра я снова встречаюсь с Лавалем! к этому времени сценарий должен быть завершен! он тоже так считает!..

За все это время его дама… вероятно, его жена…

не проронила ни слова… она не мешает ему говорить… ему просто необходимо выговориться… он весь сгорает от нетерпения, даже не может устоять на месте!.. переступает… с одной ноги на другую!.. топчется, оглядывается по сторонам!.. сопровождает свою речь жестикуляцией!.. и все это с такой энергией!.. как будто собирается что–то продать… но вдруг он неожиданно замолкает… и спохватывается…

— О простите!.. ради Бога, простите меня, Селин!.. я забыл вам представить свою жену!.. это наша восходящая звезда!.. а у нее для этого есть все данные, не так ли?.. разрешите представить!.. Одетта Кларисса!

— Очень приятно, мадам!

Я не столько смотрел на нее… сколько на ее шляпу!.. неплохая шляпка… украшенная цветами… с вуалькой!.. вы представляете?.. вуалька?.. в такое время и в таком месте?.. шляпка с вуалькой в тогдашней Германии!..

— Одетта станет украшением нашего фильма!.. это решено!.. Бринон согласен!

— О, прекрасно! прекрасно!

— Одетта, поздоровайся с мадам Селин!

Малышка вовсе недурна… я еще раз повнимательнее смотрю на нее… она действительно

одета, как звезда… звезда своего времени, этакая полу-Марлен, полу-Арлетти… юбка плотно облегает фигуру… ну и улыбка тоже… как у звезды! в самом деле!.. она улыбалась не потому, что ей было весело!.. а шаловливо и, в то же время, как бы говоря: «Я сейчас покончу с собой»… впрочем, в то время доведенные до отчаяния люди часто, даже слишком, кончали с собой… гораздо удивительнее было другое… то, откуда у нее в охваченной пламенем войны Германии эта шляпа с цветами и вуалькой, туфли и сумка из крокодиловой кожи и чулки из тонкого шелка?.. должно быть, это было не просто!.. прикинуть эту крошку!.. во всей Германии, в тот момент, вы не нашли бы и шпильки для волос!.. где он надыбал все это?.. кажется, он привез свою звезду из Дрездена?.. да что там она!.. он сам был прикинут ничуть не хуже!.. в бархате, бриджах, свитере с высоким воротником, гамашах и шкарах на тройной подметке! просто удивительно!.. и оба такие отутюженные, чистенькие!.. хоть на витрину… что он!.. что она!.. в общем, они неплохо подготовились к турне… а ведь его я уже встречал в Fidelis, когда он лечился у меня от синусита… но сейчас он полностью преобразился! чудо природы!.. как огурчик!.. Рауль… так кажется его зовут… Рауль Орфиц… он

уехал в Дрезден… любимый город художников и артистов, от которого теперь камня на камне не осталось… 200000 трупов… из Дрездена они отправились в Мюнхен… затем в Лейпциг… а потом опять вернулись в Дрезден… Дрезден в пепле! пришлось возвращаться в Зикмаринген… о, свой фильм он уже успел тщательно обдумать!.. последовательность событий, ритм!.. мне оставалось только воплотить его идеи, не выходя за рамки общей кинематографической концепции… «сцены ежедневной жизни в Зикмарингене»… Бринон за работой!.. типография и редакция газеты «Ля Франс»,[374] рабочий день редактора… «Радио—Зикмар» во время передачи! комментаторская кабина, звукооператоры… Милиция на занятиях в поле!.. я осматриваю больного! Петэн на прогулке… резвящиеся на лужайке дети!.. их папы и мамы тоже играют в шары! все довольны! у всех прекрасное настроение! Kraft durch Freude! радость! веселье!.. и всеобщее ликование!

---

[374] Примечания: 374

«Ля Франс» — с 26 октября 1944 по май 1945 была ежедневной газетой на французском языке, выпускавшейся в Зигмарингене сначала Жаком Менаром, потом Андре Меркадье. Помимо сообщений с фронта, статей лидеров коллаборационистов (Деа, Константини, де Ледэна и др.), а также статей из французской и швейцарской прессы, в газете публиковались различные объявления, касающиеся беженцев, в том числе объявления о проводившихся в Зигмарингене литературно–художественных вечерах.

— Все говорят, что вы очень подавлены, Селин?.. в самом деле?

— О, ну нет! что вы! нисколько! просто я всегда сосредоточен!.. вот и все!.. такая уж у меня профессия!.. серьезная!.. может быть, слегка переутомлен!.. но не более!.. не более, Орфиц!

Не хватало только, чтобы он повсюду трезвонил о том, как мне тяжело!.. с него станется, этот Орфиц явно не отличается большим умом!.. откровенничать с ним я не собирался!.. энтузиасты вроде него вообще всегда меня пугали! лучше держаться от них подальше!.. и потом, как он прикинут?.. откуда у него все это? и абсолютно новое!.. куртка? штаны, гамаши, ботинки на тройной подметке? в Fidelis он был таким же оборванцем, как и все мы… что за «чудесное превращение»? а ее гардероб?.. «шиффон»… шотландская юбочка, вышитая блузочка… откуда это взялось?.. в моей памяти всплыли картины далекого прошлого… рынок в Шату в 1900…[375] девушки со своими мамашами…

— Откуда у вас эта роскошная экипировка, Орфиц?

Не мог я сдержать своего любопытства…

---

[375] Примечания: 375

О рынке в парижском пригороде Шату Селин подробно пишет в романе «Смерть в кредит»

— С парашютов, Селин!

Вот сволочь!.. ладно, черт с ним…

— Ну так как, Селин, можно на вас рассчитывать? с Бриноном уже все обговорено!.. сценарий должен быть готов к завтрашнему утру!.. поговорю с Ле Виганом!.. поговорю с Люшэром… у меня для них есть роли… и для вашей жены тоже!.. о, она замечательно будет смотреться!.. рядом с вами!.. в качестве санитарки!.. ах, конечно. как танцовщица она тоже будет задействована! ну что?.. вы согласны?.. договорились!..

— Да! да!.. конечно! но где вы собираетесь снимать?

— Да прямо на улице!.. на улице!

Я хотел было ему сказать, что улица далеко не самое подходящее для этого место… там сейчас очень и очень неспокойно!.. можно угодить под бомбежку! но он был так возбужден, что я решил промолчать…

— О, но самое главное! подождите!.. мне нужна еще одна подпись!.. подпись фон Раумница!.. а я этого фон Раумница почти не знаю!.. где он хоть находится, этот фон Раумниц?.. пустая формальность!.. печать!..

— Прямо над нами! дорогой мой! прямо над нами!.. на лестничной площадке этажом выше! 28-я

комната! нужно подняться! постучать!.. и все!

— А он в хорошем настроении, этот ваш Раумниц?

— Да, так себе! вероятно, вам он покажется слегка уставшим…

— Ясно! вы все здесь стали развалинами! пожалуй, этого Раумница я тоже сниму!.. запечатлею его! для истории!.. ну а вы, как себя чувствуете? как настроение? о, вам придется сменить выражение лица, Селин! ну же! Селин! я вас прошу!.. мне такие постные физиономии не нужны!.. фильм пойдет во Франции! поймите! во Франции!.. в сотнях французских кинотеатров!.. его будут смотреть ваша мать, ваша дочь, ваши друзья, наконец!.. представляете, сколько людей его увидит! в том числе и ваших друзей!.. у вас ведь множество друзей во Франции, Селин!.. гораздо больше, чем вы думаете! вы, наверное, и не представляете сколько? а они вами восхищаются!.. любят вас! и ждут!.. ваши многочисленные друзья!.. так что не вешайте нос, Селин!.. выше голову! во Франции же не одни евреи! и во Франции многие ненавидят Голлистов! вы никогда об этом не слышали? о, ля! ля!.. да там все просто обожают Петэна!.. вы не представляете!.. больше, чем Клемансо!.. кстати, вы не напишете мне об

этом статью для «Ля Франс»?.. а?..

— Конечно! само собой, Орфиц!

Он говорит без умолку.

— Все кругом только и твердят!.. «Селин совсем упал духом!..» но вы же себе не враг?.. в конце концов?.. гм!.. я мигом, туда и обратно! вы меня дождетесь?.. так в 28-й, вы говорите?

— Да! да! там на двери написано: Раумниц!..

— Идем, Одетта!

Он не медлит… хватает Одетту под руку!.. поднимается… «тук! тук! herein!» и они там!..

Должен сказать, что меня не так–то просто удивить, но эти… Орфиц с Одеттой… вуалька, сумка из крокодила, тройные подметки!.. их пребывание в Лейпциге!.. в Дрездене!.. особенно в Дрездене, о котором я кое–что слышал… а за восемь дней до них я встречался с консулом из Дрездена… последним консулом Виши… он мне рассказал, что там творилось! все было раздолбано и зажарено на фосфоре… по американскому рецепту!.. великолепно!.. последний «new–look»[376] перед атомной бомбой… сначала прошлись по окрестностям… жидкой серой и ракетами… а потом зажарили основную часть!

---

[376] Примечания: 376
Изобретение (*англ.*)

центр Дрездена! во вторую очередь!.. церкви, парки, музеи… чтобы никто не ускользнул!..

Сколько нынче разговоров о пожарах в шахтах… фотографий, интервью… кажется, все готовы до бесконечности проливать слезы и онанизировать по поводу судьбы бедных шахтеров под землей, ставших жертвой коварства метилового газа и предательского пламени!.. черт подери!.. а теперь еще и по поводу жестокости русских танков в этом несчастном Будапеште… но никто ни разу даже не вспомнил, и это несправедливо, о том, как их братья были преданы и изжарены в Германии под большими демократическими крыльями… это табу, об этом говорить не принято… сами они там не были!.. и ладно!.. а вот последний консул Виши там был и спасся, вышел живым из этого ада, только благодаря килограмму кофе… у Него под мышкой оказался этот килограмм… это все, что осталось от Консульства… учетные карточки тоже сгорели!.. последние пожарные машины должны были вот–вот покинуть Центр… им предстояло опаснейшее путешествие!.. из центра Дрездена, через бомбы, серу, потоки огня, туда, где уже не бомбили!.. за город, на природу!.. дъявольская гонка!.. помпа, пожарники, он, кофе!.. продол-

жать что–либо тушить было бесполезно, надо было спасаться самим! он дал им свой кофе и дрезденские пожарники взяли его с собой! они подняли его наверх, привязав к лестнице своей пожарной машины!.. и оп! Тр–р–р!.. он и его кофе, поплыли по утопавшим в огне улицам! Вот почему прибывшие из Дрездена Орфиц и его жена такие напомаженные, напудренные, разодетые в пух и прах… с вуалькой!.. вызывали у меня некоторое недоумение… тут было над чем поломать голову… и это его намерение снять меня!.. меня!.. Ля Вига! Люшэра!.. его дочь Коринну…[377] Лили!.. и Бебера!.. дабы наши друзья во Франции смогли нас увидеть! первым делом он собирался прокрутить его в Швейцарии!. а потом уже на Монмартре… кинематографический шедевр! «о буднях Зикмарингена»… Коринна Люшэр была далеко, в санатроии в Сэн—Блэзьене… о, только не нужно все усложнять! она приедет! нет проблем!.. с ее отцом все уже согласовано! так же, как с Лавалем! Бриноном! и Петэном!.. наши многочисленные поклонники будут довольны!..

Тут было много неясного… я пребывал в полной

---

[377] Примечания: 377

Коринна Люшэр (1921–1950) — дочь Жана Люшэра (см. прим. к стр.), известная актриса французского кино в довоенные годы. Была больна туберкулезом, умерла в возрасте 29 лет.

растерянности… а он тем временем находился наверху у Раумница…

Наконец они спускаются… я сразу почувствовал: это они!.. и действительно!.. на сей раз они с женой не одни… их сопровождает Айша со своими догами… спускаясь, он окликает меня…

— Селин! Селин!.. я иду с мадам Раумниц! мы идем взглянуть на их аппарат! о, это не долго! одна минута!.. я скоро вернусь!.. вы меня подождете?

— Да!.. да!.. да!.. обязательно!

Я обещаю ему дождаться его…

Все трое проходят мимо наших дверей… он все так же ретив! передвигается уверенно!.. чего никак не скажешь о ней… нет!.. она протягивает ему руку.. идет маленькими шагами.. опустив глаза.. кстати. я забыл вам их описать! обведенные черным карандашом глаза… с длинными накладными ресницами, как у Мюзидоры…[378] и даже крошечными блестками! накладные ресницы, брови в блестках!.. полное сходство!.. можно было подумать, что вы на Sunset Boulevard! я ведь там

---

[378] Примечания: 378

Мюзидора (настоящее имя Жанна Рок) (1889–1957) — знаменитая актриса немого кино времен Первой Мировой Войны, исполнявшая роли демонических соблазнительниц.

был на этом Sunset Boulevard!..[379] правда, давно, много лет назад! а сейчас я наблюдал, как эти трое уходят все дальше и дальше… не то, чтобы по бульвару! но и не просто по коридору, а куда–то гораздо дальше, за его пределы!.. Айша шла впереди… им оставалось лишь следовать за ней.. не упускать ее из виду!.. не отставать!.. вперед!.. вперед!.. вслед за Айшей с плеткой и ее догами!.. вперед!.. я предпочитал помалкивать!.. и Лили я сказал: «Не смотри на них! возвращайся!» сам я тоже следую за ней… мы оба возвращаемся к себе… в такие дела лучше свой нос не совать!.. нет!.. и в Замке лучше об этом не трепать… так же, как и в Милиции… и в Fidelis!.. если РАумниц меня спросит, я скажу, что ничего не видел…

Две… три минуты полной тишины… ни звука… а потом снова шаги… Айша… слышно, как она возвращается… тук! тук!.. стучится она к нам…

— У вас все в порядке?

Интересуется она…

— О, все просто замечательно, мадам Раумниц! вы очень любезны, фрау комендантша!

---

[379] Примечания: 379

Селин действительно совершил летом 1934 года путешествие в Калифорнию, был он и в Голливуде, где находится Бульвар Сансет, название которого стало популярным во всем мире в 1950 году после выхода одноименного фильма Билли Уайлдера с Эрихом Штрогеймом в гл.роли.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал легко и беззаботно! я так рад ее видеть!.. надо соблюдать политес!.. красиво жить не запретишь… она довольно часто стучит в нашу дверь и интересуется, что у нас нового… как дела?.. всякий раз я отвечаю ей, что все хорошо!.. о ля! ля! все просто замечательно!..

***

Все эти происшествия были не столь значительны… но они отвлекали меня… мешали мне приступить к исполнению своих прямых обязанностей… вы это уже наверное и сами заметили?.. целых два дня… а в течение этих двух дней… мне нужно было навестить больных в Fidelis… на другом конце города и в Милиции… после чего еще зайти к Лютеру на консультацию… хотя там наверняка уже кто–нибудь консультировал вместо меня в мои приемные часы!.. какой–нибудь очередной самозванец лже–врач… наверняка!.. мой кабинет у Лютера был своеобразным местом сбора таких лже–врачей… они собирались там со всей Германии в «мои приемные часы», то есть во время, отведенное для приема мне! да еще со своими медсестрами!.. я притягивал их к себе, как магнит!.. всех эти чудиков почему–то тянуло именно ко мне… вдобавок ко всему боль-

шинство из них считало себя «хирургами», что могло иметь самые печальные последствия!.. о если бы они просто ограничивались предписаниями… это было бы еще полбеды, так как у этого Hof Рихтера все равно ничего не было! но эти ребята испытывали непреодолимую тягу к оперированию! неважно чего и неважно как! грыжи, отит, бородавка, киста!.. главное, резать!.. быть хирургом!.. ведь и эти придурки, ученые, костоправы, целители, факиры, вовсе не удовлетворены тем, что им приходится ограничиваться жалкими рекомендациями, пилюлями, пузырьками, амулетами, леденцами… нет!.. им хотелось бы участвовать в таком грандиозном Представлении!.. этого Огромного Театра марионеток!.. главное, чтобы все вокруг кровоточило!.. и трепетало!.. о, я не собираюсь строить из себя нового Доде,[380] но на самом деле, в действительности даже наша хваленая вполне официальная, всеми признанная хирургия мало чем отличается от Римского Цирка!.. люди становятся жертвами шарлатанов!. но они сами этого и хотят! им нра-

---

[380] Примечания: 380

Имеется в виду Леон Доде и его произведение «Околеванцы» («Morticoles») (1894 г.), представляющее собой сатиру на медицину, где изображена некая страна Околевания, обитатели которой «околеванцы, будучи все поголовно маньяками и ипохондриками позволили врачам безраздельно господствовать над собой.»

вится заниматься самоистязанием! ложиться под нож!.. чтобы им отрезали нос, голову, яйца… а хирургам только того и надо! эти мясники работают аккуратно и точно, как часы… у вас есть сын, чувствующий к этому ремеслу призвание?.. он испытывает желание убивать?.. с самого рождения?.. в нем еще жив этот первобытный инстинкт? он хотел бы вышибать мозги, трепанировать, как в ископаемые времена?.. что ж! отлично! превосходно!.. мы не в пещерах? не важно! он может громко заявить об этом! у него дар!.. хирургия, это как раз то, что ему нужно! из него может выйти «Настоящий Мастер Своего Дела»!.. дамы, эти слабоумные идиотки, млеют от одного взгляда на его руки… «ах какие руки!.. какие руки!».. восторженные дуры!.. они готовы ползать перед ним на коленях, умоляя, чтобы он забрал у них все! и сразу же! «бабки»! приданое! матку! все основные органы и сиськи в придачу! он должен хорошенько их выпотрошить!.. распороть им брюхо и вытащить все его содержимое!.. подопытные крольчихи!.. их истекающими кровью внутренностями! килограммами этого месива! переполнено до краев огромное блюдо!.. гениальный неповторимый убийца!.. о, «великий

жрец наших сердец», Ландрю и Петьо[381] блекнут в лучах его ослепительного сияния!

Идолы ацтеков? тьфу! окаменевшая кровь, гримасы!.. толстые убогие пауинские пожиратели миссионеров?.. не смешите меня!.. божественный маркиз де Сад?.. ребячество! в самой захудалой операционной вы станете свидетелем зрелища куда более захватывающего!.. «Облаченный в белоснежную мантию жрец!» и подвергающиеся вивисекции сияющие жертвы! на седьмом небе от счастья!.. животные на Ля Вилетт[382] или в Чикаго[383] и те боятся! они чувствуют, что должно с ними произойти… а доверчивые пациенты Настоящего Мастера Своего Дела зачарованно взирают на своего кумира…

Моим–то придуркам, из тех, что самовольно пробирались к Лютеру, было не до жреческих почестей!.. куда там!.. дай Бог, 10 марок… 20 марок за прием… но я боялся, что они в конце концов кого–нибудь все–таки прирежут!.. это ведь было

---

[381] Примечания: 381

См. примечание к стр…

[382] Примечания: 382

Ля Вилетт — район в Париже, где раньше располагались городские бойни

[383] Примечания: 383

Имеются в виду знаменитые чикагские бойни

самой заветной мечтой!.. каждого из них!.. а я опять буду виноват! виноват во всем!.. мол, это я им разрешил… я их пустил!.. и хотя я уже предупреждал Бринона! ему мои предупреждения по фигу!.. нет, прав был Людовик ХУ 1: «добрая слава лежит, худая по свету бежит…» я стараюсь, лезу вон из кожи! а все шишки все равно всегда сыплются на меня!.. проклятый балаган, сборище безмозглых кретинов!.. «чего еще ждать от автора подобных книг!».. ни для кого не секрет, что своими книгами я себе здорово нагадил!.. и еще как!.. в Клиши…Безоне… в Дании… здесь!.. вы пишете?.. с вами все ясно!.. Тропманн[384] советовал: «никогда не сознавайтесь в содеянном!» тоже мне предостережение!.. «никогда не пишите!» вот, что я вам скажу! если бы Ландрю «писал», он бы и глазом моргнуть не успел, не то чтобы посыпать солью небольшой ломтик свежатинки!.. весь Гамбэ[385] стоял бы уже на ушах!.. он тушил человеческое мясо в кастрюле!.. «а чего еще ждать от автора подобных книг!..»

Вы думаете, я не знал, что обо мне треплют в

---

[384] Примечания: 384

См. прим. к стр.

[385] Примечания: 385

Гамбэ — пригород Парижа, где располагалась вилла знаменитого убийцы Ландрю. см. прим. к стр.…

Зикмарингене!.. «худая слава по свету бежит!».. знал конечно!.. как не знать!.. автор «Безделиц»[386] обречен!.. это понимали и в Лондоне, и в Риме, и в Дакаре… а тем более здесь, у нас! в Зикмарингене на Дунае! последнем убежище 1142-х!.. и если меня до сих пор не прикончили, то почему? не иначе, как я вел двойную игру! может был вообще заодно с «сынками»?.. или агентом евреев?.. во всяком случае, тут что–то не то! «он ведь пишет такие книги»!.. не забывайте. что в душе каждого из этих 1142-х еще теплилась слабая надежда на спасение… они все не прочь были сделать из меня козла отпущения!.. спрятаться за моей спиной! сами они уже мечтали о домашних тапочках, возвращении в свои квартирки… короче, они очень на меня рассчитывали!.. главная тяжесть ответственности ложилась на меня! «автора подобных книг!» а не на них! ни в коем случае не на них!.. таких безобидных, милых и совсем, совсем невинных! канать по делу паровозом должен был я!.. «это ведь он пишет такие книги!».. я один был способен удовлетворить аппетит Молоха! так считали все!.. спорить было бесполезно! от самого последнего прикованного

[386] Примечания: 386

Имеется в виду скандально известный расистский памфлет Селина «Безделицы для погрома», опубликованный в 1937 году

к постели доходяги из Фиделис, который ходил по нужде прямо под себя, до высокопоставленных начальников из Замка вроде Лаваля, абсолютно все… «ах, вы так не любите евреев! вы их просто ненавидите, Селин!» эти слова действовали на них успокаивающе!.. ведь это означало, что меня должны повесить! да, да!.. непременно!.. именно меня! а не их!.. себя они считали неприкосновенными!.. «вы автор таких книг!» сколько людей исцелил я от приступов безумного панического страха своими «Безделицами»! очень своевременная, нужная книга!.. книга настоящего козла! такого, которого можно отдать на растерзание! вместо себя!.. их ведь не тронут! этих симпатяг! нет! что вы!.. среди всех 1142-ух ни одного антисемита!.. ни одного!.. с таким же успехом антисемитами можно было назвать Морана, Монтерлана, Моруа, Лазареффа, Лаваля или Бринона!.. я был единственным затесавшимся среди них выродком!.. идеальный козел!.. благодаря «Безделицам» спасались все! все 1142!.. а так как одновременно я спасал Морана, Ахилла, Моруа, Монтерлана и Тартра… то можно сказать, само провидение послало им такого героического кретина!.. как я!.. я!.. я!.. ибо не только Франция, весь мир, враги, союзники, жаждали моей крови!.. я

должен был быть принесен в жертву!.. стать героем нового мифа!.. этот скот еще не выпотрошен?.. как?.. почему? священнослужители уже тут!

Ладно, перейдем к заключительной части повествования… пора завязывать… наконец–то я могу выйти… «до свиданья, Лили!» я беру Бебера. сажаю его в сумку… точнее, некое подобие сумки с дырками, чтобы он не задохнулся… мы спускаемся по лестнице… конечно, все меня сразу же заметили!.. и те. что жрали штам в пивной, и шуппо[387] снаружи, и мосол в форме у дверей… я начинаю объяснять ему, что иду в Замок.. и тут вдруг!.. кто–то прыгает на меня!.. мсье и мадам Делоне!.. здрасьти!.. мордасьти!.. «ах доктор!.. доктор!..» они оба такие тощие!.. я их даже не узнал.. они как раз выходили из Штам… когда–то я лечил их обоих… что с ними стало?.. кожа да кости, просто страшно смотреть!.. «откуда вы?.. из Сиссена, доктор!.. из лагеря!.. мы были в лесу!» тогда понятно!.. на сборе хвороста!.. «зима — тяжелое время!..» я и сам вижу, что им пришлось не сладко! таким, как они, только и работать на лесоповале!.. о, конечно, они отправились туда совершенно добровольно!.. жратвы кот напла-

[387] Примечания: 387
Shuppo (*нем.*) — охранник.

кал! баланда два раза в день!.. репа и морковь! баиньки прямо на соломе… до пятнадцати семей в одной палатке на двенадцать рыл… ясно, что от такой жизни не растолстеешь… даже в пивной Фрухта было лучше… о. жрали там конечно все тот же штам, ясное дело… но у Фрухта, по крайней мере, не били… тогда как в Сиссене, извините, лупили нещадно!.. бригадиры дубасили своих подчиненных, чтобы разогреться!.. били, чем попало! не церемонились!.. основательные shclag!..[388] я сам видел: кровоподтеки, шишки, волдыри… думаю, они неплохо разогрелись на сборе валежника!.. о шмотье я вообще не говорю!.. это и одеждой–то назвать было нельзя… какие–то лохмотья, связанные веревочками… сапоги, платье, сверху халат…… они собирали валявшиеся повсюду тряпки и связывали их между собой… отличная экипировка для работы в лесу, ничего не скажешь… вообще–то, «дровосеки» из них были никудышные… возраст не тот!.. оба были людьми довоенной эпохи… они несли на себе неизгладимую печать времени: в париках, он с усами «нубийца»!.. казалось, они сошли с витрин старых парикмахеров… она давала уроки пения на улице

---

[388] Примечания: 388
Удары (*нем.*)

Тиктонн… он играл на скрипке… жили они дружно, душа в душу… их многое связывало! тридцать пять лет супружеской жизни за плечами!.. свой выбор они сделали абсолютно добровольно!.. они привыкли отдавать всех себя, без остатка, своим ученикам… столь же безоглядно отдались они и служению Новой Европе!.. все ради дела!.. ничего для себя! они сразу же приветствовали установление Нового Порядка в Европе!.. с первого же дня! и не потому что рассчитывали с этого что–то поиметь… нет!.. с первого же дня!.. он играл (вторую скрипку) в большом оркестре в Гран Пале… выставка «Новая Европа»,[389] общий рынок и т. д.… она пела для мадам Абец в Посольстве… званые вечера, именитые приглашенные! так что, сами понимаете, влипли они основательно!.. они тоже получали «подметные письма» и маленькие гробики!.. и 75-я статья им была гарантирована!.. та самая, которую никогда не получит ни Моран! ни Монтерлан! ни Моруа… с ними решили разобраться всерьез, по–настоящему… до конца!.. их вышвырнули из своего дома пинком под зад! все их вещи были выброшены на улицу, растащены,

[389] Примечания: 389

Речь идет о выставке «Франция в Новой Европе» в Париже в Гран—Пале в апреле 1942 года.

likvidares!.. как у меня на улице Норвэн...[390] в целом, их постигла та же участь, что и меня... они и жили неподалеку... но я переживал случившееся крайне болезненно... в то время как они переносили все свалившиеся на их головы напасти стойко! не то чтобы с легкостью... но и без особого озлобления и горечи!.. они с грустью взирали на происходящее, и все!.. больше всего их расстраивало то, что их били, когда они не выполняли норму по сбору дров... они считали. что можно было бы обойтись и без побоев!.. плюс ко всему, их обзывали старыми бездельниками!.. вот со «старыми бездельниками» они смириться не могли! «это мы бездельники, доктор?.. старые! конечно!.. старые!.. но бездельники? вы–то знаете, доктор!.. мы всю жизнь трудились!.. и на совесть!.. не минуты покоя! вы–то знаете, доктор!»

Слезы наворачивались им на глаза... от такого оскорбления... они бездельники!.. «1-й приз Консерватории! и у него, и у меня!..» говорила она, едва сдерживая рыдания... «вы знаете, я вам

---

[390] Примечания: 390

Селин до 1944 года жил на углу улицы Жирардон и улицы Норвэн, продолжением которой является проспект Жюно. В связи с этим, говоря о месте своего проживания до июня 1944 года, Селин упоминает то одно, то другое из этих названий.

рассказывала. мы встретились у Туша… бездельники в Оркестре Туша!.. вы были знакомы с мсье Тушем, доктор? тогда вы должны знать. какой это был человек, какой артист!.. и какая это была работа!.. новая программа каждую неделю! и не просто заезженные мелодии! нет! «Голубой флаг!».. вы ведь были знакомы с мсье Тушем?».. «о конечно, Мадам Делони!».. так что с тем, что теперь их били и нещадно, а я сам видел следы побоев, обзывая при этом бездельниками, пусть даже за работу в лесу, она смириться не могла!.. это было уже слишком!.. их?.. их?.. ее и мужа, по голове!.. наотмашь! «взгляните, доктор!.. взгляните!» и действительно… у нее в двух местах!.. волосы были вырваны! вместе с кожей!.. здорово приложились!.. о, но он вовсе не чувствовал себя раздавленным!.. вовсе нет! отчаиваться он не собирался!.. наоборот!.. его переполняли планы на будущее! грандиозные планы! пребывание в Сиссене, как бы заставило его встрепенуться! поверить в себя! «да, доктор!..» его будущее!.. о, оказывается его будущее целиком и полностью зависело от меня! от моей доброй воли!.. не могу ли я попросить о содействии де Бринона?.. «первая скрипка»!.. одного слова де Бринона было бы достаточно! «первая скрипка», где? я не совсем

понимал!.. о, если бы я только захотел?.. ну да!.. конечно в Сиссене ему пришлось туго, его били, осыпали оскорблениями, но теперь ему предоставлялась прекрасная возможность отыграться за все сполна!.. первая скрипка!.. на протяжении всего его пребывания у Туша, а потом где–то еще, ему так и не удалось исполнить «первую скрипку»… ему обещали, все уже было оговорено… но в силу ряда причин… непредвиденных обстоятельств… не боясь оказаться нескромным и излишне самоуверенным, он имел все основания полагать, что вполне этого заслуживал!.. «поверьте мне, доктор, нечто подобное можно организовать и здесь, в Зикмарингене!..» он указал мне на кого–то в глубине пивной!..

— Вы видите мсье Лангуве?

Да, я его видел… это действительно был он…

— Он тоже так считает!

Сидевший за столиком… в Stam… мсье Лангуве был дирижером оркестра в Зикмарингене…

— Когда я играл вторую скрипку, мсье Лангуве сразу же обратил на меня внимание… «вы обязательно должны исполнить первую скрипку!..» это его слова!.. понимаете, доктор, я говорю об этом только вам!.. я человек скромный!.. вы это знаете! интригантство! карьеризм! мне не по ду-

ше! нет!.. но здесь, в нынешних обстоятельствах, все зависит от согласия Замка, а вы многое можете… верно?.. не так ли, доктор?.. или я ошибаюсь? тогда оставим эту тему!.. о, вы всегда были так предупредительны, так добры к нам! так нас поддерживали! знаете, раньше бы я никогда не решился… но теперь мне нечего терять!..

Мсье Лангуве, дирижер оркестра, сидевший за столиком в Stam, тот вообще был сама куртуазность! еще хуже, чем Делони!.. элегантный, прециозный до невозможности, он сам напоминал скрипку… ласковое журчание его речи! обволакивало собеседника, как «Облака» Дебюсси…

Конечно, я бы с радостью помог им обоим, и Делони, и его жене… но как: разве я мог представить их Бринону?..

— Скоро ведь состоятся большие торжества?

— Где, мсье Делони?

— Но так все говорят! в Замке!.. мсье Лангуве уже репетирует с хором!.. торжества в честь победы под Арденнами![391]

---

[391] Примечания: 391

Под Арденнами (французская провинция на границе с Бельгией) в начале Первой мировой войны, в августе 1914 года состоялось первое крупное сражение между французскими и немецкими войсками. Французские войска потерпели поражение и вынуждены были отступить.

— Да что вы!.. не может быть!

— Да!.. да!.. приглашены послы всех государств!.. грандиозные торжества!..

— Ах!.. ах!..

— Мсье Лангуве…

Казалось, он впал в полузабытье… погрузился в мир грез… его воображению рисовались картины… недоступные взору его жены…

— Эктор!.. о чем это ты?

Вмешивается она… будучи не в состоянии уследить за ходом его мысли… я еще раз смотрю на него, вглядываюсь повнимательнее… действительно, взгляд у него какой–то застывший… может, они слегка переусердствовали, пытаясь сделать из него «образцового дровосека»? слишком сильно звезданули его по голове?.. очень может быть!.. тут много неясного… надо подробнее порасспросить его жену…

— О, они нас столько били!.. и оскорбляли, доктор! главное, оскорбляли!

Так, эта зациклилась на слове «бездельники»!.. на сей раз она больше не сдерживалась и громко разрыдалась… но он? что случилось с ним?..

— Прямо по голове?

— О ля! ля!

Она разрыдалась еще сильнее… а он… он по–

прежнему был всецело поглощен предстоящим Торжеством!.. «Торжеством по случаю освобождения Арденн»… он уже видел себя «первой скрипкой»… на грандиозных Торжествах!

Ну так как насчет первой скрипки, доктор? договорились! надеюсь, мсье де Бринон не станет возражать?

— О, послушайте, мсье Делони! можете не сомневаться!.. считайте, что вы уже за пюпитром!..

Я знаками показываю его жене, чтобы она перестала плакать!.. мол все решено, заметано!.. видок у него, конечно, был еще тот, настоящий бродяга в лохмотьях, с застывшим взглядом… но несмотря ни на что. некоторая выправка в нем все равно чувствовалась… даже в этом связанном веревочками тряпье… жаль только, что от его «нубийских» усов осталась только какая–то бледная ниточка… и парик был весь изодран в клочья, видно было, что прошлись не только по его шевелюре! ни одна часть ансамбля не была оставлена без внимания…

— О, оркестр совсем небольшой, камерный!.. вы понимаете, доктор?.. но зато, какой репертуар!.. судите сами!.. Моцарт!.. Дебюсси!.. Фо — ре!.. о, я прекрасно знаю Форе!.. Ну разве что кроме его самых первых опытов… но зато остальное!..

остальное!.. не так ли, дорогая?

— О да!.. да!

— Впрочем, как и Флорана Шмидта!..[392] на Страсбургском бульваре, скажу без хвастовства, мы играли всю новейшую музыку!.. вы помните мсье Хасса, доктор? нашего пианиста?.. он тоже получил 1-й приз!

— Еще бы, мсье Делони!

— Мсье Туш — человек редкой души! вы–то это знаете, доктор!.. он собирался сделать меня «первой скрипкой»!.. уже тогда!.. тогда!.. но понимаете, я сам предпочитал оставаться в тени!.. боялся ответственности!.. я был еще слишком молод!.. мсье Тушу не удалось добиться моего согласия, а вот мсье Лангуве я говорю: да! я согласен! решено!.. дальше тянуть нет смысла!.. должен ли я использовать свой шанс?.. ну! это как посмотреть!.. с одной стороны! конечно!.. но бросаться сломя голову? мне? да никогда! или перестраховываться? нет уж! извините!.. но разве я недостаточно созрел для этого, доктор?.. тогда — может быть, а теперь — другое дело! вы сами услышите, как я играю! ах доктор, ведь и мадам Селин тоже в программе! она обязательно будет

---

[392] Примечания: 392

Флоран Шмидт (1870–1958) — французский композитор, автор сочинений для камерного оркестра.

танцевать! конечно, если она не против?.. пожалуйста!.. старинный танец.. чакона… и еще два других… самых что ин на есть романтических!.. в сопровождении нашего оркестра!.. ну как?..

Его жена вопросительно смотрела на меня, что я обо всем этом думал?.. я киваю ей: молчите!.. это все его голова!.. голова!.. действительно, взгляд у него был застывший, хотя рассуждения были и не такими уж безумными… может быть, несколько странными… Торжества в Замке…

В одном я не сомневался, если он поднимется к Раумницу и начнет толкать ему всю эту туфту про Арденны и праздничный концерт, он точно выйдет оттуда в сопровождении Айши!.. его постигнет участь остальных… но он не унимался!.. в сущности, этот чудик был абсолютно безобиден… лучше всего, вероятно. было бы их отсюда увести и попытаться пристроить в Замке… пусть ими займется Бринон… а там посмотрим… может, мадам Митр что–нибудь придумает?.. или музыканты из Замка?.. здесь же, в Ловене, они обязательно окажутся в комнате 36… это уж точно!.. стоит им подняться этажом выше!..

Мадам Митр умела устраивать любые дела… не хуже, чем Бринон…

Освобождение Арденн… Праздничные Торже-

ства в Рундштедте… и кто ему внушил все это?.. может быть, мсье Лангуве?.. дирижер?.. Лангуве конечно был человек легкомысленный, но не настолько же… ну тогда в Сиссене?.. такие же, как он «герои лесоповала»? достаточно было одного намека. случайно оброненной фразы, как он купился на этот «праздник» весь с потрохами… ни о чем другом он теперь думать просто не мог…

Я знаком показываю его жене. чтобы она, точнее они, следовали за мной… Лили тоже идет с нами… я успеваю шепнуть ей на ухо…

«Лили, ты должна все время им поддакивать!»

Когда имеешь дело с сумасшедшими? главное им никогда и ни в чем не противоречить!.. делать вид, что все «просто замечательно», и ни в коем случае не противоречить!.. с животными тоже!.. никаких резких движений!.. все «просто замечательно»!.. о, будьте предельно внимательны!.. малейшая неловкость!.. неосторожное движение!.. и пиши пропало! доселе дремавший вулкан просыпается!.. на вас обрушивается раскаленная лава человеческих страстей! ваш пациент с воплями кидается наутек, волоча за собой свои потроха, вывалившиеся из распоротого живота… заодно прихватив все остальное! скальпель, маску, колбу, повязки!.. его внутренности раз-

веваются на ветру!.. вот, чего может стоить вам ваша оплошность!.. нечто похожее происходит и в любви: ваша возлюбленная, только что завороженно взиравшая на вас, неожиданно впадает в ярость, готова вас убить! «Сатир, насильник, чудовище!» вы ошарашены! чертова девка совсем сдурела!.. а все потому, что вы всего лишь на какой–то миллиметр переступили границы дозволенного!.. вот так!..

Или допустим, вы король!.. ваши подданные довольны своей жизнью, они жрут. пьют, короче, до вас им нет никакого дела… и вдруг, внезапно: начинается пальба!.. толпы осаждают вашу Бастилию!.. вас свергают! Великая Армия — на Новом Мосту![393] так порой приходится расплачиваться за одно неосторожное слово! ибо в мире все и всегда должно быть «просто замечательно»!..

Что касается меня, то я подобных оплошностей стараюсь избегать, и скажу без хвастовства: мне это, как правило, удается! я без особых хлопот увел за собой Делони, его жену, и Лили… причем из Ловена мы вышли под самым носом у шуп-

---

[393] Примечания: 393

Новый Мост — мост через Сену в Париже, недалеко от Нотр—Дама.

по… Раумниц befehl![394] тсс! он вытягивается по струнке!.. так, пронесло!.. теперь в Замок! загружаемся в лифт!.. сперва к мадам Митр!.. с ней можно быть откровенным!.. с ней, да!.. я объясняю ей ситуацию… рассказываю о тех двоих, что ждут меня за дверью… мадам Митр сразу же въезжает, что к чему… «понимаете, доктор, посланник в данный момент…»

Так, обычная история, опять это вечное: «Посланник в данный момент!» на сей раз я действительно пришел некстати, он только что закончил говорить с мадам Бринон, урожденной Ульманн. которая постоянно звонила ему из Констанс и давала указания к действию!.. причем самые подробные!.. о. эта урожденная Ульманн имела на него колоссальное влияние! естественно, потом она заявила. что не одобряла деятельность своего мужа… чепуха все это, по свидетельству Пельпуа,[395] который прекрасно знал их обоих, они только на публике вели себя по–разному, а на самом деле, всегда и во всем были заодно… что

---

[394] Примечания: 394
Приказал (*нем.*)

[395] Примечания: 395
Дарьке де Пельпуа (настоящее имя Луи Даркье) (1858-?) — адвокат–антисемит, назначенный Лавалем комиссаром по еврейскому вопросу в мае 1942 года. Приговорен к смерти заочно в 1947 году. После окончания войны жил в Испании.

ж, очень может быть!.. но факт остается фактом, в конечном счете, к стенке поставили его, а не ее…

Как я уже говорил, лично мне Бринона упрекнуть абсолютно не в чем… не то, чтобы он меня очень любил, нет!.. но упрекнуть мне его не в чем… он мог поставить мне на вид мой «не очень высокий моральный дух», мое нежелание писать для «Ля Франс», неверие в победу бошей… вольные высказывания, которые я себе порой позволял… по его мнению, я принимал недостаточно активное участие в игре!.. а сам — то он в какую игру играл? я так никогда этого и не узнал!.. но он ни разу ни о чем меня не попросил!.. а мог бы!.. для него я был просто врач!.. о, что касается медицины, то тут мне препятствий никто не чинил!.. я обежал в этом городишке Гогенцоллернов все улочки, закоулки, тупики! помогая каждому, кто нуждался в моей помощи! никому не отказывал!.. Бринон не пытался вовлечь меня в политику… а так редко бывает!.. «крупные политики» обычно всегда стремятся максимально использовать окружающих их людей, превратить их в марионеток, послушных исполнителей своей воли… иногда он как бы между делом зачитывал мне письма из Берлина, из Канцелярии… в этих письмах речь, как прави-

ло, шла о медицине… или о моих высказываниях по тому… или иному поводу…

— Вы что–то хотели сказать, м. де Бринон?

— Да нет!.. просто я прочитал вам это письмо из Берлина… вот и все…

Боннар назвал Бринона мрачным животным!.. непредсказуемым и коварным!.. его, действительно, было трудно понять… как–то, за шесть месяцев до окончательного поражения, я начал говорить ему о серной мази… и ртути… «ах, доктор, бросьте! через шесть месяцев все будет кончено!».. тогда я не спросил его, что он имеет в виду… а он, как обычно, ничего мне не пояснил…

Ну, а с этим Делони в лохмотьях я явился как раз вовремя!..

— Что вы хотите от Посланника, доктор?

— Чтобы он разрешил остаться им в Замке, потому что в Ловен им возвращаться нельзя, вы ведь знаете фон Раумница?..

Еще бы ей его не знать… какие у него прихваты… больше мы, ни я, ни она, об этом не говорили… она и так все сама знала…

Ладно, время не ждет!.. черт!.. надо решаться!

— Я устрою их наверху, в музыкальном зале!.. они будут вести себя примерно!.. я вам это га-

рантирую!.. пусть себе репетируют… они никому не помешают… выходить оттуда они не будут!.. они и спать будут там наверху… Лили может приносить им их Stam… она ведь там занимается танцами… а слугам, Бриду и всем остальным я скажу, что идет подготовка к большому празднику!.. ладно?..

Мадам Митр не поняла…

— Какому такому большому празднику?

— О, это он! он так считает!.. скоро тут состоится банкет в честь «Освобождения Арденн»!

Мадам Митр окончательно запуталась… она смотрит на меня вопросительно… может я тоже немного того?

— Нет, мадам Митр! нет! послушайте!.. я не сумасшедший, просто он верит в этот Праздник! его не переубедить!.. он собирается исполнить «первую скрипку»! в этот вечер! это его мечта!.. мсье Лангуве ему обещал!.. понимаете?

Кажется, до нее начинает что–то доходить…

— Но мадам Митр, послушайте… если я отведу их в Ловен…

О, это–то она прекрасно понимает…

— Представляете, как с ними обращались в Сиссене? их там всех нещадно били!.. естественно, что он подвинулся рассудком… сотрясение!..

в его возрасте!.. нет, вы только посмотрите на его голову!..

— Ладно, доктор! вы меня убедили!.. значит мсье де Бринону я скажу, что там репетирует оркестр… идет подготовка к благотворительному вечеру…

— Да! замечательно!.. благодарю вас, мадам Митр!.. наверх редко, кто заглядывает… разве что Бриду… и слуги… там холодно… ну а если кто–нибудь спросит, я скажу: это по случаю «освобождения Арденн»… приближается большой праздник!.. до свиданья, мадам Митр!

Я тащу всех на «седьмой», Делони, его жену, Лили… Делони и его жена чешутся еще больше нашего… сказывается пребывание в лесу… каких только чесоток я не видел, но там, в Лагере. они подцепили еще и насекомых с кустов!.. трудяги на все сто!.. даже чесотка «как у землекопов»!.. кроме обычных волдырей и кровоподтеков по всему телу разбросаны следу от расчесов, какие–то причудливые зигзаги, квадраты.

— У вас нет мази, доктор?

— О, ее вот–вот привезут, мадам!

Она не должна волноваться!.. пусть себе чешутся, главное не останавливаться и ни о чем не думать… нам надо идти! подниматься!.. ну, на-

конец–то!.. мы на месте! вот и все! музыкальный зал весьма внушительных размеров… это и есть зал Нептуна…

— О, как красиво!.. великолепно!

Они довольны… он весь сияет…

— Надеюсь, здесь хорошая акустика?

— Прекрасная, мсье Делони!

Ничего не скажешь, князья Гогенцоллерны жили с размахом… зал, метров двести в длину, не меньше, весь отделанный розовой и серой парчой… в глубине, на сцене, порфирная статуя Нептуна… потрясающего трезубцем!.. более того!.. восседающего в великолепной раковине из алебастра и гранита!..

О, годится!.. я это сразу же понял!

— Послушайте, Делони, взгляните!.. мсье де Бринон не против!.. вам не нужно будет даже выходить!.. вы можете спать в раковине!.. здесь вдвоем!.. вы видите?.. не нужно даже выходить!.. иначе вас снова могут забрать в Сиссен!.. отправить назад в лагерь!.. я принесу вам одеяла!.. здесь вас никто не найдет!.. тут вам будет лучше, чем в Fidelis!..

Он не возражали…

— Конечно, доктор! конечно!

— Вы принесете нам мазь?

— О да, мадам!.. завтра же утром!

Я рассказываю все как было, ничего не выдумываю.

С минуты на минуту должен был появиться Бриду!.. генерал Бриду, в сапогах со шпорами!.. образец выправки… имел обыкновение прогуливаться по этому залу в обеденное время, дабы не сидеть за одним столом с министрами… ать! два! ать! два! каждый день! точно в полдень! и каждый день, точно в полдень, его взору открывалась одна и та же картина… «прочь! прочь!» он не мог видеть, как Лили танцует в этом зале! в такой духоте!.. не грубо, но тоном. не терпящим возражений!.. черт побери, неужели ей недостаточно наружных террас! и каких террас!.. свежий воздух, вид на все окрестные здания!.. нет, он военный министр и генерал кавалерии этого понять не мог!.. «прочь!.. прочь!»

Он бежал из Берлина!.. «прочь! прочь!» перед самым приходом русских… позже он опять бежал, на сей раз из Валь–де–Грас из–под носа у «сынков»… «прочь!.. прочь!».. а кончил он в Мадриде…[396] «прочь!.. прочь!» таков уж был лейтмотив его жизни: «прочь! прочь!«…

---

[396] Примечания: 396

ЭЖен Бриду — см. выше прим. к стр.

Как бы там ни было, но Делони я разместил… они провели что–то около месяца в раковине Нептуна… питались Stam'ом благодаря Лили… спали под одеялами, которые мы принесли из Ловена… с Бриду они прекрасно понимали друг друга… сами выходили на террасу, чтобы доставить ему удовольствие… ну, а о том, что случилось дальше… я вам еще расскажу…

***

Я оставляю с четой Делони Лили, пусть она репетирует свои танцы, готовится к Празднику вместе с ними… шутки в сторону… теперь все должно быть «просто замечательно!».. чаконы, паспье, ригодоны!..[397] в некоторых ситуациях легкомысленность может вам стоить очень дорого… не нужно шутить с огнем!.. будить дремлющий вулкан! «Освобождение Арденн»?.. пожалуйста! будут присутствовать послы всех стран!.. а как же!.. триумф Армии Рундштедта? о ля ля! да, сказать триумф, это значит почти ничего не сказать!

Настоящее посольство там на самом деле было только одно… посольство Японии… было еще итальянское консульство, тоже единственное…

---

[397] Примечания: 397
Названия старинных французских танцев

вероятно. они перекочевали туда еще из Виши?.. а может быть, бежали из Дрездена?.. кажется, был и немецкий посол? Гофманн?.. аккредитованный у Бринона… Отто Абец в то время уже был ничем… его отстранили от должности… но и отстраненный от должности Абец, несмотря ни на что, время от времени продолжал устраивать небольшие «импровизированные вечеринки»!.. о, конечно, совершенно невинные, ни к чему не обязывающие… в канцелярии Великого Рейха не то чтобы полностью игнорировали французов в Зикмарингене, но и не принимали их слишком всерьез, будущего у нас не было, зато в прошлом предшественники безусловно были… для придания хоть какого–то статуса этому «полу–карантинному, полу–опереточному» существованию, новоявленному М. Сиксту, нашему гениальному полномочному представителю в Берлине пришлось прибегнуть к множеству исторических аналогий: из времен Отмены Нантского

Эдикта,[398] Палатината,[399] Гугенотов и войны за испанский Престол...[400] в конечном счете, в виде исключения, нам было даровано право называться «беглецы французского анклава», хотя и с рядом оговорок... и весьма значительных... но все–таки «французского анклава»! о чем свидетельствовали: собственные марки (с портретами Петэна), Милиция в униформе и наш гордо развевающийся на ветру флаг! ну и конечно же, горн по утрам!.. однако наш «исключительный анклав» находился на территории прусско–баденской, которая в свою очередь... обратите внимание! сама была анклавом «Южного Вюртебмерга»! я вам все это объясняю, чтобы вы лучше почувствовали комизм ситуации... окончательное объединение Германии произошло лишь при

---

[398] Примечания: 398

Нантский Эдикт — речь идет об Эдикте, изданном в 1598 году Генрихом IV, давшем гугенотам религиозную свободу, ограниченном при Людовике XIII, и вовсе отмененном Людовиком XIV.

[399] Примечания: 399

Палатинат — имеется в виду Рейнский Пфальц, германское государство, расположенное на обоих берегах Рейна со столицей в Гейдельберге, существовавшее с 1623 года, часть которого в 1801 году была отдана Франции, а другая — Бадену и Гессену, большая же часть его в 1814 году была возвращена Баварии, вследствие чего прекратило свое существование в качестве самостоятельного государства.

[400] Примечания: 400

Имеется в виду война за испанский престол между Францией с одной стороны и Австрией, Германской империей, Англией и Нидерлан-

дами с другой, начавшаяся в 1700 году и закончившаяся в 1713 году Утрехтским миром и утверждением на испанском престоле Филиппа V, внука Людовика XIV, короля французского, и сестры Карла II, ставшего родоначальником династии Бурбонов в Испании.

Гитлере, но видимо не совсем окончательное! судите сами: были такие поезда, на которых, чтобы проехать из Германии в Швейцарию, вам приходилось в течение пятнадцати минут десять раз пересекать границу, причем все время ту же самую… länder,[401] повороты, области, у каждой свое название, русла рек… да пошли они!.. тут сам черт ногу сломит!..

Таким образом на нашем Празднике не предвиделось большого наплыва представителей различных посольств… разве что японцы придут?.. конечно, можно пригласить Абеца!.. но кого он представлял?.. какую страну? перемещался он исключительно на своем «газогене», этот Абец… встретить его можно было где угодно!.. триста метров: поломка!.. его огромную, всю покрытую вмятинами и неровностями голову по–прежнему переполняли идеи, причем самые невероятные… Абеца знал весь Париж, но лично я был знаком с ним очень поверхностно… мы не особенно симпатизировали друг другу… да и говорить нам с ним было абсолютно не о чем… он постоянно находился в окружении целой «свиты»… льстецов… а своя свита льстецов есть при любом Дворе!.. и

[401] Примечания: 401
Земли (*нем.*)

куда ни ткнись, везде одно и то же…в окружении Мендеса… Черчилля, Насера или Хрущева… везде и всюду! в Версале, в Кремле, на Зимнем Велодроме,[402] в Зале Аукциона… у Лаваля! де Голля!.. представляете!.. тайные советники, негодяи, подлецы, академики, торгаши. транс–сексуалы, моралисты и сутенеры, пожиратели гренок или просфор… даже время над ними не властно… они, как сивиллы, возрождаются и перекочевывают из века в век!.. вот она, подлинная преемственность Власти!.. вам нужен какой–то редкий яд?.. документ?.. увесистый подсвечник?.. а может быть, этот маленький будуар? или этот пухлый грум?.. пожалуйста! вы и рта не успеете раскрыть! вам его доставят!.. все, что угодно!.. Агобар, епископ Лиона, еще в 632 году, посетив Клиши (дворец Дагобера), был шокирован состоянием тогдашнего Двора и царивших там нравов! какое это было сборище воров и шлюх!.. да пусть он вернется туда хоть в 3060-м, этот Агобар Лионский!.. там снова будут одни воры и шлюхи!.. ничего не изменится! черт побери!.. все те же сиятельные

---

[402] Примечания: 402
Зимний Велодром в Париже — место собраний и митингов

лакеи и придворные давалки![403]

Но вернемся в Зикмаринген… мои мысли опять путаются!.. я уже говорил вам, что творилось в Зикмарингене на улицах… шуппо… о, если бы только они одни!.. военные всех армий и всех рангов… нашли себе прибежище на вокзале… героические раненные расформированных полков… остатки побитых в России швабских, мадьярских, саксонских дивизий… личности вообще неизвестно откуда!.. офицеры с Балкан в поисках своих генералов… матерые вояки… по сравнению с тем, что им довелось пережить, блекнет даже знаменитое поражение на Шельде…[404] эти полковники видели кое–что покруче!.. этакие субизы[405] с выколотыми моргалами… они торчали возле магазинов, уставившись на вит-

---

[403] Примечания: 403

В данном случае Селин допускает неточность. Дагобер был королем франков с 622 по 639 год, и его дворец, действительно, находился в Клиши, однако известный своими нападками на евреев лионский епископ Агобар жил гораздо позже, с 779 по 840. Селин, возможно, путает его с хроникером Фредегером, монахом, современником Дагобера, который осуждал распущенность и жестокость этого короля.

[404] Примечания: 404

Шельда — река во Франции, Бельгии и Нидерландах, на берегу которой находится город Антверпен. Очевидно, Селин имеет в виду знаменитую битву при Антверпене осенью 1914, когда немцы, полностью разгромив бельгийскую армию и разрушив все оборонительные укрепления, вступили в Антверпен.

[405] Примечания: 405

Очевидно, имеются в виду: 1) Бенжамен де Роган Субиз — князь (1583 — 1642), вождь гугенотов (1626–1629); 2) Шарль де Роган Субиз (1715–1787) — князь, маршал Франции, фаворит Людовика XV. В 1757 году соединился с имперской армией и выступил против Фридриха II прусского. 5 ноября того же года был разбит при Россбахе. У Селина их имена приобретают нарицательный смысл: матерые видавшие виды солдаты.

рины… якобы стараясь там что–то разглядеть… так что Абец на своем ломающемся каждые триста метров газогене не мог не видеть, что армия Адика[406] дышит на ладан… ну а со мной Абец вообще никогда не говорил… он меня попросту не замечал… или делал вид, что не замечает… все равно!.. и все–таки, однажды утром он меня остановил…

— Доктор, прошу вас!.. не могли бы вы зайти в Замок завтра вечером?.. поужинать? со мной и Хофманном?[407] обстановка будет самая непринужденная!.. только мы и вы!..

— Хорошо, мсье Абец!

Делать нечего… в назначенное время, ровно в 20 часов, я был в Замке… в гостиной Абеца… но его я там не застал!.. метрдотель увлекает меня за собой, в другое крыло, в противоположный конец Замка!.. один коридор… второй… «о подлинном месте встречи никто не должне знать!».. еще одна маленькая гостиная!.. под стол ведь могу заложить бомбу! приходится быть крайне осторожным! особенно после покушения на

---

[406] Примечания: 406

Имеется в виду Адольф Гитлер.

[407] Примечания: 407

Хофманн — советник немецкого посольства (подчиненный Абеца) в Париже, потом в Зигмарингене

Гитлера!.. ну, наконец–то!.. пришли!.. еще одна маленькая гостиная… оказалась весьма изысканной… повсюду фарфоровые безделушки… из Дрездена… статуэтки, вазы… а вот стол был накрыт далеко не столь изысканно!.. сразу видно! специально для меня!.. «по–спартански скупо»! иначе не скажешь!.. я слыл человеком желчным и невоздержанным на язык! за все время пока я там был ни Хофманн, ни Абец к еде даже не притронулись! они знали, что в городе бытует мнение, будто здесь, за этими величественными стенами, министры, ботшафтеры[408] только и делают, что жрут! ни в чем себе не отказывают! днем! ночью! жаркое! ветчина! икра! куски фаршированного рулета!.. шампанское льется рекой!.. я, по–видимому, должен был засвидетельствовать их спартанский образ жизни!.. мне можно было даже ничего не говорить!.. Абец уже заранее заготовил монолог… героическую историю своего «сопротивления»… о том, как он спас знамя «со свастикой» с мачты своего Посольства на улице Лилля… и какой несчастливой для них оказалась эта улица Лилля!..[409] я молча слушал

---

[408] Примечания: 408
Посланники (от нем. Botschafter)

[409] Примечания: 409
Улица Лилля — улица в 7-ом округе Парижа.

его и думал о своем… Рене тоже располагался на улице Лилля!.. убежденный расист! а живет себе спокойно на улице Лилля и никуда не думает уезжать!.. это этих затравили и выставили оттуда! пинком под зад!.. я-то Рене немного знаю… он восемь раз отклонял мои ходатайства о «прекращении уголовного дела»…[410]

Сидя за столом, я наблюдал, как Абец мнет в руках свою салфетку… представительный тщательно выбритый мужчина… он обязательно снова поест, когда я уйду!.. о, конечно, не то, что подавали нам! редис без масла, овсянку без молока!.. он продолжал разглагольствовать в надежде, что я потом буду всем повторять его слова… собственно для этого меня и пригласили!.. приносят несколько крошечных кусочков колбасы, по тоненькому ломтику каждому… ну раз так, черт побери, я тоже имею право немного развлечься!.. с меня довольно!

— А что вы собираетесь делать, мсье Абец. когда сюда придет Армия Леклерка? в Зикмаринген? да прямо сюда!.. в Замок?

Однако мой вопрос не содержит в себе ничего для них неожиданного… и Хофманн, и он уже

---

[410] Примечания: 410

Очевидно, Селин имеет в виду министра юстиции, который занимал эту должность во время процесса над ним

много об этом думали…

— У нас в Черном Лесу есть надежные люди! мсье Селин!.. своего рода коричневые маки!.. вашим «сынкам» не удалось сцапать меня на улице Лилля!.. и здесь им не удастся меня схватить, как бы они ни старались!.. к тому же долго это не продлится, нужно будет просто немного подождать! надеюсь, и вы пойдете с нами, Селин!

— О, конечно, мсье Абец!

Мне пришлось буквально выдавить из себя эту фразу, так как этого требовал этикет! слова застревали у меня в горле! еще хуже, чем его редис!

— И все же! все же, мсье Абец!.. обратите внимание!.. вы ведь прекрасно понимаете!.. вы Абец, даже если вы будете побеждены, разгромлены, оккупированы со всех сторон сотней вражеских армий, Богом, Дьяволом, Апостолами, вы все равно останетесь законопослушным немцем, защищавшим свою честь и родину! у вас будет хотя бы статус побежденного! другое дело, я: я для всех буду грязным, проклятым предателем, которого надлежит повесить!.. сограждане и «сынки» меня не простят!.. на первом же суку!.. вы чувствуете разницу, мсье Абец?

— О, вы преувеличиваете, Селин! вы всегда

все преувеличиваете! всегда!.. победа?.. да она у нас в кармане!.. Селин! а секретное оружие?.. вы слышали о таком?.. нет?.. ну хорошо, Селин, допустим, что вы правы, и все, что вы тут нафантазировали, сбудется!.. вы типичный пораженец! ладно, я готов допустить, что нас победят! пускай! раз уж вы так на этом настаиваете!.. но ведь национал–социализм все равно никогда не умрет! останутся наши идеи! они возродятся!.. мы их посеяли, Селин! посеяли! полили своей кровью!.. идеи!.. любовь!..

По мере того, как он говорил, он все больше впадал в экстаз…

— Ну нет, Абец! так не бывает!.. вы должны понимать!.. Историю всегда пишут победители!.. представляю, как она будет выглядеть, эта ваша История!

Лакей снова принес мне редис… и еще ломтик колбасы…

— И тем не менее… тем не менее, мсье Селин… послушайте меня!.. я знаю Францию… всем известно, и вам в том числе!.. о моем увлечении живописью во Франции… не только в Париже… на Севере… на Востоке!.. даже в Провансе!.. я сделал тысячи набросков… мужчин!.. женщин!.. французов!.. француженок! и я видел, слышите,

Селин!.. отчетливо видел!.. на лицах всех этих французов… представителей простого народа!.. аристократии… выражение настоящей глубокой искренней симпатии!.. да–да! причем не только ко мне… к Германии!.. они все испытывают чувство глубочайшей привязаности!.. Селин!.. к Европе!.. вот это вам следует учесть!.. Селин!..

Сытость делает из человека идиота, вот к какому выводу я пришел во время визита к нему… я видел, что они оба сияют… Хофманн тоже прямо весь светился… и без возлияний! на столе–то была лишь вода… слова!.. слова!.. мне в самом деле нечего было ответить… теперь принесли Stam… Stam… но «особый», с настоящей морковью, настоящей репой и, я думаю, настоящим маслом…

— Хорошо, господин Посол!

Абец был не кровожаден… нет!.. он был гораздо безобиднее Раумница!.. его–то еще не секли!.. пока!.. но все же… все же… осторожность не помешает… лучше попридержать язык… пусть себе французы испытывают чувство привязанности! блажен, кто верует!.. мне–то что…

— О, вы абсолютно правы, Абец!

Все! он меня убедил! больше я не высказывал сомнений!.. ни по поводу Новой Европы! ни по поводу его грандиозного проекта — сразу же

после нашего возвращения в Париж приступить к возведению колоссальной бронзовой статуи Карла Великого в начале проспекта Дефанс!..

— Вы представляете, Селин?.. ось Экс–ля–Шапель—Ля—Дефанс!

— А как же, мсье Абец! я ведь родился на Рамп дю Пон!

— Так вы представляете!

Я представил себе Карла и его сподвижников… Геббельс в качестве Роланда…

— О, это просто замечательно!

— Ну что?.. ну что? две тысячи лет Истории!..

— Великолепно!

Хофманн был с ним полностью солидарен! он тоже был крайне увлечен этой идеей Абеца! идеей грандиозного монумента символизирующего собой тысячелетнюю историю Европы! Карл Великий и его сподвижники на площади Ля Дефанс!

Я видел, что Абец разошелся не на шутку, описывая нам, как будет выглядеть… этот великолепный скульптурный ансамбль!.. у него даже щеки раскраснелись… а ведь он ничего не пил!.. кроме минеральной воды, как я уже сказал… просто от воодушевления!.. он вскочил со своего места, стараясь, не упустив ни одной де-

тали, продемонстрировать нам как будут стоять Карл и его сподвижники!.. соратники по борьбе! Рундштедт… Ролан… Дарнан… а я думал про себя: ладно!.. он скоро утомится… и я незаметно уйду!.. пускай!.. в этот момент лакей ему что–то шепчет… что такое?.. ба!.. мсье де Шатобриан!.. Альфонс!..[411] здесь и желает поговорить с господином Послом!..

— Пусть войдет!.. пусть войдет!..

Альфонс де Шатобриан!.. лакей его представляет… вот и он! собственной персоной!.. он хромает… кажется, во время нашей последней встречи в Баден—Бадене он хромал меньше… тогда, в отеле Бреннер… у него была та же собака, тот же красавец спаниель… и одет он был так же… как персонаж своего романа… после выхода фильма «Мсье де Лурдин»… он повсюду щеголял в этом костюме… своего персонажа… широкий коричневый плащ, охотничьи сапоги… о, впрочем! не совсем!.. на нем была новая тирольская фетро-

[411] Примечания: 411

Альфонс де Шатобриан (1877–1951) — писатель, лауреат Гонкуровской премии за роман «Мсье де Лурдин». Активный поборник и пропагандист национал–социализма. с 1940 года выпускал коллаборационистский еженедельник «Ля Жерб». Был другом Абеца. Записи в его дневнике свидетельствуют, что он действительно был в Баден—Бадене летом 1944, а зимой приезжал в Зигмаринген. В 1948 году был заочно приговорен к смертной казни. Скрывался в Австрии под чужим именем, где и умер в 1951 году.

вая шляпа! с маленьким перышком! в одном руке — спаниель на поводке, в другой — ледоруб!.. куда это Альфонс так вырядился?.. надеюсь, он нам сейчас все объяснит… да, чуть не забыл: борода!.. со времен Баден—Бадена у него выросла огромная борода!.. настоящая борода друида!.. тогда у него была маленькая светская бородка, а теперь — густая, седая, косматая… он весь зарос бородой!.. даже лица не видно… только глаза…

— Дорогой Абец! дорогой Селин!

Тот же голос, что и в Баден—Бадене… очень душевный!.. исполненный глубокой сердечности!

— Прошу меня простить! за столь неожиданный визит!.. я пытался вас предупредить, дорогой Абец! но увы!

— Бросьте, Шатобриан! вы же у себя дома!

— Благодарю вас, дорогой Абец! мы все у себя дома!

Тут он глубоко вздохнул!

— Не знаю, как и сказать?.. наше шале занято!

— Что?.. что?..

— Да! я вынужден был бежать!.. они уже там!

— Кто они?..

Уточняю я.. смеха ради!..

— Армия Леклерка, Селин! о, но я не собираюсь сдаваться, дорогой Селин! я видел!.. видел

черных!.. а как же!.. разве эти черномазые нас сами не провоцируют? на тотальную войну? она неизбежна! не так ли, Абец?

— Конечно! конечно, Альфонс!

Альфонс привык к аплодисментам! он снова оседлал своего любимого конька!

— Поймите! поймите, Селин! когда–то я написал: победа всегда достается тому, кто благородней и тверже духом!.. сильнее духом!.. а мы все именно таковы, не правда ли, Абец?

— О, безусловно, Шатобриан!

Абец не собирался ему возражать!

— Дух!.. это наше главное оружие… бомба… у меня она есть! и мы найдем ей применение!

Черт! пусть уж выкладывает все до конца!..

— Что за бомба, Альфонс?

— Понимаете, дорогой Селин! мы, я и несколько моих товарищей из «бойцов», нашли одно место!.. о, мне–то это не впервой!

Он собирается с мыслями… три очень протяжных глубоких вздоха!.. и наконец снова продолжает…

— Место в абсолютно безлюдной долине, в узком напоминающем арену цирка ущелье между тремя вершинами… в самой глубине Тироля!.. вот там! там, Селин!.. мы и уединимся!.. вы пони-

маете?.. мы сконцентрируем все наше душевные силы!.. мы создадим взрывное устройство страшной силы!

Хофманн не в силах скрыть своего недоумения…

— Какое еще такое взрывное устройство?

— О, дорогой Хофманн!.. это не обычная стальная бомба! не динамит!.. нет, и еще раз нет!.. эта медитативная бомба! бомба веры! Хофманн!

— И что потом?

— Взрыв!.. полное моральное уничтожение противника!.. не правда ли, Абец?.. ведь христианская религия именно так и победила? полное моральное уничтожение противника!.. вы согласны со мной, Селин?.. не так ли?..

— О конечно! конечно!

Мы все были с ним полностью согласны…

Так вот зачем ему ледоруб и тирольская шляпа!

Здорово!

Что касается Абеца, то для него победа с бомбой или без, была делом «само собой разумеющимся»!.. главное, чтобы не пострадал его монумент! великолепный Карл! ось Экс–ля–Шапель—Курбвуа! это его волновало больше всего!

— Вы представляете его себе, Шатобриан, не

так ли?.. вы хорошо представляете себе то, о чем я вам говорю?

— О, очень хорошо!

— Вы согласны, что это место для него самое подходящее?

— О, безусловно, дорогой Абец! лучше не найти!

— Тогда, надеюсь, я могу рассчитывать на вас! на вашу Оду! вы будете нашим Почетным Аэдом! автором Оды Европе!

Судя по всему, они прекрасно понимают друг друга… полное единодушие!.. праздник Победы на площади Ля Дефанс, представители со всех концов Европы вокруг величественного монумента в десять раз массивнее, шире и выше «Свободы» в Нью—Йорке! представляете! Почетный Аэд и его борода!

В этот момент, совершенно неожиданно для меня, между ними возникают трения… Шатобриан был погружен в свои мысли… Абец и Хофманн тоже… я ничего не говорил… первым молчание прерывает Шатобриан… у него опять какая–то идея!..

— Вы не находите, дорогой Абец, к событию такого масштаба должны быть привлечены лучшие из лучших? Опера Берлина? Опера Парижа?

или даже оба оркестра?

— А как же! как же, мой дорогой!

— Череда Валькирий! и музыка! о, какая это божественная музыка! вы помните?

Никто из нас ему не возражает! все с ним полностью согласны! череда так череда!

Но тут он начинает насвистывать! Валькирия!.. и фальшиво! череда!.. более того, он начинает петь… и фальшивить все больше!.. свой ледоруб он использует в качестве рожка! подносит его ко рту! дует в него!.. причем изо всех сил!.. Абец решается сделать ему маленькое замечание…

— Шатобриан! Шатобриан! прошу вас! позвольте мне!.. тут должна быть нота до!.. это же финал! финал! а не соль! это тромбоны исполняют соль! не рожки… только не рожок, Шатобриан!

— Как это не рожок?

Я вижу, что эти слова явно застали его врасплох!.. он был к ним не готов! ледоруб выпадает у него из рук… на секунду он полностью меняется в лице… его посмели одернуть!.. он прямо весь ощерился!.. это уж слишком!.. он находился в таком приподнятом настроении… он смотрит на Абеца… затем на стол… хватает блюдце… и бац! запускает его! потом еще одно!.. тарелку!.. блюдо!.. началось! прямо в голову! он вне себя! все это

разбивается об этажерку с посудой напротив! разлетается на мелкие кусочки! трах!.. бабах!.. во все стороны! потом снова! настоящая вакханалия!.. Альфонса уже никто не в состоянии остановить! этот жалкий невежда Абец осмелился сделать замечание по поводу его Валькирии! какая неслыханная наглость! ах, праздник Победы! отлично!.. бац! бум! наконечники трубок, пособия по баллистике!.. все идет в ход!.. его ярости нет предела! Абец и Хофманн едва успевают пригибаться! на другом краю! под стол! под скатерть! трах! дзинь! осколки летят во все стороны! слуги их подбирают!.. а его уже просто не узнать! он положительно взбесился! бородища вздыбилась, волосы торчат во все стороны! и все из–за замечания по поводу рожка!.. впрочем, между ними наверняка что–то было, я уверен!.. я слышал, что они так и не смогли договориться по поводу шале, которое оба снимали в Черном Лесу… Абец не хотел платить… его жена Сюзанна тоже… так что рожок, Валькирии и Карл были далеко не единственной причиной столь неординарного припадка… тут не обошлось без чего–то еще, посерьезней, во всяком случае, мне так кажется… и потом, сколько я помню Альфонса, он всегда был таким сдержанным, светским, а тут вдруг превратился

в Валькирию!.. хватал все. что попадало под руку! перевернул все вокруг! всю комнату!.. приступ бешенства! на грани безумия! даже Мирта, его собака, внезапно пугается и начинает отчаянно лаять! изо всех сил! Мирта, спаниель Альфонса… гав! гав! а потом бросается наутек! Альфонс окликает ее!.. но она уже далеко!.. он кидается вслед за ней… вниз по лестнице… Мирта! Мирта! Абец и Хофманн кричат ему вслед! «Шатобриан! Шатобриан!«… воспользовавшись удобным моментом, я тоже бегу! и тоже кувырком по лестнице! лифт мне не нужен!.. вокруг Замка уже совсем темно… опять тревога!.. очередная тревога! и какая!.. на тротуаре я наталкиваюсь на Альфонса и его Мирту! о, она счастлива, что ей удалось вырваться на свободу! она радостно скачет вокруг своего доброго хозяина… самого доброго хозяина я не вижу… слишком темно, не видно ни зги… он обращается ко мне, и его голос все еще дрожит!.. от волнения и гнева!.. град тарелок!.. сколько блюд он разбил!.. этот человек, который всегда был таким благовоспитанным, утонченным, церемонным вдруг стал совершенно неузнаваем! превратился в настоящего варвара!

— Бросьте, Шатобриан! стоит ли так волноваться?

— О, дорогой Селин!.. дорогой Селин!

Его былое благоразумие снова к нему вернулось.

Он хватает меня за руки, сжимает их… ему необходимо участие.

— Послушайте, не берите в голову! забудьте!

— Вы так считаете, Селин? вы действительно так думаете?

— Ладно вам! бросьте! чепуха все это!

— Вы так считаете, Селин?

— О, уверяю вас! тут и говорить не о чем!

— А как вы думаете, сколько я разбил тарелок?

Если бы только тарелок! всю посуду и даже супницы! с этим он явно перебрал! видел бы он себя со стороны: настоящая прорва! трах! бабах! и все об этажерки напротив, в которых тоже было полно фарфора! причем самое печальное, что там находились чудные «обеденные сервизы» из Дрездена!.. у них там все было из Дрездена, от Габольда, с четвертого этажа… тончайший фарфор… настоящий саксонский…

— Знаете, Селин, я буду спать в Бэрене, а в Замок не вернусь!.. мне там зарезервировали комнату! ну и пусть! я буду спать в Бэрене!.. мы собираемся выехать на рассветеа!.. в Бэрене все мои люди, вся моя «команда»…

— О конечно, Шатобриан!

Его люди, это те, что отличались особой моральной стойкостью и собирались создать бомбу… очевидно так…

— Но Селин, вы не могли бы? не могли бы оказать мне одну услугу?.. один я тут ничего не найду!.. этот Бэрен!.. вы не могли бы меня туда проводить?..

Конечно мог!.. в Зикмарингене я бы и с завязанными глазами вас довел… куда угодно… в любое место!..

— Следуйте за мной, мой дорогой! за мной!

О, но у него еще был рюкзак! заплечный мешок! с барахлом!.. личным имуществом! и весьма увесистый!.. Бог знает, что он там нес!.. он попробовал было натянуть его поверх своего громадного плаща! или под него! но не тут–то было… мешок оказался слишком тяжелый и большой!.. пришлось нам нести его за лямки с двух сторон, но шли мы очень медленно, так как быстро идти я не мог… он тоже! он опирался на свой ледоруб, который служил ему тростью… вот так мы и шли… а надо сказать, что он довольно сильно хромал… среди коллаборационистов так хромали только трое… о, это была особая «утонченная хромота»!..

Ледэн,[412] Бернар Фэй[413] и он… причем не из–за увечья, полученного на войне, так как все трое были от воинской повинности освобождены… их даже так все за глаза и звали: Хромые Братья… вот видите, какие злые языки у людей! ну, а мы с ним вдвоем вцепились в лямки и в путь… правда, очень медленно… останавливаясь через каждые десять… двадцать шагов… и что это он с собой тащит!.. смешно! куда уж ему!.. мы оба сгибаемся под тяжестью… солидный скарб! он что, собирается тащить его с собой в Тироль? тпру! стоп! впереди кто–то есть!.. а кто — не видно… кто–то направляет нам свет прямо в глаза!.. свет своего фонарика! он–то нас прекрасно видит!.. ну конечно, это бош!.. бошский жандарм!.. «вы куда?» находиться на улице запрещено… он наверняка меня знает… я отвечаю: «в «Барен»! в «Барен»! он болен!.. krank![414]

---

[412] Примечания: 412

Жак де Ледэн — журналист, во время Оккупации возглавлял коллаборационистский журнал «Иллюстрасьон», в 1944 году бежал сперва в Баден—Баден, а потом в Зигмаринген, где отвечал за радиопередачи на французском.

[413] Примечания: 413

Бернал Фэй — историк, во время Оккупации директор Национальной Библиотеки

[414] Примечания: 414

Болен — (*нем.*)

— Nur gut! Nur gut! Gehe![415]

Хорошо!.. но тут вмешивается Альфонс! хотя его никто об этом и не просит! он приближает к легавому свою огромную переливающуюся в свете фонаря бороду! и орет ему прямо в физиономию: «Kraft ist nicht alles!» «Сила — это еще не все!» — ну, думаю, сейчас его сцапают! ан нет!.. легавый не обращает на него внимания… он предлагает нам пройти… ему ясно, с кем он имеет дело… более того, он даже хватается за ремни нашего злополучного рюкзака… для него он как перышко!.. и взгромождает его на себя!.. он решает нас проводить! мы, Шатобриан и я, следуем за ним!.. вот и «Бэрен»… шум Дуная… вода бьется об арки моста!.. ах, какая это все–таки бурная речушка!.. все! мы на месте!.. в пункте назначения!.. жандарм стучит… три раза!.. потом еще три!.. кто–то открывает… все!.. «gute nacht!»[416] я прощаюсь с Шатобрианом у порога.. с ним и с его собакой… жандарм опускает мешок на пол…

— До свиданья, дорогой Селин!

Душка Альфонс, больше я его никога не видел!.. я попросил шуппо проводить меня в Ловен…

---

[415] Примечания: 415
Тогда хорошо! Идите! — (*нем.*)

[416] Примечания: 416
Доброй ночи! (*нем.*)

без него меня туда могли просто не пустить… от этого скота Фрухта всего можно было ждать!.. без полиции — ни шагу!.. чем дольше живешь, тем больше в этом убеждаешься…

***

Я собирался к Лавалю, а привел вас к Абецу… на этот ужин… вы уж меня простите!.. я опять слегка отклонился в сторону… меня постоянно заносит… что это, возраст?.. или просто избыток воспоминаний?.. трудно сосредоточиться, я сам–то еще не успел все осмыслить… что же говорить о других!.. конечно, все это чрезвычайно затрудняет восприятие! и тем не менее, вернемся на то место, где мы остановились… мы выходили из музыкальной залы… я собирался идти к Лавалю… я должен был пойти к нему еще три дня назад!.. сразу же после заварушки на вокзале!.. там ведь только благодаря ему обошлось без крупных неприятностей!.. всего один труп!.. я просто обязан был выразить ему свою признательность!.. засвидетельствовать ему свое глубочайшее почтение!.. нельзя лезть к политикам напрямую… грубо! лапать их, хватать за ляжки… как баб!.. политические деятели всю жизнь остаются недотрогами… любовь!.. любовь!.. комплименты! вы ведь не скажете барышне просто: «Как вы милы!»

нет! вы предпочитаете обращаться к ней, как Мариано:[417] «Боже, вы эдынствэнная во всэм мыре!» (так — пер.) меньшего она не примет!.. вот и политический деятель таков же!.. к тому же в тот момент меня больше всего волновало одно: чтобы он не трогал Делони!.. в Замке ведь был не только Бринон! так что я заранее приготовил несколько комплиментов… и в путь!.. Лаваля от музыкальной залы отделял всего один этаж!.. всего один… а я вам уже говорил… описывал, как там у него все было обустроено… бюро, квартира. этаж… все в стиле Ампир… и только подлинные вещи времен Первой Империи!.. не хуже чем в Мальмэзоне!..[418] я бы даже сказал: лучше!.. общеизвестно, что «Ампир» имеет один существенный недостаток, этот стиль крайне неудобен для задниц… сидеть невозможно!.. кресла, стулья, диваны!.. настоящие «ложа из камня»! мебель для полковников и маршалов!.. присел, выслушал приказ и вперед!.. к новой

---

[417] Примечания: 417

Луис Мариано (1920–1971) — французский певец испанского происхождения, находившийся в апогее своей славы в середине 50-х годов, в то время, когда Селин писал свою трилогию.

[418] Примечания: 418

Мальмэзон — пригород Парижа, где находится знаменитый замок, принадлежавший супруге Наполеона Жозефине де Богарне, в котором жил и сам Наполеон в свою бытность консулом. Потом он принадлежал королеве Гортензии, королеве Кристине и Наполеону III.

победе! почивать на лаврах некогда! но я так устал, сказалось множество проведенных без сна ночей, что даже на этих каменных ложах я чувствовал себя вполне комфортно… наконец–то можно было немного отдохнуть!.. конечно, я сразу же рассыпался в комплиментах!.. как он великолепен, этот Лаваль Овернский, Магребский и Альфорвильский! просто ослепителен!.. как нам всем повезло, что у нас есть такой спаситель–утешитель, даже в Лондоне, Нью—Йорке и Москве нам завидовали!.. быстренько исчерпав весь запас комплиментов. я мог теперь спокойно вздремнуть… больше можно было ничего не говорить!.. у Лаваля было очень уютно… о, он терпеть не мог одиночества!.. от меня он абсолютно ничего не требовал… главное, чтобы я его слушал, и все!.. говорил он!.. ему необходимо было выговориться!.. излить душу!.. посетовать на несправедливость мира… людей… и потом еще это дело!.. Дело его жизни!.. так что вам оставалось только поддакивать, не станет же тот, кто «олицетворял» собой Францию, тратить свое драгоценное время на то, чтобы слушать вас… даже если вы хотели ему польстить! и тем не менее, я все–таки ему сказал, что это исключительно благодаря ему страсти так быстро улеглись!.. без него

могла произойти самая настоящая катастрофа!.. и между прочим, я действительно так думал!.. но ему на это было плевать! ему хотелось, чтобы его слушали! и все!.. как слушатель я его устраивал!.. в моих комментариях он не нуждался!.. так что я решил попридержать язык… сел, сумочка с инструментами у меня на коленях, Бебер в своем мешочке — тоже, а он опять завел свою шарманку… я слышал это уже раз десять… а может и двадцать!.. «в сложившихся в современном мире условиях, когда Европа ослаблена, спасти положение можно только содействуя укреплению франко–немецких связей!..» что он и делал!.. коллаборационизм — это наша последняя надежда! без него История зайдет в тупик! Европа будет уничтожена! сам он не любит Германию, но… но… Гитлера он тоже не любит… но опять–таки, опять–таки… а Россию он знает так хорошо… и т. д.… и т. п.… «я мог спокойно дремать… раньше чем через час он не остановится… это уж точно!.. все его язвительные выпады, патетические восклицания я знал наизусть… «он знал, что его час близок и скоро он будет погребен!.. в их фамильном склепе!.. в Шательдоне!».. о, но сперва!.. сперва!.. он сам всех их уничтожит! всех!.. так просто им с ним не справиться!.. он еще им всем

покажет!.. покажет!.. им!.. всем этим злобным завистникам! интриганам! дезертирам! жалким подлым предателям! да! они, вероятно, забыли, что имеют дело с Лавалем! человеком, у которого Франция в крови!.. что ж, он заставит этих безмозглых пигмеев вспомнить об этом!.. ну а что касается Америки!.. то и с ней все ясно!.. там у него все схвачено! в этой Америке!.. насчет Америки можете быть спокойны!.. он вертел ею, как хотел!.. всей огромной Америкой! во–первых, через своего зятя!.. и свою дочь, американку… да еще через сенатора Тафта, выборщика Рузвельта!..

— Ах, Верховный Суд!.. доктор! я вам сейчас все объясню!

В считанные секунды от Верховного Суда не осталось камня на камне! здорово!.. я пытался было его прервать… чтобы он немного передохнул… куда там!.. он так завелся, что и про Делони ему было говорить бесполезно…

Лучше всего было дать ему выговориться… а самому потихоньку ускользнуть… у меня ведь была еще куча дел! нужно было зайти к Landrat за объедками для Бебера… навестить больных в Милиции… заглянуть в больницу… к Летру… и еще в Fidelis!.. и все–таки я попытался его прервать… рассказать ему о медицине, о своих

маленьких неприятностях… может быть, он даст мне какой–нибудь совет?.. он ведь разбирался в этом лучше меня!.. еще бы!.. он во всем разбирался лучше всех… во всем!.. и всегда!.. аксакал с эбеновой прядью, которому не хватало лишь засаленной фески… настоящий восточный мудрец из «Третьего Рейха»! наставник заблудших… он мог дать совет любому, кем бы тот ни был, ибо всегда лучше всех знал, как и что следует делать в той или иной ситуации… он лучше, чем крестьянин, разбирался в посадке клевера и рапса, лучше нотариуса мог уладить все проблемы с наследством, лучше фотографа мог сделать снимок «Первого причастия», лучше сборщика налогов знал, как уклоняться от уплаты налогов, лучше парикмахера разбирался в «перманентах», лучше доверенного лица депутата — в предвыборной агитации, жандарм мог получить у него совет, как надеть наручники, а няня — как подтереть ребенка…

Можно было неплохо отдохнуть, слушая его, главное было не рыпаться! он внимательно следил за вами!.. действительно вы глубоко прониклись его идеями?.. он не отступал!.. снова и снова усаживал вас. заставляя выслушать все до конца!

Ах, почему Морне со товарищи не захотели его выслушать?..[419] а просто сразу взяли и расстреляли его!.. как много они потеряли!.. уж ему было им что сказать… я-то знаю… я слушал его раз десять… или двадцать…

— Уверяю вас!.. я сделал свой выбор совершенно сознательно!.. у меня была масса предложений, доктор, да!.. со всех сторон!.. де Голль, тот сразу клюнул!.. а я проявил выдержку!.. и от русских тоже!

Иногда я все–таки был вынужден прерывать свой сон…

— Что за предложения, г-н Премьер?

Он не должен был сомневаться в том, что его внимательно слушают.

— Да, какие угодно! мне предлагали всю Прессу!

— Ах! ах! что вы говорите!

Вот и все, больше от меня ничего не требовалось!.. свою роль слушателя я усвоил отлично… он тоже был мною доволен… слушать я умею… к тому же я еще и не курю!.. а раз я не курю, он мог безо всякого риска для себя демонстрировать мне все свои запасы… два огромных ящика до верху

---

[419] Примечания: 419

Морне — прокурор в Верховном Суде на процессе Лаваля.

набитых «Лаки Страйк»… если бы вы хоть раз попросили у него сигаретку, вы бы его больше не увидели!.. никогда!.. да что там сигаретку!.. хотя бы одну спичку!

— И англичане вам тоже что–нибудь предлагали, г-н Премьер?

— Да они просто умоляли меня!.. ползали передо мной на коленях, доктор!

— Ах!.. не может быть!

Моему удивлению не было предела…

— Э, да я даже могу назвать вам одно имя!.. вы его конечно никогда не слышали!.. имя Посла… Мендель! так вот он предлагал мен сразу двадцать пять газет! в основном в провинции!

— Не сомневаюсь, г-н Премьер!.. так оно все и было!.. так и было!..

— Забавно, доктор!.. вы меня слышите? ну, хорошо! очень хорошо! пусть они меня убьют! пусть! только пусть не промахнутся!.. как тогда в Версале!.. а на сей раз убьют по–настоящему! пожалуйста!.. но имейте в виду!.. имейте в виду!.. вместе со мной они убьют и Францию!

— Браво, г-н Премьер!

Не мог же я оставаться безучастным к судьбе родины…

— Значит, вы полностью со мной согласны?

— Целиком и полностью, г-н Премьер!

Я недооценил его коварства… а он готовил мне удар в спину!

— И вас не смущает тот факт, что я еврей?

Вот–те на!.. здорово! еврей!.. не случайно он произнес вслух это слово! решил мне все–таки его припомнить, скотина!

Теперь его не остановить…

— Вы же называли меня евреем, не правда ли, доктор? да, я это знаю!.. и не вы один! те из «Же сюи парту»[420] — тоже!

— Ну, те не совсем, г-н Премьер!.. не так явно! в отличие от меня, г-н Премьер!

— Что ж, очень мило! и вы говорите мне это прямо в лицо?

Он расхохотался… безо всякой злобы… а ведь стоило ему только захотеть, он мог бы меня уничтожить… запросто!..

— Но вы сами об этом писали!..

— О, это только для моих избирателей!.. в Обервилье!..

— Я так и думал! так и думал, г-н Премьер!

Но он еще не все выяснил…

— И все–таки, доктор, почему вы тут?.. в Зик-

---

[420] Примечания: 420
См. выше, прим. к стр.

маринге?.. я слышал, что вам тут очень не нравится…

Надо же, какая чуткость!

— Я тут, г-н премьер, исключительно благодаря вам! вы сами палец о палец не ударили, чтобы я мог перебраться в какое–нибудь другое место! а вы ведь многое можете! если захотите!

Мне все это начинает порядком надоедать! черт! так я и поверил, что он «тут не при чем»! только не надо мне компостировать мозги! этот косоглазый шакал наверняка специально меня подставил, чтобы я один отдувался за всю их шайку! расхлебывал кашу, которую они заварили! вот скоты, ублюдки, до чего додумались! все только спят и видят, как бы меня сожрать! и раз уж на то пошло… раз уж он решил так откровенно гнать тюльку… ладно, пусть теперь пеняет сам на себя!.. спать мне больше не хотелось!..

— Вы пристроили Морана! пристроили Моруа!.. пристроили Фонтеноя!..[421] пристроили свою дочь!

— Ну ладно! ладно! успокойтесь, Селин!

Он не хочет, чтобы я продолжал… а я мог бы

---

[421] Примечания: 421

Жан Фонтеной — журналист, коллаборационист. Летом 1940 года организовал встречу Лаваля и Абеца. Был членом ЛФД, умер в Берлине в 1945 г.

назвать ему еще дюжину… сотню имен!

— Вы пристроили Бриссона!.. Робера! помогли Морану! я ведь там был!.. у него!

Я продолжаю… решаю поставить все точки над «i»!.. память, к счастью, у меня в полном порядке… это просто вид у меня такой задроченный, что меня все тут за придурка держат…

Ему хочется оставить последнее слово за собой…

— А вы знаете, что о вас говорят?

— Обо мне? да кому я нужен? а вот у меня для вас кое–что есть! хотите, расскажу, мсье Премьер? очень интересная информация!

— Что еще такое?

— Да так, пустяки!.. прелесть что такое! но вам, я думаю. было бы полезно об этом знать…

— Ну ладно! ладно! выкладывайте!

— Ну хорошо!.. русские скоро начнут войну с американцами! только и всего, мсье Премьер!..

— И здесь, в Зигмарингене, об этом говорят?

— Именно так!

Он на секунду задумывается…

— Русские против американцев? да это же полнейшая чепуха, глупости… доктор, вы–то сами тоже так считаете?

— Нет!.. но об этом все говорят!

— Но пожалуй это было бы чересчур, доктор!.. чересчур! вы представляете, что тогда будет?

— Отчасти да, Премьер…

— Вы сами никогда не занимались политикой?

— Ну, так!.. самую малость!

— Тогда вы не способны этого понять! какой хаос тогда воцарится на земле, доктор!

— Я догадываюсь…

— Нет!.. вы не представляете! слушайте! настоящий хаос, доктор, это когда в каждой деревне свой Юлий Цезарь!.. а в каждом округе — по двадцать Брутов!

— Так и будет, мсье Премьер!

Но последнее слово за ним все равно не останется!

— Но я-то не Юлий Цезарь, и вы прекрасно могли бы меня пристроить!.. как Морана, Жардэна[422] и других!.. мне же так немного надо… я же не прошу у вас сделать меня послом!.. но вы вообще ничего для меня не сделали!.. по–вашему, я даже на роль Брута не гожусь! если бы я сам не уехал в Германию, вы оставили бы меня на растерзание сынкам!

Я не отступаю!.. мне нечего терять! к тому же я

---

[422] Примечания: 422

Жан Жардэн — глава департамента в правительстве Лаваля

прав, прав на все сто! я умнее всех в Европе! и в отличие от многих мне за это никто не платит! мне бы должны уже присудить пятьдесят Нобелей!..

— Это из–за вас я здесь, мсье Премьер!

Не унимаюсь я!

Он снова хватается за телефонную трубку.

— Я позову Бишлонна, пусть он послушает, что вы тут говорите!.. пусть будет свидетель! а то у меня все интересуются, о чем вы думаете! вот пусть все и узнают!.. все!.. значит, это я завлек вас сюда в ловушку? в западню?..

— Именно так, мсье Премьер!

Он звонит Бишлонну…

— Вы знаете, что мне только что сказал Селин?.. что я бессовестный негодяй, предатель и еврей!

— Ну, не совсем так! вы преувеличиваете, мсье Президент!

— Нет! нет! Селин!.. вы думаете именно так! но это ваше право!.. ладно!

Он продолжает свой разговор по телефону… но теперь он говорит… уже не обо мне… а так, о том, о сем… я внимательно рассматриваю его, пока он говорит… я вижу его профиль… о, я все–таки был совершенно прав!.. не знаю даже, с кем его можно сравнить… я вижу его как сейчас… он и сейчас передо мной… пожалуй, из современных

деятелей он больше всего похож на Насера или на Мендеса… тот же профиль… улыбка, цвет лица, цвет волос… это уж точно! смех–смехом, но он меня терпеть не мог… он бы прекрасно вписался в череду современных французских деятелей… чист, речист, плечист… чего изволите-с? у нас тогда дали маху, поставив его к стенке, он стоил десяти Мендесов!

— Приходите!.. приходите!

Просит он… тот отказывается… заставляет себя уговаривать…

— Придет!

А вот и Бишлонн… о, в этом нет ничего азиатского!.. отнюдь! здоровенная белокурая башка! настоящая тыква! чудовищный сперматозоид… все пошло в голову! Боннар такой же… развился из чудовищного сперматозоида в чудовищного сосунка… будь репа на миллиметр больше, и им бы не выжить!.. с таким чердаком! да, это именно Бишлонн, это он!.. но что–то я его не узнаю, он подавлен, бледен, в общем, в ужасном состоянии!.. дрожит… так вот почему он не хотел приходить!.. Лаваль не дает ему прийти в себя… начинает приставать!.. чтобы он его выслушал! но тот слишком взволнован и ничего не соображает…

— Отчего вы дрожите, Бишлонн?

Есть от чего! есть от чего!.. он начинает рассказывать… заикаясь… ему выбили окно!.. окно в комнате! ну и что! А Лавалю разбили уже десять! стекло в комнате!.. он насмехается над Бишлонном… тут нечего трястись!.. но Бишлонн вовсе не шутит!.. ему хочется знать кто это сделал?.. как и почему?.. булыжником?.. или пулей?.. может, это был выстрел с самолета? или воздушная волна от пропеллера вертолета?.. такой вихрь? Бишлонн вне себя оттого? что не может понять… кто?.. и как?.. и почему?.. он не такой уж и трус, этот Бишлонн, но он в панике, просто оттого что не понимает: почему? как?.. неизвестно!.. самолеты пролетают так близко от его окна!.. буквально задевают крылом!.. а может, пуля с улицы?.. или булыжник?.. возможно!.. он не нашел доказательств!.. искал всю ночь… тщательно!.. осмотрел потолок, стены… ничего!.. ему нет дела до того, как я обзывал Премьера! так или этак! он не слышит! его волнует только окно!.. каким образом? кто?.. Лаваль напрасно старается… Бишлонн напрасно переползает по огромному кабинету в стиле ампир!.. сцепив руки за спиной… он размышляет!.. размышляет!.. о, он весь погружен в свою проблему!.. Лаваль пытается начать сначала: я обвиняю его в том… в этом!.. и к тому же: я

считаю низостью то, что он спас Морана, Моруа, Жардэна, Герара![423] и еще сотни! тысячи других! я считаю, что он специально принес в жертву меня!.. личная расовая ненависть! чтобы негры из армии Леклерка нашли меня здесь! изрубили на куски!.. все сделано преднамеренно!

Я не собираюсь его прерывать! пусть выговорится!

— Браво, мсье Премьер!

Он произносит обвинительную речь… я аплодирую! он произносит обвинительную речь против самого себя… но не перед настоящим Верховным судом!.. а воображаемым!.. вроде того Музея!..[424]

— Браво, мсье Премьер!

Я олицетворяю собой Верховный суд!.. но Бишлонну на это наплевать, он ничего не слушает, а ползает и что–то бормочет… вдруг он обращается к Лавалю!

— А вы как считаете?

Ему глубоко плевать на то, что я говорю… или не

---

[423] Примечания: 423

Жак Герар — генеральный секретарь президентского Совета с 1942 года.

[424] Примечания: 424

Намек на три тома «Воображаемого музея мировой скульптуры» Андре Мальро, которые вышли в свет с 1952 по 1955 гг.

говорю… его волнует! только его стекло! и все! он ползает вокруг… ковыляет… и это не легкое, аристократическое прихрамывание… а настоящая хромота!.. последствия плохо сросшегося перелома… он хочет вылечиться, сделать операцию до нашего победного возвращения во Францию!.. причем сделать операцию в Германии!.. и чтобы его оперировал сам Гебхардт!.. Гебхардта я тоже немного знаю.. занятный тип! я чуть было не сказал: шутник!.. вовсе нет!.. просто он совмещал обязанности… шесть месяцев — генералом на восточном фронте, командовал танковой группировкой, и шесть месяцев — главным хирургом в огромной больнице СС в Хохенлишене, в Восточной Пруссии… вы наверное, думаете, шарлатан, клоун!.. я тоже так думал… я специально послал посмотреть, как он будет оперировать моего одного очень анти–бошски настроенного друга… так вот, Гебхардт, этот хирург СС, оказался далеко не так плох!.. возможно, он был немного того?.. это точно! в Хохенлишене у него была супер–больница на шесть тысяч оперируемых, целый город!.. он даже организовывал футбольные матчи между одноногими… одноногими инвалидами войны… у него были замашки титана эпохи Возрождения… сразу три или четыре сфе-

ры деятельности… танковая война, хирургия… и это! музыка!.. я видел его за пианино… очень забавно!.. импровизации… я в этом немного разбираюсь… бошам при Гитлере удалось вывести новую расу, «людей Возрождения»… Гебхардт был из их числа… Бишлонн тоже, в своем роде… загадка природы!.. человечество не знало подобного гения со времен Араго… я ценил его за память!.. воистину феноменальную!.. пока он находился в Виши, тут было скопище поездов… сделать так, чтобы они проезжали!.. все наперекосяк! подвиг Геракла!.. маршруты, стрелки, расписания, опоздания, все в голове!.. минуты!.. секунды!.. а прибавьте к этому взрывы каждую ночь, акведуки, балласт, вокзалы, вы думаете, шутка! и все это надо починить!.. тут привязать!.. там отвернуть! чтобы это снова тронулось!.. взрывы гремели день и ночь! везде! сынки не давали ему спать! казалось, Европа уже никогда не оправится от этой безумной свистопляски! все ходило ходуном!.. и это стало нормой! воистину только атомная бомба способна была привести ее в чувство и успокоить… а тут еще это выбитое стекло… булыжник? выстрел из винтовки? вертолет? он больше не мог… не выдержал! его нервы были на пределе, еще со времен Виши… стекло

переполнило чашу его терпения! каким образом они его выследили?.. с улицы?.. с воздуха?.. его окно?.. я видел, что Бишлон на грани нервного срыва…

Но не только нервы заставляли его дергаться! нога тоже!.. его накрыли в машине!.. совсем небольшая бомбочка! хлоп! счастливого пути, г-н министр!.. он направлялся на просмотр «Новостей»… три плохо сросшихся перелома, ногу надо было снова ломать, чтобы она стала прямой… и ему не терпелось сделать это немедленно, и прямо тут в Германии! не возвращаться же в Париж! он немного знал Гебхардта и собирался ехать к нему, в Хохенлишен… Гебхардт сам предложил ему свои услуги… меня эта идея не особенно вдохновляла… лично я в Гебхардта не очень верил… а он уперся… ну что ж!.. он ему доверял… хорошо!.. но видели бы вы его, Боже мой!.. Лаваля он совсем не слушал, а все время что–то бормотал себе под нос… он блуждал по огромному бюро в стиле ампир… взвешивая все за!.. и против!.. возможно, это была пуля?.. с вертолета!.. он ни на секунду не прерывал своих размышлений… выглядел он довольно забавно со своим огромным черепом… а вот Лавалю он казался далеко не столь забавным!.. он ему уже порядком надоел!.. ведь

он пригласил его совсем не для того, чтобы он болтался тут из угла в угол, причитая по поводу своего стекла, а чтобы он его слушал!

— Нет, вы только на него посмотрите!.. посмотрите на него, доктор!.. он ничего не желает слушать!.. его стекло!.. свет сошелся клином на его стекле!

Теперь Лаваль в свидетели приглашал меня…

О, но долго так продолжаться не могло! Лаваль нашел способ… единственный способ, чтобы вывести его из ступора: он решил задать ему вопрос! неважно какой!.. главное, чтобы он сменил пластинку!

— Вы не скажете мне, Бишлонн! я был бы вам очень признателен… я знал! но забыл!.. мне это нужно для одной работы… как называется столица Гондураса?

Бишлонн резко останавливается, на сей раз он внимательно слушает… он прекращает свое бормотание… собираясь с мыслями…

— Тегусикальпа, мсье Премьер!

— Нет! нет! извините меня, Бишлонн! британского Гондураса?

— Белиз, мсье Премьер!

— А каковы его размеры, Бишлонн?

— 21000 кв. км…

— Что там производят?

— Красное дерево… смолу…

— Ладно! благодарю вас, Бишлонн!

Бишлонн возвращается к своему стеклу… он снова начинает блуждать… однако возбуждение его спадает… этот Белиз ему помог?..

— И еще, Бишлонн! раз уж вы здесь!.. вы опять мне бы очень помогли!.. я когда–то все это знал!.. забыл!.. вольфрам?.. а, Бишлонн? Роша все время твердит о нем! он унес с собой вольфрам!

— Атомный вес: 183,9… плотность: 19,3…

Произнеся эту фразу, Бишлонн садится… он утомился от хождения туда–сюда… он начинает массировать свою ногу… а Лаваль сразу же этим воспользовался… он подходит к зеркалу, поправляет свою прядь… перевязывает свой галстук… он снова становится в позу Верховного Судьи!.. нет уж, простите!.. дудки!.. я тоже могу кое–что сказать! не вечно же мне слушать других! тут у меня вдруг взыграло самолюбие!.. идиотские амбиции! ну, я вам сейчас покажу! потом я об этом очень сильно пожалел! до сих пор жалею! я вообще–то редко позволяю себе подобные вольности… но слишком уж долго я их слушал!..

— Нате, смотрите!

Я выкладываю на стол мой цианид… прямо на

бюро Лаваля… мой флакон… из кармана!.. раз уж речь зашла о редких металлах!.. он всегда со мной, мой цианид!.. со времен Сартрувилля… они могут хорошо его разглядеть!.. и даже красную этикетку!.. они оба внимательно смотрят…

Цианид у меня постоянно все просят… а я всегда отвечаю, что у меня его нет… о, они оба тоже не церемонятся!.. ну и кто же теперь его получит!.. я ухмыляюсь!.. а флаконов–то у меня целых три!.. все запачатано! и во всех цианид!.. плохо только, что они будут трепать!.. а как же!.. я сам об этом никому не говорил!..

— Вы мне его дадите? дадите?

Они оба меня просят… о, теперь они уже не смеются!

— Разделите его!

Я жду пока они успокоятся!.. я снова погружаюсь в размышления…

— Ладно!.. не спорьте!.. я дам каждому по одному! но как только вы его откроете! вы понимаете? сырость? и все такое!

— Но когда?.. когда?..

Ах, теперь они начинают принимать меня всерьез! то–то же! я достаю еще один флакон из другого кармана!.. и еще один из подкладки! я им об этом не говорю, но у меня полно разных мешоч-

ков в подрубленных краях материи… на всякий случай!.. ладно!.. я вижу, что они задумались… прекратили свою болтовню… они довольны… но сейчас они снова заговорят!.. черт бы их побрал!

— Что я могу для вас сделать, доктор?

— Мсье Премьер, послушайте, что я вам скажу… во–первых, не открывайте флакон!.. и потом ничего никому не говорите!..

— Хорошо!.. договорились! но вы?.. у вас же, наверное, есть какое–нибудь желание?

Тут меня осеняет одна идея! в сущности, должен признаться, я давно на все махнул рукой! давно!.. но тут… была не была!..

— Быть может, мсье Премьер, вы могли бы назначить меня Правителем Островов Сент—Пьер–и–Микелон?»[425]

Я ему объясняю… я знаю о них не понаслышке… я сам там был!..[426] от Бордо до Сен—Пьеро можно было тогда добраться за двадцать пять дней… на «Кельтском», который едва дышал… на Сен—Пьер тогда еще рыбачили… я прекрасно

---

[425] Примечания: 425

Архипелаг Сен—Пьер–и–Микелон находится на юге Новой Земли. Оккупирован французами с 1604 года, в 1976 году приобрел статус департамента.

[426] Примечания: 426

Путешествие Селина на Сен—Пьер–и–Микелон состоялось в 1937 году.

знаю и Ланглад[427] и Микелон… хорошо помню дорогу… единственную дорогу из конца в конец острова… дорогу и крест «На память», дорога была прорублена прямо в скале моряками «Ифигении»… я ничего не выдумываю… настоящий крест, настоящая дорога!.. и не только моряками «Ифигении»!.. заключенными тоже… на Сен—Пьер когда–то была каторга… от нее тоже осталось одно воспоминание!..

— Вы сами все это увидите, мсье Президент! прямо в Атлантическом океане!

И главное: я был назначен Правителем… я и сейчас им являюсь!..

Лучше от этого не стало… он мог назначить меня правителем, архиепископом, путевым обходчиком… только хуже!.. действительность грубо напоминала о себе перепуганными жителями Страсбурга, бывалыми вояками Landsturm, дезертирами армии Власова, беженцами из разбомбленного Берлина, охваченными ужасом литовцами, теми, кто успел выпрыгнуть из окон в Кенигсберге, «рабочими по найму» со всего света, эшелон за эшелоном, какими–то тартарскими дамами в вечерних платьях, артистами из

[427] Примечания: 427

Малый Микелон, называется также Ланглад — один из островков архипелага Сен—Пьер–и–Микелон.

Дрездена… все щели и канавы вокруг Замка были переполнены… берега Дуная тоже… страх согнал сюда людей со всех концов Франции, из Тулузы, Каркассона, Буа—Коломб, все они бежали от маки… были тут и бойцы Милиции, и новобранцы NSKK,[428] готовящиеся к отправке в Данию за маслом… и те, кто поверил обещаниям Корпешо «взять их на борт кораблей Дунайской флотилии»… и какие–то подозрительные швейцарцы, и мнимые немецкие «партизаны»… человеческие стада с детьми всех возрастов, огромными тюками, целыми батареями посуды и жалкими подобиями кухонных плиток, которым было абсолютно нечего жрать… Зикмаринген стал огромным «пересыльным пунктом для отбросов Европы»… иными словами, весь город, водяные рвы, улицы и вокзал… все было в пестрых пятнах камуфляжа и лохмотьев, повсюду слышалось звучание самых невероятных тарабарских языков… тротуары, набережные и лавки, все было переполнено… одним из самых живописных мест

[428] Примечания: 428

Nationalsozialistiches Kraftfahrenkorps — моторизованный корпус нацистской партии (*нем.*)

было заведение Сабиани[429] из Н. Ф. П...[430] Н. Ф. П., конечно же, была самой влиятельной из всех «партий будущего»... как я уже говорил, сам Дорио никогда не приезжал в Зикмаринген... Эрольд[431] тоже! это был его главный подгавкиватель!.. Сикар туда тоже не показывался...[432] так что эта партийная фатера была в полном распоряжении Сабиани... на двух верандах перед заведением... находились самые тяжелые больные... умиравшие от голода, старости, туберкулеза, холода... да и рака тоже... и все они, абсолютно все, ужасно чесались!.. естественно!.. на одной веранде стояли «складные стулья», на другой — «шезлонги»... я сам, собственными глазами, видел, как там в течение двух месяцев умирал один дедуля из НФП со своим внуком на коленях... вот так прямо в шезлонге, выплевывая куски легких... внутри

---

[429] Примечания: 429
См. прим. к стр.

[430] Примечания: 430
НФП — Народная Французская Партия, возглавляемая Дорио, самая крупная из коллаборационистских партий.

[431] Примечания: 431
Имеется в виду Эрольд—Паки, см. прим. к стр.

[432] Примечания: 432
Морис—Иван Сикар — член Н. Ф. П., заместитель Дорио, за которым он последовал на берег озера Констанс. После войны опубликовал под псевдонимом Сен—Польен «Историю коллаборации», которую изложил с точки зрения дориотиста.

лавки тоже было полно доходяг… на скамейках… на всех скамейках… вдоль стен… или прямо на земле, вытянувшихся, скорчившихся… сам Сабиани располагался в задней комнате… он собирал «взносы», выдавал карточки, подписывал, ставил печати… он был наделен «полномочиями»… еще немного и вся Франция вступила бы в НФП… если бы еще Гитлер не бы таким идиотом! у Сабиани было много народу… «вступали» все… все, кто видел веранды… ведь только таким образом можно было проникнуть внутрь и сесть… конечно, в НФП было так много членов главным образом из–за этих веранд и скамеек… а если бы там еще давали есть, ну хотя бы самую жалкую похлебку, тогда туда сбежались бы со всей округи, в том числе и боши… и военные, и штатские!.. бывают такие ситуации, когда люди думают только об одном: как проникнуть туда, где кормят… ах да, конечно же, еще о почтовых марках! чуть не забыл! о почтовых марках для коллекции!.. не только в Зикмарингене, во всей Германии, где бы я ни был, и в самых крупных городах, и в самых крошечных деревушках, все почтовые отделения постоянно были забиты посетителями, толпившимися у окошечек… бесконечные очереди из желающих коллекционировать марки Гитлера!..

цены на них варьировались от одного пфеннинга до 50 марок… на месте Нассера, например, или там Франко, или Салазара, если бы я вдруг задумался над плодами своего правления, и действительно решил узнать, что обо мне думают… я бы не стал прибегать к услугам полиции!.. нет!.. я просто пошел бы на почту и посмотрел на очереди к окошечкам за моими марками… народ коллекционирует?.. значит, вам хана!.. теперь все хотят иметь коллекцию немецких марок «времен Адольфа Гитлера»! а ведь их начали собирать заранее, много лет назад! коллекционирование началось еще во времена Дюнкерка[433] и самых первых просчетов! прорицатели, колдуны? это ненадежно!.. самое верное это марка, она не подведет! все, что случится в ближайшие десять лет!.. коллекционеры зашевелились?.. доверьтесь их чутью! что касается почты, то у нас спрос на Петэна был еще больше, чем на Гитлера… на его марки!.. суперколлекции! что творилось в Почтовом Отделении! народу почти как у Сабиани! французы и боши в очереди за марками… и все–таки, я вынужден признать: марки, алко-

[433] Примечания: 433

Дюнкерк — порт на севере Франции, через который в мае 1940 года потерпевшие поражение союзные войска осуществили эвакуацию своих войск.

голь, масло, суп — все это мелочи по сравнению с сигаретой!.. сигарета затмевает все!.. и всегда!.. даже в самых жутких условиях: сигарета!.. я видел, как под дулами, в тюремной больнице люди мечтали только об одном: о куреве!.. так что, что бы вы там ни говорили, а человек — это, прежде всего, мечтатель!.. он существо по природе своей возвышенное! неземное! primum vivere?[434] чушь!.. primum глюки! это да!.. мечта любой ценой!.. ради нее он готов пожертвовать жратвой, бабами, бабками! запросто!.. вы можете его прикончить… возьмите виселицу или гильотину… невероятно, но факт!.. сначала ему непременно нужно покурить!.. там, в заведении НФП, я тоже был оракулом мечты, ее посланником… я позволял немного забыться тем, кто слишком страдал… 2 кубика!.. я дарил им их мечту… о, мне приходилось быть крайне бережливым: всего 2 кубика!.. можете себе представить, как они во мне нуждались!.. хотя Сабиани, надо отдать ему должное, заранее всех предупреждал, обманом он туда никого не завлекал… на огромных плакатах большими красными буквами было написано… «член Партии, помни, что ты обязан Партии всем,

[434] Примечания: 434

Первая часть латинского изречения Primum vivere, deinde philosophari: Сначала жить, а затем философствовать.

а Партия не должна тебе ничего!» мозги он никому не пудрил!.. но это никого не отталкивало!.. ряды партии росли с каждым днем, новые члены приходили, садились и подыхали под плакатами… а вокруг веранд толкался народ, наблюдая агонию истощенных стариков… «глянь! глянь! а этот–то делает под себя!» вас пугают нашествием азиатов, брахманов, бокудос… е-мое! уверяю вас, скоро в Европе останутся одни азиаты! завтра их станет еще больше! партийное членство! накал политических страстей… по пять, шесть трупов на каждой помойке! голод и воспроизведение!.. будущее за узкоглазыми!.. у них крепкие религиозные традиции!

Что касается заведения Сабиани, то там я тогда вляпался в одно очень неприятное дельце… очередная гнусность из Замка!.. там решили избавиться от Люшэра…[435] вот тут я их как врач вполне устраивал!.. козни министров… я должен был признать его туберкулезником, заразным, опасным для окружающих… подлежащим эвакуации и немедленно!.. о, я отказывался!.. я предпочитаю не ввязываться в подобные истории… к тому же, у меня было подозрение. что

---

[435] Примечания: 435
См. выше прим. к стр.

они просто собирались меня поймать!.. и эвакуировать меня самого!.. как Менетреля!.. ах, очень может быть! убрать!.. обычное дело!.. мол, вы то сделали не так!.. это!.. и привет!

А тут еще одно! в Замке!.. еще одна заварушка!.. дочка министра подзалетела! необходимо было выдать ее замуж! и побыстрее! с женихом проблем не было… соблазнитель… ничего не имел против… но все оказалось не так просто! бошский мэр Зикмарингена требовал согласия его родителей!.. причем в письменном виде!.. а родители соблазнителя находились во Франции, в Баньоль–ле–Бэн!.. как заполучить эту чертову индульгенцию?.. не обращаться же за помощью к сенегальцам из Страсбурга! или к ФСП[436] из Аннемасс!.. но бургомистр уперся рогом и требовал бумагу!.. и вот как–то раз Лили занимается… я наблюдаю за ее занятиями… а тут мамаша в слезах… все мурло в помаде… она явилась в Ловен с просьбой… с просьбой к Лили… мол, она не переживет скандала!.. «Дунайские волны» будут плескаться у нее над головой!.. головой безутешной матери! если я им не помогу!.. Ли-

[436] Примечания: 436

ФСП — Francs—Tireurs et Partisans, Французские Стрелки и Партизаны — одна из организаций движения Сопротивления коммунистической ориентации

ли должна была уговорить меня не бросать их в беде! короче говоря, мне надлежало сделать девице аборт!.. представляете!.. весело, ничего не скажешь: Селин делает аборты!.. сначала я вежливо отнекивался, а потом просто послал ее подальше!.. и приобрел еще одну ненависть! о, без нее мой счет был бы не полон!.. последствия своего неосмотрительного поступка я ощущаю и через двадцать лет!.. мне до сих пор приходится пожинать плоды этого отказа сделать аборт… я натыкаюсь на них… то тут… то там… на этих милых побочных деток крупных исторических потрясений, панического бегства и переселения народов, а вот виновных в их появлении на свет теперь не найти!.. массажик, педикюрчик, абортик… адюльтер и «слова любви», это запросто!.. сколько хочешь! но какой–то «знахарь»… это уже слишком! несчастная женщина!.. особь мужского пола может трахать все, что движется… но «знахарь»? абортатор? перчатки! и побыстрее!.. любовь — это святое… а вот зонд?.. даже животных в зоопарке трудно заставить размножаться, люди же, даже будучи обреченными на смерть, в окружении армии Леклерка и лесов полных «сынков», с гремящими день и ночь над головами эскадрами ФРА, ни на секунду не утрачивают

своего желания спариваться!.. ладно, хватит!.. я не собирался больше продолжать заниматься их гнойными выделениями, сухотками спинного мозга и мягкими шанкрами! довольно!.. все они могли прекрасно обойтись и без меня! мне нужно было во что бы то ни стало вернуться во Францию! во–первых, чем я мог им помочь?.. у меня ведь ничего не было!.. посоветовать им больше не сношаться?.. никогда никому ничего не советуйте! пусть себе чешутся, размножаются, копошатся, медленно разлагаются, заживо гниют!.. ради Бога! поучая окружающих вы только наживете себе смертельных врагов!.. возьмите Францию, разве я не кричал на каждом углу, в каком дерьме она в конце концов может оказаться! а теперь взгляните на меня!.. в каком состоянии я теперь пребываю! вот так! за что боролся, на то и напоролся!.. зато безмозглые придурки, которым всегда все было до фени, теперь вознеслись до небес! и кукарекают, восседая на кучах навоза и жалких обломков! в Зикмарингене, должен признаться, я научился быть сдержаннее: тридцать пять лет травли, с меня довольно! alas! alas![437] ставки сделаны! все ясно без слов!.. вас вот–вот

---

[437] Примечания: 437
Увы! Увы! (*англ.*)

посадят на кол!.. коммандос Дарнана, «сынки», палачи Ретифа или черномазые Леклерка!.. ваше мнение больше не интересует никого, кроме надоедливых следователей… «на кого вы работали? сколько вам заплатили?.. кому вы выдали то?.. это?..» бредятина все это, ясное дело! кому нужен старый выживший из ума маразматик! о, я трезво оцениваю ситуацию! абсолютно!.. я хотел заниматься только самыми тяжелыми… и надо же, вдруг «тяжелыми» стали все!.. самые отъявленные подонки, провокаторы и стукачи! вдруг почувствовали себя крайне плохо!.. славная клиентура, ничего не скажешь…

Баста! питекантропы решили сменить свой имидж! вам кажется, кровь больше не льется! тесаки спрятаны! все!.. баста!.. еще бы, в пьяном чаду, после стольких возлияний! многое теряется из виду!

А тут опять незадача!.. на «четвертом», прямо над Раумницами, в 91-ой, у меня был один больной, некий мсье Миллер из Марселя, лежачий туберкулезник с приступами сильного кровохарканья… к счастью. у меня еще осталось немного «ретропитюина»… легко сказать «осталось»!.. я хранил его у себя в кармане еще со времен Безона!.. в общем, я делал все от меня зависящее…

трудился не покладая рук… этот м. Миллер, кажется, занимал у себя в Марселе очень высокий пост… в Сыскной полиции… ну и что!.. мне на это было ровным счетом наплевать… но все–таки, забавно было наблюдать Герра Фрухта, который вопил, что занимая кровать в Ловене, тот, якобы, мог инфицировать отель совими плевками и кашлем!.. это у него–то в отеле, где потоки дерьма из сортиров выплескивались наружу и водопадом стекали по лестнице!.. мой больной был опасен для окружающих! дело не стоило выеденного яйца!.. и тем не менее, он должен был освободить комнату!.. мне надлежало отослать его обратно во Францию!.. а этот м. Миллер из Марселя был вовсе не так опасен!.. меня опять пытались куда–то втянуть!.. в очередную интригу, как тогда с Люшэром… конечно я был бы рад, если бы мсье Миллер из Марселя уехал… но куда отправить туберкулезника? допустим, я обращусь к бошской докторше, местной «фюрерше» всех чахоточных… но доктор Кляйндинст была крайне анти–французски настроена!.. она сразу же пошлет меня подальше!.. я это знал заранее, она еще ни разу не удовлетворила ни одной моей просьбы!.. я уже раз сто обращался к ней по поводу моих работниц с «пневмотораксом»… а их тут

было немало!.. французских работниц с заводов… четверть масла!.. фунт сахара!.. нет!.. и все тут!.. в то время, как целые семьи из Замка, не имевшие никакого отношения к туберкулезу, расселялись ей в санатории Сен—Блазьен, в Черном Лесу, я-то это прекрасно знал… «пусть убирается к себе во Францию…» такой был ее обычный ответ мне!.. санаторий СС Сент—Блазьен был предназначен не для моих больных!.. а между тем, обстановка накалялась, я чувствовал, что в отель и пивную скоро начнут поступать петиции с требованиями отправить Миллера назад к себе! в Марсель! выгнать его отсюда!.. и меня вместе с ним!.. выставить нас обоих за дверь! даже нас троих, Лили и Бебера тоже! упрятать нас в лагерь!.. я чувствовал это… в Сиссен!.. о, они безусловно только об этом и думали! всех четверых!.. вместе с Ле Виганом!.. вам кажется, я несколько преувеличиваю… нет! нисколько!.. Бринону я не доверял… Раумницам тем более… цианид цианидом, но Лаваль вряд ли за меня вступится…

Время шло… дни сменяли ночи… наступили настоящие холода… как–то к нам зашел Марион… и сообщил, что Бишлонн уехал… как это могло случиться, я ничего не знал… он мне ничего не сказал… он уехал в Пруссию на операцию… ну и

ладно! я сообщил ему о Миллере, о своих неприятностях с Кляйндинст, о кознях против меня… он со мной согласился, мои опасения ему были вполне понятны… как министру информации… Марион взирал на будущее без особого оптимизма… он понимал, что мы все по уши в дерьме…

***

Я вам уже рассказывал о герре Фрухте и его неприятностях с туалетами… но была еще и мадам Фрухт… фрау Фрухт располагалась на той же площадке что и мы, в комнате 15… о, это была не просто комната 15!.. настоящие апартаменты, с ванной, столовой, курительной… я вам еще о ней не рассказывал… о фрау Фрухт.. я ее лечил… все–таки я делал ей уколы… менопауза… лекарства я доставал у «проводников».. из Базеля… и тем не менее, она нас недолюбливала!.. фрау Фрухт!.. боже мой, нет!.. так же, как ее Юлиус!.. мы инфицировали их отель и т. д… отвратительные Franzosen!.. катились бы мы отсюда ко всем чертям!.. сама же она вовсю кутила с охранниками из Замка!.. хотя те тоже все были французами!.. три–четыре охранника у каждого министра… они и составляли ей компанию, эти аппетитные мальчики… обед, ужин… franzosen атлетического сложения, настоящие свиньи!..

они–то ни в чем себе не отказывали, мадам! киряли по–черному!.. нажирались до усрачки!.. оргии обезумевших хрянцузов! эти охранники имели доступ к провизии, предназначавшейся для обитателей Ловена… рейнские вина лились рекой, шнапс… даже абсент!.. не хуже, чем у Петэна!.. у фрау была самая что ни на есть острая форма менопаузы с приливами жара и бешенством матки… муж, по–видимому, находился у нее под каблуком, небольшие сеансы порнушки позволяли ему отвлечься от бесконечных баталий вокруг его толчка… отдохнуть от столкновений у бачка… бош есть бош!.. видите ли, всегда и везде есть люди, которые хотят развлечься, если бы завтра земля вдруг начала превращаться в пепел, строительный мусор и хаотичные скопления протонов, все равно в каком–нибудь горном ущелье можно было бы обнаружить кучу маньяков, которые продолжают перепихиваться, сосать, обжираться, кирять и с остервенением дебоширить!.. пир во время чумы!.. нечто подобное происходило и в Ловене… я это знал! и совсем рядом с нами, это я тоже знал… на нашей площадке… я знал… но предпочитал не говорить об этом никому… даже Лили… так же, как и о комнате 36!.. о подобных вещах лучше помалкивать… на

саму площадку фрау Фрухт никогда не выходила… она всегда спускалась в пивную по своей «винтовой» лестнице, ведущей от ее спальни в кухню… в ее комнату тоже никто не входил кроме этих жлобов, охранников… они выполняли при ней роль массажистов… и они действительно массировали эту даму!.. я сам видел отметины от массажа, отпечатки ладоней, пальцев!.. она вся была исполосована этими массажами!.. а своих служанок!.. она тоже массировала! на свой манер!.. а ля schlag![438] служанок и кухарок!.. им предлагали подняться в 15-ую «на ковер»! бац! хрясь!.. вне зависимости от возраста!.. так было нужно! чтобы лучше убирали лестницу!.. чтобы не били в ресторане посуду!.. бум!.. хлоп! по заднице! по спине!.. они еще и жеманничали?.. р–р–раз! хрясь!.. «а ну, задери юбку!.. выше!.. выше!» девушка это или старуха!.. фрау Фрухт было все равно!.. плеткой!.. как у фрау Раумниц!.. нечто подобное я видел позже в тюрьме… плетка в кругу светских дам, служанок и тюремщиц вполне обычное явление… хотя все это и несколько странно, конечно!.. нет лучше способа, чтобы вправить кому–нибудь мозги и избавить от ком-

---

[438] Примечания: 438
Удар (*нем.*)

плексов! я сам видел тех, кто, заливаясь слезами, выходил из комнаты 15! тех, кому мозги уже вправили… вас это не возмущает? вы считаете, что это не такой уж и большой порок, хотя, конечно, розги это уже слишком?.. а каково тем, кого хлещут?.. во всяком случае порок тут был замешан, и большой!.. это уж точно… я еще не говорил об этом… насколько наша лачуга была жалкой, настолько, раз уж об этом зашла речь, апартаменты Фрухтихи утопали в роскоши: повсюду муслин, подушки, пуфы, меха, кресла, обитые бархатом… а благовония и духи!.. Фрау Фрухт без остановки опрыскивала ими свою кровать, обои и кресла… один флакон лаванды!.. другой! гелиотропа!.. жасмин! можно было подумать, что это «Шабанэ»! уверяю вас, так оно и было… Шабанэ и Пайяр[439] в одно и то же время!.. жри и ебись одновременно!.. умопомрачительные кутежи!.. и сколько поэзии!.. все эти запахи «жасмина» были так сильно перемешаны с едкими запахами обильной жратвы, жаркого, куриц, фазанов в вине, что от этого было невозможно устоять на ногах… а там, напротив, на нашей же лестничной

[439] Примечания: 439

Шабанэ — публичный дом в Париже на одноименной улице, известный своей роскошью и декором. Пайяр — название знаменитого парижского ресторана.

площадке — дверь сортира… фрау Фрухт и сама очень хорошо вписывалась в свой будуар, воланы, фруфру и прочие изыски… посмотрели бы вы на эту старушку… стать, глаза, сиськи, все на месте!.. пеньюары, кружева, ворохи лент, обалдеть! зеленые, розовые, белые кимоно!.. полные шкафы тряпок!.. шелковые чулки и подвязки!.. менопауза менопаузой — а фрау Фрухт не собиралась ретироваться!.. взбучки служанкам, мои гормональные уколы и охранники поддерживали в ней жизненный тонус!.. на уровне!.. я специально делал постную рожу… косил под дурачка… мол, я ничего не замечаю… иногда нам от нее кое–что перепадало, Лили, мне и Беберу… небольшая тарелка лапши время от времени… а на остальные мне было плевать!.. о, особой добротой она не отличалась!.. возможно, она была Мессалиной, но и прижимистой содержательницей харчевни тоже!.. чаще всего ее служанкам доставалось за то, что они тащили ее Stamgericht и уносили его своим матерям и женихам… или еще хуже!.. на вокзал!.. я думаю, это был всего лишь предлог!.. предлог, чтобы их высечь?.. заставить их всех вопить!.. своеобразный стриптиз? объявите о сеансах бичевания! в Оперу сбежится народа больше. чем на Фауста или знаменитых певцов!..

для порока все предлоги хороши! а таких как она, надо было еще поискать... простите, но ее апартаменты и будуар это еще не все!.. видели бы вы ее харю!.. таких вы не найдете даже на Площади Бланш и у самых последних блядей из Леса...[440] знаете, я еще помню прошлые времена, когда встречались женщины по–настоящему страстные, знающие свое дело, с пышущими жаром телами... это было еще до автомобиля... так что, насколько я могу судить, фигура у нее была очень даже ничего... как только я входил в ее комнату, она сразу же ложилась, готовилась к уколу... снимала с себя все, кимоно, шелковые чулки... я должен был ее хорошенько ощупать, тщательно осмотреть... intus et exit...[441] для ее возраста у нее была неплохая кожа... довольно крепкие мускулы, никакого воспаления клетчатки, никакой мышечной атрофии... ей бы быть крестьянкой, орудовать лопатой, пахать... сиськи тоже были еще очень и очень... но рожа, пардон!.. как у самых что ни на есть последних «вокзаль-

[440] Примечания: 440

Имеются в виду Площадь Бланш в районе бульвара Клиши и Булонский Лес — имеющие дурную славу места в Париже, где собираются проститутки и прочие асоциальные элементы.

[441] Примечания: 441

Внутри и снаружи (*лат.*)

ных шлюх»… рот глотательно–всасывающий, даже хуже, чем у Лукума!.. такой рот был способен заглотить тротуар и общественную уборную вместе с ее посетителями, их органами и говном в придачу!.. а глаза?.. прямо испепеляющие!.. два огнедышащих вулкана страсти… внушающие ужас!.. я делал ей укол… но, о господи, я все время был начеку!.. я не сомневался, что ее благоверный все сечет… откуда — я не знал… вокруг было полно всевозможных драпировок и занавесок! но я в этом не сомневался!.. вместе с тем я должен был быть предельно любезен!.. нельзя сказать, что она со мной заигрывала… однако в ней было столько естественной «страстности», что этого и не требовалось… сделав укол и убрав шприц… я кидаю ей пару слов на прощание… и тут вдруг она хватает меня за руку, вцепляется в меня!.. как была, вся голая… о, но главное — это не ее нагота!.. главное — ее глаза, два горящих угля… они меня пугают, но все равно!.. я заглядываю ей в глаза, дабы узнать, что ей надо… не собирается ли она меня насиловать?.. нет!.. нет!.. я облегченно вздыхаю!.. она хочет, чтобы я наклонился к ней поближе! еще поближе!.. и выслушал ее!

— Ihre Frau!.. tanzerin!.. he?.. schon!..[442] красивая! красивая! barizerinne![443] уа?.. уа?.. hein? schone beine! стройные ноги?

— О да!.. да!

Я с ней абсолютно согласен!.. мне нечего возразить!

— Sie! Sie![444] вы? одолжить мне?.. hier!.. hier!.. schlafen mit!.. спит со мной! willst du? ты хочешь? хочешь?

Это был настоящий вулкан, обжигающее пламя!.. она вся изнывала от страсти!.. так ей этого хотелось!.. хотелось Лили!..

Gross ravioli willst du haben!.. schon!.. schon…[445]

Она демонстрирует мне равиоли, которые я получу!.. громадное блюдо равиолей! чудовищных размеров!

— Хорошо! хорошо! фрау Фрухт!.. я с ней поговорю!

И тут, я сам поражаюсь своему хладнокровию,

---

[442] Примечания: 442
Ваша жена!.. танцовщица! э? красивая (*нем.*)

[443] Примечания: 443
Балерина (*нем.*)

[444] Примечания: 444
Она! Она! (*нем.*)

[445] Примечания: 445
Ты получишь большие равиоли!.. хорошие! (*нем.*)

я хватаю ее за задницу и обнимаю! хлоп! прямо за жопу!.. за ляжки!.. оп!.. мол мы свои люди! договоримся!

Не стоит ее обижать… а то еще подумает, что я не хочу приводить к ней Лили… тогда нам не миновать Сиссена!.. а как же!.. всякое может быть… и тут меня осеняет, я на мгновение задумываюсь! а вдруг это все специально подстроено! ловко!.. они с муженьком просто решили от нас избавиться! козни! мораль!.. меня уличают в сводничестве и выставляют за дверь!.. и Лили, как неразборчивую в средствах авантюристку, тоже… я доверяю своему инстинкту, сужу по глазам… в данном случае взгляд мне доверия не внушал… страсти–мордасти?.. ля–ля–ля–фа!.. конечно, она была развратна, эта Фрухтша! таких, как она,. я видел множество! тысячи!.. с шилом в заднице! ну и что? бешенство матки не делало их менее злобными и одержимыми ненавистью!.. возможно, она действительно хочет заполучить Лили… может быть… а потом, добившись своего!.. в Сиссен!.. «гнусная пара».. аморалисты вон из Ловена!.. я старый маразматик, но соображаю быстро!.. даже очень!.. и слава Богу, черт бы ее побрал!.. слава Богу!.. я стараюсь, чтобы мой уход из ее комнаты не выглядел слишком поспешным!.. чтобы она

не подумала, будто я убегаю! я еще раз хлопаю ее по ляжкам. бедрам, спине, промежности… так!.. так! я отрабатываю по «полной программе»! на все сто!.. всерьез!.. пусть она считает меня своим соучастником, который без ума от подобных штук! пусть не сомневается, что я приведу к ней Лили zu schlafen mit!.. а как же, обязательно!.. я незаметно исчезаю… и никому… никому… даже Лили… ни звука!.. я никому ничего не говорю… и все–таки, мне кажется несколько странным, почему Фрухтша себе столько позволяет… возможно она получила специальные директивы из Замка? от Раумницев?.. а может быть, ей стало известно., что через несколько часов нас всех постигнет участь Ульма?.. кто–то ее предупредил?.. из Берлина, может быть? или из Швейцарии? мол, скоро вся эта комедия закончится, все эти заоблачные фантастические хороводы Ф. Р. А. и грозы, которых никто уже не боится… все! и мы вслед за Дрезденом будем заживо зажарены в пламени, стерты с лица земли!.. наш час настал?.. может быть, пылкая фрау Фрухт знает об этом ?.. раз так, то ей нечего терять!.. tanzerin… barizerine… очень может быть?

***

— В кухне и в пивной полно солдат!

— Каких?.. французов?.. фрицев?

Спрашиваю я…

— Фрицев с офицером!

— Да?.. с кем именно?..

— Они поднимаются сюда!

И действительно, я открываю дверь и вижу… как они наводят порядок… порядок на лестничной площадке… вокруг нашей комнаты… и туалетов… они выгоняют всех прочь! ну–ка, живо!.. очистить помещение! этаж быстро пустеет!.. они явились, чтобы меня арестовать?.. это первое, что мне пришло в голову… а где же их офицер?.. ах, вот и он!.. я же его знаю!.. и очень хорошо!.. это Oberarzt[446] Франц Трауб… главный врач больницы… еще бы, мне его не знать! а как он прикинут, черт возьми!.. просто обалдеть!.. сбоку кортик! кожаный ремень, френч, железный крест!.. серые галифе с безукоризненной стрелкой… кремовые перчатки… он явился ко мне при полном параде… а точно ко мне? гмм!.. на площадке ведь больше никого нет… пусто!.. только его эскорт… два или три отделения солдат… ладно!.. подождем, что он скажет… он приветствует Лили, снимает свою фуражку, кланяется… протягивает руку мне… я

---

[446] Примечания: 446
Главный врач (*нем.*)

приглашаю его в комнату, усаживаю на стул… на другом сидит Бебер… у нас всего два стула… любимое занятие Бебера — прыгать со стула на стул!.. Бебер недружелюбно поглядывает на оккупанта… вероятно, он находит его наглецом! я тоже смотрю на них, оберартца Трауба и Бебера… кто же первым прервет затянувшееся молчание?.. раз уж я у себя, значит мне и карты в руки… я прошу его извинить меня… за то, что не могу оказать ему достойный прием!.. за беспорядок в комнате!.. и т. д… и т. п… он мгновенно отвечает мне по–французски… «на войне как на войне!» и жестом показывает, что все это, мол, не имеет никакого значения!.. мелочи!.. как бы отметая все это рукой в сторону… ладно!.. вступительная часть окончена!.. хорошо! перейдем к главному… он явился меня арестовать?.. вот что меня больше всего интересует!.. к чему это скопище жандармов перед нашей дверью?.. Менетреля повязали при схожих обстоятельствах … за ним тоже пришел врач в сопровождении эскорта… Менетрель и сам тоже был врачом… этот Трауб типичный холодный немец… он, наверняка, ненавидит французов!.. впрочем, как и все боши… не больше, чем остальные! нас французов тут все «особенно недолюбливают», и все местные

боши считают своим долгом продемонстрировать нам эту свою особенную нелюбовь!.. за то, что мы тут! где нас быть не должно! за то, что мы их компроментируем!.. они ведь все слушают Бибиси… все обитатели Зикмарингена! донг! донг! донг! вот Бибиси и формируют их представления!.. о нас и Петэне!.. о наших именах, нашем гражданском статусе, наших преступлениях! четыре… пять раз в день! им внушают, что нас всех необходимо повесить!.. Петэна первого! как только сюда придут французские войска!.. оп! и готово! три–четыре раза в день им делали промывку мозгов! настоящие французы! которых тут все так ждали! частнейшие и благороднейшие маки! Бриссон, Мальро, Робер Кемп, полковники армии Леклерка!.. а мы — то мерзавцы, которые позорят настоящую Францию! и которых они, бравые немцы, давно должны были прикончить! ибо мы злоупотребляем их гостеприимством!.. а потом предадим их так же, как предали Францию! таким, как мы, пощады быть не должно!.. так вероятно считали и те, кто ограбил мой дом на улице Норвэн!..[447] как раз в это время они пропивали остатки моего имущества!.. настоя-

[447] Примечания: 447

Селин опять говорит о доме, где он жил на Монмартре на углу улиц Жирардон и Норвэн.

щая месса Фюальдеса — это Бибиси!.. в течение всего времени, пока его убивают, звучит музыка!.. и на бошей это производило впечатление!.. четыре–пять передач в день!.. как они ждали армию Леклерка! ах, мы грязные чесоточные ленивые пожиратели Stam'a! их Stam'a! вот придут сенегальцы и заставят нас выблевать их Stam! вместе с нашими внутренностями!.. они разрежут нас на куски!.. утопят в собственной крови!.. и тогда жители Зикмарингена будут отмщены!.. естественно, этот оберартц Трауб тоже слушал Бибиси!.. нас связывали с ним исключительно деловые отношения, не более… само собой разумеется, он бы предпочел иметь дело с кем–нибудь из «сынков»… мне он всегда во всем отказывал, всегда… как и Кляйндинст… серная мазь, ртутная мазь, морфий… никогда ни грамма!.. Lieder! Lieder!..[448] а ведь этот человек фактически жил за мой счет! мне отмотали на полную катушку… в том числе и за то, что я принимал его больных! он же упорно игнорировал моих пациентов в Fidelis… мне приходилось тащить их всех на себе вместе с его больными!.. он согласился принять Коринну Люшэр после длительных уговоров и то

---

[448] Примечания: 448
Песни! Песни! (*нем.*)

при условии, что это только на один рентгеновский снимок!.. он не хотел, чтобы «освободители» заподозрили его хоть в малейшем соучастии…

Но тогда, что значит этот визит?.. брюки со стрелкой и кортик!.. а свастика? и весь этот эскорт? на лестничной площадке было не протолкнуться… я ничего не понимал… наконец он заговорил…

— Коллега, я пришел кое о чем вас попросить…

Он говорит по–французски почти без акцента… четко, кратко… он объясняет мне, что у него есть один больной, точнее раненый, прооперированный немецкий солдат… и что он был бы мне очень признателен, если бы я его посмотрел… в результате взрыва мины у солдата оторвало член… а этот раненый немец был женат и хотел бы заполучить искусственный член… но такие члены, члены–протезы, продаются только во Франции!.. это единственное место во всей Европе, где их можно достать… Трауб мог бы и сам обратиться в Женеву, в Красный Крест… но было бы гораздо лучше, если бы в Женеву написал я, якобы желая помочь раненому пленному французу… якобы! только якобы!.. ведь Красный Крест был голлистским… как и французские пленники!.. я, естественно, тоже голлист!.. ну так как?

— Разумеется! разумеется!

Разумеется! хотя это и смешно!.. курам на смех!.. а что мне оставалось?.. разумеется, я на все был согласен!..

Ах, и еще одно!.. это еще не все!.. он не сразу решается продолжить… несколько секунд колеблется…

— Да вот еще! я уже поставил в известность мсье де Бринона о том, что я был вынужден запретить членам Милиции… вход в больницу…

Почему?.. да они гадили прямо в ванную!.. писали дерьмом на стенах! «Да здравствует Адольф!».. конечно, сам Трауб все понимал! «война есть война!» но персонал?.. санитарки?..

— Нужно же было что–то придумать коллега? нужно!.. я уже дал знать мсье де Бринону…

О, разумеется!.. он поступил абсолютно правильно!..

— Вы тоже так считаете, коллега?

Теперь — главное!.. собирается он все–таки меня сейчас арестовывать? или нет?.. боши настолько коварны, что даже намереваясь отправить вас на эшафот. будут продолжать вас обхаживать… «выкурите вашу сигаретку!.. lieber

herr!.. bitte sehr!..[449] пожалуйста!.. вот спичка!» нет!.. судя по всему, это еще не эшафот.. он хочет поговорить со мной о де Бриноне!.. о его простате… «мсье де Бринон обратился ко мне… он испытывает сильную боль… когда мочится… конечно, можно было бы его прооперировать!.. но здесь?.. в этих условиях?..» ко мне Бринон тоже обращался… я ему ответил точно так же, как и Трауб… «когда вернемся!» эта магическая фраза действовала на всех успокаивающе, и я часто повторял ее в ответ на просьбы о помощи!.. когда вернемся!.. с таким же успехом можно было бы сказать: «когда вернемся на Луну!».. куда мы могли вернуться? что нас ждало в будущем?..

Вдруг Трауб меняется в лице… прямо у меня на глазах!.. совершенно неожиданно!.. он начинает говорить со мной совсем иначе… только что он говорил со мной как бы шутя, и о де Бриноне, и о ванной… теперь он говорит со мной совершенно серьезно… и снова о простате! но на сей раз о своей!.. о его собственной простате!.. «разбираюсь ли я в этом?..» о, немного!.. самую малость… у него неприятности… он часто мочится, как и Бринон… «сколько раз за ночь?.. а днем?» интересуюсь я…

---

[449] Примечания: 449
Милостивый государь! Пожалуйста! (*нем.*)

«пять… шесть раз…»

— Можете меня осмотреть?

— Конечно!.. прошу вас, снимите брюки!..

Он встает, подходит к дверям и что–то говорит часовым… видно, что присутствие Лили его смущает… Лили тоже направляется к дверям… «смотри внимательно, чтобы никто не зашел!».. вот теперь он может снять штаны… мы остаемся вдвоем… не считая Бебера… наедине это совсем другой человек… он расслабляется и, можно сказать, дает волю своим чувствам… сидя передо мной за столом! он вдруг признается мне!.. как ему все это обрыдло!.. все! абсолютно все!.. его больничка это сущий ад!.. дрязги, непримиримая борьба между различными службами! врачи, хирурги, сестры милосердия!.. все друг друга закладывают, обвиняют во всех смертных грехах!.. еще хуже, чем у нас!.. каждый норовит упрятать другого за решетку!.. за что угодно!.. предательство!.. спекуляция!.. он был со мной предельно откровенен, решил отвести душу… но ничего нового он мне не сообщил… копните немного Кремль… палату Лордов… Фигаро… Юманите… посмотрите, что там творится внутри! во всех этих партиях, замках… монастырях… больницах… там за кулисами… все те же людишки…

утомительные в своем навязчивом стремлении закладывать, арестовывать, убивать и пытать друг друга…

— Вы обещаете мне, коллега? все это останется тайной?

— Профессиональной! профессиональной!

У него наворачивались слезы… от обиды! на свою больницу!.. он разрыдался… нравы там еще хуже, чем в Замке!

— Только никому об этом не говорите!

Я ему обещаю!.. клянусь!.. ни слова!.. он не хочет консультироваться у себя в больнице!.. о нет! ни за что! может ли он мне доверять?.. ja! ja! ja!..[450] тут он выкладывает мне все начистоту, в том числе, что он уже был в Тюбингене, консультировался там со специалистом, профессором… с кафедры в Тюбингене!.. тот нашел, что его простата операбельна… достаточно велика… но сам Трауб считал, что он не операбелен!.. он не разделял точку зрения профессора!.. он ужасно боялся операции!.. он сам мне в этом признался! сам поделился со мной!.. своими опасениями!.. особенно по поводу нынешних обстоятельств! ну, а я? я?.. что я об этом думаю?

---

[450] Примечания: 450
Да! (*нем.*)}

— Простата, дорогой коллега, вы ведь знаете это не хуже меня, легко наливается кровью… можно подождать… и все нормализуется… хирурги же, естественно, всегда настаивают на операции… восемьдесят из ста мужчин за пятьдесят — простатики… большинство из них обходятся без операции! о ля ля! большинство!.. они иногда мочатся себе в туфли… ну и что?.. что с того?.. подумаешь! зато они спокойно умирают в своей постели!.. от них немного пахнет мочой… только и всего–то! вам Трауб следует быть внимательней к своему здоровью, и не более того! соблюдать ряд предосторожностей… отказаться от алкоголя… пива… пряностей… коита… а лет через десять снова сходите к своему профессору… вот тогда и посмотрим… нужна вам операция или нет?

О, мои слова явно подействовали на него ободряюще!.. его грубое топорное лицо типичного боша теперь смотрело на меня с некоторой симпатией… в самом деле!.. волшебная сила слов!..

— Вы согласны меня осмотреть, дорогой коллега?

— Ну разумеется!..

Я надеваю напальчник… смазываю его вазелином… он приспускает свои штаны… красивые серые штаны со стрелкой… и встает на колени

на мою койку… свой мундир, ремень и кортик он не снимает… я ощупываю его… да!.. точно!.. простата сильно увеличена… даже, по–моему, есть небольшое затвердение…

— О, все это прекрасно может подождать!.. не позволяйте себе ничего лишнего!.. и ваша простата придет в порядок!

— Очень хорошо!.. очень хорошо, дорогой коллега!.. а как насчет питания?

— Лапша!.. только лапша!.. от всего остального придется отказаться!

Он согласен! он застегивает свои штаны… ремень, револьвер…

— Прекрасно, коллега! прекрасно!

— Через месяц вы снова зайдете ко мне!.. мы посмотрим, станет ли вам лучше!..

Теперь решал я!.. тем не менее, я понимал, шутить с ним не стоит, все это очень серьезно, и хлопот в ближайшие месяцы у меня явно прибавится… мне было чего опасаться… что все–таки делали эти люди на нашей площадке? этот эскорт? да еще вооруженный?.. я чуть было не спросил его об этом… я так этого никогда и не узнал… может быть, все, что он мне сказал, было полной чепухой?.. хотя насчет простаты я не сомневался… наконец он встает и собирается

уходить… ах, это еще не все!..

— Вы не зайдете завтра в больницу, коллега?

— Да! да! обязательно!..

— Договорились?.. по поводу члена…

Тут он вдруг наклоняется к моему уху… и шепчет…

— Серная мазь… банка!.. банка!.. вам надо?

— А как же!.. о, большое спасибо!

— И еще немного кофе… вы не возражаете?

Возражаю ли я!.. он мне демонстрирует… небольшой мешочек…

— О, ну замечательно!

Он нас балует…

— Тайна?.. тайна, не так ли?

— Могила!.. могила, коллега!

Он открывает дверь… кидает какое–то слово унтер–офицеру… сразу же следует команда «равняйсь! смирно!» все собираются! спускаются вниз… коллега фриц Трауб уходит последним! вслед за остальными!.. зачем они приходили?.. я так этого никогда и не узнал… чтобы меня арестовать?.. может быть и нет… я продержал его семь месяцев на лапше и воде… ему стало лучше… а потом он исчез… и больше я ничего не слышал о нем!.. конечно, за всем этим что–то скрывалось… что именно я не знал!.. но я сразу же это

почувствовал… сразу же!.. всего один маленький эпизод!.. но как много может он в себе таить… и все–таки мы получили кофе… о, самую малость!.. и серную мазь… тоже чуть–чуть…

***

Прошло еще несколько дней… дней, полных тревоги!.. людей на улицах становилось все больше и больше… они прибывали сюда… пешком и на поездах! из Страсбурга, с Севера… с Востока, с Балтики… и не только к Петэну… чтобы перебраться в Швейцарию тоже… но многие так и оставались здесь, устраиваясь кто как мог… вечно толпясь в проходах и коридорах… кого тут только не было!.. здоровенные увальни, дамочки, детишки… охваченные паникой солдаты всех армий… сами понимаете, что Корпешо не терял времени даром!.. носился по тротуарам!.. и рекрутировал всех подряд! он сулил золотые горы, заставлял что–то подписывать и выдавал нарукавную повязку!.. и вот еще один новоиспеченный матрос готов!.. какого корабля? какой флотилии? там видно будет! а на небе тем временем продолжалась карусель!.. жужжание Mosquitos, Maraudeurs! они порхали! пикировали!.. о, они спокойно могли бы нас уничтожить!.. всего одна маленькая бомбочка!.. но нет! казалось, что они нас просто

фотографируют… «снимок в фас, в профиль, со спины, на память для ФРА!» чувствовали они себя абсолютно свободно!.. ни одного бошского самолета в воздухе… на земле тоже… никого!.. никого нигде!.. хотя бы для вида… вояки херовы! фуфлогоны Геринга![451] это по их милости наша жизнь превратилась в сплошной кошмар! ни минуты покоя!.. уверяю вас… дни… ночи напролет… эти чертовы виражи, тряска, дребезжание стекол по ночам! оглушительный вой пропеллеров! туда! обратно!.. потоки воздушных «Крепостей»… способных стереть с лица земли все до самого Ульма… скрежет моторов… над самой крышей… ниже… еще ниже! удар о черепицу! и непонятно, бомба это или нет…

Кто–то идет… тук! тук!.. Марион!.. он решил к нам зайти… я делюсь с ним своим раздражением по поводу неба… он не забывает о нас, он опять принес нам свои хлебцы и объедки для Бебера… мы обмениваемся с ним едкими замечаниями о том, что происходит вокруг? в каком идиотском положении мы все оказались! и чего мы тут ждем?.. а как там в Замке, по–прежнему

[451] Примечания: 451

Герман Геринг (1893–1945) — рейхсмаршал, главнокомандующий нацистских ВВС. На Нюрнбергском процессе был приговорен к смертной казни. Покончил с собой до исполнения приговора.

хорохорятся? я расспрашиваю его… о последних новостях … Бринон не желает больше никого не видеть… Габольд и Роша тоже… они стали такими чопорными… в последний год за ними этого не наблюдалось… о хороших манерах всегда вспоминают слишком поздно! как и о «планах на будущее»… всегда слишком поздно! we are all dam'wise after the event![452] английский я мог бы преподать вам не хуже, чем у Берлица!..[453] в Париже речь заходит о питании министров… Бриду пожирает все подряд, остальные, судя по всему, почти ничего не едят, за исключением Неро, который тоже ни в чем себе не отказывает… ни в чем!.. Неро[454] чем–то напоминает Жуановиси, он приехал сюда вместе с Лавалем… кажется. у него здесь свои «дела»… так говорят… но Марион сообщил мне и кое–что для меня неожиданное!.. не может быть!.. нет!.. впрочем, ничего удивительного… Бишлонн умер… умер у Гебхардта, в Хохенлишене… во время операции…

---

[452] Примечания: 452

Все мы крепки задним умом — (*англ.*)

[453] Примечания: 453

Берлиц — международная сеть учебных заведений, преподающих иностранные языки.

[454] Примечания: 454

Поль Неро — так звали человека, который сопровождал Лаваля в Германию как частное лицо.

здорово!.. ничего не скажешь!.. ему так не терпелось туда поехать… а ведь он тоже мог подождать «пока вернемся»!.. замечательно!.. еще один! о его смерти пока помалкивают!.. объявят потом… а пока нельзя… «дабы не смущать немцев…» ну и ладно!..

— Старина. говорят, у вас есть цианид?

Лаваль ему сказал… скорее всего!.. а может и Бишлонн перед отъездом?.. ничего странного… только не могу я их всех обеспечить! всех сразу!.. у меня и оставалось–то всего два флакона… черт!

Наконец он предлагает нам спуститься вниз в кондитерскую, так как хочет кого–то мне представить… хорошо!.. я не особенно люблю кондитерские изделия, но отказать Мариону я не могу… мы все, я, Лили, и Бебер спускаемся вниз… нужно отдать нам должное, мы абсолютно спокойны, хотя каждую секунду все может взлететь на воздух! вспыхнуть! от фосфора или шрапнели!.. и тогда все вокруг исчезнет!.. исчезнет навсегда!.. кондитерская Кляйндинст, прямо под нами, внизу… кондитерша, сестра докторши, той самой, что мне во всем отказывает… нет, ее сестра нам не отказывает, но зато вы бы видели, что она нам предлагает!.. какие ужасные эрзацы!.. о пирожные можно сломать зубы … кокосовый

орех и жареная маниока… с ними бы не справился и крокодил! вместо кофе — какой–то суррогат, толченый люпин…[455] о, если бы это был хотя бы цикорий! ладно… в конце концов… мы пришли к ней не ради сладостей, а чтобы просто посидеть… здесь не все на уровне… но ничего… зато здесь есть люди!.. толпа уже досыта насмотрелась на доходяг из Н. П. Ф., на две веранды, на Замок… на то, как поднимают флаг! на мачте в Милиции!.. теперь настала очередь Кляйндинст… по десять, пятнадцать человек вокруг маленьких желтых столиков… тесно прижавшись друг к другу они образовывали своеобразную корону вокруг десерта… зачем Марион привел нас сюда?.. мы прекрасно могли бы посидеть и в нашей комнатушке… заведение Кляйндинст меня мало прельщало!.. людей я и так вижу достаточно!.. а Марион никогда не отличался особой экстравагантностью, он всегда мыслил здраво… еще на лестнице он мне все объяснил… ему хотелось познакомить меня с Ретифом… Орасом Ретифом… которого все зовут Оглобля… ага, теперь ясно… наверное, это его новая кликуха… у них у всех там были кликухи… я не знаю ни Ретифа… ни его

[455] Примечания: 455

Люпин — род травянистых растений семейства бобовых; который выращивают для получения кормов.

людей… а Марион периодически их навещает, читает им курсы Истории и Философии… Ретиф и его люди живут отдельно от остальных, на ферме… как «коммандос»… чтобы не бросаться лишний раз в глаза… они живут там в полном одиночестве… именно они в час Х должны будут начать «репрессии»… сразу же после нашего возвращения во Францию… «чистки»!.. сведение счетов!.. «Глобальное очищение нации»! от всех продавшихся Англии, Америке и России!.. само собой, у них были списки!.. «врагов Европы»!.. заметано! Отруби — в корзине! около ста пятидесяти тысяч предателей! с ними будет покончено за три месяца!.. сначала эти пустобрехи из Лондона… потом из Браззавиля… а потом и из Москвы… Европа нуждается в обновлении! причем в полном! только тогда на континенте воцарятся покой и всеобщее благоденствие!.. а пока Ретиф помаленьку собирал компромат! он должен был все рассчитать! у него был богатый опыт… можно сказать, «уникальный»… он ведь числился «боевиком» сразу нескольких партий… и полиций… ему приписывали убийство Навашина в Булонском лесу… братьев Розелли в

метро… и еще много других!..[456] был у него один приемчик… излюбленный!.. легкий толчок!.. жертва теряет равновесие! и оп! сзади! никто даже пикнуть не успевал!.. опасной бритвой! фсст! две сонные артерии!.. две струйки крови! готово!.. и всего одно движение руки! но молниеносное! выверенное до миллиметра! вот этому приему он всех и обучил! фсст!.. две сонные артерии! уникальный опыт современного гуру!..

Все его «коммандос» подчинялись непосредственно ему!.. жили они отдельно, с посторонними общались мало… когда двое из его Коммандос встречались в городе, они громко приветствовали друг друга! мол, знай наших!.. один провозглашал: ИДЕАЛ! другой громко ему вторил! ДА СВЯТИТСЯ ОБРАЗ ЕГО!.. и все! у себя на ферме они тренировались без остановки… на свиньях, на баранах… в городе они появлялись редко, очевидно, им не хотелось, чтобы их там видели… правда была у них одна слабость: лекции!.. причем всякая чепуха вроде проделок вампиров их не интересовала… нет! только серьезная История! серьезная Философия! Марион был человек ответственный,

---

[456] Примечания: 456

Навашин и итальянские антифашисты братья Розелли были убиты в 1937 году во Франции членами Кагуля (организации французских фашистов)

одаренный, широкообразованный… а по сему его очень уважали на ферме Ретифа… при нем про тот «приемчик»! знаменитый… помалкивали!.. даже не заикались…

Исключительно философия, мистика и чтение «избранных мест»… о, аудитория самая что ни на есть благодарная… тишина абсолютная! это только в Коллеж де Франс шумят, да в Лицее Людовика Великого… побалагурить да пошуметь любят непосвященные!.. непосвященным можно быть и в старости… специалисты по сонным артериям к таковым не относятся… особенно люди Ретифа… Ретиф тоже был весь внимание! сидел в первом ряду… с восхищением взирая на Мариона… что–то нашептывая ему на ухо… сам он никогда не претендовал на то, чтобы им восхищались… отнюдь!.. ну, был у него свой излюбленный приемчик, очень действенный, эффективный!.. и все!.. вот у меня тоже есть свой стиль, тоже действенный, эффективный, а как же! он для меня очень важен!.. я его ни на что на свете не променяю! ей–богу! он и вправду очень действенный, эффективный… ну и что!.. я не вижу в этом ничего сверхъестественного! было бы мне на что жить, я и вовсе не стал бы себя насиловать и выставлять его на всеобщее

обозрение!.. черт возьми!.. о, я вовсе не требую, чтобы мной восхищались!.. замашки кинозвезды мне не свойственны! я себя таковой не считаю! система Ретифа, его «полный курс обучения» были воистину уникальны!.. но он не испытывал по этому поводу никакого самодовольства… чуть эффективней, чем гильотина, вот и все!.. стоило с ним заговорить о Розелли или Навашине, как он смущенно краснел и уходил… тут и говорить не о чем!.. болтовня все это! россказни! а с Марионом они друг другу доверяли…

Короче, сидим мы, как я уже сказал, у Кляйндинст… я, Лили, Бебер, Марион… жуем это подобие пирожных… а рядом за столиком, прямо напротив нас, расположились лучшие представители местной партийной элиты, весь «цвет» НФП, ННС и Бюкара…[457] эти–то молчать не любят! орут на всю кондитерскую! чтобы все слышали! о полном переустройстве Европы!.. о, как только они вернутся!.. вернутся!.. они сразу же этим займутся!.. сразу же! устроят грандиозную Чистку!.. по всей Франции! необходимо обратиться к ее народу!.. провести радикальные реформы! может быть, даже революцию? о ля ля!.. а как же Петэн? Петэн!

---

[457] Примечания: 457

ННС — народное национальное собрание, возглавляемое Деа. Бюкар стоял во главе франкистской партии.

этот дряхлый параноик! бестолочь! к черту!.. к черту!.. с ним все ясно!.. вот Бюкар, «герой инфантерии», это еще куда ни шло? стоит подумать?.. или Дарнан, еще один «герой инфантерии»? тоже ничего?.. но только в качестве «соратников» Деа!.. не более! Деа — это человек!.. он и там себя проявил!.. и сям себя проявил! воистину единственный стоящий идиот! гигант политической мысли! а Дорио? демагог и в душе красный!.. к черту Дорио! он всех нас продаст красным!.. всех до одного!.. с Лавалем, конечно, тоже все ясно, столько всякого напартачил! пусть возвращается к себе в Шателдон!.. а Бринон? Бринон? тоже забраковал! шут!.. шут гороховый и еврей!.. тут и говорить не о чем!.. ну а там, в стане противников, есть хоть кто–нибудь стоящий? Де Голль?.. здрастье! приплыли! возомнил себя Наполеоном! еще в военном училище!.. сучье отродье, шкура продажная!.. ему и до Клемансо–то далеко! у того хоть вид был, стать, осанка! а Мажино? тоже ему не чета! нет, не нужно нам этого де Голля!.. де Голля, которого на самом деле зовут ван де Валле!.. он вообще не француз этот де Голль ван де Валле! здесь за столиками знали все! и обсуждали с такой неподдельной горячностью и страстью, что просто поразительно… теперь такого уже нигде

не встретишь… от былого пыла и воодушевления не осталось и следа… дух нации пришел в упадок… последствия Поражения по–настоящему стали ощущаться только после Чистки… иные времена… иные нравы… фуфлогон на троне… вокруг одни молокососы, франты с бабочками… шустрые молодые люди с политическими амбициями… все подающие надежды депутаты… а на самом деле, недоразвитые юнцы… ну, и в результате, что же мы видим вокруг?.. орды стыдящихся своего происхождения туземцев… что само по себе еще гораздо более омерзительно… быть «вроде бы белым»… а называться евроазиатами, европриматами, евро черт знает чем. и все из желания угодить невесть кому!.. пить и жрать, ни о чем не думая! опуститься до уровня безмозглых скотов! всеми презираемых, униженных, оплеванных… быть кем угодно, только не самими собой!.. только не собой! о, не собой! ни в коем случае не собой!.. за что собственно их и подкармливают! и грабят тоже!..

Теперь и франта–то настоящего увидеть… это все равно, что встретить Людовика XVI на площади Конкорд… кругом одни косоглазые, они, как

мухи, вьются вокруг места, где был эшафот…[458]

Но вернемся в нашу кондитерскую… короче, как я уже сказал, Ретиф был там, с нами, очень предупредительный, сдержанный… в нем не было ничего особенного… я знал множество убийц, у меня была возможность разглядеть их повнимательней, вблизи… в таком месте, как тюрьма, всякая шелуха спадает сама собой… там не до трепа, и не до поз… матерые рецидивисты… все–таки постоянно общаясь с ними, в них можно было заметить что–то не совсем обычное… я говорю о «тюрьмах строгого режима», удивительно, но там их тоже можно встретить… однако Ретиф не имел с ними ничего общего!.. никакого сходства!.. хотя!.. впрочем!.. чуть позже… я видел, как с ним случился приступ… я вам еще об этом расскажу… припадок… настоящего бешенства! но тогда, беседуя с нами в кондитерской Кляйндинст, он вел себя абсолютно спокойно и вежливо… а вот «лучшие представители нации», рядом за столиком, вели себя не столь прилично и пребывали в крайнем возбуждении! скандалили! вопили! о грядущем переустройстве Европы!.. о необходимости срочных мер! фанатики! необю-

---

[458] Примечания: 458

На площади Конкорд в Париже в 1793 году был казнен Людовик XVI.

каризма!.. неонпфизма!..[459] необольшевизма! неопофигизма! в чьей надежной твердой руке так нуждалась современная Франция!.. цвет Зикмарингена! призванные утвердить «четвертую Империю»! окончательно и бесповоротно! пусть весь мир трепещет! «Четвертая Нерушимая»!.. они даже делили между собой министерские кресла! прямо там, сразу же! воображали себя в Версале! во время инаугурации! Гитлер, естественно, уже будет повешен! эта безмозглая подлая скотина Геринг — тоже, ведь это он сдал небо англичанам!.. посмотрите только, что творится у нас над головами! а Геббельс? на кол его! само собой! горбатый урод! больше его вранья никто не услышит! озлобленность и крепкие выражения, которые употребляли эти фанатики, были вполне понятны, они ведь служили по контракту, и им было не до шуток!.. им всем грозила эта чертова 75-я статья!.. на серьезные дела способны только доведенные до полного изнеможения люди… возьмите тех же китайцев!..

---

[459] Примечания: 459

От НПФ. НФП — Народная Французская Партия, возглавляемая Дорио, самая крупная из коллаборационистских партий.

три недели в Турэне,[460] и вы их не узнаете! их можно будет собирать по частям… они ужрутся до умопомрачения… эти страшные китайцы! «а ну подать мне сюда Жида!..[461] живым или мертвым!»[462] Марион правильно сделал, что повел нас к Кляйндинст… в Ловене Ретифу показываться не стоило… там «горилл» и без него хватало … они приходили ко мне проконсультироваться… а комната 36?.. а Раумницы прямо над нами? нет, пожалуй, так было гораздо лучше… значит, сидим мы с ним, болтаем о том, о сем… и тут вдруг опять: цианид! так я и знал!.. наверняка Лаваль растрепал!.. и Бишлонн, конечно, тоже… мол, есть он у меня и т. д. и т. п… теперь все в Зикмарингене об этом знают… считают, что у меня его навалом… и я их всех обеспечу! а тут еще прошел слушок!.. и тоже из Замка!.. мол, Лаваль назначил меня Правителем! чего — никто толком не знал… но все–таки!.. да, кстати! у меня больше не

---

[460] Примечания: 460

Турэн — провинция на юго–западе Франции, известная своими винами.

[461] Примечания: 461

Имеется в виду французский писатель Андре Жид.

[462] Примечания: 462

В конце романа «Ригодон» Селин снова возвращается к этому видению грядущего захвата Европы китайцами, однако там они доходят не до Турэна, а до Шампани.

было никаких доказательств… Бишлонн мертв, так что свидетелей не осталось… Лаваль мог все отрицать… с него станется! забавно!.. даже не склонный к легкомысленным шуткам Ретиф и тот не мог сдержать улыбки, услышав о моем новом назначении!.. «Правителем Архипелага," — развеял сомнения присутствующих я!..

Улучив момент, я незаметно поинтересовался у Мариона, зачем, собственно, мы притащились к Кляйндинст? «необходимо осмотреть поезд!.. не так ли, Ретиф?» тут они мне наконец все объясняют… проясняют ситуацию… из–за чего весь сыр–бор!.. речь идет о поезде, который должен отвезти их в Хохенлишен на похороны Бишлонна… в официальную делегацию вошли шесть министров, Ретиф и еще два представителя неизвестно кого… Марион и Габольд, естественно, тоже… но дело не в этом! поезд стоит далеко, припаркован где–то в лесу на другом берегу Дуная… о его местонахождении никто не должен знать! он тщательно замаскирован! погребен! под грудой веток и деревьев! с самолетов его не видно… локомотив прибудет из Берлина… поезд необычный, «специального назначения», всего два вагона… прибытия локомотива ждали с минуты на минуту… необходимо было всех

предупредить!.. до Хохенлишена путь не близкий, 1200 километров… через всю Германию, с Юга на Северо—Восток!.. я уже говорил вам о больнице Гебхардта: СС, 6000 коек… а почему умер Бишлонн?.. этого пока никто не знал… там, на месте, все прояснится!.. прояснится?.. навряд ли?.. Марион в это не верил… теперь можно сказать все, что угодно!.. я тоже так считал, я ведь в таких делах немного разбираюсь… его оперировал Гебхардт… а я этого Гебхардта никогда не любил… пока же все ждали поезда… вот–вот прибудет локомотив… что ж, посмотрим. что это за «специальный поезд»! только Ретиф знает, где он… в каком месте, под какими ветвями… сразу же за большим мостом… вероятно, он полностью закамуфлирован… однако Ретиф не особенно надеялся на камуфляж и ветви… все равно его засекут, он счел своим долгом предупредить нас об этом… учитывая, что в качестве топлива используется кокс!.. все локомотивы работают теперь исключительно на коксе! засечь их не составляет большого труда! даже отсюда можно видеть идущие из России поезда! столбы дыма от непрогоревшего мелкого каменного угля!.. вот почему над входами и выходами туннелей всегда такое скопление самолетов… бум!.. и готово!.. про-

сто летай и жди! у выхода из–под Эйфелевых гор их постоянно не меньше тридцати!.. постоянно!.. поезда, можно сказать, используются!.. в качестве мишеней! короче говоря, нарочно не придумаешь!.. мы сами в этом позже убедились![463] Ретиф все это прекрасно знал… у него уже был кое–какой опыт… однако мы не стали донимать его своими вопросами… что? да почему?.. он нас вел, и ладно! Лили, Марион, я и Бебер… мы все отправились посмотреть на этот «специальный поезд»… нешуточный крюк… вот наконец мы и у большого «пятиарочного»… тройные пути… минуем их… входим в лес… и тут, доложу я вам, он повел нас такими извилистыми тропинками, да еще в полной темноте, что мы едва не потерялись… вероятно, они свалили самые большие ели… мы шли вперед под настоящими сводами… а потом оказались под каким–то нагромождением! еще более внушительным! срезанные ветви… шпалы… рельсы… а эта груда ветвей на путях!.. сваленные в кучу рождественские елки!.. и целая гора ветвей!.. мы на месте!.. вокруг было полно народу… Ретиф узнал! это было то самое место!.. там внизу был поезд! поезд, погребенный… под

[463] Примечания: 463

См. в частности, «Ригодон», о бомбардировке поезда Селина между Лейпцигом и Фюртом.

ветвями!.. полный камуфляж!.. однако сколько народу вокруг, извините!.. они, кажется, обнаружили наш секретный поезд! тут были обитатели Ловена, жители городка, штатские и военные, весь сброд! а как они верещали! на всех языках!.. почище, чем у Кляйндинст!.. камуфлированная и некамуфлированная солдатня… французские и бошские беженцы… все!.. даже доходяги из Фиделис, которых я считал прикованными к постели… и те были там и вовсю резвились!.. семьи с Ost…[464] вывезенные с Украины работники… каждый с десятью, двенадцатью ребятишками!.. все это сборище под ветвями… прыгало, орало, раскачивалось на чем придется! вот вам и таинственный поезд!.. вот вам шуппо! С. А.!.. и его превосходительство Адмирал Корпешо! правда толком никто ничего не знал! все пребывали в полном неведеньи! что собственно это был за поезд! может быть, «специальный» поезд Гитлера?.. ну нет!.. Петэна?.. Адмирала Корпешо?.. Сталина? де Голля из Лондона?.. поэтому надо было проникнуть внутрь… все там перевернуть! стулья, подушки, кресла! а обстановка там была роскошная!.. я знал, что многие где–то прячутся по ночам,

---

[464] Примечания: 464
С востока — (*нем.*)

но не ожидал увидеть здесь столько народу!.. взрослые, дети, легавые… покинули свои нары, дабы не сгореть там заживо, и свалили в лес… однако толпа все равно была пугающих размеров! а значит и нам скоро придется делать ноги! нас спалят, как Ульм! и очень скоро! сомневаться в этом не приходилось!.. даже агонизирующие с веранд!.. были тут! и пианисты из буфета тоже…

Люди без остановки сновали туда–сюда, из одного вагона в другой… всего их было два… да еще с зажженными факелами в руках! каждую секунду все вокруг могло вспыхнуть! а ребятишки! целые ватаги ребятни! так что угроза лесного пожара была вполне реальна! каждый хотел все осмотреть! вагон–ресторан, туалеты! туалеты были «мозаичные»!.. и не только осмотреть, но и потрогать! Рождественская Ночь в Лесу!.. вереница факелов!.. каждый хотел все потрогать! «это для Гитлера? или для Леклерка? а может, для сенегальцев?» сами понимаете, поводов для веселья было достаточно! взрывы смеха! хохот! собравшиеся не теряли времени даром!

Ретиф оказался осведомлен лучше других… поезд был не обычный, «специального назначения»,

изготовлен он был по заказу Вильгельма,[465] однако тот им никогда не пользовался… его делали специально для персидского шаха… к его официальному визиту в августе 14… сделали и забыли…

Роскошь невообразимая! сколько всяких вильгельмских, персидскихъ и турецких изысков!.. вы только представьте себе эту парчу, ковры, драпировки, витые шнуры! почище, чем у Лаваля!.. диваны, софы, кожаные тисненые пуфы! а что за ковры!.. толще я не видел никогда! супер–бухарские!.. супер–индийские!.. занавески, каждая весит тонну и закрывает нижнюю часть окна!.. о, в окна они не смотрели! подвесные бра, в стиле «Лалик Метро»,[466] были настоящими «баризьенскими»[467] монументами и занимали половину вагона… нет, у этого шаха губа была не дура!.. можете мне поверить!.. я, как сейчас помню, сказал тогда Мариону… «не знаю, доедете ли вы,

---

[465] Примечания: 465

Имеется в виду Вильгельм II (1859–1941) — германский император, прусский король во время Первой мировой войны.

[466] Примечания: 466

Имеется в виду Рене Лалик (1860–1945) — французский ювелир и стеклодел, один из родоначальников стиля «модерн».

[467] Примечания: 467

Баризьенские — из города Бар–ле–Дюк. Город Бар–ле–Дюк расположенный в 254 км от Парижа, славится своими памятниками архитектуры: церковью Святого Петра XIV века, церковью Нотр—Дам XIII века и т. д.

но зато вы будете окружены комфортом!» Ретиф настроен более прагматично, ковер и занавески его не волнуют! а вот кухня?.. он хочет, чтобы мы пошли… и осмотрели ее… в другой вагон… где находится кухня!.. о, все, что нужно!.. плиты и кастрюли!.. но где достать уголь?.. угля–то нет! кокс для кухни не годится!

— Мсье Марион. вы не беспокойтесь!.. я достану пару десятков цыплят, отдадим их в Ловен, и там из них приготовят для нас «паштет»!..

Все очень просто и практично… и он действительно мог достать цыплят!.. он не хвастается! Марион может быть спокоен… фермеры ему готовы отдать все, что угодно… и задаром!.. именно ему… нам бы они ничего не дали… у них даже для Петэна… или Раумницев… никогда ничего нет!.. а для Ретифа — пожалуйста!.. они от него без ума…

***

Как и следовало ожидать, локомотив из Берлина так и не пришел… кажется, попал в аварию где–то между Эрфуртом… и Айзенахом… весь балласт псу под хвост!.. в задницу!.. а потом еще раз, в другом месте… теперь у Касселя уже полетел сам движок… в общем, все откладывалось!.. членам делегации было предложено подождать! умерить свой пыл… обстоятельства складывались

крайне неудачно!.. слово за слово, постепенно все пришли к выводу, что ждать локомотив из Берлина бесполезно, лучше было бы взять на буксир эти два вагона дрезиной из ближайшего депо… только и на это уйдет уйма времени, придется набраться терпения!.. к тому же вопрос о том, кому ехать, а кому — нет по–прежнему оставался открытым… между Замком, Раумницем и Бриноном существовали значительные разногласия по поводу того, кого же все–таки делегировать на похороны? кто наиболее достоин?.. не инфицирован гриппом, здоров, вынослив?.. не разбит параличом… не слишком чувствителен к холоду?.. в конце концов нашли семь человек, более или менее полноценных… которые изъявили желание ехать… «добровольно» или «под давлением обстоятельств»… я не буду их здесь перечислять…. дабы не причинить им вреда… да–да!.. именно!.. даже теперь, двадцать лет спустя!.. можно пострадать за свои былые политические «пристрастия»!.. и забывать об этом не стоит! слишком многие сделали себе «карьеру» во время чистки, на костях несчастных «коллабос».. как говорится, «из грязи да в князи»!.. в «обличители».. с неограниченными привелигиями!.. так что, сами понимаете, такие и теперь готовы

«сопротивляться» до последнего!.. до тех пор, пока их младшая внучка не найдет себе мужа!.. самое обидное, что по иронии судьбы коллабос оказали неоценимую услугу этим шакалам… скажите мне, Вермеш,[468] Труляле, Мадлен Жакоб… сколько платят в ваших гнусных газетенках? за всю эту лажу?.. у–у–у, гиены! прорвы! повезло им, ничего не скажешь! не было бы счастья, да несчастье других помогло! теперь они так просто не откажутся от своей роли Великих Вершителей Человеческих Судеб, коими их сделала Суперкатаклизма 39-го!.. так что лучше им поводов не давать! нет! подождем пока они сами окажутся в заднице, все эти Великие Палладины Человеческих Судеб крутого замеса 39-го! этим палец в рот не клади! нет! лучше подождать, пока все они останутся «не у дел»!.. а рано или поздно это должно случится!.. знаете, возраст и все такое… года неумолимы! время беспощадно! я всю жизнь составлял «завещания»… я-то это знаю!.. «все там будем»! и палачи, и жертвы!.. как бы там ни было, но Марион входил в состав делегации на похороны, об этом я вам уже говорил… Марион и Ретиф… Орас Ретиф был делегирован от «Комман-

---

[468] Примечания: 468
Жанетт Вермеерш — депутат коммунистка, подруга Мориса Тореза.

дос»… он возглавил «Интендантскую службу», должен был поставлять на кухню продукты… и цыплят! по его словам, он сам зажарил этих цыплят в Ловене… но из–за всех этих проволочек с локомотивом они их съели!.. да!.. крыло за крылом… так и не дождавшись отправления… скрвеное начало!.. особенно, если учесть, что все запасы провизии исчерпывались присланными из Замка крошечными пакетиками, по два — на каждого министра! пакетики были с сандвичами! здорово! а как же отели?.. черта с два!.. путешествие должно было продолжаться три дня и три ночи, сначала Зикмаринген, потом наверх, в Пруссию… что касается одежды, то, надо сказать, все как приехали из Виши в легких пальтишках и замшевых башмаках, так в них и были… а температура–то приближалась к нулю… в Зикмарингене в ноябре еще можно было в этом как–то перебиться, но путешествовать на север в таком виде не стоило!.. все очень скоро в этом убедились!.. одежда никуда не годилась! особенно это ощущалось во время сна! сандвичи были съедены, еды больше не было, и все только и делали, что забавно пританцовывали, дабы согреться!.. путешествие продолжалось, поезд все дальше уходил вверх, на север!.. ртутный столбик

на термометре неуклонно полз вниз… а тут еще хлопьями повалил снег!.. началась настоящая пурга!.. особенно после Нюренберга!.. снег густой! как вата!.. ничего не видно!.. ни путей, ни состава, ни вокзалов… пространство, небо и вата!.. Магдебург так и проехали, не заметив… наш поезд медленно тащился вверх, Берлин мы должны были обогнуть, не заезжая в сам город… хорошо еще, что в небе не было ни одного патруля, и ни один из этих стервятников нас не накрыл!.. а ведь нас засекли!.. наверняка! вне всякого сомнения! тащивший нас старый локомотив тарахтел, пыхтел… хрипел! выбрасывал снопы искр!.. особенно при подъеме в гору… не заметить нас было просто невозможно… нас должно быть было видно даже с Луны! стало быть, были причины, по которым нас предпочитали не замечать… наверняка!.. объяснения всегда приходят слишком поздно, когда они уже никого не интересуют… уже никому не нужны… так вот, в этом и без того прохладном вагоне, где не было даже стекол, гулял ветерок, и еще какой! спать там было просто невозможно… холод жуткий, да еще тряска!.. в Замке было все–таки потеплее! а тут, вы не представляете, какие начались бронхиты!.. кашляли буквально все!.. но даже, если бы там топили, все равно

бы никто не спал, так как у вагонов отсутствовали рессоры!.. в таком поезде только «дрова возить»… вот и бегай туда–сюда, притоптывай, чтобы согреться… постепенно все министры сгрудились внутри!.. но их там так качало, что не передать! ушибы!.. шишки! на похоронах видок у них был соответствующий! два дня и две ночи их вконец доконали!.. а ведь предстоял еще и обратный путь!.. славное возвращение! но опыт первой половины пути не прошел даром… самым находчивым и практичным оказался Ретиф… ножом по обивке!.. хрясь!.. хррясь!.. и готово!.. потоки шелка, бархата, хлопка!.. хлынули на нас со всех сторон!.. ах, действительно, это был супер–роскошный вагон! все министры сразу же тоже принялись за дело! хрясь! хр–рясь! как Ретиф!.. пестрые узоры, ковры, витые шнуры!.. главное было больше не мерзнуть!.. а как они раскурочили вагон!.. с каким остервенением!.. каждый сделал себе по широкому плащу!.. и еще какому !.. сверхтеплому! толщиной в четыре слоя! что–то вроде кавалерийской накидки… но пожалуй, похлеще!.. мне ли этого не знать… у нас в 14-ом были просто жалкие подобия этих!.. под дождем они намокали и становились неимоверно тяжелыми! те же, что ножами выкроили себе

министры, были в четыре раза толще бухарских ковров, отчего сильно топорщились и выглядели, быть может, немного смешно… и все–таки!.. как раз то, что нужно! особенно ночью на маленьких полустанках в пригородах Берлина… где мы часами простаивали… то там… то тут… локомотив все пыхтел… а до нас никому не было дела… нас даже ни разу не угостили… ни Stam'ом… ни колбасой… может быть, у них и самих ничего не было?.. черт их разберет, этих бошей!.. надо было самим у них попросить… но что им сказать?.. между тем становилось все холоднее!.. мы ехали прямо навстречу северному ветру… и в Зикмарингене было холодно, но здесь!.. а было лишь начало ноября!.. мы только что с трудом отчалили от очередной стоянки… происходящее, и в самом деле, все больше напоминало кошмарный сон… я уже говорил вам про хлопья снежной ваты, из–за которых было не видно ни долины, ни неба… поезд ползет очень медленно… так медленно, что порой начинало казаться, будто мы уже сошли с рельсов… а такое вполне могло случиться… едем мы или нет?.. ах, наконец–то вокзал!.. но там до нас тоже никому нет дела… все плывет в каком–то тумане… ясно только одно: мы едем на Север… все время на Север!.. у Мариона был компас…

Хохенлишен находится на Северо—Востоке… карта у Мариона тоже была… после Берлина мы поворачиваем на Восток… нас, естественно, опять никто не спросил!.. машинист с нами не разговаривает… мы пытались… но очевидно, он получил на этот счет строгие указания… ладно!.. не будем ему мешать!.. нам есть чем заняться… вррак! кракк!.. один чехол! другой! у кого кусок больше!.. ведь становилось все холоднее! еще дыра! вррак! в обивке наверху… вот вам и четырехлопастная пелерина! рви еще, теплее будет… кррак!.. и это тоже! занавески!.. все какие есть! ах, этот чертов шах!.. орнаменты для Вильгельма!.. да еще турецкие! восточная роскошь!.. Бухара! они нас попомнят, черт побери! будут знать, как с нами не разговаривать! «немчура вонючая! палачи!.. вампиры! кровопийцы! недоумки!» вот какие крики и вопли раздавались кругом! тут члены похоронной делегации были полностью солидарны друг с другом! ведь нам даже толком никто ничего не объяснил!.. ну, мы им покажем Вильгельма I! III! IV! куда они нас везут? сейчас? на Северный Полюс?.. в Россию?.. во всяком случае, не в Хохенлишен! эти сволочи способны на все!.. предательство у них в крови!.. остатки обивки мы срываем с воплями: «боши! саксонские

свиньи!» все сорванное мы напяливаем на себя! теперь нам будет тепло! ах, еще и шелк! подать его сюда!.. они нарочно решили уморить нас голодом! тряску они тоже нарочно подстроили!.. за это весь вагон должен быть ободран! все их безвкусные украшения!

И тут Ретиф наталкивается на настоящее сокровище!.. редкая удача!.. тайник!.. он долго роется!.. перерывает все вокруг!.. наконец вытаскивает из–под большой софы сначала один! потом еще два! всего двадцать отрезов фиолетового муслина!.. цвета пармской фиалки! очевидно его предполагалось подвесить, сделав из него этакий химерический орнамент?.. гирлянды!.. огромная оборка через весь вагон!.. вдруг у меня проносится в голове… «цвет пармской фиалки?..» что–то у меня с ним связано!.. какие–то воспоминания!.. а-а, точно!.. так и есть!.. мне ведь уже приходилось бывать в Германии!.. увы!.. я бываю здесь чаще, чем я бы хотел!.. лиловый муслин… черт бы его побрал!.. Дифхольц, Гановер… Дифхольц это название местной Volkschule!..[469] 1906! меня определили туда учить бошский язык!.. который должен был пригодиться мне в торговле!.. е-мое!

---

[469] Примечания: 469
Народная школа (*нем.*)

Дифхольц, Гановер!.. сколько воды утекло с тех пор!.. а они и тогда уже были на редкость озлоблены!.. может быть, даже больше, чем в 44!.. какие взбучки они мне там устраивали, в Дифхольце, в Гановере в 1906!.. Sedantag! Kaisertag![470] вскоре они продемонстрировали свой норов, в 14-ом!.. ведь это именно с ними я дрался под Поэлькапеллем во Фландрии![471] кстати, Мадлен там не было! под Капеллем во Фландрии! и Вермеш тоже! впрочем, как и самоаго де Голля! тогда с бошами сражались по–настоящему, а для этого нужны настоящие мужчины! не чета Мальро, кумиру современной молодежи! мало кто способен выдержать такое! я это испытал: на собственной шкуре!

Но вернемся к муслину!.. бля, сколько раз я его развешивал на всех окнах, фонарях и балконах Дифхольца в Гановере! неудивительно, что я его вспомнил! вместе с другими ребятами из школы… вдоль улиц, поперек улиц! точно такой

---

[470] Примечания: 470

День Седана! День Кайзера! (нем.) Имеется в виду годовщина знаменитого сражения у Седана во время франко–прусской войны 1 сентября 1870 года и последовавшая затем капитуляция крепости и 85-тысячной французской армии с самим императором Наполеоном III во главе; седанский разгром положил конец 2-й империи.

[471] Примечания: 471

25 октября 1914 года в сражении под бельгийским городом Поэлькапеллем близ Ипра Селин был тяжело ранен.

же муслин, цвета пармской фиалки… во время чествования kaiserine… ее цвет, цвет пармской фиалки… там в Дифхольце, в Гановере я был единственным franzose!.. сами понимаете, я был вынужден это делать!.. развешивать этот муслин! я его на всю жизнь запомнил!.. его и Кайзерину Августу!..

Чудесная находка! целые километры муслина, от которого все министры приходят в восторг! госсекретари и экселенцы накидваются на эти отрезы цвета пармской фиалки… начинают их разворачивать, обматывать вокруг себя, делать себе тюрбаны! им кажется, что так они будут выглядеть лучше! более прилично… этакий полу–траур… однако на всех муслина не хватит!.. особенно, если каждый будет обматывать им себя с ног до головы, да еще по шесть–семь раз! только на министров!.. те довольны своими «костюмами», это видно по тому, как они затягиваются, модничают… подпоясываются витыми шнурами… а их в вагоне навалом… на всех стенах… ррак! вррак!.. вероятно, вот так, подпоясанными, в муслине пармской фиалки они и собираются предстать на церемонии?.. если, конечно, вообще куда–нибудь приедут!.. вдруг наш и без того работающий с перебоями двигатель начинает

тормозить… тшутт! тшутт! один толчок, другой… ну, думаю: что–то сейчас будет… видны рельсы, вагоны… нужно как–то пройти мимо них… мы в России?.. громко спрашиваю я… наполовину для смеха! хотя это было вполне возможно!.. мы могли оказаться в России или в расположении Красной Армии! а вдруг они нас решили сдать? когда имеешь дело с бошами, надо быть готовым ко всему! весь вагон начинает вопить, предвкушая встречу с русскими! товарисч! товарисч! «они не хуже немцев!» таково единодушное мнение!.. новый франко–русский альянс?.. ну и что! отлично! а почему бы и нет?.. запросто! особенно неистовствуют обернутые в пармскую филаку!.. вот, наверное, эти русские удивятся?.. интересно, а можно будет у них поесть?.. русские ведь любят поесть!.. они вообще едят очень много!.. в вагоне сразу обнаруживаются сведущие люди!.. борщ, красную капусту и т. п.! еще соленое сало! да, пожрать они не дураки! да и я бы тоже не отказался!.. тут, ко всеобщему изумлению, я обрушиваю на головы членов делегации сообщение о том, что именно я являюсь автором единственного по–настоящему коммунистического романа из всех, что когда–либо вообще были написаны… больше такого никто не напишет! никогда!..

кишка тонка!.. русским об этом надо будет сразу же объявить!.. и пусть не сомневаются: меня переводили Арагон и его жена[472] чтобы те знали, с кем имеют дело!.. зачем они сюда прибыли!.. кого сопровождают!.. а просто поговорить с ними о борще — этого явно недостаточно! может быть, даже стоило бы исполнить им грустный танец? с надрывом?.. разыграть сценку «горького раскаяния»?.. в пармской фиалке они бы смотрелись весьма эффектно! однако мои предложения больше не кажутся присутствующим забавными… им не до меня!.. все просто хотят жрать!.. вот котелки — другое дело!.. любые! китайские, турецкие, русские!.. как там насчет харча? ну, а если мы вдруг окажемся в расположении ЛФД?.. тоже возможно!.. если нас везут в ЛФД? что тоже не исключено!.. мы просчитываем все варианты… ну, тогда в нашем распоряжении будет «походная кухня»! утка с репой!.. ням! ням! ням!.. а сколько хлеба! с ума сойти! ешь — не хочу! все возможно! возможно! ах, как это было бы славно!.. но бррт! поезд с шумом останавливается… да!.. на сей раз

---

[472] Примечания: 472

Имеется в виду первый роман Селина «Путешествие на край ночи», русский перевод которого вышел в 1936 году в СССР за подписью Эльзы Триоле, жены Арагона, который сам к этому, насколько известно, никакого отношения не имел.

совсем!.. и тзимм! вланг! брум! фанфары!.. это что еще за хоровая капелла?.. там, на насыпи… русские?.. нет!.. бошские солдаты!.. Horst Wessel Lied![473] множество бошей!.. наверху снежной насыпи! и все поют… исполняют для нас серенаду… фрицы… настоящие фрицы!.. не ЛФД и не русские! тут даже нет вокзала, мы остановились прямо в поле… что это, Хохенлишен?.. непонятно!.. а где больница?.. ничего не видно, абсолютно ничего… только насыпь, боши и фанфары в высоте… боши все в сапогах, их бородатый командир размахивает своей тросточкой… снова звучит Хорст Вессель Лид… потом еще раз!.. они, должно быть, ждут, пока мы поднимемся… их командир машет нам рукой… мол, нужно подниматься! ах, этого только не хватало!.. ведь у нас на ногах легкие ботинки! ладно, будь что будет… он протягивает нам руку, помогая подняться… ну, вот и все!.. ба, да они уже обо всем позаботились!.. целый чемодан butterbrot'ов!.. мы не заставляем себя долго упрашивать!.. они и глазом не успели моргнуть! все было съедено!.. «Хорст Вессель» не смолкает ни на секунду… жаль, что у нас нет сапог!.. наверное, они пришли нас встречать? нужно идти за

---

[473] Примечания: 473
Хорст Вессель — строевая песня войск СС.

ними… а вот и доблестный офицер! он отдает нам честь!.. он стоит на насыпи, рядом с фанфарами… может, он тоже даст нам что–нибудь поесть?.. он предлагает нам построиться… «Правосудие — во главе колонны!.. он обязан следить за соблюдением протокола… об этом протоколе я вам уже рассказывал… «Правосудие — во главе!.. «Правосудие» представляет Петэна… за Правосудием следуют фанфары!.. а потом уже остальные члены делегации… но тоже в строгом порядке!.. о да, они сменили пластинку!.. теперь вместо Хорст Весселя звучит «Марсельеза»! вперед!.. не падать!.. первым теряет равновесие «Правосудие»!.. все в порядке, «Правосудие» снова на ногах!.. ужасно скользко, устоять очень трудно!.. порывы ураганного ветра!.. ветра с Урала! впрочем, здесь на Севере Германии это обычное явление, ветер с Урала дует шесть месяцев в году!.. только ощутив его на себе, начинаешь понимать… все эти поражения!.. все случающиеся в России катастрофы! там никто не может выдержать! ни этот мальчишка Наполеон, ни этот полоумный ублюдок Гитлер! воистину необитаемая равнина! если бы не Вогезы и холмы Аргонна, нас бы этот ветерок тоже достал!.. именно поэтому орды завоевателей с Востока всегда так безумны и пьяны

от холода… лучше их оставить в покое! пусть себе подыхают! мы–то что там забыли? какого хера? я не понимаю!.. современные деятели, которые никогда не путешествовали с Восточного Вокзала, должны иметь представление о том, что там происходит!.. такси до Марны, и вперед!.. пусть съездят, посмотрят!..

Имен прибывши на похороны министров я называть не буду… имен остальных тоже… кроме Мариона, о котором вы уже знаете… он плетется в хвосте… в соответствие с протоколом, это его место, так как его министерство возникло совсем недавно… мы чувствуем себя абсолютно беспомощными… изо всех сил стараемся удержаться на ногах… офицер расставляет нас вместе, попарно, дабы мы поддерживали друг друга под руку… и могли наконец–то тронуться с места!.. где же больница?.. ее не видно!.. из–за снега не видно вообще ничего!.. но даже так, вцепившись друг в друга, мы скользим на месте и практически не двигаемся вперед!.. это настоящий каток… этим–то, с фанфарами, хорошо! у них сапоги с шипами! а нам не до Марсельезы! того и гляди, поскользнешься и шмякнешься на землю!.. в любой момент! да так и останешься тут лежать!.. переломаешь себе все кости! сами понимаете,

приятного мало!.. «осторожней! осторожней! langsam!» а этим все равно, они, по всей видимости, очень спешат! куда они нас ведут? ах, все–таки что–то там виднеется… вдалеке!.. так и есть!.. сквозь снег… что–то… промелькнуло… это флаг!.. я его вижу!.. огромный флаг!.. вероятно, его вывесили специально для нас!.. «развевайся победное знамя!..» трехцветное полотнище: голубое, белое, красное — рядом с каким–то ангаром… скорее всего, они нас туда и ведут! а вовсе ни в какую не больницу… офицер манит нас рукой: halt!..[474] музыка тоже стихает… хорошо!.. офицер хочет нам что–то сказать… ладно!.. послушаем… он обращается к нам по–французски… «очень жаль, но мсье Бишлонн скончался… уже десять дней назад… в больнице!..» он делает рукой жест в направлении больницы!.. однако она находится слишком далеко!.. чтобы мы могли ее видеть!.. особенно в такой снегопад!.. он также сообщает нам, что нас ждали целых десять дней! мы прибыли с большим опозданием!.. Бишлонн уже в ящике!.. там в ангаре, что ли?.. теперь нам осталось только торжественно с ним попрощаться… может быть, кто–нибудь желает произнести

---

[474] Примечания: 474
Стой! (*нем.*)

речь?.. желающих нет!.. от мороза и снега у нас у всех зуб на зуб не попадает!.. даже закутавшись в муслин, ковры, и двойные занавески, обмотавшись этим тряпьем с головы до ног, мы все буквально окоченели от холода! какие уж тут речи! удивительно, что мы вообще доехали! теперь–то я очень хорошо понимаю причины Отступления… и то, почему солдаты забирались в животы своих лошадей! полностью! в теплые распоротые животы!.. зарывались во внутренности! черт побери! кошмар! не то слово! а вот у нас даже лошадей нет, ничего нет, кроме военного оркестра! и он, знай себе, наяривает Марсельезу!.. да–да, ту самую! так, значит, нам нужно пройти в ангар торжественно попрощаться?.. исполнить свой последний долг?.. ну, а если мы поскользнемся и раскроим себе черепа, что тогда? по пути туда… да ничего!.. черт подери!.. но раз уж мы каким–то чудом здесь оказались, то я хотел бы видеть Гебхардта!.. ведь это он его оперировал… но его тут нет, видно, не соизволил прийти… у него, вероятно, слишком много операций… что ж, пожелаем ему дальнейших творческих успехов! понятное дело, он не горит желанием нас видеть… жратвы тоже нет! ни крошки! одни короны! каждому по короне, плющу и бессмерт-

нику!.. с большим трудом, цепляясь друг за друга, мы проходим внутрь… наверное он здесь, в ангаре?.. мы кладем свои бессметрники… а точно ли в этом гробу Бишлонн?.. немцам доверять нельзя… они способны на все… но как бы там ни было, гроб красивый! теперь Бишлонн со всеми в расчете!.. мы тоже долго не протянем!.. но нам еще придется долго и нудно объясняться! выяснять отношения со всем миром!.. в том числе и с теми, кто меня ограбил!.. уж мне–то точно!.. легко было этому Гамлету философствовать над черепом!.. у него небось была «страховка»! а вот у нас, видит Бог, ее нет!

Ответственный за исполнение церемонии офицер понимает, что желающих произнести речь нет…

— Nun! мсье! церемония окончена! можно возвращаться назад, мсье!

Ах да, флаг!.. про него чуть не забыли!.. его нужно отвезти маршалу!.. музыканты вырывают его изо льда… им это удается не сразу!.. они передают его нам… вы не представляете, сколько он весит!.. ветер сдувает нас с ног! мы вцепляемся в древко всемером… в восьмером… вдесятером!.. нас относит с ним в сторону!.. мы перемещаемся огромными прыжками!.. вся кодла летит вслед

за нами!.. к счастью, ветер дует в западном направлении! к нашему вагону!.. если, конечно, он еще там! процессия ритмично колышется и покачивается!.. министры и музыканты сбились в кучу!.. вокруг флага! хлоп! вдруг все спотыкаются! теряют равновесие! падают на землю!.. о, но вот новый порыв ветра!.. и оп! все снова на ногах! с тем же флагом, но уже не над головами! а наперевес! теперь все группируются не вокруг древка, а вдоль!.. так гораздо удобнее!.. оркестранты следуют за нами!.. они по–прежнему играют Марсельезу… теперь мы уже не так скользим… главное, удалось найти оптимальный способ передвижения!.. больше нас не заносит… офицер идет сзади… мы взбираемся на насыпь… к своему вагону… сами понимаете, как нам не терпится поскорее отправиться назад! больше нам тут делать нечего… попрощались с покойным, и ладно!.. но куда деть этот замечательный флаг?.. он почти такой же длины, как и вагон! к счастью, в окнах не осталось больше ни одного стекла!.. удается его кое–как пристроить…. вдоль канапе… немного наискосок… а как быть с локомотивом?.. он еще здесь? как он развернется?.. или он больше не будет нас тащить? он будет нас толкать?.. пытаюсь выяснить я у фрица… да, он будет тол-

кать нас до Берлина… точнее до Анхальта… там подадут другую машину… хорошо!.. благодаря этому старому железнодорожнику я теперь все знаю… Берлин—Анхальт!.. ну, какое–никакое, а внимание! ничего с ними не сделается, если они будут чуточку полюбезнее… таким образом мы снова занимаем свои места, снова втискиваемся в вагон… до Берлина еще далеко… и до Анхальта тоже… офицер салютует нам сверху насыпи… размахивая рукой! его оркестр больше не играет Марсельезу… снова звучит Хорст Вессель… в общем, все было бы очень хорошо… вот если бы нас еще и покормили!.. так ведь не покормили ни хера! а голод–то не тетка!.. «ну так что? что?» — вопит Ретиф тому, что наверху… «жрать давай! мы жрать хотим!.. fressen! fressen!»..[475] поезд трогается… офицер с саблей на насыпи делает вид, что не слышит, и продолжает махать нам рукой! весь вагон скандирует: «butterbrot! butterbrot!» а тому наверху все по фигу!.. правда он нам кричит: «Вас покормят в Берлине!».. ага, в Берлине! как же! да он посылает нас туда подыхать, в этом почти никто не сомневается!.. таково единодушное мнение!.. и в самом деле: пуфф! пуфф!.. локомотив

---

[475] Примечания: 475
Жрать! (*нем.*)

толкает нас сзади… да, это тот же вагон Шаха! мы кутаемся в тряпье!.. пущены в ход все занавески!.. все ковры! зрелище просто замечательное! все эти огромные рулоны муслина!.. и тем не менее, мы околеваем от холода! несмотря на то, что мы сидим плотно прижавшись друг к другу, сгрудившись в кучу на полу! почему–то нас больше не трясет!.. мы уже не едем вперед, а можно сказать, скользим… может быть, мы сошли с рельсов?.. или скользим на балласте?.. на превратившемся в лед балласте?.. наше путешествие длится уже три часа… мы должны уже подъезжать к пригородам… вот какие–то развалины, осыпи… одна осыпь… другая!.. неужели это и есть Берлин?.. да!.. никогда бы не подумал… однако так написано!.. и стрелка!.. Берлин!.. а вот еще одна стрелка! Анхальт… мы прибываем абсолютно бесшумно… так, сюда… скользим дальше… одна платформа… две… десять платформ… вот уж действительно огромный вокзал!.. в три… даже в четыре раза больше возкала д»Орсэ… сразу видно… этому вокзалу здорово досталось… ни одного стекла, ни одной целой витрины… зато стрелок и развилок еще больше, чем в Аньере!.. а народу–то сколько на платформах!.. особенно женщин и детей! яблоку негде упасть!.. стоило нашим двум

вагонам остановиться, как нас сразу же окружили со всех сторон!.. мы исчезли! растворились в потоке женщин и детей!.. которые обрушились на нас, подмяли под себя, сравняли с землей! они напирают… пролезают во все щели! а вот и носильщики! носильщики с ящиками! которые они тоже сваливают прямо на нас!.. такие ящики я уже видел!.. это ящики с консервами… неужели это для нас? на них нарисован Красный Крест… о нас позаботился «Красный Крест»? и еще огромные мешки с хлебом… хлеб… тоже от Красного Креста!.. да тут его столько!.. нас решили обеспечить жратвой на 110 лет вперед!.. если этот чертов гроб сможет сдвинуться с места, мы все это в два счета умнем за милую душу! будет нас трясти или нет! не имеет значения! уж можете мне поверить!.. пора отправляться! давно пора!.. вместе с женщинами и детьми, черт бы их побрал!.. иначе нам живыми с вокзала в Анхальте не уйти! ну, наконец–то! чудак! натурально! мы снова едем! однако напрасно мы надеялись, что эти ящики предназначены нам!.. их еще на вокзале детишки все раскурочили! по десять… пятнадцать человек на каждый! детишки совсем одичали!.. а все, что они из ящиков доставали! они сразу же сжирали! тут же! вот такие горы мармелада! хлеба и мар-

мелада! женщины от детишек тоже не отстают! одна страшнее другой… но жутко прожорливые!.. и к тому же беременные!.. ладно!.. здорово!.. все жрут!.. причем не только мармелад, но и ветчину!.. ее там тоже навалом!.. нам все прекрасно видно, ибо все это они тащат прямо по нам, по нашим головам! они что, нас не замечают? принимают за подстилки?.. тюки с тряпьем? им просто на нас плевать!.. что ж, в таком случае нам — тоже! мы хватаем, кто что может… все, что они оставляют!.. на дне ящиков… пригодное для жранья!.. целые связки сосисок! еды хватит на всех, они уже обожрались, все бросают, а сами валятся… и засыпают… отлично!.. два–три часа можно провести спокойно… относительно… поезд вибрирует… но не слишком сильно… куда мы теперь едем? там видно будет!.. но вот они просыпаются! и сразу же начинают галдеть! да еще петь! к тому же хором! сколько их?.. сорок? пятьдесят?.. и все заливаются! горланят веселые песни!.. дети из Кенигсберга… беременные женщины из Данцига… у меня до сих пор звучат в ушах эти песни… tigelig!.. ding! digeligeling! песня колокольчиков… явно к Новому Году… может быть они должны были ее репетировать?.. как бы там ни было, но путешествовать им нравит-

ся!.. я на всю дорогу обеспечен конфитюром, апельсинами и шоколадом! никаких проблем!.. плохо только, что они стаскивают с нас наши покрывала и напяливают их на себя, вот это действительно неприятно и доставляет нам массу хлопот! у них ведь есть свои из Красного Креста! чертовы пострелята! им наши лохмотья зачем–то тоже понадобились! все эти куски ковров и муслина! которые мы нашли с таким трудом! и без которых мы околеем от холода!.. они готовы сорвать с нас последнее! нужно как–то защищаться! им страшно нравиться воровать, этим ребятам!.. не девочки и мальчики… а какие–то жуткие маленькие цепкие макаки! они зарываются в струящиеся потоки нашего муслина!.. пользуются любым толчком, чтобы сорвать его с нас!.. вцепятся вдесятером!.. и тащат!.. и с храпящих министров тоже!.. со всех подряд! а на пятый день путешествия они вконец одичали! еще бы! пять дней взаперти, никуда не выйти! пять дней и пять ночей… они обнаружили, что кое–что в вагоне еще не ободрано! ах, бедный Шах!.. остатки его кресел!.. причем вся эта вакханалия сопровождается жуткими воплями! все, что они обдирают, они выкидывают из окон! швыряют в нас!.. Fraulein, их медсестра не в состоянии с

ними справиться! естественно!.. ее зовут Урсула… она больше не реагирует на их призывы… «Фрейлен Урсула! Фрейлен Урсула!» им хочется, чтобы она посмотрела, как они все вокруг расфигачили!.. все до основания!.. они этим очень горды!.. она уже на все махнула рукой… все, что было в ящике, она им отдала… сгущеное молоко, горы мармелада… она впихнула в них все это, в этих чертовых шалопаев!.. кое–что перепало и нам! остальное они выкинули в окна! представляете! естественно, теперь у всех схватило животы! к счастью, туалеты работают… но они никому не нужны! какашки разбросаны повсюду!.. они нашли себе новое развлечение: разбрасывать какашки!.. напрасно фрейлен пытается их остановить, детишкам, понятное дело, все до фени!.. вагон превратился в настоящий цирк! и можно сколько угодно кричать: «Kinder! Kinder!» глухо! дети больше не слушают свою фрейлен! они требуют, чтобы она остановила поезд! и немедленно! они хотят погулять в деревне! да, в деревне! на свежем воздухе! она должна дать им еще конфитюра!.. еще! еще! открыть остальные ящики!.. ах, да там пиво!.. пиво они тоже хотят пить!.. как министры!.. прямо из бутылки!.. они чокаются с ними!.. буль–буль!.. представляете, как оно

действует на ребят! от пива они сразу же засыпают… мгновенный эффект… они ратягиваются на полу вагона, рядом с министрами, и начинают храпеть… мы проехали через туннель… если бы Марион мне не сказал, я бы этого даже не заметил!.. неужели я заснул вместе с детворой?.. я ведь ничего не пил!.. я никогда ничего не пью… кроме воды, которую всегда ношу с собой в бидоне… но Марион прав, мы действительно проехали через туннель… Марион мне все объясняет… это были горы Айфеля…[476] надо же, ничего не видел!.. кажется, на выходе нас бомбили… ничего не слышал!.. бомбы упали довольно далеко… вероятно!.. что ж, тем лучше!.. мы сменили локомотив, долго маневрировали… и все это в туннеле, пока я спал?.. ну и хорошо!.. хорошо!.. спал и ничего не видел!.. фрейлен тоже дремала, похрапывала!.. тоже ничего не видела!.. а ребята, проснувшись, совсем обезумели! еще пуще прежнего! превратились в настоящих чертей!.. набрасываются на министров со всех сторон, начинают их ощипывать!.. да! да! а как же! это они так развлекаются!.. они снова принимаются за свое! сдирают с них все шмотки, витые шнуры, муслин!.. и делают

[476] Примечания: 476

Селин допускает неточность. Горы Айфеля, на самом деле, находятся на левом берегу Рейна.

себе плащи! с капюшонами… девочки тоже не отстают… облачаются в платья со шлейфом!.. в вагоне начинается карнавал!.. министры защищаются, но как–то вяло, вполсилы, опасаются, как бы детишки не вышвырнули их в окно! а те дерутся!.. кричат!.. вопят!.. на весь вагон!.. беременные женщины, вот те лежат спокойно, вытянувшись на паркете… не шумят… но в их–то состоянии!.. в такую тряску! когда одну кидает на другую!.. ужас!.. мне их жалко… чухх! чухх! чухх! и все–таки мы едем… слышно, как работает локомотив… эти женщины почти все «на сносях»… по меньшей мере, на восьмом месяце… надеюсь, мы доберемся «до того»! хорошо бы!.. если хоть одна из них начнет рожать, я себе не завидую!..

Как долго нам еще ехать? без вынужденных остановок? по моим расчетам… с такой скоростью — не менее двух дней… это только до Ульма… а если что–нибудь сломается?.. а после Ульма?.. легко сказать, только до Ульма!.. вдруг они и впрямь высадят нас в Ульме?.. с них станется! мол нечего нам больше делать в этом поезде! валите в Зикмаринген пешедралом!.. здоровые мужики могут и пешедралом! мы все можем пешедралом! в поезде остаются только дети и беременные женщины! нам там делать нечего!.. а от Ульма

до Зикмарингена 45 кэмэ!.. я не представляю, как мы пойдем!.. особенно, если еще подморозит… там, конечно, не так холодно, как здесь на севере, в Пруссии, но все–таки… снег, мороз… да еще эти чертовы полоумные детишки посрывали с нас почти все!.. все наши лохмотья, муслин и куски ковров!.. все улетучилось!.. даже наши жалкие костюмчики!.. и те разорваны! мы остались не то чтобы совсем голые, но в одних рубашках! ну и дети!.. их фрейлен не в состоянии с ними справиться… наши легкие башмаки точно не выдержат… в результате мы лишимся ног!.. ах, при одной мысли об Ульме меня охватывает дрожь!.. а вдруг этого города и вовсе больше нет? ни города, ни вокзала? все!.. кранты!.. такое уже бывало и не раз! конечно, СС там все равно будет!.. и СА тоже!.. да еще их агенты! от них нигде не скроешься! даже среди руин! шпики! шпики! кругом одни шпики! ну, а пока мы продолжаем медленно тащиться вперед! чухх! чухх! мысленно я уже представлял себе голоса жандармов: «Raus! Raus!»[477]

Ах, так я и знал, вот он!.. приехали!.. прибыли на вокзал… точнее туда, где некогда был вокзал!..

---

[477] Примечания: 477
Вон! вон! (*нем.*)

поезд останавливается: мы на месте!.. столб… но Ульма нет!.. одна надпись: Ульм… и все!.. все окрестные здания разрушены!.. отовсюду торчит искореженная арматура… дома как будто застыли в предсмертной судороге… и слева… и справа… в стенах гигантские проломы… огромные куски штукатурки готовы каждую секунду обрушиться на головы тех, кто проезжает внизу… здесь снова побывали самолеты ФРА!.. пока мы путешествовали!.. они здесь камня на камне не оставили… ладно!.. пускай!.. мы ведь сейчас снова уедем?.. где начальник вокзала?.. вот он… в большой красной фуражке… приближается… внимательно осматривает все вокруг… в том числе и нас… сейчас он предложит нам выйти… нет!.. все молчат… даже дети… нет больше ни Ульма, ни вокзала, но так еще хуже… а вдруг он арестует поезд? а нас высадит? нет! слава Богу, нет… он славный малый… «в дорогу! в Зикмаринген!.. в Констанс!» мы снова трогаемся… нас опять начинает покачивать… все дети на месте!.. удивительно!.. вероятно, они испугались начальника вокзала!.. я искренне рад за Урсулу… «спасибо доброму начальнику вокзала!..» нам до Зикмаринген осталось около двух часов… а ей до Констанса — три… в Констансе она будет в полночь… вместе со своими ребятами

и женщинами… но нет худа без добра… Ульм полностью разрушен, и поводов для новой бомбардировки пока нет!.. очень хочется верить!.. хотя бы на время нас оставят в покое! Ульм стерт с лица земли!.. только тогда, когда все города на земле будут до основания разрушены, в мире наступит полный покой! уверяю вас! именно они — города — являются основными рассадниками ненависти и злобы! не будет их — не будет мюзик–холлов, бистро, кино, зависти! не будет этой лихорадочной суеты!.. посадите человечество жопой на лед! вы представляете, что такое зимняя спячка! это как раз то, что нужно сумасшедшему человечеству!..

Ну а пока нам надо еще добраться до цели… нашему поезду!.. наш вагон раскачивает и трясет так, будто мы скачем по кочкам! колеса, должно быть, уже расплющились… и все–таки, это означает, что мы еще не сошли с рельс!.. если бы мы скользили на балласте, нас бы больше не трясло!.. ну и черт с ним! в конце концов, нам главное доехать!.. любой ценой!.. фрейлен куда–то меня зовет… я иду за ней… одной из женщин… стало плохо… сейчас посмотрим… действительно, у нее начинаются схватки… женщина не притворяется… я сразу вижу, она не истеричка, зря ломать

комедию не станет… это у нее первые роды… я щупаю ее живот… прямо так, без перчаток!.. хотя бы руки где вымыть… проведя осмотр без перчаток, я чувствую себя жалким и беспомощным как никогда!.. а шейка уже «расширилась»!.. на «пятьдесят сантимов»… первые роды… ей остается еще четыре… пять часов… я не раздумывая сразу же предлагаю ей выйти с нами в Зикмарингене!.. в Зикмарингене она сможет родить… у меня там для этого есть все необходимое… целая палата рожениц… она беженка из Мемеля… к своим сможет присоединиться позже… уже в Констансе, когда родит… о, Урсула полностью со мной согласна!.. мы выйдем и оставим ее одну… совсем одну… один на один со своими детками — «малолетками»! сейчас они храпят, но на заре проснутся, а тут еще эта роженица! «о да! да!» я могу забрать эту женщину!.. потом я пришлю ее в Констанс! решено! все члены делегации поддерживают меня! все министры… никто не против!.. все согласны!.. Ретиф тоже!.. вы не верите? считаете, что ночью я всего этого видеть не мог!.. да, действительно, видимость была не ахти какая, но вполне сносная!.. благодаря маленьким автоматическим лампочкам из Швейцарии, на колесиках, которые приводятся в действие

ладонями! конечно это не праздничная иллюминация!.. отнюдь!.. но в условиях полной разрухи, отсутствия электричества и остановки заводов эти лампы очень удобны! где бы вы ни находились! держите их при себе! если вы об этом не позаботитесь, то уверяю вас, уже завтра, не пройдет и суток, вы рискуете очутиться под грудой развалин, в положении слепого крота… вот тогда вы будете жалобно блеять и стонать!.. «Франция! вся Франция за одну спичку!.. и Аквитания в придачу!» но никто не даст вам эту спичку! не надейтесь!.. только моя «лампа в кулаке» спасет вам жизнь!

В поезде, понятное дело, при такой тряске передвигаться, перешагивать через лежащие на полу тела и не раздавить спящих женщин и детей без этих ламп было бы просто невозможно… а поезд все шел вперед… раскачиваясь из стороны в сторону!.. чухх! чухх! но тем не менее… к полуночи мы должны были прибыть на место… самолетов было не слышно… в общем, все было путем!.. Ретиф придерживался того же мнения!.. что все путем! фрейлен Урсула тоже… она оказалась очень мила и рассудительна… она ведь запросто могла нас где–нибудь высадить, выгнать из вагона… в первый момент она так и

хотела сделать… поначалу наши отношения были очень напряженными… но потом она сменила гнев на милость, и стала с нами очень любезна… может быть, Ретиф или Марион закрутили с ней небольшую интрижку?.. лично я ничего такого не заметил!.. только благодаря Красному Кресту, ее детишкам, беременным женщинам, да шведским, штатовским и кубинским ящикам мы смогли продержаться до конца!.. существенная поддержка! без детей, беременных женщин и шведских, штатовских и кубинских ящиков мы все давно отбросили бы коньки!.. а теперь все члены делегации лежали вповалку на полу среди беременных женщин и детей и храпели, не обращая внимания ни на тряску, ни на холод!.. все их тряпье дети забрали себе! но зато сколько всего было выпито и сожрано после Берлина!.. не меньше пятидесяти ящиков! а чего там только не было!.. каких деликатесов! конечно, всю их одежду детишки присвоили себе!.. обобрали их до нитки, иначе не скажешь!.. муслины, бархат, сатин, даже куртки и брюки!.. а как они теперь были прикинуты!.. вы не представляете себе это зрелище!.. пятьдесят человек детей произвели опустошение, сопоставимое с последствиями страшного урагана! если бы мы прибывали днем,

мы все равно вынуждены бы были дожидаться ночи, ибо в таком виде мы выйти не могли, особенно министры!.. ночью — другое дело, на вокзале никого нет… тем не менее, кто–нибудь долен был помочь мне отвезти эту даму в Сельскохозяйственное Училище… я говорю об этом Ретифу, и он соглашается мне помочь… оно совсем не близко, это Училище!.. а тут еще снег!.. эта женщина, как я уже сказал, была не особенно избалована, но все равно… я сообщаю ей, что мы ее понесем… но она предпочитает идти сама… от вокзала до Училища не меньше километра… я возьму ее под руку с одной стороны… Ретиф с другой… там, в Сельскохозяйственном Училище располагаются все мои беременные пациентки…

Поезд подъезжает к Зикмарингену… я обращаюсь к Ретифу: не спеши!.. нужно всех разбудить!.. мало ли что, прежде чем мы вернемся в Замок, нам может понадобиться помощь!.. особенно, если учесть, что от вокзала до Училища… нам все равно придется тащить эту женщину по снегу на себе… «процесс пошел» — объясняю я ей… она напрасно думает, что сможет идти, на самом деле, ей это сделать не удастся!.. там ведь не меньше километра… придется ее нести… вот они нам и помогут!.. а потом вернутся в Замок!.. времени

достаточно!

Поезд начинает замедлять свой ход… ну вот мы и на месте!.. наконец–то!.. слабо светит луна… наши лампы больше не нужны… знакомый вокзал… перрон… выходить нужно как можно осторожнее, иначе детишки опять поднимут гвалт! да еще, чего доброго, полезут под поезд!.. я помогаю своей благоверной из Мемеля потихоньку спуститься на землю… а дети и не думают вопить, они продолжают храпеть… ну и пусть себе храпят!.. не нужно их будить!.. на перроне холодно, а снегу–то сколько!.. восемь дней назад, когда мы уезжали, было гораздо теплее… все уже на перроне… за исключением ребят, которые даже не шелохнулись… о, а как же флаг!.. его–то забыли!.. флаг для Петэна!.. черт!.. его свернули, да так и забыли где–то в вагоне! Ретиф возвращается за флагом!.. он вытаскивает его из–под детей… флаг порван, но не слишком сильно… мы снова его сворачиваем… министры на перроне возмущаются, что им не дали как следует выспаться… они не понимают, что мы уже приехали!.. к счастью, еще не очень светло!.. они почти все без штанов… дети содрали с них все, что могли! дольше оставаться тут нельзя!.. я говорю часовому СА пароль, чтобы он нас выпустил… одновременно я делюсь

с Ретифом своими соображениями по поводу того, как следует нести знамя! пусть все возьмутся за древко! и несут его параллельно земле!.. оно будет для нас чем–то вроде каната по дороге в Ловен… все министры должны взяться за древко! нам ведь надо еще подняться в Сельскохозяйственное Училище… прежде, чем все разойдутся по домам! все это им говорится… они нехотя зевают, потягиваются, дрожат… но трогаются вперед! конечно, здесь не так холодно, как в Хохенлишене… нет северного ветра, как там… однако они все почти полностью раздеты, так что причины дрожать у них есть!.. к счастью, идущий впереди Ретиф знает дорогу… я тоже ее знаю… моя роженица все–таки не согласилась, чтобы ее несли… нет, и все!.. мы с Ретифом ведем ее под руки… она стонет, но не очень громко… луна скрылась за облаками… но у нас свое освещение!.. отовсюду раздается жужжание наших ламп!.. крошечные зажатые в кулаке шарики!.. они есть у всех… и слава Богу! со стороны это выглядит довольно забавно, процессия напоминает ползущую по снегу светящуюся гусеницу, столько у нас этих маленьких лампочек… ззз! ззз! след в след!

Ну наконец–то… вот и здание Училища! мы не заблудились!.. здесь располагаются мои беремен-

ные женщины!.. обстановка тут весьма скромная! одни подстилки и матрасы, зато атмосфера не столь тяжелая и гнетущая, как в Фиделис… во всяком случае, им тут лучше, чем на улице или на вокзале… моим беременным! хотя они все равно потащатся на вокзал, я в этом уверен! как бы там ни было, но в момент нашего прибытия они все на месте!.. все до одной!.. я не ожидал, что всех их тут застану… они тоже… не ожидали меня увидеть!.. они уже спали… сразу же со всех сторон на меня посыпались вопросы!

— Кто это?.. откуда она?

— Это такая же женщина, как и вы!.. она должна родить…

— Как? где?.. она бошка?

— Она будет рожать здесь!.. она не говорит по–французски, так что постарайтесь быть с ней полюбезнее!

— Она будет рожать прямо сейчас?

— Да… да… потом она уедет в Констанс!.. она из Мемеля… ей здорово досталось… она такая же беженка, как и вы!..

Я обращаюсь к ним и показываю, что они должны делать.

— А где этот Мемель находится?

— Там, на севере!

Они должны держать ее за руки… только тихонько… говорить ей какие–нибудь ласковые немецкие слова, какие они знают… не открывать окон!.. как следует укрыть ее одеялами… чтобы она не простудилась… да они и сами знают… им все это известно!.. многие из них уже рожали, и не раз… я прикидываю… «процесс» будет длиться еще не меньше трех часов!.. за это время я успею сходить в Ловен, за своей сумкой с инструментами, а главное, за перчатками! я вручаю им три лампы «на колесиках»… они довольны! редкая удача!.. у них таких нет! теперь они их мне не отдадут!.. ладно! шутки шутками!.. но мы с Ретифом их оставляем… нас ждут члены делегации… «Господа, я вам очень признателен!..» теперь они могут возвращаться к себе, я разрешаю! в Замок!.. дорогу они найдут… это не сложно, все время вниз… до Вольнахтштрасса… а там сразу же к Дунаю… и налево через навесной мост!.. о, самое главное, не потерять флаг! это подарок для маршала!.. на память о Бишлонне!.. они за него отвечают!.. ну ладно!.. хорошо!.. они все поняли!.. я их больше не удерживаю!.. этих голых тщедушних заросших волосами хмырей!.. от бронхита лучше всего грог!.. там, у них есть все, чтобы лечиться! там! в Замке! не то, что у меня в Ловене!..

тут меня охватывает беспокойство!.. я возвращаюсь к себе кратчайшим путем… дорогу, понятное дело, я знаю… вскоре я на месте… лестница… так!.. Лили, всегда такая выдержанная и бесстрашная, на сей раз очень взволнована… я уехал, не сказав ни слова… она страшно волновалась за меня!.. я ее не предупредил!.. я ей все объясняю… она все понимает… я виноват… конечно!.. а как она? все в порядке?.. целых восемь!.. даже десять дней!.. о, что тут творилось!.. все спрашивали, где я… что со мной?.. е-мое!.. в Фиделис… в Замке!.. в Милиции!.. в Болнице!.. и вообще, везде!.. где только можно!.. Sondergasse… Bulowstrasse… надо же, я и не думал… я не из тех, кто может сбежать и бросить кого бы то ни было на произвол судьбы… если я и уехал столь внезапно и поспешно, значит у меня был на то серьезный повод… я намеревался увидеть Гебхардта, мне обязательно нужно было с ним поговорить…

Поведение каждого человека определяет некий скрытый мотив, в данном случае я хотел увидеть его и попросить переправить нас в Данию… он вполне мог это сделать!.. у него там были больницы… сразу в нескольких местах… Сана… Ютланд… Фиони… я знал… Гебхардт не особенно меня любил, но чем черт не шутит… все–таки

шанс… еще один шанс!.. я объясняю Лили… что мне так и не удалось его увидеть! она понимает… попытка не пытка!.. я рассказываю ей про наше путешествие… тут есть над чем посмеяться! мы оба смеемся!.. еще один шанс упущен!.. ей тоже есть о чем мне рассказать, но мне уже пора!.. к своей Мемель!.. меня ждет моя Мемель… я объясняю ей, что это за Мемель… я должен вернуться в Училище!.. иначе я рискую прибыть уже после родов! женщина на сносях… которую к тому же так долго и ужасно трясло… так трясло, что и не передать!

***

Ну что, кажется, этого достаточно!.. 7… 800 страниц… нужно все перечитать… перепечатать… и вперед!.. К Броттэну или Жертруту».. так этому или тому?.. хорошенькое дельце!.. тому, кто щедрее!.. замечательный выбор!.. тому, кто не испугается!.. и поживее!.. может быть, я стал слишком меркантильным?.. хе!.. хе!.. может быть!.. но до моих эпигонов, грабителей и гонителей в этом отношении мне еще далеко!.. в моем возрасте и с моим здоровьем я вынужден влачить нищенское существование… а будь у меня Chase National[478]

---

[478] Примечания: 478
Общественное положение (*англ.*)

и счет в банке!.. я мог бы хоть немного перевести дух… счет, как у Клоделя, Тореза, Мориака, Пикассо, Моруа… как у всех серьезных художников! Но что касается гонораров и ставок, то тут мне даже до этого грубого халтурщика Жюльена Лабаза далеко… этот умеет извлечь выгоду из скандала… точно так же далеко мне и до самого последнего костоправа!.. а по сему, согласитесь, я имею право отдать свое замечательное произведение самому щедрому!.. 800!.. 1200 страниц!.. черт!.. черт бы их всех побрал! бакалейщику ведь на него плевать!.. и угольщику, понятное дело, тоже!.. однако есть ведь и такие, что способны его оценить, отнестись к нему серьезно и беспристрастно! они постигли подлинную меру вещей!.. являются метрономами нашего существования!.. может быть, это издатели?.. и не надейтесь! уровень интеллекта у них тот же, зато жадность патологическая!.. они развращены до предела!.. и вы полностью зависите от них!.. это спецы по части надирания!.. они в два счета вас облапошат и обведут вокруг пальца!.. причем они так ловко все умеют запутать, что если вы попытаетесь в этом разобраться, вы рискуете свихнуться и угодить в дурдом!.. вы еще только прикидываете… что к чему!.. а они уже в вас вцепляются!.. это вы всегда виноваты

и всегда им что–то должны!.. они же, напротив, никогда ничего вам не должны!.. может быть, вам в вашем тряпье и с языком, свесившимся на мостовую, один раз и найдется место на заднем сиденье их авто, которые с каждым днем становятся все больше и больше?.. они так добры, что иногда бросают вам небольшую корочку!.. а вдруг вы сдохнете в приюте?.. что ж!.. в таком случае вам спишут некоторые из ваших долгов!.. но у вас на могиле не будет ни незабудок!.. ни орхидей для Мисс Бляди!..[479] естественно, скажете вы… безусловно!.. но столь же естественно и то, что я часто представляю их обоих повешенными!.. раскачивающимися в такт дуновениям ветерка! туда–сюда! Броттэна и Морни!.. чудный танец!.. застывшие улыбки, монокли!.. я порой слышу, как разные прогрессивно настроенные личности называют себя социалистами, анархистами, подпольщиками, товарищами, пролетариями… чушь собачья!.. долой хозяина, и баста!.. вот он, перед тобой! а все это мы уже слышали!.. товарисчи изощряются в даилектике, брызжа слюной, сражаются с ветряными мельницами!.. но таким, как Морни… и Броттэн… извините!.. это до лам-

[479] Примечания: 479

Намек на название французского перевода романа Джеймса Хэдли Чейза «Нет орхидей для Мисс Блендиш», изданого в 1946 году.

почки!.. они были, есть и будут!..

Есть ведь еще больные… пациенты…о них я вообще не говорю!.. я давно махнул на них рукой!.. лишние траты, только и всего!.. брось я медицину, я мог бы спокойно обойтись без отопления… зимой я бы просто спал… больше мне не на кого и не на что рассчитывать… я лежал и думал о том, как много я пострадал из–за собственного идиотизма… я постоянно ввязывался в склоки по пустякам!.. черт!.. а тем временем меня обобрали до нитки!.. унесли все, включая рукописи!.. а те, кто это сделал, чувствуют себя прекрасно!.. весь мой жалкий скарб теперь на Блошином Рынке!.. все несчастья, какие только можно себе представить, обрушились на мою голову… полный букет!.. тюрьма, болезни, раны, цинга… плюс Военная Медаль!.. вы, наверное, думаете: а как же участники Сопротивления?.. вон один даже выбросился из окна!..[480] да таких выбросившихся из окон с 14-го по 18-ый были миллионы!.. а я не преувеличиваю?.. нисколько!.. а во времена Жанны д'Арк? .. лежа в своей постели, я думал так же еще и о том, как меня обобрали в творческом от-

[480] Примечания: 480

Имеется в виду социалист Пьер Броссолетт, участник Сопротивления, который выбросился из окна шестого этажа, дабы избежать пыток и допросов в гестапо.

ношении! грязные свиньи!.. это моя самая слабая струна!.. тут я абсолютно беззащитен!.. у художников, вроде меня, всегда уйма недоброжелателей!.. даже убить могут, запросто!.. посмотрите, как на моей улице Жирардон эти гумозники разбушевались, не иначе, как от избытка патриотических чувств они решили спустить все мое имущество с молотка!.. я также крайне признателен своим друзьям, дядьям, кузенам, племянницам, которые теперь тоже все на барахолке!.. если бы меня посадили на кол, они бы, наверняка, словили настоящий кайф! почти все меня забыли… а они — нет!.. нет!.. тот, кто у вас ворует, никогда вас не забудет!.. ваши эпигоны тоже!.. оно и понятно!.. они перед вами в неоплатном долгу!.. однако Тартр не сядет в один прекрасный день за стол и не напишет: «Признаю, что я плагиатор и стукач! Я его подметки не стою!«… этого вы от него не дождетесь, не надейтесь!..

И еще, мой дурной характер!.. в моем возрасте некоторая рассеянность вполне понятна… но это не значит, что я совсем о вас забыл!.. мои знаменитые многоточия!.. скажу без ложной скромности!.. оригинальность моего стиля не подлежит сомнению!.. любой уважающий себя писатель должен об этом заботиться!.. так

считает и Броттэн!.. и Жертрут! но что думает по этому поводу бакалейщик?.. его мнение для меня гораздо важнее!.. именно это заставляет меня терзаться сомнениями!.. этакий Гамлет над пореем… я размышляю над этим вопросом наверху в моем саду… оттуда открывается воистину замечательный вид… лучшего места и желать было бы нельзя, будь у меня хоть какие–то средства к существованию… но если вы вынуждены постоянно волноваться, переживать, беспокоиться!.. буквально обо всем на свете!.. о порее… о налогах… и прочей чепухе!.. тогда какие тут, к черту, виды! тогда вам не до созерцания!.. не до пейзажей, черт побери!.. только сумасшедший способен наслаждаться пейзажами без гроша в кармане!

А между тем передо мной расстилается Париж… весь Париж, там внизу… извивы Сены… вдали — Сакре—Кер… на переднем плане — Бийянкур… холмы Сюрен… еще пара холмов Пюто…[481] с Пюто у меня связано много воспоминаний… пастушья тропинка… не меньше воспоминаний связано у меня с Монт—Валерьен… с госпиталем Фоша… кстати, могу порекомендовать, я совсем

---

[481] Примечания: 481
Здесь перечисляются пригороды Парижа

неплохо бы смотрелся в Монт—Валерьен… в должности Управляющего… а я бы с удовольствием стал Управляющим в Монт—Валерьен! отсюда мне прекрасно виден этот особняк, эта воистину великолепная греко–романская резиденция… как раз в моем духе!.. величественная… и по–военному суровая одновременно!.. дорические колонны… в лучах восходящего солнца!.. особняк выше нас метров на пятьдесят!.. о, безусловно, Управляющий Монт—Валерьен должен быть доволен своей судьбой!.. может быть, мы смогли бы с ним договориться? произвести «обмен»?.. нынче повсюду только и слышно: меняю!.. меняю!» может быть, примут во внимание мои былые заслуги?.. Сен—Пьер и Микелон я ведь так и не получил!.. во–первых, потому что умер Лаваль!.. а Бишлонн не оставил никаких указаний, ничего не написал!.. в колониях ничего не знают!.. одного моего свидетельства недостаточно!.. однако я страдаю от анемии и крайне нуждаюсь в солнечных лучах! очень нуждаюсь!.. чрезвычайно!.. я инвалид на 75 процентов!.. мне должны быть предоставлены определенные льготы!.. об этом еще Клемансо говорил!.. и вообще, это просто было бы Справедливо! и все! Нынешний Управляющий там, наверху, наверняка помоложе меня!..

вот пусть бы он и уступил мне свое место… в его греческом храме я смог бы наконец обрести долгожданный покой… там, вдали от шоссе, машин и фабрик, мне никто не мешал бы работать… вокруг песок… даже неболшая тюрьма имеется, для тех, кто будет слишком докучать… та самая, где покончил с собой Анри…[482] до сих пор, кстати, так и не выяснили, действительно ли он покончил с собой?.. или ему немного помогли?.. послушайте, что я вам скажу: Монт—Валерьен свято хранит все свои секреты! вы только взгляните на нее в бинокль: загадочна до невозможности!.. о, я буду работать там, не покладая рук!.. в Монт—Валерьен!.. я заставлю заговорить ее стены!.. здесь же, увы!.. увы!.. невозможно ни на чем сосредоточиться!.. достают со всех сторон!.. интересно, кем бы мне было лучше быть?.. Управляющим Монт—Валерьен? или Правителем Сен—Пьер? представляете!.. а на чем бы я хотел сосредоточиться?.. да разные мысли лезут в голову!.. особенно в последние дни… впрочем, так, всякая чепуха!.. в сущности… ничего определенного… не считая того, что сообщил мне почтальон!.. об этом

---

[482] Примечания: 482

Имеется в виду тюрьма в Монт—Валерьен, комендант которой, Анри, покончил с собой 31 августа 1898 года. Его самоубийство имело непосредственное отношение к «делу Дрейфуса»

и соседский мальчишка говорил… мадам Нисуа вернулась!.. да!.. к себе!.. на площадь экс-Федерб… я не очень верил, что она вернется из больницы… но слава Богу!.. полностью вылечилась!.. что ж!.. тем лучше!.. мне трудно в это поверить, тем не менее я рад за нее!.. естественно, сама она мне об этом не сообщила!.. возможно, она не хотела больше меня видеть?.. может быть, обратилась к другому врачу?.. и правильно сделала, черт побери!.. абсолютно правильно!.. не уверен, что так будет лучше для нее!.. но меня это вполне устраивало! в определенном возрасте, особенно если на вашу долю выпало изрядное количество суровых испытаний, вы неизбежно начинаете желать только одного: чтобы вас оставили в покое!.. а еще лучше: чтобы вас считали умершим! недавно проводился опрос «Что думают молодые», так вот, они все думают, что я мертв!.. умер в Гренландии! и я не вижу в этом ничего плохого!.. что касается мадам Нисуа, то я вообще не представлял себе, как я снова потащусь к ней по набережной на площадь экс-Федерб, а потом опять буду карабкаться к себе наверх! и так два раза в день!

Вместо того, чтобы предаваться несбыточным мечтам о должности Управляющего Монт—Ва-

лерьен… или Сент—Пьер—Ланглад… лучше бы я попросил почтальона удостовериться… действительно ли вернулась мадам Нисуа?.. ему бы это не составило большого труда, нужно было только подняться на крыльцо и постучать… дома она… или нет!.. я опять оставался один… Лили нужно было съездить в Париж… она никогда надолго не оставляла меня одного… значит, действительно было нужно!.. покупки… то… да се… для учеников!.. главным образом, для учеников!.. сколько с ними хлопот, с этими учениками!.. вы не представляете!.. носок не напасешься!.. так что Лили уезжает!.. я остаюсь с собаками… а следовательно не совсем один… собаки меня обо всем предупреждают… они чувствуют приближение почтальона за четыре километра! а Лили, ту вообще, на вокзале… в момент, когда она сходит с поезда… и еще ни разу не ошиблись!.. я никогда не мог понять, как им это удается? чувствуют и все!.. мы в сравнении с ними просто ограниченные идиоты, при всех наших достижениях в области математики… Эйнштейн ни за что бы не узнал, приехала ли Лили… и Ньютон бы не узнал… и Паскаль тоже… никто из них на такое не способен… а вот Рожок способен! Рожок это мой кот… он бежит навстречу Лили, проверяет

дорогу… и тем самым дает мне знать… стоит ему зашевелиться, я сразу начинаю за ним следить… в данный момент он сидит спокойно!.. главное, это его уши!.. я обо всем узнаю заранее!.. она и километра не пройдет от вокзала!.. есть какие–то излучения… собаки тоже их воспринимают… но они не такие чуткие, как Рожок… а птицы, те еще более восприимчивы к этим излучениям, чем Рожок!.. они уже за пятнадцать километров все чувствуют и все знают! птицы, по части излучений вне конкуренции!.. особенно синицы!.. стоит мне заметить, что они взлетели… а Рожок пустился в дорогу… значит, Лили уже почти в Бельвю!.. нужно привязывать собак.. иначе потом вам с этой сворой будет не справиться!.. вы рискуете оглохнуть! их слышно, наверное, даже в Гренель!.. но пока все спокойно!.. у меня еще есть время немного подумать… в старости теряешь способность по–настоящему спать или бодрствовать и постоянно пребываешь в состоянии какой–то полудремы… причем, задремать можно в любой, самой неподходящий для этого момент… именно в такое состояние я и впал в ожидании Лили… но, вероятно, я не просто дремал, так как даже не слышал собак… я не заметил, как убежал Рожок… как взлетели птицы… и вдруг

я отчетливо слышу!.. и от этого просыпаюсь!.. голос!.. человеческий голос!.. Лили!.. я делаю надо собой усилие!.. да, это Лили!. о, и не одна!.. еще два чьих–то голоса!.. кошки вернулись!.. они снова здесь!.. топ! топ! для них это, безусловно, тоже событие!.. они так много пережили за этот день!.. теперь, понятное дело, вертятся вокруг Лили!.. радуются ее возвращению!.. мяу! мяу! но я слышу целых три женских голоса!.. я уже окончательно проснулся!.. зрение у меня не ахти какое, но все–таки я различаю в другом конце сада фигуру Лили и сразу же ее узнаю… ах, с ней еще какая–то дама!.. и мадам Нисуа!.. точно, она!.. все трое медленно поднимаются ко мне… о, они уже совсем рядом!..

— Вот видишь, мадам Нисуа стало гораздо лучше!.. она вернулась домой два дня назад!.. ей нужно с тобой поговорить!..

— О, прекрасно! Замечательно! Здравствуйте!.. Здравствуйте, мадам Нисуа!..

Она направляется ко мне… не сказал бы, что ей стало лучше!.. пожалуй, она еще больше похудела… она протягивает руку своей спутнице… и они вместе приближаются ко мне… я усаживаю их на соседнюю скамейку… как и месяц назад мадам Нисуа почти ничего не видит… она смот-

рит куда–то вдаль поверх моей головы… никакой реакции!.. я стараюсь говорить, как можно громче!.. но она меня не слышит!.. интересно, что они делали в Версале? вместо нее мне отвечает ее спутница, которая держится крайне непринужденно! разговорчивая дама, ничего не скажешь! я ее не знаю, в первый раз вижу… откуда она взялась?.. она сама мне все объясняет…

— Мы познакомились в Версале!.. в «онкологии»!.. именно там, доктор!

Видимо, желая внести ясность… она выкладывает мне сразу же все… без обиняков… о, мадам Нисуа и она там очень привязались друг к другу…

— Я там лежала с грудью, доктор!

— Да!. Понимаю, мадам!..

— Мне ее там отрезали!.. хотя, я считаю, в этом не было никакой необходимости!.. абсолютно!.. но там так решили!.. решили и все!

Ну и странные же там врачи, в Версале! ничего не понимают!.. их решение представляется ей на редкость забавным!. она не может сдержаться и заливается громким смехом!..

— Если бы вы их только видели, доктор!.. хи!.. хи!.. Она чуть не падает от смеха на землю!.. ну и идиоты же там работают, в этой больнице!..

это ж надо до такого додуматься!.. принять ее за раковую больную!.. хи!.. хи!.. хи!..

— Представляете, доктор!.. представляете!..

Надо же было до такого додуматься! просто умора!.. с ума можно сойти!.. хи!.. хи!.. хи!..

— О, вы правы, мадам!.. я полностью с вами согласен!

А мадам нисуа они тоже обследовали!.. самым тщательным образом!.. тут она с ними согласна целиком и полностью!.. рак на все сто!.. болезнь крайне запущена!.. стремительно прогрессирует!.. бедняжка долго не протянет!..

— Вы, вероятно, тоже так считаете, доктор?

— О да!.. безусловно, мадам!

Вдруг она опять заливается громким смехом: хи! хи! хи!.. теперь уже я кажусь ей очень смешным!.. да!.. я тоже!

— Лопух вы, доктор, вот что я вам скажу!.. кажется, у вас совсем не осталось пациентов!.. хи! хи! хи! совсем не осталось!.. мадам Нисуа мне говорила! ни одного!.. абсолютно!.. хи! хи!.. она мне все рассказала!..

При этом она хлопает себя по бедрам!.. причем довольно сильно!.. бац!.. бум!.. а потом и меня!.. и свою подругу!.. бац! бум! со всего размаха!.. вот уж действительно с ней не соскучишься!

Я решаю кое–что выяснить…

— Сколько вам лет, мадам?

— Столько же, сколько и ей!.. через месяц стукнет семьдесят два!.. но она, вы сами видите, доктор!.. в каком она состоянии!.. вы ведь еще кое–что соображаете, господин Лопух!.. хи! хи! хи!.. а теперь посмотрите на меня!.. пощупайте!.. я еще никогда не чувствовала себя такой здоровой!.. а там ко мне относились точно так же, как и к ней!.. они собирались отрезать мне обе груди!.. представляете, господин Лоопух!.. им повсюду мерещится рак! они помешались на этом раке!.. к счастью, я им не позволила!.. и правильно сделала, не так ли, господин Лопух? ах, какие они там все смешные!.. — Она снова и снова хлопает меня по плечу!.. бац!.. бум!.. и мадам нисуа — тоже!.. мол, у старушки раковая опухоль!.. так пусть она немного взбодрится!.. бум!..

— Хотите, зовите меня мадам Армандина?.. вы не против, доктор?

— А где вы живете, мадам Армандина?

— Ну конечно же у нее!.. мы живем вместе!.. места у нее достаточно!.. вы ведь знаете!..

Что ж, очень мило, значит мне теперь скучать не придется!.. видно они действительно здорово подружились…

— Хирург мне все уши прожужжал: «Поселите кого–нибудь к себе… не оставайтесь одна!..» но я живу в Везине… это слишком далеко!.. а из Севра ходит автобус!.. я могу ездить в Париж, когда захочу!.. я ведь не все время ей нужна!..

Тут она опять начинает корчиться… давиться от смеха: хи! хи! И содрогаясь всем телом… отвешивает еще один шлепок мадам Нисуа!

С нервами у нее явно не все в порядке.. совсем чокнутая… но тем не менее в свои семьдесят два года она полна сил и юношеской энергии!.. несмотря на рак… желание понравиться в ней тоже еще не угасло… доказательством тому является шотландская юбка!.. в складку!.. яркие голубые брови и ресницы!.. такого же голубого цвета плащ!.. все в тон глазам!.. голубым, как у куклы!.. щеки размалеваны… в пастельные и розовые тона!.. ну и типаж!.. рот застыл в кукольной улыбке… этакая легкомысленная кокетка… улыбка исчезает с ее лица только во время приступов смеха: хи! хи!.. в общем, она не унывает!.. славную подружку привезла с собой мадам Нисуа, с такой не соскучишься!.. хотя, судя по всему, говорить она все равно не собирается!.. куда там!.. она молчит, как рыба!.. я справляюсь у нее о ее здоровье… лучше ли ей?.. но она мне не отвечает… вероятно,

сказывается усталость, подъем по тропинке… я внимательно всматриваюсь в ее лицо… правая половина лица у нее совершенно неподвижна… вся правая половина.. уголок рта не шевелится… совсем, как у Тореза!..[483] о, зато Армандина мне все объясняет… она в курсе всего… она лежала на соседней койке!.. все видела… мадам Нисуа лечилась там не только от рака… хи!.. хи!.. хи!.. она–то знает!.. она там была!.. хи!.. хи!.. там с ней случился всего один удар!.. здорово, не правда ли!.. у нее вся правая половина парализована!.. да!.. хи!.. хи!.. поэтому она и не может говорить!.. из–за удара!.. ох, эта Армандина болтает без умолку!.. однако, скорее всего, мадам Нисуа ее не слушает…

— Вы представляете, она ходит прямо под себя!.. хи! хи! хи!

Но она меня тут же успокаивает… она будет за ней следить!

— Раз уж мы вместе живем!.. чистоту я гарантирую!.. с пожилыми людьми я уж имела дело!.. вы, доктор, можете не волноваться!..

— Хорошо!.. хорошо!.. все это прекрасно!.. но как же перевязки?

---

[483] Примечания: 483

Намек на то, что в октябре 1950 года Морис Торез был разбит односторонним параличом.

— Вы будете навещать ее каждый день!.. хирург считает это необходимым!.. и мази!. он уверен, что вы прекрасно с этим справитесь!..

Она замечает мою растерянность…

— Мы ведь пришли сюда… а вы разве не можете прийти к нам, доктор? Нет?

— Конечно, могу, мадам Армандина!

— Со мной у вас много хлопот не будет!.. не волнуйтесь!.. там, в Версале, просто обалдели от того, как я быстро поправилась!.. быстрее, чем молодые!.. за восемь дней!.. через восемь дней мой шрам полностью зарубцевался!.. они до сих пор не могут прийти в себя!.. хи!.. хи!.. послушайте, да вы сами можете в этом убедиться!.. собственными глазами!.. мадам это тоже должно быть интеренсо!.. вашей жене!.. она ведь, если я не ошибаюсь, танцовщица!.. посмотрите!..

Она встает со скамейки и направляется на середину лужайки… там она задирает свою юбку! .. и оп!.. юбка и нижнее белье взлетают на воздух!.. она опрокидывается!.. назад!.. делает мостик!.. вот это гибкость!.. прогнувшись назад, она поднимает вверх прямую ногу!.. в этой позе она невольно напоминает мне Эйфелеву башню!.. а настоящая Эйфелева башня действительно виднеется вдали… правда, очень далеко… и, как

всегда, в тумане…

— Браво!.. браво!

Мы ей аплодируем… она выдерживает паузу… не опуская ноги… потом снова выпрямляется… легко и непринужденно!.. и тут же начинает наводить красоту… красить ресницы, глаза!.. подводить брови карандашом… все необходимое у нее с собой в портфеле… зеркальце, пудра, румяна… не сомневаюсь, что унее там еще куча всякого барахла… портфель воистину огромных размеров!.. как у школьницы!.. интеренсо, чем она занималась в прошлом, эта Армандина?.. впрочем, можно ее об этом не спрашивать!.. она и сама все расскажет!

— Я зайду к вам завтра, мадам Армандина!.. завтра в полдень!.. после консультации…

Объявляю я…

— Нет!.. нет!.. сегодня же вечером!.. она не может так долго ждать!.. мы ждем вас сегодня вечером, уважаемый господин! хи!.. хи!.. хи!.. лопух!..

На мой взгляд, ей не мешало бы чуточку сбавить обороты…

— Ладно!.. ладно!.. хорошо!..

Спорить с этой женщиной бесполезно…

КОНЕЦ